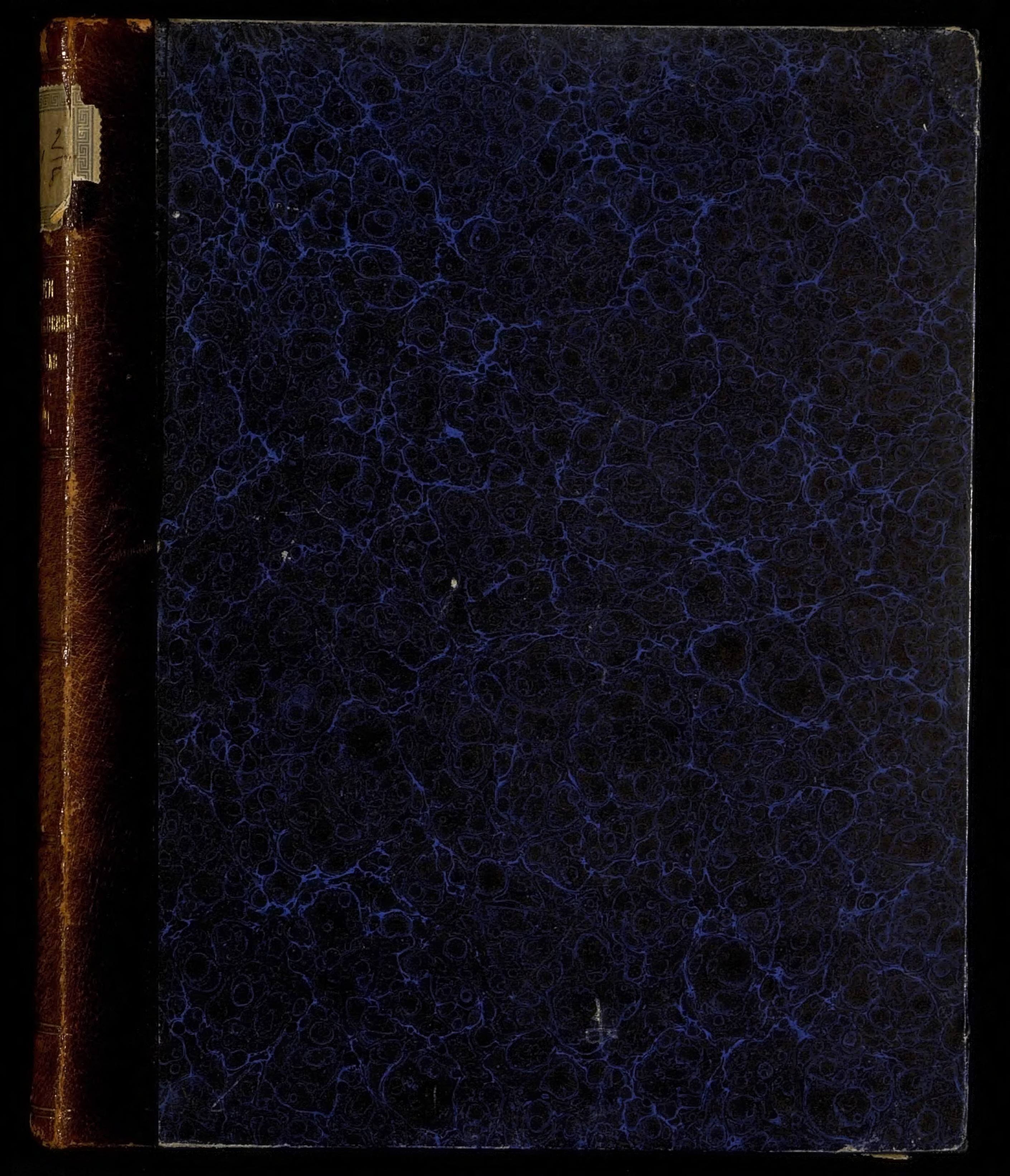

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСКЪ III-Й.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Типо-Литографія Торг. Дома „П. Плещеевъ и К°“.
1907.

ЗАПИСКИ

Семипалатинскаго Подъотдѣла

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСКЪ III-Й.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ.
Типо-Литографія Торг. Дома „П. Плещеевъ и Ко“.
1907.

Печатано по постановленію Семипалатинскаго Подъотдѣла Зап.-Сибир. Отдѣла И. Р. Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

РУССКІЕ и КИРГИЗЫ
ВЪ ДОЛИНѢ
ВЕРХНЕЙ БУХТАРМЫ.

(Матеріалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края).

Заселеніе Бухтарминской долины русскими поселенцами—всего лишь одна маленькая страничка изъ многотомной исторіи движенія русскаго племени на востокъ,—но страничка полная своеобразности въ зависимости хотя бы отъ однихъ условій времени: въ XIX стол. колонизація отдаленныхъ окраинъ не могла происходить въ такихъ же формахъ и въ такой-же обстановкѣ, какъ напримѣръ, въ XII или XVI вѣкѣ. При всей своей своеобразности однако и на ней лежитъ тотъ-же отпечатокъ: переселенческое движеніе въ значительной степени столь-же стихійно, и туземцу, вытѣсняемому съ насиженныхъ мѣстъ, приходилось крайне дорого расплачиваться за свою неспособность задержать это движеніе, за тѣ дары, что приносила (не вѣрнѣе-ли: навязывала?) ему русская культура. Не говоря уже о т. наз. самовольномъ заселеніи алтайскихъ горъ и долинъ, но даже въ колонизаціи, вызванной по инціативѣ правительства и регулируемой по указаніямъ администраціи,—даже и тамъ постоянно чувствуется, какъ правительству сплошь и рядомъ приходилось считаться съ фактами и явленіями непредвидѣн-

ными или прямо нежелательными, какъ сила вещей почти всегда оказывалась могущественнѣе предначертаній и програмныхъ предположеній. Что-же собственно до «культуры», то, какъ показываетъ вся наша исторія, она досталась, чуть-ли не всѣмъ инородческимъ племенамъ, дѣйствительно, дорогой цѣною. Нѣкоторыя изъ нихъ—(чтобъ не ходить очень далеко за примѣромъ, укажемъ на пріуральскихъ башкиръ) и до сихъ еще поръ съ полнымъ правомъ могутъ сомнѣваться, окупилась-ли принесенная ими жертва дарованными взамѣнъ ея «благами цивилизаціи». Въ частности, что касается инородцевъ Бухтарминской долины, судьбѣ которыхъ посвященъ настоящій очеркъ, то они слишкомъ еще недавно вошли въ непосредственное и культурное соприкосновеніе съ русской жизнью, чтобъ можно было уже теперь давать законченные выводы и говорить о результатахъ этого соприкосновенія, какъ о чемъ либо завершенномъ. Но именно потому что процессъ пріобщенія бухтарминскихъ киргизовъ къ русской культурѣ начался для нихъ еще недавно, въ немъ такъ много шероховатостей и болѣзненныхъ проявленій, и потому не слѣдуетъ удивляться, если одинаково и въ сознаніи туземца, и въ глазахъ посторонняго наблюдателя ярче подчеркиваются темныя, отрицательныя стороны соприкосновенія двухъ культуръ: положительные результаты возможны лишь впереди. Вотъ почему надо постоянно имѣть въ виду, что факты, наблюдаемые за послѣднія 30—50 лѣтъ въ Бухтарминской долинѣ, есть лишь моментъ въ развитіи явленія, далеко еще не законченнаго, даже только лишь начатаго. Помнить это необходимо хотя-бы уже для того, чтобы не слишкомъ сгустить тѣни и не выйти изъ роли спокойнаго наблюдателя и объективнаго изслѣдователя. Но кто бы рѣшился утверждать, что наблюдаемый процессъ есть явленіе неизбѣжное и что для практическаго дѣятеля онъ даетъ достаточное основаніе держаться старыхъ пріемовъ въ насажденіи русской культуры среди инородцевъ? И зачѣмъ лишать исторію драгоцѣннаго дара—указаній на допущенныя ошибки и предупрежденія отъ ихъ повторенія?..

Писать исторію заселенія русскими людьми южныхъ окраинъ нынѣшней Семипалатинской области пока еще не наступило время, и не только потому, что событія слишкомъ свѣжи и близки къ намъ, но и потому что необходимый для такой исторіи матеріалъ далеко еще не собранъ, не приведенъ въ извѣстность, остается пока совершенно не обслѣдованнымъ. Вотъ почему мы особенно подчеркиваемъ формулу названія настоящаго очерка: въ дальнѣйшемъ изложеніи предложена будетъ не исторія, а, дѣйствительно, лишь одни *матеріалы* для нея, простой сводъ данныхъ, большею частью въ необработанномъ или въ полусыромъ видѣ, —данныхъ, по которымъ, если и прошлась рука изслѣдователя, то слегка и осторожно. Мы вездѣ старались, по возможности, предоставить говорить за себя самимъ документамъ. Къ этому побуждали насъ также и нѣкоторые пробѣлы въ матеріалахъ, имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи, а это послѣднее обстоятельство, конечно, лишало возможности рисовать цѣльную и вполнѣ законченную исторію заселенія Бухтарминской долины. Ограничиться ролью простого пересказчика казалось необходимо также еще и потому, что самый вопросъ о заселеніи южныхъ окраинъ Семипалатинской области разсматривается во настоящемъ очеркѣ далеко не во всемъ его объемѣ: мы сосредоточили свое вниманіе исключительно лишь на верхней долинѣ р. Бухтармы, куда правительственная колонизація проникла не ранѣе 60-хъ годовъ прошлаго XIX-го столѣтія. Сознательно ограничивая районъ своего наблюденія, мы тѣмъ, конечно, заранѣе обрекли себя на меньшую полноту своихъ выводовъ; и уже по одному тому не сочли-бы себя въ правѣ предлагать настоящій трудъ въ качествѣ историческаго изслѣдованія. Но мы надѣемся, что онъ послужитъ небезполезнымъ пособіемъ для тѣхъ, кто рано или поздно возьмется за перо, чтобы разсказать исторію русскаго колонизаціоннаго движенія на южныя окраины Сибири. Къ тому-же меньшій районъ наблюденія всегда обладаетъ однимъ цѣннымъ преимуществомъ: онъ позволяетъ интенсивнѣе сосредоточить фокусъ зрѣнія, подробнѣе остановиться на деталяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не такъ разбросаться въ полученныхъ впечатлѣніяхъ, что особенно важно именно въ данномъ случаѣ, такъ какъ въ Бухтарминской долинѣ и безъ того чрезвычайно выпукло высту-

паетъ разнообразіе и сложность дѣйствующихъ факторовъ: крестьяне и казаки; киргизы русскіе и киргизы китайскіе; интересы Кабинета Его Величества и административная черезполосица,—все это хаотически переплелось самыми спутанными узлами и, чтобы распутать ихъ, требуется не мало вниманія и напряженія.

Матеріалами для настоящей работы послужили дѣла и архивъ Канцеляріи Степного генералъ-губернатора и особенно Семипалатинскаго Областного Правленія. Считаемъ особенно пріятнымъ для себя долгомъ выразить Семипалатинскому Областному Статистическому Комитету нашу глубокую благодарность за широкое содѣйствіе въ доставленіи необходимыхъ матеріаловъ, что весьма и существенно облегчило нашу работу.

I.

Горы и долины Южнаго Алтая увидали у себя русскихъ пришельцевъ еще съ половины XVIII столѣтія. Сюда постоянно убѣгали съ казенныхъ заводовъ и рудниковъ приписные рабочіе и крестьяне, спасаясь отъ невыносимаго гнета и поистинѣ каторжной жизни; здѣсь староверъ, оскорбленный въ лучшихъ и наиболѣе завѣтныхъ чувствахъ, искалъ простора и свободы для выраженія религіознаго настроенія; наконецъ, въ этомъ малолюдномъ краю, вдалекѣ отъ правительственныхъ глазъ, надѣялись укрыться разные ссыльные, бѣглые изъ тюремъ и съ каторги, или просто преступники, которымъ грозило наказаніе, а скитаніе впроголодь по лѣснымъ дебрямъ, съ вѣчной опасностью быть убитымъ или растерзаннымъ, казалось все-же лучшимъ исходомъ, чѣмъ кандалы и рваныя ноздри. По нижнему теченію р. Бухтармы и по глухимъ ущельямъ сосѣднихъ горныхъ отроговъ выросли десятки поселеній т. наз. *каменщиковъ*, и не одну легковѣрную, пылкую голову увлекли въ свою заманчивую даль неизвѣданныя «Бѣлыя воды»—это фантастическое царство свободы, гдѣ нѣтъ ни полицейскихъ властей, ни никоніанской церкви, гдѣ не платятъ податей и гдѣ

Господь Богъ щедрой рукою разсыпалъ всякаго добра на поживу человѣка. Кое-гдѣ мѣстами стали выдвигаться и укрѣпленные форпосты; для охраны государственной границы отъ зарубежныхъ инородцевъ правительство сочло нужнымъ поставить казачьи станицы и пикеты. Такимъ образомъ коренное киргизское населеніе постепенно отодвигалось на югъ или, оставаясь на мѣстѣ, тѣснилось, чтобы дать мѣсто новымъ пришельцамъ. Въ земельныхъ отношеніяхъ господствовала полная неопредѣленность и безурядица, сказывавшаяся тѣмъ сильнѣе, что про многихъ изъ пограничныхъ киргизовъ нельзя было опредѣленно сказать, чьи они подданные, русскаго или китайскаго правительствъ: они платили дань и тому и другому; вѣдались, напримѣръ, въ Кокпектинскомъ приставствѣ и въ то-же время разсматривались, какъ «невѣрноподданные». Сами-же киргизы, будучи далеки отъ соображеній международнаго права, не особенно интересовались этимъ вопросомъ, такъ какъ и раньше, до прихода русскихъ, мало имѣли дѣла съ китайцами; но зато мѣста, гдѣ прежде стояли ихъ кочевья, они продолжали и теперь считать своими, все равно, приходились-ли они оффиціально на русской или китайской территоріи. Излишне говорить, какой богатый источникъ недоразумѣній и всякаго рода столкновеній заключался въ такомъ порядкѣ вещей.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ проникла русская колонизація въ Южный Алтай. «Въ силу топографическихъ условій и географическаго положенія Бухтарминской долины, ея заселеніе совершалось, какъ и слѣдовало ожидать, съ запада на востокъ, вверхъ по теченію рѣки. Сначала была занята только нижняя часть долины; съ 1827 г. мы проникаемъ уже на среднее и верхнее теченіе рѣки, но владѣемъ имъ еще совмѣстно съ китайцами, вплоть до 1864 г. р. Бухтарма составляетъ нашу государственную границу, пока Чугучакскій договоръ не передалъ Россіи и лѣваго берега. Только съ этого времени долина стала русскою во всемъ ея объемѣ.»*) Но въ то время, какъ *мы* задолго еще до 1864 года начали претендовать на лѣвый берегъ, *туземное* населеніе продолжало и пра-

*) Русскія поселенія за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ. Изъ Записокъ „Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. XXV. Омскъ 1898, стр 26.

вый считать своимъ. Уже почти наканунѣ Чугучакскаго соглашенія изъ-за этого праваго берега у киргизовъ съ русскими властями возникло серьезное столкновеніе, окончившееся мирно, кажется, только потому, что обѣ стороны, и всего болѣе русскія власти, пошли на уступки.

26 марта 1863 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири Дюгамель распорядился немедленно удалить за китайскіе караулы всѣхъ не подданныхъ намъ киргизовъ, кочевавшихъ около р. Берели и по сѣверному берегу р. Бухтармы, такъ какъ киргизы эти самовольно перешли въ наши предѣлы, «заняли земли, издавна принадлежавшія русскимъ» и притѣсняли крестьянъ, ходившихъ въ эти мѣста на звѣриные промыслы. Согласно данному предписанію, уже въ маѣ 1863 г. киргизы, кочевавшіе по правому берегу Бухтармы, между пикетомъ Чингистай и р. Калмачихою, были, дѣйствительно, удалены, за исключеніемъ впрочемъ 5 ауловъ Каратаевской и Самайской волостей.(*) Выселеніе киргизовъ отозвалось на нихъ очень тяжело. Кобдосскій хэбэй—амбань такъ говорилъ объ этомъ въ своемъ донесеніи китайскому правительству:

Въ 5-й лунѣ (т. е. въ іюнѣ мѣсяцѣ) начальникъ пограничнаго караула Чингистай, тѣлохранитель Дэ-шань, донесъ мнѣ, что русскіе выгнали съ сѣвернаго берега р. Бухтармы издавна кочевавшихъ тамъ киргизовъ на южный берегъ, такъ что тѣ лишились своихъ кочевьевъ и, прибывъ къ караулу, поселены были кое-какъ вмѣстѣ съ другими на подвѣдомственныхъ караулу мѣстахъ, именно къ сѣверу отъ караула Укокъ. Вслѣдъ затѣмъ одинъ офицеръ Бѣлаго Царя вмѣстѣ съ 60 вооруженными русскими прибылъ къ нашему караулу и также выгналъ изъ ихъ кочевьевъ тѣхъ киргизовъ, что кочевали въ Хартаѣ(?), къ сѣверу отъ пограничнаго поста. Тогда отправленъ былъ къ русскому офицеру чиновникъ для объясненій,—съ предложеніемъ воротиться назадъ и разрѣшить киргизамъ жить по прежнему на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи, пока не будутъ поставлены пограничные знаки. Русскій офицеръ отвѣчалъ, что онъ вернется только съ наступленіемъ зимы, когда выпадетъ снѣгъ. Затѣмъ начальникъ племени Турботовъ 22 чи-

(*) Донесеніе семип. губернатора Панова генералъ-губернатору З. Сибири 31 мая 1863 г.

сла 7 луны (20 августа) донесъ также, что въ его владѣнія на сѣверо-западной границѣ около Укока перешли кочевать киргизы, въ числѣ болѣе тысячи кибитокъ, что за ними предписано наблюдать и быть готовымъ предупредить возможные безпорядки. Но такъ какъ вслѣдствіе давняго кочеванія киргизовъ у праваго берега Бухтармы мѣстность эта стала для нихъ какъ бы второй родиною, а между тѣмъ русскіе, удаливъ ихъ оттуда, лишили пристанища, то я считаю необходимымъ предложить министерству обратиться къ живущему въ Пекинѣ русскому сановнику съ покорнѣйшею просьбою сообщить г. генералъ-губернатору Западной Сибири, чтобъ онъ предписалъ русскимъ, поселившимся теперь около караула Чингистай, возвратиться обратно.

Пекинское правительство, получивъ (24 сентября 1866 г.) это донесеніе, немедля (27 сентября) обратилось съ соотвѣтствующей просьбой къ нашему посланнику Влангали, мотивируя ее тѣмъ, что пограничные знаки и столбы пока еще не поставлены, а, главное, возстаніемъ, которое охватило въ ту пору западныя области Китая: «трудно было бы разсказать горькое положеніе несчастныхъ жителей ближайшихъ къ Кобдо мѣстъ, которые бѣгутъ туда при видѣ несчастія, покидая свои жилища. Если-же ко всему этому выгнать изъ кочевьевъ и киргизовъ, лишивъ ихъ пристанища, то можно опасаться, что накопленіе въ одной мѣстности людей въ большихъ массахъ произведетъ недостатокъ въ продовольствіи и спокойствіе на границѣ будетъ нарушено».

Влангали отнесся сочувственно къ просьбѣ пекинскаго правительства, передалъ ее Дюгамелю, а тотъ 12 ноября 1866 г. запросилъ семипалатинскаго губернатора: считаетъ ли онъ возможнымъ исполнить желаніе китайскаго правительства, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, предупреждалъ, что, допустивъ киргизовъ въ наши предѣлы, «слѣдуетъ непремѣнно имъ разъяснить, что земли по сѣверному берегу Бухтармы отводятся имъ не въ постоянное владѣніе, а только во временное пользованіе». Семипалатинскій губернаторъ не нашелъ особыхъ затрудненій къ допущенію киргизовъ и уже 14 января 1867 г. сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія. Къ киргизамъ въ томъ же ян-

варѣ былъ командированъ толмачъ Кокпектинскаго приказа Черкашининъ отобрать отъ нихъ необходимыя подписки[1]).

Такимъ образомъ дѣло окончилось на этотъ разъ благополучно для киргизовъ; имъ удалось отстоять свои старыя мѣста. Но надолго-ли? Мы вскорѣ увидимъ, что ихъ[2]) снова погонятъ съ праваго берега Бухтармы и станутъ водворять на лѣвый. Зато, какъ бы въ отплату за кратковременную льготу, дарованную на правомъ берегу, киргизамъ уже теперь спѣшатъ преподнести счетъ на лѣвомъ берегу—на этотъ разъ впрочемъ не Горный округъ, а крестьяне. Мы говоримъ объ основаніи деревень Медвѣдки и Таловки.

II.

Верстахъ въ 50 къ западу отъ пикета Чингистай, не далеко отъ того мѣста, гдѣ рч. Терсъ-Булакъ, лѣвый притокъ Бухтармы, пересѣкаетъ китайскую дорогу, въ 1866 г. появились русскіе крестьяне, выходцы частью изъ сосѣдней Томской губерніи, частью изъ губерній Европейской Россіи, и стали выкашивать у киргизъ луга, дѣлать порубки, распахали пашни, поставили себѣ жилье, устроили пасѣки. Это были одни изъ передовыхъ застрѣльщиковъ того переселенческаго движенія, которое съ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія и по настоящую пору съ большей или меньшей интенсивностью постоянно даетъ себя чувствовать въ этихъ краяхъ. Еще въ 1861 г. государственный крестьянинъ Іуда Парвовъ, отъ имени 223 душъ м. п., хлопоталъ о разрѣшеніи переселиться на пустопорожнія мѣста въ 25 верстахъ

[1]) Архивъ Сем. Обл. Правленія дѣло № 8198. Дѣло о границѣ Семипал. обл. съ Томской губ. о подчиненіи Бухтарминскаго края вѣдѣнію областного начальства, т. III, лл. 11—24.

[2]) «Ихъ»—судя по запискѣ Семипалатинскаго вице-губернатора Чернявина, подъ «ними» слѣдуетъ подразумѣвать не тѣхъ, кого изгоняли, а тѣхъ, кого оставили на своихъ мѣстахъ въ 1863 г.—5 ауловъ Каратаевскаго и Самаевскаго родовъ: «Съ проведеніемъ въ 1867 г. въ натурѣ границы съ Китаемъ, временные пришельцы *удалились* въ Китай, а каратаевцы и самаевцы приняли въ 1867 г. подданство на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя они нынѣ (въ 1874 (1875 гг.) занимаютъ, и вошли въ 1871 году въ составъ волостей Нарымской и Чингистайской» См. самую записку Чернявина въ Приложеніяхъ № 5).

отъ дер. Фыкалки, на урочищѣ Теплый Ключъ, что при рч. Черновой и Берели. Разрѣшеніе было дано въ 1865 г; но къ этому времени желанія значительной части просителей успѣли измѣниться: они облюбовали другія мѣста, именно рчч. Таловку (Тнейсу) и Медвѣдку (Терсъ-Булакъ), въ 30 верстахъ отъ дер. Солоновки, причемъ не дожидаясь формальнаго разрѣшенія, идутъ туда, впослѣдствіи ссылаясь на то, что «имъ никто изъ начальниковъ не препятствовалъ заселяться на томъ мѣстѣ». На рч. Таловкѣ ихъ оказалось въ 1866 г. цѣлыхъ 8 дворовъ съ полной осѣдлостью.

Киргизы жаловались, что русскіе сожгли домъ муллы и 5 другихъ, начали обстраиваться и вообще вести себя полными хозяевами; что на уроч. Каратау также выжжено нѣсколько зимовокъ; что тѣснятъ киргизовъ и на урочищахъ Белькарагай и Кульмесъ-Мергень. Другая жалоба (30 апрѣля 1867 г. на имя семипалатинскаго губернатора) шла отъ біевъ Каратаевскаго рода: «Нашъ Каратаевскій родъ» — говорили они — «около 100 лѣтъ постоянно имѣетъ стойбища по урочищамъ противъ Башъ-Караула (китайской дороги) въ Терекъ-чатѣ и съ этого пункта до Чингистая и Урлы... Назадъ тому года 2 или 3 начали появляться въ нашихъ мѣстахъ русскіе крестьяне... отобрали зимовыя наши мѣста, степи выжгли огнемъ, дворы на зимовкахъ остались безъ всякаго присмотра, а насъ самихъ выгнали... Одна часть насъ откочевала въ Маклечаганъ, другая—въ кирѣевскія волости, а мы послѣдніе остались еще на мѣстѣ».

1 мая 1867 г. киргизъ Кашкымбай Орусаевъ, Ергенектинской волости, рода Богай-Буринскаго, подалъ семипалатинскому губернатору жалобу, въ которой излагалъ слѣдующее. Мѣста наши лежатъ около р. Нарыма; на нихъ мы живемъ съ давнихъ поръ, платя ясакъ и ремонтную пошлину за скотъ, выгоняемый въ зимнее время на вашу (т. е. русскую) сторону Нарыма; зимовки-же наши лежатъ на другой (т. китайской) сторонѣ рѣки, причемъ и китайскому правительству мы тоже уплачиваемъ ясакъ. Въ прежнее время русскіе никогда не кашивали у насъ сѣна; но вотъ два года тому назадъ они стали косить и думаютъ прогнать насъ отсюда, т. е. съ Башъ-Караула и съ Орта-Караула. Мы хотѣли было добровольно уйти, да некуда; а мѣстъ, гдѣ

мы кочевали раньше, не отдадутъ здѣшніе киргизы. Насъ 400—500 кибитокъ и большая часть ихъ состоитъ въ русскомъ подданствѣ. Раньше мы жили совмѣстно съ джарымбетовцами Кокджарлинской волости; но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ они начали притѣснять насъ. Съ одной стороны они; съ другой—крестьяне и казаки. Что намъ дѣлать? Если земли, гдѣ мы теперь живемъ, находятся въ русскомъ владѣніи, то просимъ принять насъ въ русское подданство; а если этого нельзя, то припишите къ Кокпектинскому округу на свободныя мѣста.

Надо думать, что киргизы во всѣхъ указанныхъ случаяхъ чувствовали себя совершенно безсильными передъ напоромъ переселенцевъ, такъ какъ массами покидали свои кочевья: 500 кибитокъ выселилось на Укокъ; ушли и 1500 юртъ каратаевцевъ, оставшіяся-же 3000, каратаевскихъ же, кибитокъ собирались тоже уходить, грозя при этомъ одновременно съ уходомъ «уничтожить крестьянъ»[1]).

Такъ возникли двѣ крестьянскихъ деревни Медвѣдка и Таловка на киргизскихъ земляхъ. Мы уже имѣли случай останавливаться на исторіи ихъ возникновенія, и интересующихся подробностями отсылаемъ къ прежней своей статьѣ,[2]) здѣсь же ограничимся лишь однимъ указаніемъ. Основаніе Медвѣдки и Таловки лишній разъ доказываетъ сметку русскаго человѣка, его настойчивость, энергію, его колонизаторскій талантъ, и одновременно, безсиліе инородца противодѣйствовать внѣдренію посторонняго элемента; но не слѣдуетъ забывать, что, въ примѣненіи къ долинѣ р. Бухтармы, яркость и полнота выраженій указанныхъ свойствъ опредѣлялись также причинами и внѣшними: отдаленность глухого края и, рука объ руку съ нею, неповоротливость громоздкой административной машины—вотъ что также въ значительной степени содѣйствовало крестьянамъ нарушать существовавшій порядокъ вещей и въ то же время парализовало усилія администраціи и киргизовъ сохранить этотъ порядокъ ненарушеннымъ. Борьба велась далеко не при равныхъ условіяхъ: переселенцы оставались неуязвимыми въ своихъ дѣйствіяхъ; туземцы—лишенными той помощи, на которую они въ правѣ были надѣяться.

[1]) Архивъ Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 8198. т. III. лл. 1—86.

[2]) Русскія поселенія за Южнымъ Алтайскимъ хребтомъ на китайской границѣ, стр. 26—31.

1 сентября 1866 г. каратаевцы жалуются на захватъ Тересъ-Булака, но только въ концѣ марта 1867 г. прошеніе ихъ доходитъ до семипалатинскаго губернатора. На запросъ послѣдняго: кто виновенъ въ такомъ замедленіи, Кокпектинскій окружный приказъ оправдывался тѣмъ, что прошеніе поступило 11 января, разрѣшено же въ приказѣ лишь 21 марта, по «недостаточности канцеляріи, а въ особенности въ переводчикахъ, каковыхъ при приказѣ ни одного нѣтъ». Можно заподозривать искренность даннаго объясненія, что, кажется, и сдѣлалъ губернаторъ (Колпаковскій, будущій генералъ-губернаторъ), отправившій свой запросъ въ Кокпекты «съ нарочнымъ на счетъ непремѣннаго члена, секретаря и столоначальника», а, по отвѣтѣ, давшій выговоръ первымъ двумъ; но если даже и признать объясненіе кокпектинскихъ чиновниковъ вполнѣ справедливымъ, то самая обстановка дѣла отъ этого отнюдь не измѣнится. Развѣ можно считать нормальными условія жизни, если прошеніе, которое податель, очевидно, желалъ вручить возможно скорѣе, попадаетъ въ первую инстанцію лишь черезъ 4½ мѣсяца (1 сентября—11 янв.)?.. Когда тотъ-же Кокпектинскій приказъ поручилъ участковому засѣдателю Гурьеву отправиться на мѣсто и произвести слѣдствіе, то послѣдній отговаривался, ссылаясь на то, что по тракту, гдѣ лежалъ его путь, въ 200 верстахъ отъ Усть-каменогорска, нѣтъ киргизскихъ подводъ; что по неимѣнію казаковъ онъ будетъ лишенъ возможности выдворить самовольно поселившихся крестьянъ; что крестьяне эти иного вѣдомства, Томской губерніи. Въ свою очередь кокпектинскій военно-окружной начальникъ Шелашниковъ, становясь на точку зрѣнія Гурьева, просилъ, нельзя-ли все производство дѣла поручить начальнику 9-го полкового округа. Въ отвѣтъ на это губернаторъ категорически приказалъ (3 февраля 1867 г.): Гурьеву на Тересъ-Булакъ немедленно ѣхать и произвести тамъ слѣдствіе. Однако и тутъ нашлась помѣха: «зимнее время» не дозволило Гурьеву отправиться тотчасъ же.

Не дурно обрисовываетъ обстановку дѣла и слѣдующее обстоятельство. Алтайское Горное Правленіе, подробно разсказывая, въ отвѣтѣ своемъ губернатору (3 іюня 1867 г.) о появленіи русскихъ крестьянъ на рч. Тересъ-Булакѣ, неожиданно ставитъ вопросъ: изъ пере-

писки Горнаго Правленія, не видно, чтобъ кто-нибудь просился на эту рѣчку: гдѣ она протекаетъ? въ Бійскомъ ли уѣздѣ (иначе говоря, въ предѣлахъ ли Горнаго Вѣдомства) или въ Кокпектинскомъ округѣ (Горному Правленію не подвѣдомственномъ)? Та ли это самая, что и рч. Медвѣжья, Медвѣдушка, на которой выразили желаніе поселиться пермскіе крестьяне? [1])

Такимъ образомъ почти черезъ годъ послѣ просьбы киргизовъ еще только справлялись, о какой мѣстности идетъ рѣчь. Понятно, что ранѣе полнаго выясненія этого вопроса, разрѣшать киргизскія просьбы было невозможно; крестьяне же тѣмъ временемъ жили да жили на захваченныхъ мѣстахъ, выживали давность и пріобрѣтали «полную осѣдлость». Когда окончилась переписка о выдвореніи, выдворять стало уже поздно, и административнымъ властямъ волей-неволей пришлось помириться съ совершившимся фактомъ. Не мирились лишь тѣ, кто непосредственно терялъ: старые собственники отнятыхъ угодій—киргизы.

Мы видѣли, что шестидесятые годы въ судьбахъ киргизскаго населенія долины верхней Бухтармы отмѣчены серьезными столкновеніями съ Горнымъ Алтайскимъ Правленіемъ и съ переселенцами-крестьянами. Но киргизамъ грозила еще одна опасность, и, пожалуй, даже болѣе грозная, въ лицѣ новыхъ пришельцевъ: казаковъ

III.

Чугучакскій договоръ 1864 г., заключенный съ Китаемъ, ввелъ въ составъ русскихъ предѣловъ довольно значительную территорію: около 25960 кв. верстъ съ 64000 душъ кочевого населенія. Это были долины р.р. верхней Бухтармы, Курчума, озеро Зайсанъ, часть теченія р. Иртыша и мѣстность къ югу отъ Зайсана до хребта Тарбагатай[2]). Присоединеніе неизбѣжно повлекло за собой необходимость

---

[1]) Архивъ Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8198. т. III лл. 7—8. 25—29. 38, 41, 49—50, 67.

[2]) Бабковъ. Общій взглядъ на устройство русскихъ поселеній въ сѣверо-восточной части Киргизской степи. Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общ. 1869, V, № 2. стр. 51.

стратегическаго усиленія государственной границы, вслѣдствіе чего было приступлено къ фактическому закрѣпленію новой пограничной полосы устройствомъ военныхъ поселеній, подобно тому, какъ это дѣлалось и раньше въ Сибири въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ приходилось выдвигать границу и создавать т. наз. *линіи* (исетская, прѣсногорьковская, иртышская, забайкальская и проч.). Впрочемъ недавно сдѣланъ былъ опытъ устройства въ киргизской степи большихъ земледѣльческихъ колоній (Кокпекты) и искусственныхъ торговыхъ центровъ (Сергіополь), но отрицательные результаты этого опыта теперь снова подсказывали старые пріемы, убѣждая, что при созданіи новыхъ поселеній гораздо лучше держаться болѣе испробованнаго и болѣе оправданнаго способа устройства обычныхъ казачьихъ станицъ и поселковъ средняго размѣра*). Неудача съ тѣмъ же Сергіополемъ и Кокпектами, гдѣ населеніе собиралось подневольно, указывала иной путь и по отношенію способа привлеченія новыхъ поселенцевъ: имѣлось въ виду вызывать охотниковъ, выдавать имъ пособіе и только уже въ случаѣ недостатка желающихъ прибѣгать къ колонизаціи обязательной.

На первый разъ намѣчены были: область къ югу отъ Чернаго Иртыша, у сѣвернаго подножья хребта Сауръ (гдѣ позже и возникъ Зайсанскій постъ), и долина р. Курчума. Въ январѣ 1867 г. генералъ губернаторъ Западной Сибири генералъ-лейтенантъ Хрущовъ вошелъ въ указанномъ смыслѣ съ представленіемъ въ военное министерство, ходатайствуя объ ассигнованіи съ этою цѣлью единовременной суммы въ 40 т. рублей. Однако соображенія финансовыя помѣшали выполненію проекта Хрущова въ полномъ его объемѣ, министерство затруднилось расходомъ такой суммы, и дѣло пришлось начинать въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, ограничившись на первое время устройствомъ только двухъ станицъ.

Ближайшее знакомство съ краемъ (объѣздъ его лѣтомъ 1868 г. семипалатинскимъ губернаторомъ Полторацкимъ, который въ этомъ году смѣнилъ Колпаковскаго) точнѣе опредѣлило мѣста будущихъ поселеній; именно: на р. Джемини (постъ Зайсанскій) и, вмѣсто Курчума, долина Бухтармы (станица Алтайская). Въ каждомъ пунктѣ предпола-

(*) Бабковъ. 52—53.

галось поселить по 2 офицерскихъ и по 25 казачьихъ семей; каждой семьѣ выдать на первоначальное обзаведенiе единовременнаго пособiя: офицерамъ—по 150, казакамъ—по 55 рублей; кормовыхъ на дорогу—по 5 коп. суточныхъ на душу, считая со дня выхода съ мѣста до прихода на мѣсто водворенiя, по разсчету прохода 20 верстъ въ сутки. Кромѣ того пособiе заключалось: въ 2 четвертяхъ зерна (по 10 р. за четверть) на обсѣмененiе полей, съ уплатой въ трехлѣтнiй срокъ, и въ порцiонныхъ деньгахъ, по 9 руб. ежегодно въ теченiе 3 лѣтъ, полагая по два порцiона на семью, одинаково, служащимъ и неслужащимъ казакамъ. Въ теченiе тоже 3 лѣтъ переселенцы пользовались льготою отъ наряда на службу (кромѣ, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда явилась бы надобность защищать собственныя станицы). На мѣстахъ будущихъ поселенiй имѣлось въ виду заготовить всѣ необходимые для домообзаводства и домохозяйства матерiалы, рабочiе инструменты, земледѣльческiя орудiя. Казаки получали ихъ на наличныя или въ долгъ.

Едва ли не самымъ заманчивымъ условiемъ (если только вообще можно говорить о «заманчивости» условiй въ данномъ случаѣ) въ глазахъ казака было то, что переселившiеся на свой счетъ прiобрѣтали право самостоятельнаго выбора своихъ участковъ, а кромѣ того извѣстная часть надѣла (отъ 10 до 20 дес. удобной земли на семью урядника и казака; отъ 50 до 100 дес.—офицера; офицерскiе участки были въ 400 для штабъ и 200 дес.—для оберъ-офицеровъ) поступала имъ «въ частную, вѣчную и потомственную собственность».

Проектъ былъ одобренъ(*) и министерство утвердило денежную смѣту въ такомъ видѣ:

а) пособiе отъ казны:

4 офицерскимъ семьямъ по 150 руб. . . .	600 руб.
50 казачьимъ семьямъ по 55 руб. . . .	2750 руб.
И кормовыхъ во время пути, съ разсчетомъ на 35 сутокъ до Бухтармы (175 руб.) и	

(*) Приказъ по военному вѣдомству 28 октября 1870 г. за № 329. Архивъ Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 749, т. I. л. 168—169.

45 сутокъ до Джемини (225 руб.) . . .	400 руб.
Итого . .	3750 руб.
или, округляя сумму . . .	4000 руб.

б) Пособіе отъ Сибирскаго казачьяго войска, отпускаемое заимообразно на 3 года:

На провіантъ и приварокъ	6703 руб.
Порціонныхъ	900 руб.
Итого . .	7603 руб.

Кѣмъ же думали заселять новыя станицы? Въ пятидесятыхъ годахъ упразднена была т. наз. Кузнецкая казачья линія (между Бійскомъ и Кузнецкомъ), а входившіе въ ея составъ казаки перечислены съ пособіемъ въ 30 руб. на семью, въ Заилійскій край и въ Кокпектинскую станицу Семипалатинской области. Однако очень многіе отъ переселенія уклонились; иные только заглянули въ Кокпекты и вернулись обратно. Въ результатѣ въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ Томской губ. оказалось значительное число казаковъ, номинально выселенныхъ въ Семирѣчье и въ пограничное съ Китаемъ пространство, на дѣлѣ же болѣе 15 лѣтъ спокойно проживавшихъ себѣ на прежнихъ мѣстахъ, по отпускнымъ билетамъ, выдаваемымъ станицами, гдѣ они числились, или даже просто безъ всякихъ видовъ. Такъ напримѣръ въ однихъ Кокпектахъ числилось до 100 семей, никогда тамъ не жившихъ. Санкціонировать подобное нарушеніе своихъ предписаній начальство, конечно, не могло; но теперь ему представлялся удобный случай пойти на компромиссъ. Оно предложило кузнецкимъ казакамъ на выборъ: или выполнить предписаніе, идти въ Кокпекты, или поселиться въ проектированныхъ станицахъ Зайсанской и Алтайской. Впрочемъ желающимъ не воспрещалось, буде пожелаютъ, вернувъ выданное въ прежнее время на переселеніе пособіе, приписаться въ податное сословіе*).

*) Предписаніе генералъ-губернатора Зап. Сибири семипал. губернатору 12 ноября 1870 г. за № 870. См. представленіе семипал. губернатора Войсковому наказному атаману Сибирскаго войска 1 сентября 1875 г. за № 7310 въ дѣлахъ Семипал. Обл. Правл. Арх. № 749, т. IV. лист. 170—173.

Охотниковъ вызывали и съ Бійской казачьей линіи, архаизмъ и ненадобность которой тоже ясно сознавались мѣстной администраціей.[1])

Результаты этой комбинаціи оказались однако не особенно блестящими. Дилемма: Бухтарма или Кокпекты не вносила никакой существенной разницы при рѣшеніи ея въ томъ или иномъ направленіи. Изъ 25 казачьихъ семей только половина добровольно пошла на Бухтарму; другую все же пришлось набирать по жребію, принудительнымъ способомъ. Отдаленный и глухой край, въ сторонѣ отъ «людей», лицомъ къ лицу съ постоянными опасностями, очевидно, пугалъ. Не легко бросать насиженное гнѣздо, и многіе предпочитали лучше перейти въ податное состояніе, чѣмъ тащиться въ такую даль.[2]) Да и правительственное пособіе само по себѣ было слишкомъ ничтожно, чтобы кого-нибудь особенно прельстить. Не даромъ большинство казаковъ отказалось отъ него, предпочитая, взамѣнъ, получить земельный надѣлъ по собственному выбору и въ вѣчную собственность.[3])

Отказывая генералъ-губернатору Западной Сибири въ единовременной затратѣ 40 тысячъ и предлагая ему ограничиться всего 4-мя тысячами, военное министерство однако смотрѣло на послѣднюю сумму, какъ на расходъ одного лишь только 1871 года. Въ послѣдующіе годы, именно въ 1872, 1873, 1874, 1875 и 1878, для продолженія начатой колонизаціи Бухтарминскаго края и Зайсанскаго раіона, отпускалась такая же сумма, по 4 т. рублей ежегодно. Пробѣлъ 1876 и 1877 годовъ объясняется, кажется, единственно тѣмъ, что ассигнов-

---

[1]) По этому поводу возникла даже мысль о совершенномъ упраздненіи Бійской линіи. См. любопытныя соображенія въ представленіи семипалатинскаго губернатора на имя генералъ-губернатора Западной Сибири 10 мая 1873 г. за № 75. Представленіе это полностью печатается ниже въ *приложеніяхъ* (№ 1).

[2]) Для образца см. въ *Приложеніяхъ* (№ 2) переписку о казакахъ Дмитріевѣ, Угрюмовѣ и Чаусовѣ.

[3]) Но, кажется, нѣкоторымъ и тутъ пришлось обмануться въ своихъ разсчетахъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири разъяснилъ (24 іюля 1871 г.), что получившіе въ свое время 30 рублей пособія на переселеніе въ Кокпекты, но туда не переселившіеся, получатъ теперь не 55, а только 25 рублей. Согласно такому разъясненію, губернаторъ Полторацкій предписалъ (4 августа) атаману 4-го отдѣла: нарѣзку земли дѣлать только тѣмъ, кто теперь же вернетъ 30 рублей; отказавшіеся вернуть—въ собственность участокъ не получатъ. Новость эту казаки узнали не на старомъ мѣстѣ, а уже придя на Джемини или на Катонъ-Карагай.

ки прежнихъ лѣтъ не были вполнѣ израсходованы[1]). Такъ постепенно выросло еще 4 поселка: Урульскій, Кендерлыкскій (1872—1873), Чистый Яръ и Баты (1875) на одинаковыхъ основаніяхъ со ст. Алтайской и Зайсанскимъ постомъ.

Подвигаясь вверхъ по Бухтармѣ, сначала думали было основать, послѣ ст. Алтайской, сразу два новыхъ поселка: на ур. Чингистай (на 18 семей) и на рч. Урулѣ (на 17 семей). Чингистай привлекъ къ себѣ вниманіе по соображеніямъ чисто стратегическимъ: урочище лежало у самаго подножія горнаго прохода Бурхатъ, наиболѣе удобнаго перевала черезъ Алтайскій хребетъ, «единственно доступнаго раннею весною, а также осенью и даже зимою для перехода границы, т. е. въ тѣ времена года, когда преимущественно производится баранта». Кромѣ того, находясь на полпути между ст. Алтайской и пос. Урульскимъ оно служило для этихъ двухъ связующимъ звеномъ. И безъ того уже приходилось держать особый казачій разъѣздъ изъ 20 человѣкъ для охраны урульцовъ отъ барантачей. Къ тому же занятіе Чингистая подъ русское поселеніе, въ глазахъ мѣстной администраціи, представлялось на первый взглядъ не только возможнымъ, но и совершенно не стѣснительнымъ для киргизовъ[2]). Впрочемъ очень скоро мнѣнія ея на этотъ счетъ существенно измѣнились и уѣздное начальство доносило семипалатинскому губернатору, «что поселенцы, вызванные нынѣ на переселеніе на урочищ. Чингистай, въ числѣ 18 семействъ, поселены въ поселкѣ Урульскомъ; на Чингистаѣ же поселенія не предполагается въ виду того, чтобы не стѣснить киргизовъ Чингистайской волости, кочующихъ преимущественно на той мѣстности, такъ какъ таковая весьма полезна для нихъ, особенно въ зимнее время для пастьбы скота».[3])

Заселеніе китайской границы казаками дальше учрежденія ст. Ал-

---

[1]) Ассигновка въ 8 т. рублей на 1874 и 1875 г.г. разрѣшена была слишкомъ поздно и потому приступить къ переселенію въ 1874 г. на общихъ основаніяхъ было уже некогда. (Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г. лл. 6—9.).

[2]) Донесеніе устькам. уѣздн. начальника Халдѣева 22 февраля 1873 г. за № 789. Арх. Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 году, лл. 11—12.

[3]) Донесеніе Халдѣева 16 августа 1873 г. за № 3917. Дѣло № 515, лист 128.

тайской, Зайсанскаго поста, Уруля, Кендерлыка, Чистаго Яра и Батовъ не пошло. Намѣченныя было подъ новыя поселенія мѣстности оказывались, по крайней мѣрѣ въ глазахъ семипалатинской администраціи, необходимыми для самихъ киргизовъ; проектъ семипалатинскаго губернатора заселять границу исключительно одними только желающими, отказавшись отъ прежней системы назначенія, въ случаѣ недостаточнаго числа охотниковъ, по жребію, равно и предоставленіе права переселяться желающимъ также съ Иртышской линіи, не съ одной Бійской—сочувствія въ главномъ начальникѣ края не встрѣтилъ. Намѣченныя въ 1876 и 1877 гг. къ поселенію 120 семей водворяемы были въ поселкахъ уже основанныхъ. Въ 1878 г. генералъ-губернаторъ счелъ «болѣе удобнымъ переселеніе казачьихъ семействъ на границу Китая возложить на Войсковое Хозяйственное Правленіе Сибирскаго казачьяго войска»; повидимому, въ данномъ случаѣ руководились желаніемъ интенсивнѣе повести дѣло колонизаціи; но послѣдующія событія едва ли оправдали этотъ разсчетъ. Затрудненія въ пріисканіи свободныхъ мѣстъ «безъ стѣсненія киргизовъ» уже теперь ставятъ семипалатинскую администрацію въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Что же до киргизовъ, то они очутились прямо между молотомъ и наковальней: на лѣвомъ берегу Бухтармы отъ нихъ отбирали землю для казаковъ, а съ праваго ихъ усиленно выдворялъ Кабинетъ Его Величества. Не трудно было предвидѣть печальныя послѣдствія подобнаго положенія вещей*).

IV.

Алтайская станица была заложена на рч. Сарымсакты, правомъ притокѣ Бухтармы. Согласно ст. 3 Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 г. положенія о земельномъ устройствѣ казачьихъ поселеній, на каждую душу мужского пола слѣдовало нарѣзать 30 десятинъ (да

*) См. въ *приложеніяхъ* (№ 3) переписку 1872—1876 гг. касательно основанія новыхъ поселеній и водворенія казаковъ въ поселеніяхъ уже основанныхъ.

кромѣ того 10 дес. въ запасъ), отводимыхъ по правиламъ таксаціи войсковыхъ земель. Но въ ту пору не только еще не были изданы самыя правила таковой таксаціи, но не оказалось возможнымъ теперь же, въ 1871 году, при заложеніи станицы, послать землемѣра для нарѣзки юртового надѣла. Между тѣмъ съ водвореніемъ казаковъ спѣшили и потому ограничились на первое время простымъ указаніемъ переселенцамъ, по ихъ прибытіи въ Сарымсакты, «въ примѣрномъ количествѣ, пространства земли, которое можетъ быть ими занято для хлѣбопашества, а равно и мѣста для селидьбы»[1]). Согласно наличному количеству душъ м. п. (2 офицерскихъ и 74 казачьихъ), переселенцамъ было предоставлено 76×40=3040 дес. удобной земли, кромѣ 660 д. 2080 саж. неудобной.

Полторацкій, увлекаясь природными богатствами Бухтарминскаго края, находилъ возможнымъ, «по чрезвычайному богатству угодій и плодородію земли», уменьшить земельный надѣлъ до половины (15 дес. вмѣсто 30), такъ какъ, по его мнѣнію, даже и въ такомъ количествѣ новыя мѣста «представляютъ едва ли не большія экономическія выгоды, чѣмъ покидаемыя» на Бійской линіи. Къ счастью для казаковъ, проектъ семипалатинскаго губернатора не прошелъ и они получили надѣлъ въ полномъ размѣрѣ; говоримъ: къ счастью, такъ какъ уже ближайшіе годы далеко не оправдали этихъ розовыхъ надеждъ.

Хотя въ станицѣ Алтайской предписано было поселить всего 25 семей, но уже 23 августа 1871 г. устькаменогорскій уѣздный начальникъ Сильвестровичъ, сообщая о состоявшемся надѣленіи казаковъ землею и о томъ, что назначенныя къ водворенію 25 семей прибыли и выстроили себѣ 20 избушекъ, добавлялъ, что по поданнымъ прошеніямъ вновь разрѣшено поселиться еще 5-ти семьямъ[2]). Откуда эти

[1]) Распоряженіе генералъ-губернатора 20 марта 1871 г. „Надѣленіе землею производилось въ дѣйствительномъ числѣ десятинъ, поступившихъ въ надѣлы угодій. Только по Высочайше утвержденному 9 іюля 1877 г. положенію военнаго совѣта о перемежеваніи станичныхъ надѣловъ въ войскѣ, съ отведеніемъ казакамъ положенной пропорціи удобной земли по числу народонаселенія къ 1-му января 1877 года, была составлена межевая инструкція и утверждены генералъ-губернаторомъ Западной Сибири правила таксаціи земель при межеваніи“ (Войсковой наказный атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Семипал. в. губернатору 19 марта 1872 г. за № 182).

[2]) Арх. Семипал. Обл. Правл. Дѣло № 719. т. II л. 184.

сверхкомплектныя? Едва ли «поданныя прошенія» даютъ право думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ *желающими* поселиться на Бухтармѣ: эти 5 семей только выбирали меньшее изъ двухъ представлявшихся имъ золъ. Извѣстенъ случай, когда «нѣкоторые казаки, переведенные въ Копальскую и другія станицы Семирѣчья, но оставшіеся на Кузнецкой линіи, о выселеніи которыхъ настаивало Семирѣченское областное начальство, вошли съ *просьбами* о дозволеніи имъ поселиться въ Алтайскую станицу, что, по подлежащемъ сношеніи, имъ и было разрѣшено»[1]). Кто знаетъ, не были ли это вышеупомянутыя 5 семей? Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что послѣднія были изъ добровольныхъ переселенцевъ. Шли, потому что приказывали. Уже къ 19 апрѣля 1873 года въ ст. Алтайскую сверхъ нормы 25 семей въ разное время, *по распоряженію властей*, было переселено 16 семей[2]), всего 41 семья. Позже, когда земельная «тѣснота» породила вопросъ о добавочной нарѣзкѣ, семипалатинская администрація, озабоченная тяжелой и неблагодарною задачей найти для таковой нарѣзки свободныя земли, обвиняла самихъ станичниковъ въ легкости и неосмотрительности, съ какою, по ея мнѣнію, давались въ Алтайской станицѣ пріемные приговоры[3]); Войсковое же Хозяйственное Правленіе, хлопотавшее объ этой нарѣзкѣ, наоборотъ, указывало на то, что позднѣйшими переселеніями въ станицу завѣдывала семипалатинская областная и уѣздная администрація, и что, слѣдовательно, ей надлежало помѣшать алтайскимъ казакамъ допускать новыхъ лицъ въ свою среду[4]). Если не разобраться, то хотя-бы взвѣсить основательность этихъ двухъ противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія, намъ поможетъ разъясненіе губернатора Полторацкаго, данное, по званію временнаго предсѣдателя Совѣта главнаго управленія Западной Сибири 10 февраля 1873 г.: Высочайше утвержденное мнѣніе о переселеніи казаковъ въ 1872 и 1873 г.г., проектировавшее ежегодное заселеніе китайской границы 50-ью семьями, Полторацкій толковалъ въ

[1]) Представленіе Семипал. в. губернатора войсковому нак. атаману Сибирскаго каз. войска 1 сентября 1875 г. за № 7310. Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 749 т. IV. л. 170—173.

[2]) Тамъ же, № 749. т. IV, л. 92.

[3]) Губернаторъ Полторацкій Войсковому Хоз. Правленію 25 сентября 1876 г. за № 7332.

[4]) Докладъ Войск. Хоз. Правленія главному начальнику края 21 мая 1887 г.

въ томъ смыслѣ, что цифра 50 отнюдь не означаетъ предѣльнаго числа—это лишь ядро, долженствующее привлекать къ себѣ добровольное приселеніе казаковъ Бійской линіи, «которую желательно было бы всю перевести въ пограничное съ Китаемъ пространство»[1]).

Какъ бы ни было, но нельзя не признать, что населеніе Алтайской станицы росло въ первые годы ея основанія очень быстро: къ 15 октября 1871 г. въ ней числилось 84 души м. п. (156 д. об. пола), изъ 2 офицерскихъ и 31 казачьихъ семьи (13 изъ причисленныхъ къ ст. Кокпектинской, но проживавшихъ на бывшей Кузнецкой линіи; столько же съ Бійской линіи и 6 семей, перечисленныхъ изъ Семирѣченскаго войска).[2]) Мы уже видѣли выше, что къ 19 апрѣля 1873 г. тамъ числилось 41 семья. Въ томъ же 1873 году казачья дѣвица Кокпектинской станицы NN, прижившая внѣ брака съ рядовымъ К. двухъ сыновей, 6 и 4 лѣтъ, хлопотала о зачисленіи ихъ въ казачье сословіе съ причисленіемъ къ ст. Алтайской. Разрѣшеніе было дано, «въ виду потребности къ скорѣйшему заселенію долины верхней Бухтармы»[3]). Въ началѣ 1876 г. алтайцевъ было уже 148, а къ 1-му января 1878 г.—149 душъ м. п.[4]), т. е. уже цѣлыхъ 73 новыхъ души, почти вдвое противъ перваго комплекта.[5]).

Этотъ усиленный приростъ, разумѣется, неизбѣжно долженъ былъ рано или поздно вызвать вопросъ о земельномъ надѣлѣ, и уже въ началѣ 1876 г. Войсковое Хозяйствен. Правленіе Сиб. каз. войска запрашиваетъ семипалатинскую администрацію[6]) относительно

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 г., л. 9

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 749, т. II, л. 200.

[3]) Дѣло № 749, т. IV, лл. 107—108, 120.

[4]) Въ 1878 г. числилось 60 семей.

[5]) Откуда онѣ были? Въ 1895 г. отвѣтить на этотъ вопросъ оказывалось уже затруднительнымъ: знали только, что 12 прибавилось по назначенію начальства, 5 по приговорамъ общества, объ остальныхъ же 56 д. свѣдѣній, по крайней мѣрѣ въ канцеляріи Степного генералъ-губернатора, не сохранилось и только дѣлалось справедливое предположеніе, что объяснить такую большую цифру однимъ естественнымъ приростомъ было бы невозможно. (Докладъ канцеляріи Степного генералъ-губернатора 1895 г. о прирѣзкѣ къ ст. Алтайской земли изъ сосѣдней Чингистайской волости).

[6]) Отношеніе къ устьк. у. нач. 16 марта 1876 г. за № 1424 и къ семипал. губернатору 7 іюня 1876 г. за № 2921.

возможности добавочной нарѣзки. Не забудемъ, что въ 1871 г. собственно «нарѣзки» сдѣлано не было, и количество 3040 дес. (по 40 дес. на 76 душъ м. п.) было только проектировано, отведено въ фактическое пользованіе. Теперь В. Х. Правленіе разсчитало, что, если изъ 3040 дес. вычесть 600 дес. на 3 оберъ-офицерскихъ семьи (какъ это и полагалось по правиламъ), то остатокъ въ 2440 д. въ состояніи будетъ удовлетворить имѣющіяся на лицо 148 душъ уже не въ размѣрѣ 30 дес., а всего лишь $16^1/_2$ дес. на душу. Между тѣмъ—толковало В. Х. Правленіе—«согласно 4-й ст. положенія 21 апрѣля 1869 г., если съ увеличеніемъ народонаселенія въ надѣлахъ будетъ причитаться земель менѣе 20 десятинъ, то войсковое начальство приводитъ его къ нормальной 30 десятинной пропорціи присоединеніемъ войсковыхъ запасныхъ земель».

Намѣренія В. Х. Правленія встрѣтили энергичный отпоръ одинаково какъ со стороны устькаменогорскаго у. начальника, такъ и семипалатинскаго губернатора. Послѣдній ставилъ на видъ, что, «согласно 1 примѣч. къ параграф. 494 положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года и пункта 3 Высоч. утвержд. 21 апрѣля 1869 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта можетъ быть признанъ недостаточнымъ только надѣлъ, составляющій менѣе половины нормальнаго, т. е. менѣе 15 десятинъ». Главное основаніе къ отказу заключалось однако не въ томъ или иномъ толкованіи дѣйствующихъ узаконеній, а въ чисто реальныхъ затрудненіяхъ исполнить проектъ В. Х. Правленія: какъ разъ въ это самое время приходилось выдворять киргизовъ съ праваго берега Бухтармы и отыскивать для нихъ самихъ мѣста для поселенія*). Сама собою выростала дилемма: или удовлетворить потребности казаковъ, нанеся ущербъ киргизамъ, или облегчить землепользованіе киргизамъ, оставивъ Алтайскую станицу съ надѣломъ вдвое меньшимъ противъ обычнаго. Рѣшеніе можно было заранѣе предвидѣть, и не только въ силу исходныхъ мотивовъ, положенныхъ въ основу всей колонизаціи Бухтарминскаго края, но и въ силу Высоч. утвержден. 9 іюля 1877 г. положенія, по которому слѣдовало перемежевать казачьи

*) См. въ *приложеніяхъ* (№ 4) отношеніе В. Х. Пр. 7 іюня, рапортъ устьк. у. нач. 10 іюля и отношеніе Семипал. губернатора 22 сентября (всѣ три отъ 1876 г.)

земли согласно числу наличныхъ душъ, бывшихъ на лицо къ 1-му января 1877 года, а таковыхъ въ станицѣ къ этому дню, какъ мы знаемъ, состояло 149. Такимъ образомъ, вопросъ о добавочной нарѣзкѣ опирался теперь не только на ходатайства и нужды, но и еще болѣе на категорическое предписаніе закона, повелѣвавшаго произвести новое распредѣленіе земель въ Бухтарминской долинѣ по таксаціи.

Прежде чѣмъ однако слѣдить за осуществленіемъ намѣченной нарѣзки къ ст. Алтайской, посмотримъ, какъ велось дѣло выдворенія киргизовъ съ земель Алтайскаго Горнаго Округа.

V.

Мы уже видѣли (гл. I), что только благодаря непосредственному ходатайству китайскаго правительства киргизовъ, кочевавшихъ по правому берегу Бухтармы, временно оставили въ покоѣ. Но уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ вопросъ о выдвореніи ихъ «за Бухтарму» поднимается съ новою силой. Горный Алтайскій Округъ ревниво охранялъ права своей территоріи и, можно сказать, по всей линіи велъ энергичную борьбу съ кочевникомъ-инородцемъ. Учрежденіе объ управленіи Колывано-Воскресенскими горными заводами, изданное 16 апрѣля 1828 г. и въ силу котораго «Алтайскія горы, лежащія между Бійскою линіей и китайской границею», считались находящимися въ предѣлахъ Округа, давало горному вѣдомству основаніе, особенно со времени указа 27 мая 1855 г., объявившаго весь Алтайскій Округъ частной собственностью Государя Императора, считать себя хозяиномъ на протяженіи всего пространства вплоть до р. Бухтармы; замѣна же издѣльной повинности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ 6-ти рублевымъ оброкомъ съ каждой ревизской души (27 іюля 1861 г.) и послѣдовавшее затѣмъ (30 іюля 1865 г.) дозволеніе переселяться на кабинетскія земли крестьянамъ Европейской Россіи, естественно породили у названнаго вѣдомства желаніе отдавать во всемъ предпочтеніе осѣдлымъ насельникамъ передъ кочевыми. Не менѣе естественно было

и то, что киргизы упорно игнорировали эту точку зрѣнія. Споръ былъ не изъ такихъ, чтобъ вызвать надежду на скорое и легкое его разрѣшеніе. Каждая сторона видѣла въ противникѣ сторону нападающую и свои дѣйствія разсматривала, какъ необходимую мѣру самозащиты и обороны. Отстаивая свои грани, Алтайское Горное Правленіе опиралось на спеціально изданныя узаконенія: киргизы же—на право давности. Какъ можно было, говорили они, издавать законъ, сгоняющій насъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ издавна кочевали еще наши отцы, дѣды и прадѣды? Да и куда намъ идти теперь, когда свободныхъ мѣстъ болѣе уже не имѣется?..

Если естественно на Бухтармѣ «киргизскій вопросъ» выросъ только съ шестидесятыхъ годовъ, то въ западной и югозападной полосѣ Алтайскаго округа, гдѣ русскіе появились не со вчерашняго дня, вопросъ этотъ имѣлъ уже свою исторію. Нельзя сказать, чтобы выдвореніе киргизовъ шло тамъ особенно успѣшно. Киргизамъ, дѣйствительно, некуда было дѣваться, а обширность малонаселеннаго края, безсиліе административныхъ властей дѣлало то, что киргизы годами и десятками лѣтъ «незаконно» жили на кабинетскихъ земляхъ и фактически парализовали то, что Горный округъ называлъ своимъ «правомъ». Волей-неволей приходилось, если не узаконять подобный порядокъ вещей, то отыскивать такія формы отношеній, которыя позволили бы не столь чувствовать ихъ остроту и шероховатость.

Въ Барнаульскомъ округѣ и въ западномъ углу Бійскаго споры изъ-за земли были особенно обострены. Здѣсь лежали: Кулундинская степь, Карасукская, Ремовская, Узкая; боры: Гатскій, Сѣверный и Локтевскій, дававшіе пріютъ не одной тысячѣ кибитокъ. На неоднократныя требованія Кабинета и Правленія Алтайскаго округа вывести киргизовъ за грань кабинетскихъ земель, генералъ-губернаторъ Зап. Сибири Хрущевъ заявлялъ, что совершенный выводъ ихъ, по недостатку въ киргизской степи свободныхъ земель, онъ считаетъ невозможнымъ; что выселеніе при такихъ условіяхъ могло бы вызвать ропотъ «и повлечь за собою серьезныя недоразумѣнія, за послѣдствія которыхъ онъ, генералъ-губернаторъ, не признаетъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность». Взамѣнъ Хрущевъ предлагалъ такой компро-

миссъ, по его мнѣнію тѣмъ болѣе пригодный, что онъ не нарушалъ Положенія 21 октября 1867 г., въ силу котораго денежные сборы производятся не съ души, а съ кибитки, принимаемой за единицу, а именно: оставить киргизовъ на тѣхъ земляхъ, гдѣ они въ данный моментъ находятся, при условіи, если эти земли окажутся пустопорожними и Горное вѣдомство въ нихъ не нуждается; каждая кибитка платитъ Кабинету ежегодно оброка по 3 рубля, а желающіе обзавестись осѣдлостью —тотъ же оброкъ, что и крестьяне, т. е. 6 рублей съ души. Земли, предоставленныя въ пользованіе киргизамъ, должны быть обмежеваны и обозначены надлежащими знаками; разрѣшается пользованіе изъ лѣсныхъ дачъ валежникомъ, буреломомъ и сухоподстойнымъ лѣсомъ.

Генералъ-губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, выходилъ въ своемъ предложеніи прежде всего изъ интересовъ подвѣдомственнаго ему киргизскаго населенія; иначе смотрѣлъ на дѣло Кабинетъ Его Величества. Министръ Имп. Двора, гр. Адлербергъ, какъ это видно изъ его отношенія отъ 14 іюля 1873 г. на имя министра внутреннихъ дѣлъ, жаловался послѣднему, говоря, что Кабинетъ всегда находилъ вреднымъ для своихъ интересовъ пребываніе киргизовъ на горнозаводскихъ земляхъ; что онъ постоянно настаивалъ на ихъ удаленіи, но что требованія его или вовсе не исполнялись, или хотя и вызывали соотвѣтственныя распоряженія генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, какъ напримѣръ, по поводу вывода киргизовъ изъ окрестностей Локтевскаго завода, гдѣ вредъ отъ ихъ пребыванія оказывался всего ощутительнѣе, —но и въ этихъ случаяхъ приказанія рѣдко исполнялись семипалатинскими губернаторами, «которые почти всегда находили предлоги уклоняться отъ такихъ приказаній, ссылаясь на стѣсненія, которыя послѣдуютъ для киргизовъ отъ ихъ удаленія».

Тѣмъ не менѣе Кабинетъ чувствовалъ необходимость пойти на встрѣчу предложеннаго ему компромисса. Хотя и не охотно, онъ принялъ основную мысль генералъ-губернатора Западной Сибири, впрочемъ съ существенными ограниченіями: киргизы были допущены только на

одну Кулундинскую степь, гдѣ, на пространствѣ милліона десятинъ[1]), по мнѣнію Кабинета, могло легко размѣститься все нынѣшнее кочевое населеніе Алтайскаго округа, котораго (т. е. населенія) оно насчитывало не свыше 2680 кибитокъ. Арендная плата опредѣлялась въ 3 руб. съ кибитки, независимо отъ такого же сбора, и тоже въ 3 руб. въ пользу государственнаго казначейства, изъ каковой суммы министерство финансовъ признало справедливымъ; по ходатайству Кабинета, удѣлять послѣднему, какъ землевладѣльцу, половину, т. е. $1\frac{1}{2}$ руб., что въ общемъ должно было составить доходъ въ пользу Кабинета по $4\frac{1}{2}$ руб. съ кибитки.

Уступка Кулундинской степи, помимо всего, была обставлена двумя оговорками. Первая, содержанія болѣе или менѣе платоническаго, старалась обезпечить юридическія права Кабинета и предупреждала, что на уступку названной полосы земли отнюдь не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дѣло окончательное, а лишь какъ на пробу, которая дѣлается лѣтъ на 5, никакъ не дольше какъ на 10, потому что и впослѣдствіи въ Кулундинской степи можетъ встрѣтиться надобность самому Кабинету. Существеннѣе была вторая оговорка: Кабинетъ съ особенной силою подчеркивалъ, что Кулундинскую степь онъ уступаетъ подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго выселенія киргизовъ съ остальныхъ пунктовъ, особенно съ Локтевскаго участка[2]). Въ сущности это означало удовлетворить потребности лишь одной небольшой части, оставивъ вопросъ открытымъ для большинства киргизовъ. Подъ категоріею обязанныхъ покинуть кабинетскія земли под-

[1]) Граница предоставленнаго въ пользованіе киргизамъ участка, шла отъ Семипалатинской области на С. къ южной оконечности Кучукскаго озера; отсюда прямою линіею къ Ю. З. на сѣверную оконечность Сѣвернаго бора, къ той же границѣ Семипалатинской области, что давало въ длину до 150 верстъ, а въ ширину, въ среднемъ, до 60 вер.—вообще площадь въ 9000 кв. верстъ или свыше 900000 десятинъ.

[2]) Исключеніе дѣлалось «только для киргизовъ Койсандарт-Кипчаковской волости, кочующихъ около Топольнаго озера по правую сторону рч. Бурлы, и для аульнаго старшины Кокпектинскаго приказа Безнакова съ его ауломъ въ числѣ 270 душъ м. п., кочующихъ на Бійской линіи: инородцы эти, во вниманіе къ долговременному ихъ въ означенныхъ мѣстностяхъ пребыванію и обнаруженной наклонности къ осѣдлой жизни, могутъ быть оставлены на занимаемыхъ ими мѣстахъ, но, при условіи свободныхъ тамъ земель, платы 40 коп. за десятину и если сосѣдніе крестьяне не воспротивятся таковому оставленію».

ходили, очевидно, и тѣ киргизы, что кочевали на правомъ берегу Верхней Бухтармы[1])

Таковъ, въ главныхъ основаніяхъ, былъ проектъ соглашенія 1873 года между Кабинетомъ и киргизами. Между тѣмъ одна изъ заинтересованныхъ сторонъ, какъ можно было видѣть, активнаго участія въ выработкѣ этого проекта совсѣмъ не принимала, да и тѣ, кто дѣйствовалъ отъ ея имени, брали Кулундинскую степь конечно отнюдь не потому, чтобы считали возможнымъ ограничиться одной только ею. «Соглашеніе» не успѣло еще оформиться, а уже 11 марта 1874 г. Алтайское Горное Правленіе увѣдомляетъ, что министръ Двора дозволилъ киргизамъ, которыхъ заставляли уйти изъ Локтевскихъ боровъ, устроиться на время со своими кочевками, впредь до окончательнаго водворенія на Кулундинской степи,—въ степяхъ Коростелевской и Ремовской, каковымъ дозволеніемъ тѣ и не преминули воспользоваться. Не трудно было предвидѣть, что выраженіе «на время» на практикѣ должно было свестись къ «неопредѣленно большому числу лѣтъ», а дозволеніе министра служило лучшимъ свидѣтельствомъ, насколько искусственно и мало отвѣчающе потребностямъ дѣйствительной жизни было названное соглашеніе. Его недочеты не замедлили обнаружиться и по другому поводу.

Можно сказать, въ самый разгаръ выработки проекта 1873 года семипалатинскій губернаторъ усиленно подчеркнулъ тѣсноту рамокъ, въ какія намѣривались тогда заключить киргизовъ. 8 сентября 1873 г. онъ вошелъ съ ходатайствомъ о дозволеніи 600 кибиткамъ кочевать по р. Бухтармѣ на кабинетскихъ земляхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ допустили киргизовъ въ Кулундинскую степь. Это было открытымъ признаніемъ недостаточности тѣхъ уступокъ, на какія снизошелъ Кабинетъ. Однако хлопоты не привели ни къ чему. Кабинетъ категорически отказалъ: разрѣшивъ кочевку «инородцевъ, произвольно водворившихся въ предѣлахъ Алтайскаго округа», онъ, по его словамъ, очутился бы въ противорѣчіи съ самимъ собою, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о мѣстности, гдѣ уже успѣли устроиться

[1]) Дѣло Сем. Обл. Правл. по отношенію Алтайскаго Горнаго Правленія объ удаленіи киргизовъ съ горнозаводскихъ земель. Арх № 8197, т. III, лл. 637—652.

три деревни. Черновая, Таловка и Медвѣдка, и возможно было ожидать новыхъ засельщиковъ. Давъ согласіе, Кабинету пришлось бы дѣйствовать въ ущербъ развитію края, благопріятнаго какъ разъ для осѣдлой, а не кочевой жизни, и гдѣ вслѣдствіе этого желательно было видѣть населеніе крестьянское, а отнюдь не киргизское. Наконецъ, увеличеніе въ краѣ именно русскаго населенія важно было для Кабинета также и въ интересахъ развитія горнозаводской промышленности—въ смыслѣ привлеченія къ ней наиболѣе сподручныхъ рабочихъ силъ.

Но прежде чѣмъ отвѣтъ этотъ (22 августа 1874 г.), и безъ того запоздалый, дошелъ по назначенію, вопросъ о киргизахъ получилъ гораздо болѣе обостренную форму. Хотя юридически обязательнымъ проектъ 1873 года сталъ съ Высочайшимъ утвержденіемъ, не ранѣе 22 октября 1880 г., но уже и теперь онъ ложится въ основу дѣйствій и мѣропріятій мѣстной администраціи. И вотъ, когда крестьяне Алтайской и Ануйской волостей пожаловались на то, что въ разное время, начиная съ 1872 г., киргизы, кочующіе на крестьянскихъ земляхъ, выкрали у нихъ 306 лошадей на сумму 8006 руб., то томскій губернаторъ Супруненко, опираясь на ст. 481 т. XIV Св. Зак., предписалъ (въ іюнѣ 1874 г.) Бійскому окружному полицейскому управленію «немедленно сдѣлать распоряженіе объ удаленіи киргизовъ съ крестьянскихъ земель и не допускать ни одного киргиза кочевать въ Бійскомъ округѣ». Увѣдомляя объ этомъ семипалатинскаго губернатора и прося его (19 іюня 1874 г.) съ своей стороны не дозволять бійскимъ казакамъ принимать болѣе къ себѣ киргизовъ, Супруненко о томъ же просилъ одновременно (20 іюня) и генералъ губернатора Зап. Сибири, и послѣдній распорядился (17 іюля 1874 г. за № 866), чтобы семипалатинскій губернаторъ дѣйствительно настоялъ на высылкѣ «всѣхъ киргизовъ изъ Бійскаго округа въ свои степныя области.»[1])

Дѣйствія томскихъ властей подняли на ноги семипалатинскую администрацію. Губернаторъ Полторацкій, получивъ вышеупомянутое отношеніе къ нему томскаго губернатора 19 іюня 1874 г. оспорилъ ос-

[1]) Тамъ же Арх. № 8197 т. III. лл. 654—664; Записка Семип. вице-губернатора Чернявина въ Приложеніяхъ (№ 5).

новательность ссылки на ст. 481, тѣмъ болѣе что, по его мнѣнію, «киргизы окрестностей Семипалатинска и Катунскихъ альповъ, по громадности пространства, отдѣляющаго ихъ отъ волостей Ануйской и Алтайской, гдѣ были произведены кражи, не могли быть виновниками послѣднихъ»[1]). Съ большой энергіей высказался Полторацкій въ пользу киргизовъ и въ представленіи генералъ-губернатору 12 іюля 1874 г.

«Еще въ 1822 г.» —писалъ онъ— «въ именномъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 22 іюля о новомъ устройствѣ Сибири было разрѣшено заводскому начальству распространить горный промыселъ въ Алтайскихъ горяхъ за Бійскою линіею до китайской границы, но *безъ стѣсненія* живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ. Таковая Высочайшая воля однако не всегда исполнялась со стороны какъ томскаго, такъ и горнаго начальства; не разъ дѣлались попытки вытѣснить киргизовъ со становищъ, издревле имъ принадлежащихъ, главнымъ образомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что конокрадство вредитъ приселяемымъ въ ихъ сосѣдство крестьянамъ; хотя въ то же время сами крестьяне не разъ просили объ оставленіи киргизовъ, какъ дешевыхъ работниковъ, конюховъ и пастуховъ». Вообще сплошное удаленіе всѣхъ ихъ неизбѣжно подорветъ сложившійся порядокъ веденія хозяйства казаками и крестьянами Томской губерніи. Что же касается до самихъ киргизовъ, то не даромъ еще въ 1871 году Совѣтъ главнаго управленія Зап. Сибири призналъ окончательно неисполнимымъ удаленіе ихъ съ земель Горнаго Округа. Рѣшить однимъ почеркомъ пера, какъ это дѣлаетъ д. ст. сов. Супруненко, столь важный вопросъ, на основаніи одного голословного заявленія крестьянъ и рѣшиться на такую крутую мѣру, какъ удаленіе силою 2000 кибитокъ безъ вниманія на то, могутъ ли онѣ и какъ именно быть водворены въ другой мѣстности однимъ административнымъ распоряженіемъ губернской власти, «даже не испрашивая на то разрѣшенія Вашего Высокопревосходительства», было бы дѣйствіемъ по меньшей мѣрѣ неосторожнымъ и во всякомъ случаѣ преждевременнымъ.[2])

Полнѣе и обоснованнѣе развиваетъ свою мысль Полторацкій въ

---

[1]) Записка Чернявина въ Приложеніяхъ (№ 5).

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл., Дѣло № 8197, т. III, лл. 655—656.

обширной запискѣ на имя генералъ-губернатора 25 ноября 1874 г., поданной уже послѣ того, какъ ему стали извѣстны и предписанія послѣдняго отъ 17 іюля, и отвѣтъ Кабинета отъ 22 августа.

Нарымскіе и чингистайскіе киргизы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться самовольно прикочевавшими въ Алтайскій Горный Округъ, такъ какъ на занимаемыхъ ими мѣстахъ они поселились значительно ранѣе того времени, съ котораго началось фактическое владѣніе Россіи сѣверною частью бассейна Верхней Бухтармы, задолго до появленія русскихъ переселенцевъ, составившихъ дер. Черновую и Медвѣдку. Не слѣдуетъ упускать безъ вниманія и того, что въ сказанной мѣстности фактическое право владѣнія Россіи предшествовало юридическому, начавшемуся не ранѣе заключенія Пекинскаго договора 2 ноября 1860 года. По всей вѣроятности, лишь малое знакомство Алтайскаго Горнаго Правленія съ характеромъ мѣстности бассейна р. Бухтармы выше дер. Черновой, послужило поводомъ къ мнѣнію, что земли, занятыя киргизами Нарымской и Чингистайской волостей на правомъ берегу р. Бухтармы благопріятны для развитія земледѣлія. Будучи лично знакомъ съ этой мѣстностью, я беру на себя смѣлость утверждать. что вся сѣверная часть долины Верхней Бухтармы, выше дер. Черновой, за исключеніемъ незначительной прибрежной полосы, простирающейся до р. Берели, и небольшого клочка земли у устья послѣдней, *положительно негодна для хлѣбопашества*, а, слѣдовательно, и для осѣдлой жизни, такъ какъ представляетъ страну возвышенную (отъ 4 до 8 тыс. футовъ надъ ур. м.) и крайне пресѣченую. Нельзя также разсчитывать, чтобы названная мѣстность могла быть эксплуатируема для побочныхъ заводскихъ производствъ—снабженія лѣсомъ и углемъ Зыряновскаго рудника, такъ какъ сплавъ лѣса, почти исключительно лиственницы, плавимой, какъ извѣстно только на плотахъ изъ болѣе легкихъ лѣсныхъ породъ, невозможенъ ни по Берели, ни по Бухтармѣ, выше Чингистайскаго порога; выжегъ угля, хотя и затруднителенъ, но возможенъ; но провозъ его не только до Зыряновскаго рудника, но даже до дер. Черновой будетъ стоить слишкомъ дорого.

«Не усматривая, согласно вышеизложеннаго, чтобы поводы къ вы-

селенію киргизъ съ праваго берега р. Бухтармы, вытекали изъ необходимости соблюсти дѣйствительные интересы Кабинета Е. В., я не могу умолчать, что въ оправданіе этой мѣры не имѣется равнымъ образомъ и никакихъ законныхъ основаній. Напротивъ того, въ силу Высоч. указа 22 іюля 1822 г., коимъ разрѣшено заводскому начальству распространять горный промыселъ и поселенія въ Алтайскихъ горахъ за Бійскою линіею до китайской границы, съ условіемъ *не стѣснять* живущихъ на этомъ пространствѣ *инородцевъ*, киргизы имѣютъ неоспоримое право оставаться на занимаемыхъ ими мѣстахъ, ибо приведенный указъ никакимъ послѣдующимъ законодательнымъ актомъ *отмѣненъ не былъ*».

Кромѣ того, «выселеніе киргизовъ представляетъ мѣру, немедленное исполненіе которой если не невозможно, то во всякомъ случаѣ крайне затруднительно и далеко не безопасно по своимъ послѣдствіямъ. Южная часть бассейна Верхней Бухтармы представляетъ крайне крутой и короткій склонъ пограничнаго хребта, въ которомъ всѣ сколько нибудь удобныя мѣста уже заняты или казачьими поселеніями, или киргизскими зимовками. Помѣстить тутъ же и стойбища забухтарминскихъ киргизовъ крайне трудно безъ полной перетасовки всего Курчумскяго участка, что вызвало бы всевозможные споры, баранты и даже укачеваніе за границу. Желаніе уменьшить число кибитокъ, находящихся по правому берегу Бухтармы, до предѣловъ, обусловливаемыхъ крайнею необходимостью, было побудительною причиною ходатайства моего объ обложеніи каждой кибитки, имѣющей стойбища въ Горномъ Округѣ, добавочнымъ налогомъ въ 3 рубля (въ то время я неимѣлъ въ виду указа 22 іюля 1822 года). Хотя ходатайство мое и не было уважено, но мнѣ удалось тогда же достигнуть довольно значительнаго сокращенія числа кибитокъ, стоящихъ на правомъ берегу, а именно съ 653 на 531 кибитку[1]). Въ подобныхъ обстоятельствахъ

[1]) Цифра 531 получилась на основаніи переписи, произведенной въ концѣ 1873 г. Число кибитокъ, кочевавшихъ по Бухтармѣ, особенно за эти годы, полные неустойчивости и неопредѣленности въ положеніи киргизовъ, конечно, не могло быть въ каждую данную минуту одно и то же. Отсюда и та разница въ цифровыхъ данныхъ, что замѣчается въ нашихъ матеріалахъ: говорится то о 600, то о 555, 531 и пр. кибиткахъ. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ цифръ (600) могли быть взяты лишь для приблизительнаго указанія. Е. Ш.

только дѣйствуя исподволь, можно достигнуть прочныхъ результатовъ, всякая же крутая мѣра крайне трудна и можетъ быть предпринята только при соотвѣтствующихъ средствахъ къ ея исполненію. По отношенію же къ настоящему случаю, я не надѣюсь, чтобы тѣхъ вооруженныхъ силъ, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи въ Бухтарминской долинѣ, было достаточно для отвращенія, не ослабляя надзоръ за границей, перекочевки на правый берегъ Бухтармы, а также взаимной баранты киргизовъ и крестьянъ инородческой волости, которая тотчасъ же возникнетъ, коль скоро будетъ сдѣлана попытка къ исполненію распоряженія г. томскаго губернатора, причемъ буйные и своевольные крестьяне названной волости, стоящіе внѣ всякаго административнаго вліянія и среди которыхъ еще живы воспоминанія объ «охотѣ за людьми», неизбѣжно примутъ на себя трудъ содѣйствовать распоряженію своего начальства, хотя бы и безъ всякихъ на то указаній со стороны послѣдняго».

Въ виду изложеннаго, Полторацкій просилъ отложить на время выселеніе киргизовъ, пересмотрѣть ихъ права на основаніи указа 22 іюля 1822 г. и, если окажется, что послѣдній болѣе уже не соотвѣтствуетъ условіямъ жизни, то изложить его въ законодательномъ порядкѣ и тѣмъ избѣгнуть противорѣчія съ нимъ. Въ заключеніи семипалатинскій губернаторъ справедливо указывалъ на то, «что вопросъ, съ которымъ связано благосостояніе пяти тысячъ киргизовъ и спокойствіе всего пограничнаго края, требуетъ всесторонняго разсмотрѣнія не только въ интересахъ Кабинета Е. В., но и въ смыслѣ общегосударственномъ[1]).

Не смотря однако на все заступничество семипалатинскихъ властей[2]), дѣло киргизовъ было проиграно. Слабый долженъ былъ уступить сильному. При всей односторонности точки зрѣнія, съ какой раз-

[1]) Тамъ же, лл. 673—676.

[2]) Не довольствуясь своимъ представленіемъ генералъ-губернатору, Полторацкій на слѣдующій день, 26 ноября 1874 г., поручилъ вице-губернатору Чернявину составить записку о киргизахъ, проживающихъ на земляхъ Алтайскаго Горнаго Округа. Записка эта, полностію печатаемая нами въ приложеніяхъ, (№ 5), подробно разсматриваетъ права киргизовъ на пользованіе кабинетскими землями и указываетъ мѣры для упорядоченія существующихъ отношеній.

сматривалъ русско-киргизскія отношенія томскій губернаторъ[1]), онъ справедливо указывалъ на то, что указъ 22 іюля 1822 г. хотя и остается въ силѣ какъ законъ и обязательное для всѣхъ постановленіе, но что жизнь давно уже обошла его и «фактически онъ уже измѣненъ въ Томской губ. тѣмъ, что русское населеніе, неудержимо стремящееся на востокъ, давно перешло опредѣленную для инородцевъ границу и образовало пять многолюдныхъ волостей»; что этому внѣдренію русскаго элемента въ самую толщу инородческаго населенія русское правительство не только не препятствуетъ, но, наоборотъ, содѣйствуетъ и сочувствуетъ и что Кабинетъ какъ разъ въ эту пору занятъ былъ «составленіемъ проэкта колонизаціи Алтая русскими людьми, причемъ для инородцевъ предполагается оставить только самую незначительную территорію».

Случайныя обстоятельства дали Полторацкому возможность на короткое время отсрочить фатальныя слѣдствія распоряженія томскаго губернатора. За отъѣздомъ изъ края главнаго его начальника, Полторацкій, по званію временно-предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ главнаго управленія Зап. Сибири, предложилъ 13 декабря 1874 г. томскому губернатору оставить киргизовъ на Ремовской и Коростелевской степяхъ и на правомъ берегу р. Бухтармы, впредь до особаго распоряженія, а равно не стѣснять и киргизовъ одобрительнаго поведенія, проживающихъ по паспортамъ на заработкахъ въ Зыряновскомъ и въ другихъ рудникахъ Горнаго Округа и у казаковъ на Бійской линіи, въ случаѣ если заводское и станичное начальство дастъ на то согласіе и поручится въ ихъ благонадежности.

Но это была именно только отсрочка: 14 іюля 1875 г. генералъ-губернаторъ Казнаковъ предписалъ безотлагательно выдворить киргизовъ какъ въ частности съ праваго берега Бухтармы, такъ и вообще отовсюду, гдѣ имъ не полагалось быть, причемъ обращалъ особенное вниманіе семипалатинскаго губернатора и уѣздныхъ начальниковъ на точное выполненіе своего распоряженія.

---

[1]) См. его представленіе 20 декабря 1874 г. генералъ-губернатору Зап. Сибири по поводу вышеупомянутой записки Полторацкаго. Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, т. III. лл. 685—695.

Но какъ выполнить? Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ[1]) устькаменогорскій уѣздный начальникъ доносилъ, что не знаетъ, куда выселить и гдѣ размѣстить бухтарминскихъ киргизовъ, которыхъ объ эту пору кочевало на правомъ берегу 555 кибитокъ. Къ тому же распоряженіе томской администраціи о выдвореніи поставило киргизовъ въ полную зависимость отъ произвола мѣстныхъ крестьянъ; особенно жители дер. Черновой начали сильно притѣснять инородцевъ, захватывать у нихъ распаханныя пашни, зимовья и даже скотъ. Вопросъ о выдвореніи существенно осложнялся еще и тѣмъ, что какъ разъ этой весною основалось или было констатировано существованіе пяти новыхъ русскихъ поселеній на зимовкахъ Чингистайской и Нарымской волостей: 1) на р. Берели, 60 семей выселенцевъ изъ дерр. Солоновки, Ключей и Крестовки; 2) на уроч. Уртешъ-Булакъ, дер. Березовка, до 35 семей изъ дерр. Осочихи, Мяконькой и Слоновки; 3) на р. Чу (Черновая), до 70 семей изъ Пермской губ., изъ дерр. Солоновки и Черемшанки; 4) на уроч. Монлды (Каменушка), 15 семей изъ Тобольской губ. и Зыряновскаго рудника и 5) на р. Кульмесъ (Согренная), до 8 семей[2]). Незваные гости отобрали у киргизовъ ихъ пашни съ цѣлью сдѣлать на нихъ свои посѣвы (или, какъ выразился по этому поводу семипалатинскій губернаторъ въ докладѣ генералъ губернатору: «предпочитая уже подготовленныя для пашни мѣста трудной работѣ распашки нови»). «Кромѣ того»,—рапортовалъ устькаменогорскій у. начальникъ—«крестьяне всѣхъ пограничныхъ деревень употребляютъ всѣ мѣры, чтобъ не допустить распашки земель киргизами, исконн производимой; да даже и выходъ на лѣтнія стойбища стараются запретить, для чего производятъ распашку земель на самыхъ трактахъ, перепахивая для этого даже дороги въ тѣсныхъ мѣстахъ и возводя потомъ жалобы на потраву».

Затрудненіями обставлено было выдвореніе киргизовъ и съ другихъ пунктовъ Алтайскаго Горнаго Округа. Выдворивъ, въ силу предписа-

[1]) Рапорты 25-го и 30-го апрѣля 1875 г.

[2]) Первыя четыре мѣстности въ Чингистайской, пятая—въ Нарымской волости. Какъ видимъ, почти всѣ выходцы были изъ сосѣднихъ деревень, лежащихъ въ бассейнахъ р.р. Нижней Бухтармы и Нарыма, т. е. т. наз. „каменьщики“.

нія 4 іюля 1875 г., 165 подвѣдомственныхъ ему юртъ изъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ, семипалатинскій уѣздный начальникъ доносилъ 5 сентября 1875 г., что остальныя 245 юртъ онъ вынужденъ былъ оставить на старыхъ мѣстахъ и оправдывалъ себя тѣмъ, что сами крестьяне будто бы не отпускали киргизовъ, даже скрывали ихъ у себя, сельское же начальство содѣйствія къ выдворенію не оказало: въ киргизѣ нуждались, какъ въ рабочей силѣ. Такъ арендаторъ казенныхъ боровыхъ озеръ просилъ пріостановить выселеніе киргизовъ, пока тѣ не выполнятъ заключеннаго съ ними контракта, чтобы не остаться безъ рабочихъ рукъ.

Все это дало Полторацкому основаніе войти 29 сентября 1875 г. съ новымъ ходатайствомъ. Еще раньше, 28 мая 1875 г., онъ возобновлялъ просьбу о невыселеніи киргизовъ съ праваго берега Бухтармы впредь до разрѣшенія вопроса о разграниченіи Семипалатинской области съ Томской губ.; теперь же, проектируя разрѣшеніе киргизамъ, въ предѣлахъ вообще Алтайскаго Округа, жить осѣдло, съ согласія крестьянъ и Горнаго Правленія, по паспортамъ, съ семьями, юртами и прочимъ хозяйствомъ; а также разрѣшеніе арендовать кабинетскія земли не общемъ основаніи, хотя бы сосѣдство киргизовъ и было непріятно крестьянамъ, обыкновенно желающимъ избѣжать конкуренціи въ безплатномъ пользованіи пустопорожними землями,—семипалатинскій губернаторъ, въ частности примѣнительно къ бухтарминскимъ киргизамъ ходатайствовалъ разрѣшить имъ, «по совершенной пустынности края», хотя бы временное пребываніе на правомъ берегу Бухтармы, «требуя удаленія ихъ тамъ только, гдѣ ихъ присутствіе, по мѣрѣ наплыва осѣдлаго населенія, будетъ становиться стѣснительно для водворяющихся поселеній».

Отвѣтъ генералъ-губернатора звучалъ на этотъ разъ холодно и даже сурово: «Я не могу болѣе допустить никакой переписки по предложеніямъ вашимъ о дозволеніи киргизамъ проживать осѣдло и арендовать земли Кабинета Е. В. Дальнѣйшее проживаніе сказанныхъ киргизовъ на земляхъ, принадлежащихъ Государю Императору, безъ платежа оброка, считаю посягательствомъ на собственность Его Величества и, не имѣя права располагать землями Высокаго Владѣльца, про-

шу васъ, милостивый государь, озаботиться о точномъ и постепенномъ исполненіи вышеозначеннаго предложенія моего».

Приказаніе было слишкомъ категорично, чтобъ допускать послѣ только что сказаннаго какія либо еще колебанія и промедленія. Сохранился черновой набросокъ письма, составленнаго, повидимому, семипалатинскимъ губернаторомъ или его замѣстителемъ на упомянутомъ предписаніи 24 октября на имя, кажется, устькаменогорскаго у. начальника: «По важности этого дѣла и нареканій со стороны вѣдомства Кабинета, которыя могутъ пасть на васъ, я убѣдительнѣйше прошу васъ привести исполненіе закона въ надлежащій видъ и устроить положеніе произвольно кочующихъ на земляхъ Алтайскаго округа киргизовъ наименѣе стѣснительно для нихъ. При этомъ благоволите уговорить другіе роды принять ихъ къ себѣ, какъ неоднократно вами бывало дѣлаемо, и примите всѣ необходимыя мѣры, чтобъ они не укочевали въ китайскіе предѣлы. Подобное укочеваніе повлекло бы за собою производство формальнаго слѣдствія, которое бы раскрыло всѣ промахи мѣстныхъ властей въ прежнее время, которыхъ бы изслѣдовать я не желалъ, довольствуясь лишь приведеніемъ въ надлежащій и стройный видъ того, что существуетъ незаконно».

И при всемъ томъ, даже послѣ предписанія генераль-губернатора, семипалатинскій губернаторъ хватается за послѣднее средство и 24 ноября запрашиваетъ начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ: могутъ ли киргизы проживать съ согласія крестьянскаго и заводскаго начальства по паспортамъ, съ семьями, юртами и прочимъ хозяйствомъ, а также арендовать кабинетскія земли на общемъ основаніи, «хотя бы сосѣдство ихъ и было непріятно крестьянамъ»,—запрашиваетъ, очевидно, съ цѣлью въ утвердительномъ отвѣтѣ найти новую точку опоры въ защитѣ киргизскихъ интересовъ: настолько ясны были для семипалатинской администраціи тяжелыя послѣдствія предстоящаго выдворенія киргизовъ съ праваго берега Бухтармы[1]). Наконецъ, когда,

[1]) Начальникъ алтайскихъ горныхъ заводовъ отвѣчалъ 5 декабря 1875 г.: проживаніе осѣдло не можетъ быть дозволено, такъ какъ киргизы, за исключеніемъ работниковъ на заводахъ и въ рудникахъ, подлежатъ выселенію; что же касается до аренды, то, такъ какъ до рѣшенія вопроса о поселеніи всѣхъ киргизовъ на Кулундинскую степь имъ дозволено горнымъ начальствомъ кочевать на Ремовской и Коростелевской степяхъ, слѣдовательно до того же времени имъ можетъ быть дозволено арендованіе земель только на сихъ степяхъ.

въ силу предложенія генералъ-губернатора отъ 19 декабря 1875 г., томскій губернаторъ предписалъ съ наступленіемъ весны и во всякомъ случаѣ не позже первой половины мая выселить киргизовъ и просилъ 7 января 1876 г., семипалатинскаго губернатора назначить чиновниковъ для пріема и опредѣлить мѣста, гдѣ могла бы состояться передача выселяемыхъ изъ одного вѣдомства въ другое, то и тутъ семипалатинскій губернаторъ, вмѣсто категорическаго предписанія ограничился лишь запросомъ и требованіемъ, чтобы уѣздные начальники устькаменогорскій, павлодарскій и семипалатинскій дали ему «свое заключеніе» по данному вопросу. Въ результатѣ получился выговоръ: генералъ-губернаторъ ставилъ 10 сентября 1876 г., на видъ губернатору, что онъ долженъ былъ не «заключеній» ждать, а самъ давать прямыя указанія подвѣдомственнымъ ему чинамъ...

Но это было уже въ ту пору, кога періодъ бумажныхъ предписаній смѣнился активными дѣйствіями. Къ обзору этихъ послѣднихъ мы теперь и переходимъ[1]).

VI.

Мы уже видѣли, что 14 іюля 1875 г. генералъ-губернаторомъ Зап. Сибири дано было категорическое предписаніе выдворить киргизовъ съ праваго берега Бухтармы. Подчиняясь таковому, семипалатинскій губернаторъ, въ свою очередь предписалъ 8 августа 1875 г. устькаменогорскому у. начальнику приступить къ выселенію, добавляя однако: «по возможности, безъ отягощенія киргизовъ». Распорядился о выдвореніи и томскій губернаторъ, но, вѣроятно безъ указаннаго добавленія. Есть основаніе думать, что томскія губернскія власти преслѣдовали одну только мысль: немедленно и во что бы то ни стало удалить всѣхъ киргизовъ, при чемъ самое выдвореніе было возложено на «мѣстныя волостныя и сельскія власти», иначе говоря, на тѣхъ

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197. т. III. лл. 671. 693—696. 720—726, 730—731. 740—743, 748. 762, 767, 786—788. 899—900.

самыхъ крестьянъ, изъ за которыхъ въ значительной степени весь сыръ-боръ и загорѣлся и въ спокойномъ, безпристрастномъ отношеніи которыхъ къ киргизамъ можно было болѣе чѣмъ сомнѣваться. Къ дѣлу во всякомъ случаѣ приступили съ энергіей и на первый же разъ выдворили 115 кибитокъ. Страсти разгорѣлись, бросились жечь киргизскія зимовки, и 23 сентября 1875 г. дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія: многіе киргизы получили побои, одинъ изъ нихъ былъ даже раненъ, иные захвачены и отпущены на свободу, только откупившись деньгами и вещами[1]).

Разумѣется, сейчасъ же полетѣли донесенія, запросы, отписки. Томскій губернаторъ отрицалъ, 3 декабря 1875 г., фактъ выселенія по его приказанію: напротивъ, утверждалъ онъ, я еще 25 іюня подтвердилъ бійскому исправнику: киргизовъ, кочующихъ по правому берегу, выше крестьянскихъ селеній, не выдворять. Сохранившіеся матеріалы не даютъ возможности нарисовать съ желаемой полнотой картину происшедшаго; зато, насколько сильна была вѣра въ могучее дѣйствіе *предписаній*, насколько, очевидно, трудно было издали взвѣсить *реальныя* условія и причины совершившихся событій,—объ этомъ можно судить по слѣдующему распоряженію генералъ-губернатора, данному семипалатинскому губернатору 22 декабря 1875 г.

«Предлагаю вашему превосходительству принять съ своей стороны всѣ мѣры къ сохраненію тишины и спокойствія между киргизами Чингистайской волости, какъ на зимнихъ ихъ стойбищахъ, такъ и во время имѣющаго послѣдовать весною ихъ перевода въ степь, возложивъ непосредственное наблюденіе за этимъ на кого либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, заслуживающихъ особаго довѣрія,—съ тѣмъ чтобы киргизы постепенно выводились съ земель Кабинета, *каждый разъ* по передачѣ ихъ кѣмъ слѣдуетъ въ вѣдѣніе подлежащихъ властей области, *спокойно и твердо водворяемы были въ строго опредѣленныхъ мѣстахъ природныхъ ихъ кочевокъ*. Точное исполненіе требуемой мѣры, какъ обусловливаемое лишь правильнымъ употребленіемъ тѣхъ средствъ, какія предоставлены въ этомъ отношеніи въ полное

[1]) См. въ приложеніяхъ (№ 6) представленіе семипалатинскаго губернатора генералъ-губернатору Зап. Сибири 24 ноября 1875 г. за № 9688.

распоряженіе вашего превосходительства, я оставляю всецѣло на личной отвѣтственности вашей».

Безпорядки на Бухтармѣ и затрудненія въ Кулундинской степи вызвали, для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, командировку члена совѣта главнаго управленія Зап. Сибири Заборовскаго. Знакомя послѣдняго съ положеніемъ дѣлъ, губернаторъ Полторацкій 8 января 1876 г. излагалъ ему:

«Такъ какъ требованіе о выдвореніи мотивируется исключительно желаніемъ очистить землю для осѣдлыхъ поселеній, то необходимо прежде всего различать земли къ западу отъ р. Берели отъ земель, лежащихъ къ востоку отъ долины этой рѣки. На первомъ участкѣ имѣется много мѣстностей, удобныхъ для земледѣлія; на второмъ же, сильно возвышенномъ надъ уровнемъ моря и при томъ крайне пересѣченномъ, имѣются отличныя горныя пастбища, но земледѣліе, а слѣдовательно и водвореніе осѣдлыхъ поселеній тутъ безусловно невозможно[1]). Основываясь на этомъ различіи участковъ, казалось бы необходимымъ, не трогая киргизовъ, кочующихъ въ В. отъ Берели, постепенно выселять киргизовъ западнаго участка, но не за Берель, гдѣ удобныхъ мѣстъ для зимовокъ, по обилію снѣговъ, очень немного, а на лѣвый берегъ р. Бухтармы, въ разныя волости Заиртышскаго участка, по мѣрѣ того какъ киргизы будутъ успѣвать находить себѣ новыя зимовки. Въ теченіе нынѣшняго года всѣ усилія мѣстной администраціи будутъ направлены къ расселенію 115 кибитокъ, уже выдворенныхъ съ праваго берега р. Бухтармы вооруженною рукою и которыя, по заявленію уѣзднаго начальника, на настоящую зиму временно распредѣлены между своими родовичами[2]). Какъ быстрое и насильственное выдвореніе съ

[1]) «По наблюденіямъ геодезиста генеральнаго штаба капитана Мирошниченко, возвышеніе надъ уровнемъ моря Уруля достигаетъ 3712 фут., Табатовъ—4763 фут. и Чиндыгатуя—6112 фут.: по этимъ даннымъ высота устья р. Берели, самаго низкаго пункта мѣстности, лежащей къ В. отъ Берельской долины, должна превосходить 4060 фут., а извѣстно, что въ Южномъ Алтаѣ предѣлъ произрастанія хлѣбовъ вообще не превышаетъ 4000 фут (Списки насел. мѣстн., т. LX. Томская губ. стр. XCI)».

[1]) Объ этихъ 115 кибиткахъ устькаменогорскій у. начальникъ Халдѣевъ нѣсколько позже, 5 мая 1876 г., доносилъ: онѣ благополучно перезимовали въ наскоро устроенныхъ землянкахъ и въ юртахъ, огороженныхъ плетневыми дворами; за лѣто выстроятъ себѣ зимовки и будутъ размѣщены по своимъ волостямъ. Е. Ш.

горнозаводскихъ земель, такъ и обложеніе оброкомъ сверхъ кибиточной подати, остающихся нынѣ на этихъ земляхъ киргизовъ Бухтарминскаго края, я считаю крайне не удобнымъ. Киргизы эти еще недавніе подданные, имѣющіе близкихъ родовичей заграницею, и при усиленныхъ стѣсненіяхъ они легко могутъ откочевать, чему при чрезвычайной близости границы и затрудняющей наблюденіе пересѣченной мѣстности воспрепятствовать не легко, притомъ киргизовъ не легко убѣдить въ справедливости настоящихъ отношеній къ нимъ русскихъ властей.

«Чтобы разрѣшеніе вопроса о выдвореніи киргизовъ изъ предѣловъ Алтайскаго Горнаго Округа было прочно и, по возможности, менѣе отяготительно для населенія, необходимо, если возможно, отмѣнить невызванное достаточными основаніями запрещеніе киргизамъ проживать въ предѣлахъ Томской губ., что нынѣ служитъ единственнымъ препятствіемъ горному начальству отдавать киргизамъ землю въ арендную плату, и затѣмъ отмежевать пограничнымъ крестьянамъ узаконенный надѣлъ. Тогда киргизы, уже знакомые съ удобствами осѣдлой жизни, явятся арендаторами свободныхъ земель съ платою по 40 коп. за десятину и доставятъ значительный доходъ Кабинету Е. В. Сверхъ того существенно необходимо, чтобъ была проведена административная граница между Томской губ. и Семипалатинской областью, съ устраненіемъ всякой черезполосности. При настоящей же границѣ, не территоріальной, а сословной, когда крестьяне подчинены одному начальству (притомъ крайне удаленому отъ пограничныхъ мѣстъ), а киргизы другому, нѣтъ возможности устранить тѣ столкновенія, которыя волнуютъ край и угрожаютъ, если будутъ продолжаться, крайне печальными послѣдствіями.

«Съ своей стороны я уже исчерпалъ всѣ средства защиты киргизовъ, издревле проживающихъ въ предѣлахъ Алтайскаго Горнаго Округа, и мнѣ остается только исполнить предписаніе. Я знаю, что насильственное и немотивированное достаточными доводами закона и необходимости передвиженіе киргизовъ уничтожаетъ зачатки осѣдлости и домовитости, къ которымъ кочевники легко и скоро привыкаютъ въ сосѣдствѣ съ крестьянами, и подаетъ худой примѣръ для всей степи;

но, дѣйствуя по необходимости, думаю, что не на моей совѣсти будетъ лежать этотъ печальный шагъ назадъ въ развитіи степного быта»[1]).

Событія какъ будто хотѣли подтвердить опасенія семипалатинскаго губернатора. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ объяснительной записки своей Заборовскому онъ получилъ конфиденціальное сообщеніе устькаменогорскаго у. начальника, подполковника Халдѣева, отъ 31 января 1876 г. слѣдующаго содержанія:

«Ваше превосходительство Владиміръ Александровичъ. Начальникъ Катонъ-Карагайскаго отряда, маіоръ Бахиревъ, отъ 24 января за № 19, донесъ мнѣ, что онъ изъ подъ руки дозналъ: будто бы безпрестанныя ссоры крестьянъ дерр. Черновой и Березовой съ киргизами Чингистайской волости; разныя вымогательства крестьянъ, во главѣ которыхъ киргизы называютъ Карпа Макарова, Леонтія Краскова, Леонтія и Григорія Русиковыхъ; поборы, особенно со старшинства № 4, крестьянъ въ свою пользу за право кочевки и пастьбы скота по правому берегу р. Бухтармы—деньгами и баранами; а также всякаго рода притѣсненія со стороны крестьянъ; вывозъ крестьянами дер. Березовой 80 стоговъ сѣна, постановленнаго киргизами на правой сторонѣ р Бухтармы,—все это въ совокупности съ неудовлетвореніемъ киргизскихъ жалобъ заставляетъ киргизовъ Чингистайской волости отложиться отъ Россіи и съ открытіемъ весны, подъ предлогомъ лѣтнихъ кочевокъ, побывъ нѣкоторое время на хребтахъ горъ, уйти въ китайскіе предѣлы. Также носятся слухи между киргизами о намѣреніи отложиться и укочевать въ китайскіе же предѣлы родовъ Сарджумартовскаго и Кожембетевскаго. Получивъ это донесеніе и принявъ самыя энергичныя мѣры къ узнанію истины, а также всевозможныя мѣры къ успокоенію и отстраненію исполненія сего, я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія В. Пр—ва и просить указаній, причемъ присовокупляю, что я лично, по полученіи облегченія отъ болѣзни, немедленно отправлюсь въ Катонъ-Карагай и о собранныхъ мною данныхъ и сдѣланныхъ распоряженіяхъ поставлю обязанностью донести В. Пр—ву оффиціально».

Губернаторъ, разумѣется, всполошился. 16 февраля 1876 г. онъ

---

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, т. III. лл. 754—756, 779. 784. 833.

просилъ (конфиденціально) подполковника Халдѣева ѣхать на мѣсто возможно скорѣе и, если слухъ подтвердится, то объяснить киргизамъ всю преступность ихъ замысловъ и неизбѣжность наказанія, грозить вооруженными поисками за предѣлами государственной границы и напомнить, что китайцы все равно ихъ выдадутъ. Тогда же, 16 февраля, донося о происшествіи (и тоже конфиденціально) главному начальнику края, губернаторъ Полторацкій добавлялъ: «не смотря на полную увѣренность мою въ распорядительность подполк. Халдѣева, пользующагося неограниченной любовью и довѣріемъ завѣдываемаго имъ населенія, не могу безусловно отвѣчать за успѣхъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя можно принять по мѣстнымъ условіямъ для удержанія кочевника».

За отъѣздомъ генералъ-губернатора въ Петербургъ, предсѣдательствующимъ въ Совѣтѣ главнаго управленія Зап. Сибири былъ въ ту пору генералъ Цитовичъ. 27 февраля 1876 г. онъ распорядился немедленно произвести на мѣстѣ *особое* и самое тщательное разслѣдованіе самоуправствъ, породившихъ броженіе среди киргизовъ. Устькаменогорскій у. начальникъ и мировой посредникъ VII участка Алтайскаго Горнаго Округа должны были провѣрить жалобы и претензіи, тотчасъ же удовлетворить ихъ (за исключеніемъ требующихъ формальнаго разслѣдованія въ порядкѣ уголовномъ), а обидчиковъ предупредить, что всякое повтореніе подобоыхъ правонарушеніе впредь будетъ разсматриваться, какъ «упорное неповиновеніе начальству». Сверхъ того предсѣдательствующій предписывалъ донести о результатахъ и «о впечатлѣніи», какое произведутъ принятыя мѣры на обѣ стороны; неукоснительно слѣдить за всякимъ движеніемъ кочевниковъ, быть наготовѣ и увѣдомлять черезъ каждыя двѣ недѣли о положеніи дѣла. Наконецъ 1 марта 1876 г. послѣдовало, на основаніи телеграммы генералъ-губернатора, слѣдующее распоряженіе, какъ «экстренно-важное»: «На обязанности мѣстныхъ властей лежитъ какъ охраненіе границы сторожевыми отрядами и пикетами отъ мятежныхъ шаекъ, такъ и воспрепятствованіе самовольному оставленію кочевниками нашихъ предѣловъ»[1]).

Однако опасенія оказались на этотъ разъ преждевременными. 22

[1]) Тамъ же, лл. 789. 797—802. 805.

марта 1876 г. подполк. Халдѣевъ доносилъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ онъ ѣздилъ въ Чингистайскую волость и, «по тщательномъ изъ подъ руки разслѣдованіи, нашелъ все кочевое населеніе въ совершенномъ спокойствіи и полной преданности нашему правительству. Слухъ же оказался невѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣющимъ никакого значенія и не произвелъ никакого вреднаго на киргизовъ вліянія».

Что же однако вызвало появленіе такого слуха? Нѣтъ дыма безъ огня, и въ томъ же донесеніи уѣзднаго начальника не трудно подмѣтить признаки таковаго. Киргизы «роптали» «на неправильное, по ихъ мнѣнію, выдвореніе ихъ въ прошломъ году»; они привыкли считать мѣста, откуда ихъ изгоняли, своими по праву наслѣдства; слѣдствіе по дѣлу о столкновеніи 23 сентября 1875 г. все еще не было закончено и киргизы потеряли надежду получить удовлетвореніе: вдобавокъ не было постановлено никакого рѣшенія еще по другому аналогичному дѣлу о самоуправствѣ крестьянъ въ 1873 г., что, вмѣстѣ взятое, подрывало у киргизовъ «вѣру въ покровительство и защиту ихъ со стороны русскаго начальства». Удивляться ли, что явилось желаніе искать иныхъ мѣстъ, «хотя бы даже заграницей, въ киреевцахъ», съ которыми, какъ извѣстно, многіе изъ чингистайскихъ киргизовъ состояли въ родствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ? Толки о переселеніи въ Китай, несомнѣнно, существовали, но толки глухіе и осторожные, а съ пріѣздомъ уѣзднаго начальника они и совсѣмъ заглохли, хотя только наружно. Подозрительный и недовѣрчивый, инородецъ умѣлъ во время притаиться; но видѣть въ наружной тишинѣ, какъ это допустилъ подполк. Халдѣевъ, выраженіе «совершеннаго спокойствія и полной преданности нашему правительству», доказательство возвращенія къ «прежней безусловной довѣрчивости и покорности», было большимъ оптимизмомъ. Послѣдующія событія не замедлили доказать всю ошибочность такого мнѣнія. Въ данную минуту киргизы, дѣйствительно, притихли, но лишь потому что обстоятельства еще не сложились для нихъ благопріятно. Но пройдетъ два года, они найдутъ моментъ болѣе удобнымъ, и «слухъ» окажется на этотъ разъ уже вполнѣ реальнымъ фактомъ[1]).

---

[1]) См. въ Приложеніяхъ (№ 7) донесеніе устькаменогорскаго у. начальника семипалатинскому губернатору 22 марта 1876 г. за № 1165.

Да и какъ было ему не реализоваться, когда киргизамъ оставалось одно изъ двухъ: или въ самомъ дѣлѣ уходить заграницу, или снова возвращаться на старыя становища, откуда ихъ такъ успѣшно выдворяли: —говоримъ: одно изъ двухъ, потому что водвориться на предлагаемыхъ мѣстахъ, на лѣвомъ берегу Бухтармы могла лишь самая ничтожная часть, да и то при условіи постояннаго раздраженія и споровъ. И вотъ, пока не переходя государственной грани, киргизы упорно переходятъ грань рѣчную. Такъ 138 юртъ, въ числѣ 415 человѣкъ м. п. и 368 ж. п., съ 1295 лошадьми, 20 коровами, 4278 баранами и 35 верблюдами, перезимовавъ на лѣвомъ берегу Бухтармы, двинулись во второй половинѣ февраля 1876 г. снова на правый. Что за неудержимая сила тянетъ ихъ туда? Конечно, не капризъ, не «привычка», а мотивы болѣе сильные и властные: забота о физическомъ существованіи, потребность прокормить себя и свои стада. Киргизовъ, разумѣется, не оставятъ въ покоѣ. 7 іюля 1876 г. генералъ-губернаторъ пишетъ семипалатинскому губернатору: Кабинетъ настаиваетъ на выселеніи, и оно должно быть сдѣлано. Я не нахожу твердо обоснованнымъ представленіе о невозможности одновременно выселить 573 кибитки, а такъ какъ всякая дальнѣйшая уступка подобнаго рода отдалитъ на неопредѣленное время исполненіе настоятельныхъ требованій Кабинета, то предписываю совершить одновременное переселеніе киргизовъ съ праваго берега Бухтармы[1]).

Въ октябрѣ 1876 г. снова потянулись киргизскія кибитки, выдворяемыя съ кабинетскихъ земель[2]), но киргизы и послѣ этого будутъ продолжать жить тамъ подъ видомъ работниковъ у крестьянъ или арендаторовъ ихъ земель[3]), пока новыя стѣсненія не приведутъ ихъ къ рѣшительной попыткѣ искать себѣ счастья, дѣйствительно за предѣлами Россіи.

---

[1]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8917 т. III, лл. 858—860, 915.

[2]) Тамъ же. лл. 914. 920.

[3]) Подробности объ этомъ см. въ Приложеніяхъ (№ 8): отношеніе семипалат губернатора томскому 18 апрѣля 1877 г. за № 3244 и рапортъ и. д. уѣзднаго начальника Устькаменогорскаго уѣзда 21 февраля 1878 г. за № 1024

VII.

Какъ произошло самое выселеніе киргизовъ въ Китай въ 1878 г. мы, къ сожалѣнію, не знаемъ: обидный пробѣлъ въ матеріалахъ лишаетъ насъ возможности изложить это событіе съ той подробностью и отчетливостью, какую оно заслуживаетъ. Впослѣдствіи, въ 1884 г., устами тогдашняго генералъ-губернатора Колпаковскаго, было открыто признано, что выдвореніе киргизовъ съ праваго берега Бухтармы поставило ихъ совершенно въ безвыходное положеніе: очутившись «на узкой полосѣ земли между быстрою граничною рѣкою и горами, лишившись большей части своихъ прежнихъ настбищъ и не имѣя никакой возможности расширить назначеннаго имъ земельнаго участка настолько, чтобъ прокормить свои стада», они волей-неволей должны были бѣжать на китайскую территорію. Поднялись двѣ волости, Чингистайская и Алтайская, въ полномъ составѣ. Движеніе предвидѣли; приняты были даже мѣры воспрепятствовать ему, но безуспѣшно; «озлобленнымъ киргизамъ, послѣ кроваваго столкновенія съ нашими пограничными постами, удалось откочевать со всѣмъ своимъ имуществомъ и скотомъ за русскую границу»[1]). Но въ Китаѣ ихъ ждало разочароніе: приняли ихъ тамъ дурно; условія жизни оказались еще тягостнѣе чѣмъ въ Россіи, и уже на слѣдующій годъ большая часть бѣглецовъ вернулась обратно, водворившись на тѣхъ мѣстахъ, откуда бѣжала. Еще черезъ годъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, вернулись и остальные. Разумѣется, «положеніе ихъ отъ этого ни мало не улучшилось»;

[1]) По свидѣтельству Пржевальскаго (Третье путешествіе въ Центральную Азію. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ, стр. 20), ушедшихъ (частью въ Южный Алтай, частью на р. Урунчу) было 1800 кибитокъ въ числѣ приблизительно около 9000 душъ обоего пола—цифра сильно преувеличенная. Мы уже видѣли выше, что число кибитокъ, подлежащихъ выдворенію съ праваго берега р. Бухтармы, опредѣлялось, хотя и неодинаково, но всегда въ предѣлахъ 500—600. Возможно, что кромѣ этихъ въ Китай пошли еще и другіе киргизы; но конечно, не въ такомъ количествѣ, чтобъ довести общую цифру до 1800 кибитокъ. Позже, домогаясь аренды правобережныхъ лѣтовокъ на ур. Чобанбай, киргизы ходатайствовали всего лишь за 1000 кибитокъ—между тѣмъ въ данномъ случаѣ имъ было всего естественнѣе указать наибольшую цифру нуждавшихся въ кабинетской землѣ. Тѣ же киргизы опредѣлили, въ прошеніи 27 сентября 1882 г., число бѣжавшихъ въ Китай только въ 600 кибитокъ. (Арх. Сем. Об. Правл. Дѣло № 8197 т. V, лл. 1—2).

узкая полоска земли по лѣвой сторонѣ р. Бухтармы, вмѣсто желаннаго и необходимаго для кочевника приволья, скорѣе походила на тѣсный корридоръ, гдѣ тысяча (по счету Колпаковскаго) кибитокъ, т. е. «по меньшей мѣрѣ 5000 душъ», прямо задыхались, лишенные какой либо возможности свободно расположиться со своими стадами. Киргизы безусловно бѣдствовали. Можно было задаться вопросомъ: не заставитъ ли все это ихъ перейти изъ кочевого быта къ земледѣлію? но, «не говоря уже о томъ, что такого рода переходы не совершаются въ 3—4 года»,—удобныхъ для этого земель у киргизовъ не было. Киргизамъ грозило обнищаніе; чтобы противодѣйствовать ему, требовалась немедленная помощь, и помощь эту генералъ-губернаторъ Колпаковскій видѣлъ (въ 1884 г.) «единственно въ расширеніи предѣловъ ихъ кочевокъ»[1]).

Предѣлы однако не расширялись, и киргизы—какъ это ни дико звучитъ послѣ такого количества предписаній, распоряженій, требованій, даже угрозъ и примѣненія вооруженной силы,—киргизы по прежнему продолжали откочевывать на правый берегъ Бухтармы, на свои излюбленныя лѣтовки. Горное вѣдомство тоже попрежнему настаивало на ихъ выдвореніи, и главный начальникъ края, столь ясно представлявшій себѣ положеніе киргизовъ, вынужденъ былъ, подчиняясь дѣйствующимъ узаконеніямъ, тѣмъ же перомъ, которымъ защищалъ интересы инородцевъ, мѣшать имъ дѣлать то, что по его убѣжденію являлось въ ихъ положеніи совершенно натуральнымъ и необходимымъ: въ 1883 г. генералъ Колпаковскій безусловно воспретилъ имъ кочевать на крестьянскихъ и кабинетскихъ земляхъ праваго берега Бухтармы. И что же?.. Жизненныя требованія оказались и теперь сильнѣе; распоряженіе и теперь «попрежнему» оставалось мертвою буквою. Даже спустя 9 лѣтъ, въ 1892 г., уѣздный начальникъ свидѣтельствовалъ[2]), что съ 1883 г. шло только «постоянное *напоминаніе* киргизамъ Чингистайской волости о некочевкѣ въ предѣлы Бійскаго округа», и ни семипалатинскимъ, ни томскимъ властямъ не уда-

[1]) Дѣло канцеляріи степного г.-гбернатора. отд. II. стол. 11 по описи 1896 г. № 5.

[2]) Рапортъ Устькам. у. начальника Федорова семипал. губернатору 28 мая 1892 г. за № 2765.

лось настоять на выполненіи сдѣланнаго распоряженія: киргизы переходили рѣку и кочевали на уроч. Чобанбай, Укокъ, Калгутты и др.

Впрочемъ въ этихъ ненормальныхъ отношеніяхъ съ 1882 г. замѣчается нѣкоторый прогрессъ. Горькій опытъ длиннаго ряда лѣтъ вынудилъ киргизовъ разстаться съ излюбленной мыслью о «наслѣдственныхъ» и «исконныхъ» правахъ своихъ на правый берегъ: пускай онъ принадлежитъ Кабинету, говорятъ они; берите аренду за наши лѣтовки, но по крайней мѣрѣ не мѣшайте пользоваться ими.

Чингистайская волость, куда такъ усиленно выдворяли киргизовъ изъ за Бухтармы, представляла собою узкую полосу земли, съ юга приткнувшуюся къ государственной границѣ и Нарымскому хребту, а съ сѣвера къ Томской губерніи, начинаясь, на западъ, отъ р. Средней Теректы (что межъ казачьимъ поселкомъ Малонарымскимъ и дер. Таловкою) и кончаясь, на востокѣ, урочищемъ Укокъ. Это была мѣстность исключительно горная, большею частью лѣсная и каменистая. Къ 1883 году въ указанныхъ предѣлахъ не мало угодій было уже навсегда потеряно для киргизовъ: нарѣзаны были земли для дер. Медвѣдки, ст. Алтайской, пос. Урульскаго; пока еще безъ нарѣзки, но также на киргизскихъ угодьяхъ устроился Катонъ-Карагайскій постъ—все лучшіе, наиболѣе жирные куски. На долю старыхъ владѣльцевъ долины осталось и мало, и далеко не все перваго качества. Даже на зиму, какъ ни тѣсно скучивались ихъ зимовки, киргизы никакъ не могли размѣститься здѣсь полностью; 100 кибитокъ вынужденны были зимовать за плату на казачьихъ (другими словами: на своихъ прежнихъ!) земляхъ и по сосѣдству на крестьянскихъ въ Бійскомъ округѣ. А про лѣтовки и говорить нечего. Съ наступленіемъ весны киргизы разбредались частью за Нарымскій хребетъ въ Курчумскую волость, частью къ кирѣевцамъ въ Китай, частью на кабинетскія земли, гдѣ, какъ мы видѣли, ихъ встрѣчали такъ недружелюбно и выпроваживали изъ года въ годъ.

При такихъ узловіяхъ естественно, что извѣстіе о намѣреніи правительства основать въ Бухтарминской долинѣ новый казачій поселокъ было для киргизовъ страшнымъ ударомъ. Лѣтомъ 1882 г. пріѣхалъ землемѣръ и на уроч. Чингистай запроектировелъ участокъ для нова-

го поселенія (да кромѣ того еще 300 дес. спеціально для церковнаго причта Алтайской станицы по сосѣдству съ надѣломъ этой послѣдней). Поселеніе это устраивалось въ цѣляхъ служить промежуточнымъ звеномъ между ст. Алтайской и пос. Урульскимъ, на полпути между которыми находилось названное урочище. Земская почтовая гоньба на перегонѣ въ 60 верстъ была неудобна, и Чингистай долженъ былъ поэтому играть роль промежуточной сранціи. Киргизамъ очень не хотѣлось отдавать своихъ угодій и они поспѣшили предложить такого рода компромиссъ: въ видѣ откупа, они брались, за свой счетъ, содержать на Чингистаѣ почтовый пикетъ, лишь бы тутъ никто не селился. На эту сдѣлку пошли и, кажется, тѣмъ охотнѣе, что землемѣрная съемка показала на урочищѣ всего лишь 657 дес. удобной земли, только на 7 семей, тогда какъ требовалось 2151 дс. на 15 семей[1]).

Одновременно съ указаннымъ контръ-проектомъ киргизы вошли 27 сентября 1882 г. съ другимъ ходатайствомъ: о дозволеніи имъ пользоваться лѣтовками на правомъ берегу р. Бухтармы на уроч. Чобанбай, «на свободныхъ земляхъ, не касаясь сѣнокоснаго, хлѣбопахотнаго и выгоннаго надѣла деревень Берели, Березовки и Черновой»[2]). Семипалатинскій губернаторъ Проценко, лично убѣдившись въ стѣсненномъ положеніи киргизовъ, поддержалъ ходатайство и въ этомъ смыслѣ снесся, 6 октября 1882 г., съ Алтайскимъ Горнымъ Правленіемъ, предла-

[1]) Дѣло о перемежованіи ст. Алтайской, согласно положенія 9 іюля 1877 г.

[2]) Въ прошеніи, поданномъ на имя семипалатинскаго губернатора отъ имени волостного управителя Чингистайской волости, совмѣстно съ біями, аульными старшинами и прочими почетными киргизами, говорилось: Мы съизначала лѣтовали на вершинахъ Чобанбайскихъ горъ, зимовали тоже на правомъ берегу Бухтармы. Еще до вступленія нашего въ русское подданство поселились на р. Черновой три или четыре крестьянскихъ семьи, что служило для насъ указаніемъ о предстоящемъ вскорѣ переходѣ нашихъ земель отъ Китая къ Россіи; поэтому всѣ, кто кочевалъ на правомъ берегу Бухтармы, ушли въ китайскіе предѣлы, на уроч. Акколъ и къ р. Кобдо; но, не найдя тамъ для стойбищъ удобныхъ земель, мы вернулись обратно на тѣ же мѣста, кочевали тутъ 3—4 года, пока, въ числѣ 600 кибитокъ, не были выдворены на лѣвый берегъ. Но на лѣвомъ берегу уже кочевали другіе киргизы, и наше выселеніе породило взаимное стѣсненіе, неурядицы и споры,—въ результатѣ тѣ, кто не нашелъ себѣ удобныхъ земель, бѣжали въ Китай. Скитаясь тамъ около двухъ лѣтъ, мы раззорились и лишились послѣдняго скота, а потомъ снова вернулись, и изъ 600 кибитокъ въ Китаѣ осталась самая малая часть. Нынѣ на урочище Чингистай пріѣхалъ землемѣръ, размежевываетъ землю для предположеннаго выселка; по его межовкѣ всѣ лучшія наши пахотныя и сѣнокосныя земли отходятъ отъ насъ. (Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 8197, г. V, лл. 1—2).

гая ему тѣ же условія аренды, что уже существовали на Кулундинской степи; но Горное Правленіе отказало (29 октября 1882 г.), ссылаясь на прежнее предписаніе Кабинета. Киргизовъ не хотѣли пускать къ себѣ, какъ непріятныхъ и опасныхъ арендаторовъ; ихъ обвиняли въ томъ, что они обыкновенно занимаются воровствомъ, портятъ заводскіе лѣса, вытаптываютъ пастбища,—иными словами, и вредъ матеріальный наносятъ, да и возни всякой—судебной, канцелярской—съ ними не оберешься[1]).

Въ дальнѣйшемъ новую попытку сдѣлалъ степной генералъ-губернаторъ. Въ донесеніи на имя министра Двора (28 мая 1883 г.), стараясь парализовать точку зрѣнія Кабинета, онъ выставлялъ на видъ, что вреда для земледѣльческаго хозяйства своимъ кочеваніемъ киргизы нанести не могутъ, такъ какъ имъ придется кочевать въ мѣстности, лежащей не ниже 4000 ф. надъ ур. м., гдѣ хлѣбовъ все равно не сѣютъ, такъ какъ они тутъ не вызрѣваютъ; что воровать и грабить киргизамъ на Чобанбаѣ некого: между ними и ближайшими осѣдлыми поселеніями будетъ лежать пустынная полоса въ 150—200 верстъ шириною; къ тому-же киргизы обыкновенно никогда не воруютъ тамъ, гдѣ живутъ.

Не столько ходатайство генералъ-губернатора, сколько очевидная безвыходность положенія киргизовъ (къ тому же есть указанія на бывшій какъ разъ въ это время среди нихъ голодъ) и сознаніе, что, повторись нѣчто подобное эмиграціи 1878 г. въ предѣлы Китая, положеніе вещей сразу стало-бы значительно серьезнѣй и тревожнѣе,—заставили Кабинетъ пойти на уступки. Подъ Чобанбаемъ подразумѣвалось пространство, съ сѣвера ограниченное рѣкою Катунью, съ востока горами Бельгетау, съ юга надѣлами крестьянскихъ деревень: Каменьщики, Фыкалка, Черновая и Березовая, а съ запада—горами Салтынъ-тау (?). За плату въ 1000 рублей ежегодныхъ киргизамъ предоставили право кочевать здѣсь въ количествѣ до 1000 кибитокъ безъ ограниченія количества скота. Переправа черезъ Бухтарму и черезъ прилегающія крестьянскія земли должна была производится по тремъ заранѣе указаннымъ дорогамъ.

---

[1]) Тамъ же лл. 5—7.

Въ свою очередь крестьяне старались помѣшать заключенію аренды Чобанбайскаго урочища, высказывая опасеніе, какъ бы не возобновились прежнія столкновенія съ кочевниками, указывая на то, что ихъ деревни будутъ теперь охвачены «кольцомъ киргизовъ—конокрадовъ». Зато, насколько аренда эта важна была для самихъ киргизовъ, можно судить между прочимъ изъ того, что когда въ Омскѣ стали было опасаться, какъ бы со стороны Горнаго Правленія не встрѣтилось помѣхи къ заключенію договора, то на запросъ, какъ поступить въ такомъ случаѣ,—устькаменогорскій уѣздный начальникъ отвѣчалъ по телеграфу: обойтись безъ чобанбайскихъ лѣтовокъ нельзя; не допустить туда киргизовъ можно только силою.[1]).

При всемъ томъ уступки Кабинета шли не далѣе какъ на два года, на 1884 и 1885: съ 1886-го вопросъ о выдвореніи киргизовъ возобновился съ прежнею силою. Но на этотъ разъ положеніе Кабинета было уже иное: двухлѣтнее соглашеніе нанесло ударъ самому принципу, изъ какого до сихъ поръ онъ выходилъ въ своихъ постоянныхъ отказахъ киргизамъ: признавши однажды возможность уступить свои земли хотя бы на два года, теперь Кабинету труднѣе было отстаивать прежнюю точку зрѣнія. И всетаки онъ еще долго отстаивалъ ее. Не ранѣе 1894 г. министерство Двора[2]) дало согласіе на кочеванье киргизовъ въ Чобанбайскихъ горахъ, подъ условіемъ круговой поруки и за плату не менѣе одного рубля съ кибитки; впрочемъ даже и послѣ этого окончательное рѣшеніе долго заставило ждать себя и все же не сдѣлало положенія киргизъ вполнѣ прочнымъ и постояннымъ.

Въ маѣ 1895 г. семипалатинскій губернаторъ получилъ извѣщеніе, что «имѣя въ виду свыше сорокалѣтнее воспрещеніе киргизамъ кочевать въ заселенныхъ мѣстахъ Западной Сибири (со времени изданія положенія Сибирскаго Комитета о мѣрахъ къ прекращенію конокрадства въ Зап. Сибири, Высочайше утвержденнаго 19 марта 1854 г.) и что, въ частности, въ предѣлахъ Алтайскаго округа имъ дозволено лишь въ видѣ особаго исключенія пребываніе въ мѣстности Ку-

[1] Дѣло канцеляріи степного генералъ-губернатора, по описи 1896 г. № 5.

[2]) Въ отношеніи 30 марта 1894 г. за № 3668 на имя степного генералъ-губернатора.

лундинской степи»,—министерство Двора затруднялось «входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи нынѣ киргизамъ Чингистайской волости Устькаменогорскаго уѣзда кочевать въ Бійскомъ округѣ, въ мѣстности Чобанбай»; въ виду однако крайне бѣдственнаго положенія этихъ киргизовъ, министерство признало возможнымъ оказать имъ посильное «содѣйствіе, разрѣшивъ названнымъ киргизамъ заарендовать у Главнаго Управленія Алтайскаго округа для пастьбы скота вышеуказанную мѣстность горъ Чобанбай на опредѣленный срокъ и за опредѣленную годичную плату»[1]).

«Опредѣленная годичная плата», какъ позже выяснилось, сводилась къ суммѣ въ 1000 рублей. Замѣна ранѣе проектированнаго сбора по 1 рублю съ кибитки мало улыбалась киргизамъ: они находили, что при такомъ разсчетѣ стоимость аренды чувствительно вздорожаетъ[2]).

Къ тому же уѣздный начальникъ сильно сомнѣвался, окажутся ли киргизы вообще аккуратными въ уплатѣ аренды, такъ какъ, по его словамъ, они и безъ того съ трудомъ справлялись со своими податями и сборами, земскимъ и частнымъ[3]).

Въ концѣ концовъ дѣло уладилось: киргизы должны были уступить, 8 апрѣля 1896 г. заключенъ былъ контрактъ срокомъ на 10 лѣтъ, по 1 января 1906 года. Въ силу новаго договора арендаторы выплачивали ежегодно, въ полугодовые сроки, одну тысячу рублей за круговой порукой, съ обязательствомъ пользоваться для прогона скота лишь тремя заранѣе условленными трактами: весною—въ теченіи апрѣля, и осенью—съ 15 сентября по 15 октября[4]).

Характерно, что предсказанія уѣзднаго начальника начали сбы-

---

[1]) Степной г.-губернаторъ семипал. губернатору 13 мая 1895 г. за № 2247.

[2]) Устькаменогорскій у. начальникъ рапортовалъ 27 апрѣля 1897 г. за № 1363, что собрать точныя свѣдѣнія о числѣ кибитокъ на Чобанбаѣ «положительно невозможно», раньше ихъ никто не повѣрялъ, если же судить по тому, что до 1895 г. тамъ кочевали №№ 1. 2. 4. 5. 6 и 7 ауловъ (старшинствъ), то выходитъ, что кибитокъ было отъ 600 до 700: лѣтомъ же 1897 г. тамъ было 524 кибитки. По свѣдѣніямъ за іюнь 1899 г. тамъ кочевало 755 кибитокъ 2, 3. 4, 5, 6 и 10-го старшинствъ, въ количествѣ 1799 душъ муж. пола. (Донесеніе чингистайскаго волостного управителя 11 іюня 1899 г. за № 665).

[3]) Рапортъ устьк. у нач. 20 января 1895 г. за № 1238.

[4]) См. самый текстъ договора въ приложеніяхъ (№ IX).

ваться почти тотчасъ же: уже 19 мая 1897 г. начальникъ Алтайскаго округа жаловался семипалатинскому губернатору, что киргизы не уплатили арендныхъ денегъ за вторую половину 1896 г. Равнымъ образомъ взносы третій (за первую половину 1897 г.) и четвертый (за вторую половину 1897 г.) уплачены своевременно также не были. Съ долгами расплатились лишь 26 января 1898 г., сразу за вторую половину 1896 г. и за весь 1897 годъ, такъ что одного штрафу накопилось 90 рублей[1]). Выходитъ, что не только киргизы оказывались неисправными, но и Горное Правленіе закрыло глаза на неисправность арендаторовъ, такъ какъ по пункту 3-му договора неуплата аренды въ трехмѣсячный срокъ влекла за собою расторженіе контракта. Между тѣмъ мы видимъ, что Горное Правленіе 18 мѣсяцевъ ждало взноса за вторую половину 1896 г., 12 мѣсяцевъ за первую 1897 года, 6 мѣсяцевъ—за вторую половину 1897 года[2]).

VIII.

Мы видѣли (гл. IV), что усиленный прирость населенія ст. Алтайской въ первые годы ея основанія породилъ потребность въ дополнительномъ надѣлѣ казакамъ и что семипалатинская администрація находила дальнѣйшія отрѣзки угодій у киргизовъ серьезной угрозой для ихъ экономическаго благосостоянія. Съ своей стороны Войсковое Хоз. Правленіе надѣялось, что вопросъ упростится, если земля окажется возможною для орошенія, такъ какъ «на основаніи вѣдомости о порайонныхъ размѣрахъ пашенныхъ надѣловъ, съ принятіемъ зачета указаннаго для земель, орошаемыхъ водою, можетъ быть данъ казакамъ пашенный надѣлъ въ одну четверть десятины за цѣлую десятину удобной степи»,—но оказалось, разсчетъ этотъ дѣла не подвинулъ.

---

[1]) Платить пришлось всего 1590 руб. Рапортъ устькам. у. нач. 24 февраля 1898 г. за № 1397.

[2]) Дѣло Сем. Обл. Правл. отд. хоз. столъ I, по описи 1898 г. № 55. По прошенію довѣренныхъ отъ киргизовъ Чингистайской вол. Нурджана Кончубаева и Даира Урунтаева о разрѣшеніи имъ въ числѣ 100 кибитокъ кочевать по правую сторону р. Бухтармы.

А между тѣмъ населеніе продолжало, хотя и не такъ уже интенсивно, увеличиваться изъ года въ годъ. Въ маѣ 1882 г. его насчитывали 173 м. души. Какъ разъ въ это время правительство намѣтило два новыхъ казачьихъ поселенія: одно на уроч. Чингистай, другое на рч. Кулуджунѣ, и областная администрація ухватилась за проектъ, предложивъ разрѣшить затрудненіе путемъ выселенія алтайскаго излишка на новыя мѣста[1]). Но, какъ мы уже видѣли, на Чингистаѣ земель, удобныхъ подъ поселеніе, оказалось слишкомъ мало; что же до Кулуджуна, то его заселили (въ 1885 г.) кокчетавскими казаками,— и затрудненія съ Алтайской станицею остались по прежнему не разрѣшенными.

Шли новые годы; въ Алтайской считали (къ январю 1887 г.) уже 62 семьи въ 195 д. м. п.; къ концу 1891 года—65 семей изъ 207 д. м. п., т. е. прибылого населенія 131 душу (на 76 первоначальныхъ). Казаки неустанно хлопотали о дополнительной нарѣзкѣ, подавая прошенія въ Войсковое Хоз. Правленіе, степному генералъ-губернатору, доходя и до военнаго министра[2]). Вотъ для примѣра примѣра прошеніе 4 декабря 1891 г., любопытное по заключающимся въ немъ даннымъ. Картина нарисована, разумѣется, слишкомъ темными красками; субъективная оцѣнка положенія вещей несомнѣнна; но при извѣстной осторожности и эти указанія могутъ служить для изслѣдователя не безполезнымъ матеріаломъ.

Неправильно считать—говорили казаки—надѣлъ нашъ въ 3040 дес. удобной земли достаточнымъ, потому что «удобной хлѣбопахатной земли вовсе не имѣется, такъ какъ земля во всей Бухтарминской долинѣ, самая лучшая, имѣетъ чернозема отъ 4 до 5 вершковъ», въ остальной же она еще тоньше; поверхность большею частью покрыта камнемъ, самая лучшая даетъ урожай въ теченіе всего лишь первыхъ трехъ лѣтъ, а потомъ должна отдыхать «не менѣе десяти лѣтъ», послѣ чего снова хватаетъ ея только на два года. Дикій черный овесъ

---

[1]) Отношенія устькам. у. начальника 13 мая 1882 г. за № 3716 и семипал. губернатора 5 іюня 1882 г. за № 4888 на имя Войсков. Хоз. Правленія.

[2]) Въ 1877 г., 1879, 1881 гг., 24 декабря 1886, 25 апрѣля 1889, 11 мая 1890, 5 апрѣля 1891, 4 декабря 1891 г.

и другія сорныя травы заглушаютъ посѣвъ. Вообще урожай хлѣбовъ былъ лишь до 1876 года, потомъ же онъ становился все хуже и хуже. Согласно положенія 9 іюля 1877 г. землю нашу слѣдуетъ отнести къ категоріи малоудобныхъ; необходимо класть по три десятины за одну, т. е. весь надѣлъ считать не въ 3030 дес.[1]), а только въ 1010 дес.; поэтому надо признать, что первоначальный надѣлъ сдѣланъ былъ неправильно, и это особенно почувствовалось теперь съ увеличеніемъ населенія станицы. Если 3030 дес. нарѣзывались на 76 душъ, то на 207 теперешнихъ понадобится 6210, другими словами не хватаетъ цѣлой половины того, что слѣдовало бы имѣть казакамъ.

Вообще мы терпимъ большія неудобства и нужду. Пастбищныхъ мѣстъ хватаетъ на одинъ только мѣсяцъ; пайка—лишь на одну лошадь и корову. Недостатокъ въ пашняхъ заставляетъ арендовать ихъ у жителей дер. Медвѣдки, своя же пахотная земля лежитъ не далѣе какъ въ 60 саженяхъ отъ станицы, и хлѣбъ тамъ портитъ домашняя птица, мелкій скотъ и лошади, срывающіяся изъ дворовъ. Недостаетъ и сѣнокосныхъ луговъ, а это вызываетъ недокормъ скота. А тутъ еще киргизы вытаптываютъ до послѣдней степени наши сѣнокосы, приходится каждый день сторожить ихъ. Киргизами станица окружена со всѣхъ сторонъ, ихъ стойбища отстоятъ отъ насъ не далѣе $1^1/_2$—2 верстъ, такъ что киргизскій скотъ въ любое время находится на юртовой землѣ. Взойдетъ хлѣбъ—его вытаптываютъ; не успѣетъ выколоситься—его стравятъ. Землю подъ пашни арендуютъ казаки также и у киргизовъ, но ее трудно распахивать, такъ какъ почва здѣсь каменнста, соха быстро съѣдается камнемъ, легко обламывается. Да и правильность аренды у киргизовъ ничемъ не обезпечена: хочешь на слѣдующую весну посѣять хлѣбъ,—глядишь, а киргизъ тайно продаетъ уже проданную землю другому, да еще отрицаетъ, что отъ перваго арендатора деньги имъ уже получены. А не то, случается, приготовишь пашню, вдругъ явятся нѣсколько человѣкъ киргизовъ и грозятся отобрать ее, какъ свою, такъ что приходится вторично платить за нее.

[1]) Просители считали 3020, а не 3040 дес., потому что при самомъ основаніи станицы 10 дес. было выдѣлено въ потомственное владѣніе вдовѣ Ананьиной, за переселеніе мужа ея безъ пособія.

Съ самаго водворенія своего въ Алтайской мы вынуждены были арендовать въ Алтайскомъ округѣ, верстъ 50 отъ станицы, за р. Бухтармой, луга для пастьбы на нихъ своихъ лошадей, при чемъ перегонъ черезъ быструю рѣку никогда не обходился безъ жертвъ. Въ томъ же Горномъ округѣ мы арендуемъ пашни и сѣнокосъ, но мѣстные крестьяне постоянно стѣсняютъ насъ, стараясь помѣшать горному вѣдомству сдавать намъ землю. При нарѣзкѣ юртовой земли почему то оставили черезполосицу, отдѣляющую юртъ отъ кабинетскихъ земель: съ запада—со стороны Бухтармы, близъ уроч. Термулакъ, въ полверсты; съ юго запада—въ полторы версты. Въ эту черезполосицу заходятъ киргизы пасть свой скотъ, травятъ и вытаптываютъ казачьи хлѣба и луга. Нельзя ли хоть отсюда удалить киргизовъ для избѣжанія столкновеній!.. Киргизы на лѣто укочевываютъ въ горы, сходятся тамъ съ другими киргизами, даже съ кирѣевцами, китайскими подданными, заносятъ болѣзни на рогатый скотъ, вслѣдствіе чего уже было два надежа. А мы ничего не можемъ подѣлать, потому что находимся въ загороди (т. е. отовсюду окружены киргизами). Въ полутора верстахъ отъ Алтайской лежитъ поселокъ Катонъ-Карагай—его жители тоже притѣсняютъ насъ скотомъ, потравою хлѣбовъ. Вотъ почему каждому казаку приходится отвѣшивать низкіе поклоны полнымъ землевладѣльцамъ: крестьянину или кочующему вездѣ по вольной степи киргизу, что принижаетъ казаковъ. У нихъ большею частью всего по одной лошади, рогатаго же скота у кого и совсѣмъ нѣтъ. Просители ходатайствовали о дополнительномъ надѣлѣ и, если возможно, то также объ удаленіи киргизовъ хотя бы съ той черезполосицы—клина, гдѣ они засѣли и причиняли имъ существенный вредъ[1].

Просьбы казаковъ могли быть выполнены при условіи предварительной новой земельной съемки, приступить же къ ней долгое время оказывалось труднымъ или невозможнымъ. Только въ 1888 году провѣрочная комиссія объѣздила край, чтобы приготовиться къ таксаціи земель и опредѣлить размѣры предстоящихъ очередныхъ работъ; самая же съемка была произведена въ 1890. и только къ концу 1891 года выяснилась цифра дополнительнаго надѣла, 3498 дес. 1036 саж. удоб-

[1] Дѣло о перемежеваніи ст. Алтайской согласно положенія 9 іюля 1877 г.

ной земли. Вопросъ, какимъ путемъ вознаградить киргизовъ за отходящія отъ нихъ земли, оставался еще открытымъ (генералъ-губернаторъ предполагалъ расширить кочевки чингистайскихъ киргизовъ на счетъ сосѣднихъ киргизскихъ волостей, а тѣ въ свою очередь продвинуть далѣе), но самая нарѣзка для алтайцевъ была уже рѣшена въ положительномъ смыслѣ[1]).

Кромѣ ст. Алтайской (3498 дес.) имѣлось въ виду одновременно добавить земли пос. Большенарымскому (1463 д.), ст. Зайсанской (592 д.) и поселку Кендерлыкскому (3293 д.),—всего 8846 дес. Для этого имѣлось на лицо: въ Чингистайской вол. до 312000 дес. при 1634 кибиткахъ, до 416000 д. въ Нарымской вол. при 1954 киб. и въ Кендерлыкской вол. тоже 312000 д. при 1700 киб.,—всего 1040000 дес. при 5288 киб. Количество это, по мнѣнію главнаго начальника края, позволяло считать отрѣзку 8856 дес. «дѣломъ, повидимому, вполнѣ возможнымъ»[2]). Совершенно иначе взглянули на это въ Семипалатинскѣ. Хотя устькаменогорскій уѣздный начальникъ и допускалъ нарѣзку, (правда, съ нѣкоторыми ограниченіями),[3]) но губернаторъ Карповъ принципіально былъ противъ всякаго новаго отчужденія киргизскихъ угодій. Опираясь на вычисленія Н. Я. Словцова, изслѣдовавшаго Кокчетавскій уѣздъ, и считая, совмѣстно съ нимъ, на каждую кибитку, по условіямъ кочевой жизни, не менѣе 184 дес. удобной земли, онъ находилъ, что киргизамъ не только нечѣмъ поступиться, но и самимъ едва-едва хватаетъ до нормы. Кромѣ того неудобная конфигурація чингистайскаго надѣла въ видѣ узкой полосы, къ тому же въ большей своей части занятой горами и ихъ отрогами, а также необходимость переходить Бухтарму и арендовать тамъ чужія земли—все это дѣлало нарѣзку Алтайской станицѣ, по мнѣнію генералъ-маіора Карпова, еще болѣе затруднительною. Въ нынѣшнемъ (1892) году, говорилъ онъ, уже возникли неудовольствія среди киргизовъ по-

[1]) Предложеніе степного г.-губернатора семипалат. губернатору отъ 6 февраля 1892 г.

[2]) Войсковой наказный атаманъ Сиб. каз. войска семипал. губернатору 19 марта 1892 г. за № 182

[3]) «Дополнительный надѣлъ необходимо сдѣлать по дорогѣ, ведущей изъ Алтая въ дер. Медвѣдку Бійскаго округа, отъ границы настоящаго казачьяго надѣла, находящейся въ 7 верстахъ отъ поселка». Рапортъ 23 апрѣля 1892 г. за № 2090.

граничныхъ волостей Устькаменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ, вызванныя стѣсненіями въ землепользованіи, «распоряженіями уѣздной администраціи объ образованіи изъ свободныхъ участковъ осѣдлыхъ поселеній и запрещаніями лѣсной стражи о престоящемъ выдвореніи киргизовъ изъ лѣсныхъ дачъ». Если и надѣлять алтайцевъ, то лучше изъ земель Бійскаго округа, лежащихъ у дер. Медвѣдки[1]).

Но распоряжаться землями чужого вѣдомства наказной атаманъ, конечно, не могъ, и потому мнѣніе устькаменогорскаго у. начальника было ему весьма на руку. Какъ разъ въ это время (лѣтомъ 1892 г.) землемѣру Путинцеву поручено было «опредѣлить посредствомъ съемки, какія именно земли возможны къ прирѣзкѣ станицѣ Алтайской»[2]); но тотъ поусердствовалъ и пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало: въ противность даннымъ инструкціямъ, онъ самовольно прирѣзалъ и обмежевалъ земли, прилегающія къ ст. Алтайской, и при томъ преимущественно съ восточной стороны, ссылаясь на то, что нарѣзать надо было 3498 дес., по дорогѣ же въ Медвѣдку удобной земли не наберется и 200—400 дес. Путинцевской нарѣзкой казаки достигали давнишней мечты—подойти съ сѣвера вплотную къ рѣкѣ Бухтармѣ и такимъ образомъ уничтожить тотъ клинъ-черезполосицу, на который они постоянно такъ жаловались. Путинцеву однако приказано было съемку прекратить, и самъ онъ долженъ былъ подать въ отставку. Генералъ-губернаторъ приказалъ (11 сент. 1893 г.) произвести нарѣзку съ западной стороны; со стороны же восточной къ Катонъ-Карагаю, «отмежевать только часть земли и то лишь въ томъ случаѣ, если по отводѣ надѣла названному селенію (т. е. Катонъ-Карагаю), по состоящему въ немъ наличному числу душъ, окажется свободная земля и если отводъ этой свободной земли не стѣснитъ киргизовъ». Такимъ образомъ категорическаго запрета на отрѣзку съ В. дано не было, а въ изложеніи Войскового Хоз. Правленія распоряженіе генералъ-губернатора получи-

[1]) Донесеніе войсковому атаману 24 августа 1892 г., за № 5403. См. арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 12044. О надѣлѣ казачьихъ поселеній Алтайскаго, Большенарымскаго, Зайсанскаго и Кендерлыкскаго землею изъ находящихся въ пользованіи киргизовъ прилегающихъ волостей. лл. 14—19.

[2]) Докладъ канцеляріи степного г-губернатора о прирѣзкѣ стан. Алтайской земли изъ сосѣдней Чингистайской вол.

ло иной и далеко не безразличный оттѣнокъ: Правленіе заявляло (22 ноября 1893 г.), что главный начальникъ края приказалъ сдѣлать нарѣзку *съ восточной* стороны въ количествѣ, какое позволятъ мѣстныя условія, а *чего не хватитъ*, то нарѣзывать со стороны Медвѣдки.

Новая нарѣзка была произведена въ 1894 г. землемѣромъ Гауфомъ, подъ личнымъ наблюденіемъ начальника межевого отдѣленія полковника Калачева. «Клинъ» снова отошелъ къ киргизамъ, вмѣсто него прирѣзали съ З. полосу земли въ сторону Медвѣдки: но во всякомъ случаѣ большая часть нарѣзки прилегала къ восточнымъ гранямъ стараго надѣла станичниковъ. Казаки остались недовольны и настаивали на путинцевской нарѣзкѣ, завѣряя, что она дастъ имъ возможность хотя со стороны Бухтармы избавиться отъ окружающихъ ихъ отовсюду киргизовъ, которые, гоняя скотъ на водопой, вытравляютъ хлѣба. Но въ декабрѣ 1895 г. генералъ-губернаторъ утвердилъ нарѣзку Гауфа[1]). Такъ какъ отводимая земля считалась государственною, то вознагражденія за нее киргизы не получили никакого. Имъ выдали лишь за сносъ кыставовъ. Таковыхъ оказалось 28, оцѣненныхъ въ сумму 264 руб. 7 коп. Деньги раздѣлены были между 28 владѣльцами соразмѣрно стоимости построекъ. Въ большинствѣ случаевъ каждому пришлось очень немного. Высшая цифра не превышала 36 р. 36 к. Одинъ получилъ 30 р., одинъ —25 р., одинъ—20 р., трое—по 15 р., шестеро—по 3 р. съ копѣйками. Были такіе, которымъ и полныхъ трехъ рублей не досталось: такъ изъ четырехъ человѣкъ одинъ получилъ 2 р. 80 к., другой—2 р., третій—1 р., а четвертый—всего 30 коп.[2]).

---

[1]) Сообщеніе степного г.-губернатора семипал. губернатору 23 декабря 1895 г. за № 6149.

[2]) Арх. Сем. Обл. Правл. Дѣло № 12163: По прошенію торговцевъ и разночинцевъ, проживающихъ въ ур. Катонъ-Карагаѣ, объ отдѣленіи отъ мѣстнаго крестьянскаго общества.

IX.

Казачья колонизація долины Верхней Бухтармы не ограничилась основаніемъ одной ст. Алтайской. Въ 60 верстахъ далѣе на востокъ, при устьѣ рч. Уруль (Уруль-Су), лѣваго притока Бухтармы, въ 1872 г. былъ основанъ поселокъ Урульскій. Исторія его возникновенія, процессъ заселенія и устройства земельнаго надѣла, въ общемъ, таковы же, что и у ст. Алтайской.

Первоначальная нарѣзка была сдѣлана на 48 душъ м. п. въ количествѣ 2934 дес. 2200 саж. удобной и 497 д. 1004 с. неудобной земли, всего, удобной и неудобной, 3432 д. 804 с. Но уже въ слѣдующемъ, 1873 году, урульцамъ было добавлено 2118 д. 2142 саж. удобной, 204 д. 1707 с. неудобной; всего 2323 д. 1449 с., такъ что къ 1 января 1875 г. у нихъ числилось 5053 д. 1942 с. удобной, 702 д. 311 с. неудобной, всего 5755 д. 2253 с., что составляло надѣлъ, по 30 дес. на душу, на 192 души. Такъ какъ въ дѣйствительности число жителей еще не превышало 137 д., то недостатка въ землѣ пока не чувствовалось: изъ общаго числа удобныхъ 5053 д. 1942 с. оставалось въ запасѣ еще 943 д. 1942 с[1]).

Но уже въ 1875 г. въ Уруль переселилось съ Бійской линіи 15 новыхъ семей, въ количествѣ 46 душъ м. п.[2]), всего стало 183 д. м. п., т. е почти полный комплектъ. Превышенія нормы ждать было не долго. Уже въ 1878 г. урульцы хлопочатъ о нарѣзкѣ удобной пахотной земли, въ которой они, по ихъ словамъ, чувствовали особенный недостатокъ. Ходатайство имѣло успѣхъ: въ 1879 г. произведена была съемка земель и вскорѣ урульскій надѣлъ былъ увеличенъ,

---

[1]) Свѣдѣнія, доставленныя начальникомъ межевой партіи Сибирскаго казачьяго войска отъ 29 декабря 1874 г. Арх. Сем. Обл. Правл. № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г., лл. 51—52.

[2]) И 37 женщинъ, всего 83 чел.

по разсчету на 206 душъ, до 9090 дес. 380 с. (въ томъ числѣ удобной съ лугами 6697 д. 726 с.)[1]).

При всемъ томъ экономическое положеніе урульцевъ нельзя было назвать обезпеченнымъ. Почти весь въ горахъ, съ весьма небольшимъ количествомъ низкихъ и ровныхъ мѣстъ, надѣлъ ихъ былъ расположенъ на высотѣ не ниже 3500 ф. надъ у. м. и представлялъ собою мало привлекательнаго съ точки зрѣнія земледѣльца. Верхній слой чернозема лежалъ не глубже 2—3 вершковъ, далѣе шелъ мелкій щебень, а подпочвою служилъ глинистый сланецъ, покоющійся на гранитѣ— этой основѣ всѣхъ горныхъ породъ здѣшняго края. Полосы земли въ югозападной части надѣла, значащіяся по плану удобными для пахоты, на дѣлѣ были пригодны только на выгонъ: чтобы обезпечить урожай, требовалось предварительное орошеніе, арыковъ же, за крутизною горныхъ склоновъ, провести было невозможно. Сѣверовосточная, наиболѣе возвышенная половина надѣла, правда, обиловала роскошными лугами, давая богатые сѣнокосы, но ранніе заморозки осенью, поздніе утренники и инеи весною сплошь и рядомъ мѣшаютъ вызрѣванію яровыхъ, особенно пшеницы. Подъ хлѣбопашество здѣсь годились развѣ одна небольшая площадь земли между западнымъ склономъ долины, р. Бухтармой и ея притокомъ Урулемъ, гдѣ еще до прихода казаковъ киргизы засѣвали съ успѣхомъ ячмень, проводя арыки изъ ключа Сарыбулакъ[2]).

При такихъ условіяхъ не удовительно, если урульскіе казаки снова начали усиленно хлопотать объ увеличеніи своего надѣла. Съ кон-

[1]) Когда Войсковое Хоз. Правленіе вошло съ ходатайствомъ въ пользу урульцевъ, то и уѣздное. и областное начальство Семипалатинской области энергично доказывали невозможность лишать киргизовъ ихъ угодій. Устькаменогорскій у. начальникъ Халдѣевъ доносилъ 11 іюня 1879 г. за № 3257 семипалатинскому губернатору: Чингистайскіе киргизы и безъ того стѣснены основаніемъ пос. Урульскаго. дерр. Медвѣдки, Согорной и лишеніемъ права кочевать на уроч. Чобанбай,—стѣснены настолько, что вмѣстить ихъ въ ту узкую полосу, какая осталась имъ теперь въ пользованіе, дѣло немыслимое. Недоромъ же лѣтомъ 1878 г. большая часть Чингистанской волости откочевала въ Китай. Теперь, съ дозволенія генералъ-губернатора, киргизы возвращаются обратно, и новая ортѣзка земель стѣснитъ ихъ окончательно „и даже не представится возможнымъ, гдѣ помѣстить ихъ", (Дѣло Сем. Обл. Правл № 8197, т. III. лл. 1092—1102, въ частности л. 1093).

[2]) Описаніе земельнаго надѣла пос. Урульскаго, произведенное землемѣромъ Долженко въ концѣ 1870-хъ годовъ.

ца восьмидесятыхъ годовъ не прерываются ихъ прошенія. Войсковое Хоз. Правленіе, идя на встрѣчу заявленнымъ нуждамъ, велѣло въ 1892 г. нарѣзать 2000 десятинъ изъ смежнаго съ юртомъ войскового запаса[1]). Но это былъ сплошной, почти первобытный лѣсъ, а лѣса урульцамъ хоть отбавляй. Намъ, объясняли они въ новомъ прошеніи, положительно некуда съ нимъ дѣваться. Взять новую прирѣзку казаки если и взяли, то не замедлили тотчасъ же войти съ ходатайствомъ о промѣнѣ пожалованныхъ лѣсныхъ угодій на казенныя пахотныя земли. Войсковое вѣдомство и само отлично понимало, что лѣсъ урульцамъ безполезенъ: но въ окрестностяхъ Уруля оно ничемъ другимъ не располагало. Не явилась ли нарѣзка лѣсного участка слѣдствіемъ желанія, чтобъ у станичниковъ впослѣдствіи было хоть что-нибудь предложить въ обмѣнъ на другія угодья?

«Казенныя пахотныя земли», конечно, были ничто иное, какъ земли, занятыя киргизами. Урульцы намѣтили себѣ участки: одинъ на уроч. Чингистай, другой на ур. Майемиръ (въ 40 верстахъ по почтовому тракту отъ ст. Алтайской въ сторону г. Устькаменогорска, т. е. въ 100 верстахъ отъ Уруля), съ тѣмъ, чтобы переселиться туда или сюда въ количествѣ 49 семей (1/3 всего населенія поселка). Степной генералъ-губернаторъ призналъ надѣлъ урульцевъ, въ качественномъ отношеніи, дѣйствительно скуднымъ и неудовлетворительнымъ: на каждую душу приходилось: степи, годной на пашню—9 дес. 912 саж.; лѣсовъ—9 д. 240 с.; выгону—9 д. 1032 с.; остальное—луга, селидьба и кустарникъ. Поселокъ устроенъ былъ безъ соотвѣтствія съ экономическими условіями жизни: лѣсъ, главное богатство юртоваго надѣла, сбывать было некуда; скотоводство, съ выпасомъ скота на выгонныхъ земляхъ, также не оправдывало ожиданій, «ибо весь поселокъ расположенъ въ такомъ районѣ Семипалатинской области, гдѣ киргизское скотоводческое хозяйство поставлено въ болѣе выгодныя условія, съ откочевками скота на большихъ площадяхъ на лѣтнія стоянки въ хребтѣ Алтайскихъ горъ. Такимъ образомъ все земельное обезпеченіе казака пос. Урульскаго сводится къ 9-ти десятинамъ пашни; но и

[1]) Въ сторону горы Баканаса, вверхъ по горѣ, съ южной стороны общаго надѣла.

изъ пахотной земли наиболѣе пригодна къ обработкѣ только часть, немного болѣе половины, расположенная по Бухтармѣ, ниже поселка; пахотныя же земли, расположенныя выше поселка, т. е. ближе къ Алтайскому хребту, отрогами котораго наиболѣе наполнена эта часть юрта, по значительной высотѣ своего расположенія, мало пригодны къ обработкѣ, ибо посѣянный на нихъ хлѣбъ, подвергаясь раннимъ заморозкамъ, часто недозрѣваетъ или вовсе погибаетъ,—что засвидѣтельствовала и т. наз. Повѣрочная комиссія по земельному устройству въ войскѣ, бывшая въ поселкѣ въ 1888 году, при участіи депутата отъ областной администраціи».

Въ виду этого главный начальникъ края предполагалъ обмѣнить «до 1700 десятинъ» на киргизскія земли, при чемъ «киргизы получили бы горную лѣсную площадь, которая»—добавлялъ онъ,—«какъ мнѣ кажется отсюда (т. е. изъ Омска), была бы не лишена удобства для киргизскихъ зимовокъ и лѣтовокъ»[1]).

Иначе однако представлялось дѣло изъ Семипалатинска. Въ Чингистайской долинѣ, протянувшейся на 28 верстъ въ длину и, мѣстами, на 4 версты (самое большее) въ ширину, набралось бы удобной подъ пашню земли не болѣе 80 дес., почти полностью (до 70 д.) уже обработываемыхъ самими киргизами, тутъ же зимующими въ числѣ 414 кибитокъ (3-е и 4-е старшинства). Вся остальная площадь пригодна была развѣ только подъ выгонъ и сѣнокосъ. Немногимъ богаче была и долина Маймиръ (до 10 вер. въ длину, до 5 вер. въ ширину): по качеству земли ее можно было раздѣлить на три продольныхъ ленты: двухверстную—сплошныхъ болотъ съ мелкимъ кустарникомъ; двухъ-съ-половиной верстную—самую южную, непосредственно подъ Алтайскимъ хребтомъ, покрытую камнями, и, наконецъ, третью, узенькую ленточку съ полверсты шириною, которую, только одну, и можно еще было назвать вполнѣ пригодною для хлѣбопашества. Да и тутъ, по даннымъ устькаменогорскаго уѣзднаго начальника, набралось бы все же не болѣе 250 дес. пахотной земли, а изъ нихъ 100 дес. также уже распахивались киргизами 9-го и частью 8-го старшинствъ, въ ко-

[1]) Степной г.-губернаторъ семипал. губернатору 24 марта 1894 г. за № 137.

личествѣ 223 кибитокъ. Такимъ образомъ, у самихъ киргизовъ, особенно у чингистайскихъ, чувствовался недостатокъ въ пахотной землѣ, и предполагаемый промѣнъ окончательно подорвалъ бы надежды правительства на развитіе хлѣбопашества среди туземнаго населенія Бухтарминской долины. Къ тому же предлагаемый къ обмѣну участокъ казачіи состоялъ изъ очень крутыхъ горныхъ скатовъ, ни для пастьбы скота, ни, тѣмъ болѣе, для сѣнокошенія не пригодныхъ. Такихъ мѣстъ въ горахъ Алтая у киргизовъ и безъ того довольно, и они не служатъ имъ ни къ чему. Наконецъ, обмѣнъ представлялся для областной администраціи опаснымъ, съ точки зрѣнія киргизскихъ интересовъ, еще и потому, что какъ разъ въ это время рѣшенъ былъ дополнительный надѣлъ казакамъ Алтайской долины. нарѣзывать пришлось бы изъ той же Чингистайской волости; въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжна была отрѣзка все изъ того же источника, и для Катонъ-Карагая. Такимъ образомъ у киргизовъ и безъ того отбирали почти всю Чингистайскую долину, оставляя въ пользованіе «лишь узкую долину Бухтармы отъ границы казачьяго надѣла урульцевъ вверхъ по теченію названной рѣки до ея истока»[1]).

Нельзя было не считаться съ такими категорическими заявленіями. Но съ другой стороны слѣдовало ли безусловно опираться на сообщенныя данныя? Собирались они исключительно канцелярскимъ порядкомъ и при рѣшеніи такого серьезнаго вопроса, какимъ былъ настоящій, требовалась не только болѣе тщательная провѣрка ихъ, но и совсѣмъ иные пріемы собиранія. Не даромъ же урульцы говорили, что (вышеприведенныя) цифровыя данныя о Чингистайской и Майемирской долинахъ собирались лицепріятно волостнымъ правителемъ, которому, въ интересахъ своихъ сородичей, выгодно было-де уменьшить число удобной для пахоты земли.

Въ виду этого степной генералъ-губернаторъ распорядился, прежде разрѣшенія дѣла, произвести сельско-хозяйственную съемку Чингистайской волости, которая, конечно, только одна и могла вполнѣ точно и съ достаточной авторитетностью выяснить, возможно-ли допустить об-

[1]) Рапортъ устькам. у. начальника 21 мая 1894 г. за № 982 и, со словъ его, донесеніе семипал. губернатора степному г.-губернатору 2 іюня 1894 г. за № 3082.

мѣнъ урульскихъ лѣсовъ на киргизскія пашни, или, наоборотъ, не окажется ли онъ слишкомъ обиднымъ для киргизовъ[1]).

Приступить къ самой съемкѣ пришлось однако еще не скоро. Въ 1894 г. областной землемѣръ былъ занятъ установкой верстовыхъ столбовъ по Зайсано-Кокпектинскому почтовому тракту, и губернаторъ могъ обѣщаться командировать его только въ слѣдующемъ году[2]); но землемѣръ оказался не свободнымъ и въ 1895-мъ: его отвлекли «болѣе неотложныя работы по обмежеванію переселенческихъ поселковъ», и не представлялось иного выхода, какъ дожидаться «болѣе благопріятнаго времени, когда предполагаемое увеличеніе состава межевыхъ чиновъ области будетъ утверждено и тѣмъ представится возможность исполнять межевыя работы въ большихъ размѣрахъ»[3]). Ту же мысль высказывалъ губернаторъ и нѣсколько позже, въ отвѣтъ на запросъ Войскового Хоз. Правленія, говоря, что «положительно нѣтъ никакой возможности одному землемѣру справиться съ другими неотложными работами въ области»[4]). Тѣ же «срочныя работы» парализовали намѣченныя землемѣру дѣйствія и въ 1897 г.; но на этотъ разъ по крайней мѣрѣ было обѣщано, что работы по съемкѣ Чингистайской волости «будутъ внесены въ проектъ работъ 1898 года»[5]). И дѣйствительно, въ 1898 г. къ съемкѣ было приступлено; но «за наступленіемъ холоднаго времени» удалось сдѣлать немного: нанести всего 4/т. десятинъ[6]). А тѣмъ временемъ урульцы ждали да ждали, когда имъ отведутъ пахотную землю. Не дождавшись, они обратились съ жалобой къ военному министру[7]). Наконецъ, въ 1900 г. съемка была закончена[8]).

[1]) Сообщеніе г.-губернатора семипалат. губернатору отъ 20 августа 1894 г. за № 3539.

[2]) Донесеніе степному г.-губернатору 7 сентября 1894 г. за № 4959.

[3]) Сообщеніе семипал. губернатора въ канцелярію степного г.-губернатора 29 января 1896 г. за № 793.

[4]) Отношеніе на имя В. Хоз. Правленія 10 іюня 1896 г. за № 4092.

[5]) Сообщеніе семипал. губпрнатора въ канцелярію степного г.-губернатора 9 декабря 1897 г. за № 7868.

[6]) Сообщеніе сем. губ. въ канцелярію г.-губернатора 25 ноября 1898 г. за № 7397.

[7]) Войсковое Хоз. Правленіе семипал. губернатору 2 декабря 1898 г. за № 455.

[8]) Дѣло Сем. Обл. Правл., межовое отд., по описи 1901 г. № 7: О надѣлѣ казаковъ пос. Урульскаго землею изъ владѣній киргизовъ и о производствѣ сел.-хоз. съемки Чингистайской вол. Устькам. у., вслѣдствіе предполагаемаго обмѣна угодій.

Данныя, полученныя отъ съемки, мало благопріятствовали видамъ казаковъ. Изъ общаго числа 80309,73 десятинъ, занятыхъ Чингистайскою волостью, на долю крутыхъ и высокихъ скатовъ, мало доступныхъ даже какъ пастбища, приходилось болѣе трети 28404,79 дес., другую треть—24418,89 дес.—составляли разныя категоріи т. наз. «неудобныхъ» земель, и только 27486,05 дес. представляли собою собственно хозяйственныя угодія: пашни съ перелогами, степь удобную подъ пашню, сѣнокосы и пастбища».—что, при 1789 кибиткахъ населенія, давало только 15 дес. удобной земли на кибитку,—цифру слишкомъ жалкую по сравненію съ потребностями кочевого быта.

Значеніе этихъ данныхъ было немаловажное. Если раньше еще можно было оспаривать точность цифръ, положенныхъ въ основу соображеній и постановленій административныхъ властей, то теперь съ окончаніемъ съемки, бѣдность киргизовъ въ угодьяхъ не могла подлежать никакому сомнѣнію. Ясно стало, почему такъ упорно идутъ они на Чобанбай, не останавливаясь передъ высокой арендой, которая, съ штрафомъ за неустойку и потравы, доходила до 1700 р. въ годъ; становилось понятнымъ, почему никакъ не сгонишь ихъ съ Укока и Калгуттовъ. Отрѣзка въ 1894—1895 г.г. для дополнительнаго надѣла Алтайской станицѣ оказалась настолько раззорительной для киргизовъ, что часть ихъ принуждена была совсѣмъ перейти на кабинетскія земли: «1-е старшинство волости, въ количествѣ 164 кибитокъ, и часть 2-го, около 40 кибитокъ, совершенно выбрались въ Томскую губернію и тамъ ведутъ свое хозяйство на правахъ аренды» [1]).

И такъ отчуждать киргизскія земли невозможно. Поселокъ Урульскій долженъ былъ остаться со своими 2000 десятинъ никуда ему негоднаго лѣса. Интересы киргизовъ на этотъ разъ удалось отстоять, но легче ли стало урульцамъ?.. Насильно поселеные въ далекомъ глухомъ углу, съ единственной возможностью прокормить себя земледѣліемъ, они лишены были главнаго—пахатной земли. Положеніе поистинѣ трагическое, и намъ невольно припоминаются сказанныя намъ въ 1896 г.

[1]) См. въ приложеніяхъ (№ 10) извлеченіе изъ донесенія семипалатинскаго губернатора степному г.-губернатору 13 марта 1900 г. за № 1766.

съ глухимъ озлобленіемъ слова: «Не самовольствомъ же намъ уходить отсюда: вѣдь мы люди военные!..»

X.

Процессъ заселенія Бухтарминской долины, какъ было замѣчено на вступительныхъ страницахъ настоящаго труда, еще не законченъ, а потому и самая исторія этого заселенія неизбѣжно обрывается на полусловѣ. Однако общій характеръ явленія, думается, уже успѣлъ опредѣлиться въ достаточной степени. Столкновеніе классовыхъ интересовъ; задачи государственныя, далеко не всегда шедшія рука объ руку съ интересами общественными; громоздкость бюрократической машины; особенности края и его удаленность отъ центра; недостаточное знакомство съ реальными условіями мѣстной жизни и потребностями его населенія, — все это въ значительной степени обусловило тѣ толчки и тренія, въ силу которыхъ Бухтарминскій край и до сей еще поры остается мало использованнымъ и почти неизвѣстнымъ. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ мѣропріятія, съ помощью которыхъ можно было бы призвать къ жизни этотъ цвѣтущій край, использовать его природные богатства; но будемъ надѣяться, что внимательное изученіе природныхъ условій мѣстности, на которой сошлись и столкнулись столь разнородныя элементы, и столь же заботливое изученіе этнографическихъ особенностей и экономическихъ нуждъ туземцевъ и пришельцевъ приведутъ одинаково какъ администрацію, такъ и населеніе Бухтарминскаго края къ благополучному и правильному разрѣшенію тѣхъ задачъ, какія ставятся здѣсь самою жизнью.

Е. Шмурло.

I.

(къ стр. 16).

А. Донесеніе Военнаго Губернатора Семипалатинской области Полторацкаго Генералъ-Губернатору Западной Сибири и Войсковому Наказному Атаману Сибирскаго казачьяго войска, 10 мая 1873 г. за № 751[1]).

Главное Управленіе иррегулярныхъ войскъ проситъ, для доклада Военному Министру, заключенія Вашего В. Превосходительства относительно прошенія, поданнаго на Высочайшее имя довѣренными отъ казаковъ Антоньевской станицы Устькаменогорскаго уѣзда Семипалатинской области, объ оставленіи ихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства, не переселяя въ пограничное съ Китаемъ пространство.

Предположеніе о перенесеніи или упраздненіи 3-хъ сѣверныхъ станицъ бывшаго 9 полкового округа (Антоньевская, Чарышская и Верхъ-Алеутская) возникло исключительно только вслѣдствіе необходимости водворенія русскаго осѣдлаго и вооруженнаго населенія, казаковъ, во вновь пріобрѣтенномъ отъ Китая краѣ, такъ какъ для этой цѣли по всей вѣроятности нашлось бы достаточное количество желающихъ съ линіи, но преимущественно для того, чтобы вывести такъ называемую Бійскую линію изъ ея крайне ненормальнаго положенія.

20 поселковъ 3-хъ означенныхъ станицъ разбросаны цѣпью въ гористой, едва доступной весною и осенью мѣстности, подходя къ Бійску на 70 верстъ; отъ Устькаменогорска же крайній поселокъ (Ануйскій) отстоитъ до 400 верстъ. Поселки эти вкраплены, такъ сказать, между селеніями Алт. Горн. Окр.; земли, которыми они пользуются, не отведены имъ формальными актами и не обозначены межевыми

---

[1]) Настоящее донесеніе, равно и всѣ нижепечатаемые документы, извлечено изъ дѣлъ Семипалатинскаго Областного Правленія.

знаками, а указаны примѣрно, въ количествѣ 6 десятинъ на душу,— считаясь собственностью Кабинета Его Величества, который настойчиво требуетъ удаленія казаковъ, или уплаты ими оброка по 40 коп. съ десятины. Не смотря на то, что свободныхъ земель, обильно надѣленныхъ всѣми благами природы, лучшихъ во всей Западной Сибири, приходится болѣе, чѣмъ по 100 десятинъ на каждую душу населенія Алтайскаго Округа и большая ихъ часть лежатъ впустѣ, почти каждый годъ являются поземельные споры между горными заводами и крестьянами съ одной и казаками съ другой стороны, поминутно приводящіе Семипалатинскія власти въ столкновеніе съ Горнымъ Вѣдомствомъ.

Каждое происшествіе возбуждаетъ вопросъ, на комъ лежитъ обязанность производства слѣдствій, на Томской губ. или Семипалат. обл., однимъ словомъ, настоящее положеніе Бійской казачьей линіи крайне неудобно, какъ для самихъ казаковъ, такъ и для Горнаго Вѣдомства, управленія Семипалат. обл. и властей Томской губерніи.

Вслѣдствіе сего, какъ только возникъ вопросъ о необходимости заселить казаками пограничное съ Китаемъ пространство, явилась мысль переселенцевъ брать исключительно изъ Антоньевской, Чарышской и Верхъ-Алеутской станицъ, съ обращеніемъ оставшихся отъ переселенія казаковъ въ податное состояніе; вслѣдствіе чего 16 мая 1870 г. за № 380 Вашимъ В. Провосходительствомъ былъ представленъ полный проэктъ положенія объ упраздненіи Бійской линіи; но Военное Министерство, признавъ неудобнымъ передачу названныхъ казаковъ въ гражданское вѣдомство, въ виду возможнаго усиленія наряда на внѣшнюю службу отъ Сибирскаго войска, признало лучшимъ отложить разрѣшеніе вопроса объ упраздненіи Бійской линіи до болѣе благопріятнаго времени, когда на основаніи опыта можно будетъ прійти къ обстоятельному заключенію о тѣхъ выгодахъ, какія въ общегосударственномъ смыслѣ могутъ быть доставлены этой мѣрой (отнош. Начал. Главн. Упр. иррегуляр. войскъ отъ 15 января 1871 г. № 24).

Въ настоящее время, съ Высочайшимъ утвержденіемъ 2 октября 1871 г. новаго положенія о воинской повинности Сибирскаго казачь-

яго войска, которымъ опредѣленъ его строевой составъ въ 8000 человѣкъ, не можетъ быть и рѣчи о передачѣ казаковъ Бійской линіи въ гражданское вѣдомство, такъ какъ въ 3-хъ ея станицахъ числится 697 строевыхъ казаковъ; но тѣмъ не менѣе вопросъ объ устройствѣ управленія этой линіей останется во всей своей неотложной необходимости.

Вывести Бійскую линію изъ ея настоящаго неопредѣленнаго положенія можно однимъ изъ двухъ способовъ:

1. *Передавъ тамошнее казачье населеніе въ полное вѣденіе* въ административномъ, полицейскомъ и судебнослѣдственномъ отношеніяхъ *Бійскаго округа Томской губ.*, къ чему повидимому не должно встрѣтиться препятствій, такъ какъ Сибирское казачье войско не составляетъ въ смыслѣ гражданскаго управленія одного цѣлаго, входя въ составъ народонаселенія 2-хъ областей, и подчиняясь 10 Уѣзднымъ Начальникамъ, которые, за малыми исключеніями, всѣ должны быть чинами гражданскими.

Примѣчаніе. По отбыванію воинской повинности, станицы Бійской линіи будутъ по прежнему находиться въ вѣденіи Атамана 3-го отдѣла Сибирскаго казачьяго войска. Но мѣра эта даетъ полные результаты въ томъ только случаѣ, если Государю Императору благоугодно будетъ Всемилостивѣйше пожаловать въ пользованіе казакамъ, безъ платежа оброка, земли Кабинета Его Величества, на которыхъ они нынѣ водворены съ обозначеніемъ ихъ межевыми знаками.

При обиліи пустопорожнихъ земель Алтайскаго Горнаго Округа, не приносящихъ никакого дохода, трудно думать, что тѣ именно земли, которыми казаки пользуются уже издавна, могли бы быть для Кабинета необходимы ранѣе, какъ въ дальнемъ будущемъ.

2. Если же мѣра эта будетъ признана непримѣнимою, то остается другой способъ *переселенія казаковъ Бійской линіи* въ пограничное съ Китаемъ пространство, отъ котораго, по прямому смыслу 44 параграфа положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ, Высочайше одобреннаго 13 марта 1861 г., они не имѣютъ права отказываться.

Хотя переселеніе и непріятно казакамъ, и не можетъ не произвести потрясенія, хотя и временнаго, въ ихъ экономическомъ бытѣ, но мѣра эта вполнѣ выполнима.

Въ 1871 и 1872 годахъ въ 4 поселкахъ, вновь устроенныхъ въ Бухтарминскомъ и Зайсанскомъ краѣ, водворено всего:

	Офицерскихъ семейст.	Офицерскихъ душъ	Казачьихъ семей	Казачьихъ душъ
Въ Зайсанскомъ краѣ . . .	2	2	69	129
» Бухтарминск. » . . .	2	3	76	187
Всего .	4	5	145	316
Въ 1873 г. будетъ водворено:				
Въ Зайсанскомъ краѣ . . .	»	»	30	63
» Бухтарминск. » . . .	»	»	35	78
Всего .	»	»	65	141
Итого въ 3 г. .	4	5	210	457

душъ мужскаго пола.

За симъ казачье народонаселеніе Бійской линіи составляетъ 3259 душъ мужского пола.

Для водворенья его могутъ быть указаны, во первыхъ, станицы Бухтарминской линіи (Устькаменогорская и Бухтарминская), гдѣ по произведенному межеванію, съ прирѣзкой земель изъ бывшей 10 верстной полосы, оказывается избытокъ земли противъ народонаселенія, а именно:

Въ 10 поселкахъ этой линіи (кромѣ Устькаменогорскаго и Черемшанскаго, въ которыхъ количество земли еще не опредѣлено) состоитъ удобной земли 56,686 десятинъ[1]) на 1366 душъ мужскаго пола, такъ что до нормальнаго надѣла, по 30 десятинъ на душу, можетъ быть прибавлено съ Бійской линіи еще 582 души.

Для остальныхъ же 2677 душъ окажется достаточно угодій въ долинѣ Нарыма и Верхней Бухтармы, на правомъ берегу Иртыша отъ Нарыма до Курчума, въ долинѣ Курчума, на Майтерекѣ, и даже въ

[1]) Кромѣ 98200 десятинъ неудобной.

Зайсанскомъ краѣ, гдѣ душъ 300 могутъ еще безъ особаго стѣсненія киргизъ быть удобно водворены на Букони и Черномъ Иртышѣ.

Въ особенности если отставнымъ престарѣлымъ казакамъ, не имѣющимъ дѣтей мужского пола, будетъ дозволено проживать по прежнему на Бійской линіи, какъ то сдѣлано для 23 семей престарѣлыхъ казаковъ, оставленныхъ на Кузнецкой линіи, съ отведеніемъ хотя-бы имъ поземельныхъ участковъ безплатно.

Всѣмъ же прочимъ казакамъ можетъ быть въ этомъ случаѣ, т. е. если рѣшено будетъ переселеніе линіи, разрѣшено оставаться на прежнихъ мѣстахъ только, съ уплатою оброка въ пользу Кабинета.

Всѣ сіе соображенія имѣю честь представить на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

Дѣло № 749, ч. IV, л. 75—79.

Б. Вѣдомость о численности казачьяго населенія по Бійской линіи.

Станицы и поселки	Число семействъ	Чис. душ. муж. пол.	Строев. казаков
Стан. Антоньевск.	оф. 4, каз. 106	269	64
Поселковъ:			
Ануйскаго . . .	64	153	29
Смоленскаго . .	54	139	26
Терскаго . . .	106	260	67
Николаевскаго .	72	223	50
Слюденскаго . .	71	175	40
Маральевскаго. .	64	183	45
Стан. Чарышской.	132	336	62
Поселковъ:			
Сосновскаго . .	43	103	17
Тулатинскаго . .	122	282	53
Яровскаго . . .	59	141	24
Тигирецкаго . .	70	177	43
Стан. Верхъ-Алейск.	оф. 1, каз. 62	147	21
Поселковъ:			
Андреевскаго . .	оф. 1, каз. 49	106	28
Бѣлорѣцкаго . .	26	72	15
Ключевскаго . .	33	88	15
Плоскаго . . .	71	201	39
Стан. Устькаменог.			
Поселковъ:			
Верхъ-Убинскаго .	23	54	12
Секисовскаго . .	47	114	18
Бобровскаго . .	39	85	11

Примѣчаніе: Въ выселкахъ Ануйскомъ, Смоленскомъ, Терскомъ, Николаевскомъ показано число семей безъ исключенія выселяемыхъ въ нынѣшнемъ году 65 семей, которыя выселяются такъ: изъ Николаев-

скаго 20; Терскаго 22; Смоленскаго 9 и Ануйскаго 12, и станицы Антоньевской 2.

Приложеніе къ рапорту начальника Устькаменогорскаго уѣзда Халдѣева Семипалатинскому губернатору 8 мая 1873 года.

Дѣло № 515 л. 131—132.

II.

(къ стр. 16).

А. Представленіе Семипалат. губернатора Войсковому Наказному Атаману Сибирскаго казачьяго войска 1 сентября 1875 г. за № 7310.

Устькаменогорскій Уѣздный Начальникъ донесъ мнѣ, что перечисленные приказомъ предмѣстника В. Высокопр-ва отъ 17 ноября 1873 г. за № 85 изъ Семирѣченскаго казачьяго войска Копальской станицы въ станицу Алтайскую, строевой казакъ Петръ Дмитріевъ съ женою Ириною и отставной Петръ Угрюмовъ съ женою Авдотьею проживали въ настоящее время въ Бійскомъ округѣ въ селѣ Салтановскомъ, не смотря на неоднократныя требованія, не являются къ мѣсту новаго водворенія, почему, полагая, что ихъ двухлѣтняя неявка, показывая явное нерадѣніе къ домохозяйству, заставляетъ ожидать мало пользы и отъ водворенія ихъ въ Алтайской станицѣ, Подполковникъ Халдѣевъ проситъ означенныхъ казаковъ оставить на мѣстахъ жительства, перечисливъ обратно въ Копальскую станицу.

Казаки Дмитріевъ и Угрюмовъ, равно какъ и казаки Глѣбъ Чоусовъ, о перечисленіи коего обратно въ Кокбектинскую станицу я просилъ Вашего Высокопревосходительства отъ 29 минувшаго іюня за № 5408, принадлежатъ къ числу казаковъ бывшаго 9-го полкового округа, водворенныхъ на Кузнецкой линіи (отъ Бійска до Кузнецка).

Съ упраздненіемъ этой линіи въ началѣ 50-хъ годовъ, входящіе въ ея составъ казаки были перечислены частью въ Заилійскій край, частью же въ Кокбектинскую станицу, но многіе изъ нихъ, къ числу коихъ принадлежатъ и названные казаки съ ихъ семьями, получивъ пособіе по 30 руб. на семью, на обзаведеніе въ новыхъ мѣстахъ,

частью просто уклонились отъ переселенія, другіе же прибыли на время въ Кокбектинскую станицу, но постепенно ушли обратно; вслѣдствіе чего въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ оказалось значительное число казачьихъ семей какъ Сибирскаго, такъ и Семирѣченскаго войска, номинально выселенныхъ въ Семирѣчье и въ пограничное съ Китаемъ пространство, но въ дѣйствительности благополучно, болѣе 20 лѣтъ проживавшихъ на прежнихъ мѣстахъ частью по отпускнымъ билетамъ, выдаваемымъ станицами, въ коихъ они числились, частью же безъ всякихъ видовъ.

Признавая необходимымъ привести въ порядокъ Кокбектинскую станицу, въ которой числилось до сотни семей никогда въ ней не жившихъ, я входилъ съ представленіемъ къ предмѣстнику Вашего Высокопревосходительства по сему предмету отъ 17 октября 1870 г. за № 3894 и Его Высокопревосходительство, одобривъ мои предположенія, предписалъ мнѣ отъ 12 ноября того-же года за № 870 объявить всѣмъ отставнымъ казакамъ Сибирскаго войска, числящимся въ Кокбектинской станицѣ, но оставшимся на прежнихъ мѣстахъ своего жительства, что такъ какъ они получили пособіе на переселеніе, но остались на прежнихъ мѣстахъ, то будутъ выселены на Китайскую границу; если же этого не пожелаютъ, то, возвративъ выданныя имъ пособія, могутъ воспользоваться Высочайше дарованнымъ правомъ, согласно приказа Воен. Министра отъ 29 апрѣля 1868 г. № 144 выхода изъ казачьяго званія, съ причисленіемъ къ гражданскому податному сословію, которое пожелаетъ принять ихъ въ свое общество, на основаніяхъ, изложенныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 5 іюля 1867 г. № 241, относительно устройства отставныхъ и безсрочныхъ нижнихъ чиновъ; малолѣтнихъ же сыновей казаковъ, переходящихъ въ податное сословіе разрѣшено было до 19 лѣтняго возраста оставить при своихъ семействахъ, съ тѣмъ, чтобы по достиженіи призывнаго возраста они являлись въ свои станицы для вынутья жребія на службу.

Во исполненіе сего были составлены списки всѣхъ казаковъ, проживающихъ въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ и отобраны подписки, кто изъ нихъ пожелаетъ переселиться и кто выйти изъ казачья-

го сословія, о чемъ и было донесено генералъ-адъютанту Хрущеву отъ 22 января 1871 г. за № 311.

Въ то же время и нѣкоторые казаки, переведенные въ Капальскую и другія станицы Семирѣчья, но оставшіеся на Кузнецкой линіи, о выселеніи которыхъ настаивало и Семирѣченское област. начальство, вошли съ просьбами о дозволеніи имъ переселиться въ Алтайскую станицу, что по подлежащемъ сношеніи имъ и было разрѣшено.

Такимъ образомъ самовольному проживанію сибирскихъ казаковъ на бывшей Кузнецкой линіи былъ положенъ конецъ. Часть ихъ дѣйствительно выселилась, другая же успѣла достать пріемные приговора, отъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ, въ коихъ они проживаютъ, и о перечисленіи ихъ въ крестьяне Томской губ., какъ увѣдомилъ меня Дѣйствительный Статскій совѣтникъ Супруненко отъ 19 минувшаго іюня за № 3059 въ настоящее время сдѣлано уже распоряженіе[1]).

Но и затѣмъ, какъ оказывается, нѣсколько лицъ остаются въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи.

Въ томъ числѣ казакъ Глѣбъ Чоусовъ пожелалъ перейти въ крестьянское сословіе, но не получивъ пріемнаго приговора, долженъ былъ быть переселенъ въ Алтайскую станицу, два раза былъ высылаемъ мѣстнымъ начальствомъ, но всякій разъ успѣлъ возвращаться на старое пепелище. Казаки Петръ Дмитріевъ и Петръ Угрюмовъ, изъ коихъ первый, какъ строевой и не можетъ воспользоваться правомъ выхода изъ войсковаго сословія, также видно, уклоняются отъ переселенія на новыя мѣста.

Вслѣдствіе сего съ своей стороны вполнѣ раздѣляя мнѣніе подполковника Халдѣева, что насильственное водвореніе подобныхъ Чоусову лицъ въ пограничномъ краѣ, едва ли принесетъ пользу, я покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство почтить меня предписаніемъ, какъ слѣдуетъ поступить съ вышеозначенными казаками и съ подобными имъ лицами, которыя за всѣми сдѣланными распоряженіями останутся проживать на прежнихъ мѣстахъ, не перечисляясь въ податное сословіе.

---

[1]) О всѣхъ казачьихъ семьяхъ, кои будутъ переселены въ крестьяне, я просилъ Томскаго губернатора донести отъ себя Вашему Высокопревосходительству.

Слѣдуетъ ли настаивать, чтобы они непремѣнно достали себѣ пріемные приговора, для перечисленія въ крестьяне, а въ противномъ случаѣ употребить принудительныя мѣры, къ ихъ немедленному выселенію будущею весною; безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ подъ личною отвѣтственностью мѣстныхъ полицейскихъ властей, или же имъ можетъ быть предоставлено жить на прежнихъ мѣстахъ, по отпускнымъ билетамъ станичныхъ обществъ, въ которыхъ они числятся.

При этомъ обязываюсь присовокупить, что примѣнять къ означеннымъ лицамъ указанныя въ положеніи объ общественномъ устройствѣ казачьихъ станицъ правила для переселенія изъ одной станицы въ другую, какъ Ваше Высокопревосходительство изволили указать въ предложеніи отъ 24 іюня за № 1297 относительно казака Глѣба Чоусова, я признаю не вполнѣ удобнымъ, такъ какъ означенныя лица были перечислены въ Алтайскую станицу по распоряженію начальства и обратное переселеніе изъ степныхъ и передовыхъ станицъ не дозволяется; при томъ, если общество Алтайской станицы съ готовностью дастъ этимъ казакамъ увольнительный приговоръ, то трудно думать, чтобы общество Копальской и Кокбектинской станицъ также охотно приняли въ свою среду лицъ, которыя 20 лѣтъ успѣли уклоняться отъ переселенія туда и отъ несенія всякихъ земскихъ повинностей.

Во всякомъ случаѣ мѣра эта едва ли принесетъ пользу, такъ какъ и числясь въ Кокбектинской и Копальской станицахъ, безъ особыхъ принудительныхъ мѣръ къ выселенію, казаки эти будутъ попрежнему проживать въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ.

Дѣло № 749 т. IV. л. 170—173.

Б. Войсковой Наказный Атаманъ Сибирскаго казачьяго войска Господину Военному Губернатору Семипалатинской области 24 октября 1875 г. № 1775.

Изъ донесенія Вашего Превосходительства отъ 1-го сентября за № 7310-мъ, усматривается, что казаки, числящіеся по спискамъ въ ст. Алтайской: строевой Петръ Дмитріевъ и отставные Петръ Угрюмовъ и Глѣбъ Чоусовъ, получивъ пособіе отъ казны на переселеніе въ означенную станицу, остаются на прежнихъ мѣстахъ жительства: пер-

вые два въ крестьянскомъ селеніи Салтановскомъ Бійскаго округа, а послѣдній въ ст. Кокбектинской.

Донося мнѣ объ этомъ, Вы просите моего указанія: какъ поступить съ означенными казаками и со всѣми тѣми, которые, получивъ пособіе отъ казны на переселеніе въ новоприсоединенный пограничный край Семипалат. обл., остаются на прежнихъ мѣстахъ жительства и, притомъ живущіе въ крестьянскихъ селеніяхъ, не приписываются и къ мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ.

На это имѣю честь увѣдомить Васъ, что Высочайше утвержденнымъ 21 апрѣля 1869 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, объявленнымъ въ приказѣ по военному вѣдомству за № 114-мъ того же года, отставнымъ и неслужилымъ нижнимъ чинамъ казачьихъ войскъ предоставлено право выходить изъ войскового сословія и избраніе мѣста жительства, съ исключеніемъ или безъ исключенія изъ войскового сословія во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими свободными обывателями. Поэтому было бы нарушеніемъ этого закона принудительно требовать отставныхъ и неслужилыхъ казаковъ переселиться въ новоустроенныя станицы пограничнаго края, согласно съ изъявленнымъ ими прежде желаніемъ,—или живущихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, принуждать къ исключенію изъ войскового сословія.

Мѣстная администрація должна наблюдать, конечно, и принимать безъ послабленія законныя мѣры на основаніи устава о паспортахъ, чтобы казаки, живущіе внѣ войска, имѣли установленные увольнительные виды и чтобы законныя требованія станичныхъ обществъ къ проживающимъ въ отлучкѣ казакамъ выполнялись неуклонно.

Относительно строевыхъ и служилыхъ казаковъ, обязанныхъ службою въ войскѣ, которые до настоящаго времени поселились внѣ предѣловъ войсковой территоріи, я далъ приказъ по ввѣренному мнѣ Сибирскому казачьему войску отъ 26 сентября за № 80-мъ, предоставляя такимъ казакамъ, во избѣжаніе ихъ раззоренія отъ принудительнаго возвращенія въ свои станицы,—проживать въ мѣстахъ ихъ настоящаго жительства по увольнительнымъ видамъ отъ Атамановъ От-

дѣловъ, съ обязанностью по требованію послѣднихъ являться на службу въ отдѣлъ, по дошедшей очереди.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляю Вамъ настоятельно требовать, чтобы казаки, которымъ досталось итти на переселеніе на новыя мѣста по жребію, непремѣнно переселились и за ослушаніе были подвергаемы законному преслѣдованію; также должно требовать, чтобы казаки, получившіе пособіе на добровольное переселеніе въ пограничныя мѣстности, но непереселившіеся туда,—непремѣнно возвратили пособіе, если въ законномъ порядкѣ не будутъ признаны несостоятельными.

Настоящее мое предложеніе можетъ служить указаніемъ и по представленію Вашему относительно казака Глѣба Чоусова, проживающаго въ Кокбектинской станицѣ и числящагося по спискамъ въ станицѣ Алтайской.

Войсковой Наказный Атаманъ Генералъ-Адъютантъ Казнаковъ.

Дѣло № 749, т. IV л. 177—178.

III.

(къ стр. 18).

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 25 января 1872 г. предоставило командующему войсками Западно-Сибирскаго военнаго округа право въ теченіе 1872 и 1873 гг. выдворять ежегодно по 50 семей Сибирскаго казачьяго войска поселеніями на китайской границѣ, съ правомъ выбора мѣстъ подъ поселеніе. На основаніяхъ этого семипалатинскій губернаторъ Полторацкій, по предписанію главнаго начальника края, памѣтилъ къ основанію въ 1873 г. два новыхъ поселенія, одно въ долинѣ Верхней Бухтармы (поселокъ Урульскій), другое въ Зайсанскомъ краѣ, на Черномъ Иртышѣ, близъ Акъ-Тюбэ. При этомъ устькаменогорскому уѣздному начальнику предписывалось (25 декабря 1872 г.) выбрать на Бухтармѣ пригодное мѣсто на 25 семей безъ стѣсненія киргизовъ и отправиться по казачьимъ станицамъ и поселкамъ Бійской линіи для вызова желающихъ переселиться. Безсемейныхъ пожилыхъ предполагалось, по возможно-

сти, пока не вызывать. Всего требовалось 65 семей: изъ нихъ 50 на кредиты 1873 года, 15—на остатокъ 1872 г.; окажись желающихъ больше, то отбирать подписки и отъ нихъ, въ случаѣ недостачи, пополнить комплектъ, а то и всѣ 65 семей, жребіемъ. Бухтарминскую долину, какъ ближайшую и болѣе подходящую, по мѣстнымъ условіямъ, къ Бійской линіи, думали предоставить исключительно переселяющимся безъ пособія. Распредѣленіе по семьямъ не было однако окончательнымъ: 16 апрѣля 1873 г. тому же устькаменогорскому уѣздному начальнику предписывалось отобрать, изъ общаго числа 65 семей, по своему усмотрѣнію, 25 семей и отправить ихъ на Акъ-Тюбэ, остальныхъ же на Бухтарму. Въ свою очередь уѣздный начальникъ предлагалъ послать на Акъ-Тюбэ 30 семей, остальные же 35 распредѣлить между Чингистаемъ (18) и Урулемъ (17), находя что въ Бухтарминской долинѣ чувствуется недостатокъ въ свободныхъ земляхъ. Полторацкій соглашался на водвореніе въ Акъ-Тюбэ 30 семей только въ томъ скучаѣ, если на Бухтармѣ дѣйствительно не хватитъ земли (15 мая 1873 г.). Въ конечномъ результатѣ въ Зайсанскій край пошло не 30, а 25 семей, при чемъ онѣ были водворены (въ 1873 г.) не въ Акъ-Тюбэ, а въ 40 верстахъ въ сторону, на р. Кендерлыкѣ (предписаніемъ семипал. губернатора 19 іюня 1873 г.), гдѣ имъ отвели удобной земли на 160 душъ[1]).

Къ осени 1873 г. результаты колонизаціи китайской границы представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Было поселено:

	Офицеровъ.		Казаковъ.	
	Семей.	Душъ м. п.	Семей.	Душъ м. п.
Въ ст. Алтайской и пос. Урульскомъ	2	3	111	265
Въ ст. Зайсанской и пос. Кендерлыкъ	2	2	99	192
Итого въ теченіе трехъ лѣтъ	4	5	210	457

Сверхъ того на остатки суммъ 1873 года, предполагалось выз-

---

[1]) Дѣло № 515: О водвореніи двухъ новыхъ поселеній на китайской границѣ въ 1873 г. лист. 4—5. 94, 98—99, 111—112, 151, 162.

вать еще 18 семей охотниковъ съ Бійской линіи и поселить ихъ весною 1874 года въ Бухтарминскомъ краѣ[1]).

Уѣздное начальство планировало поселить въ 1874 г. по 30 семей на урочищахъ Чистый Яръ и Баты[2]), но за позднимъ разъясненіемъ ассигновокъ на 1874 и 1875 г.г., губернаторъ Полторацкій нашелъ болѣе удобнымъ сразу переселить 100 семей въ теченіе одного 1875 г. Въ это число къ 5-му февраля 1875 г. было набрано всего 65 семей: 50 на уроч. Баты и 15 въ пос. Урыльскій. На Чистый же Яръ пока не намѣтили никого, такъ какъ тамъ еще небыло сдѣлано надлежащаго отвода земли. Жребій бросался исключительно межъ казаками станицы Антоньевской, поселковъ Смоленскаго и Ануйскаго, какъ самыхъ удаленыхъ на Бійской линіи; да и добровольцевъ допускали тоже только изъ этихъ пунктовъ и изъ ближайшихъ къ нимъ поселковъ. Что до ур. Чистый Яръ, то его не успѣли обмежевать и къ ноябрю 1875 г. Тогда Халдѣевъ испрашивалъ дозволенія поселить тамъ остальныя 35 семей, не дожидаясь землемѣра, а только руководясь тѣми свѣдѣніями, какія уже имѣются о количествѣ удобной земли въ этой мѣстности[3]), но въ высшей, областной инстанціи, къ этому времени, планируютъ о размѣщеніи уже не 35, а цѣлыхъ 120 семей.

Общее положеніе дѣлъ къ концу 1875 года и руководящіе мотивы по вопросу о заселеніи пограничной полосы до извѣстной степени обрисовываются въ слѣдующемъ донесеніи семипалатинскаго губернаотра войсковому нак. атаману Сибирскаго каз. войска 11 декабря 1875 г. за № 10186:

«Согласно Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, изложеннаго въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 6 мая 1874 г. № 139 командующему войсками западно-сибирскаго военнаго округа было предоставлено водворять въ теченіи 1874 и 1875 годовъ еже-

---

[1]) Представленіе семипал. в. губернатора войсковому наказн. атаману 8 сентября 1873 г за № 128. См. дѣло № 530: О переселеніи казаковъ на пограничное съ Китаемъ пространство въ 1874 и 1875 г.г.. лл. 1—3.

[2]) Рапортъ устькам. у. начальника Халдѣева 9 ноября 1873 г.

[3]) Дѣло № 530, лл. 6—9, 39, 55. 207.

годно по 50 казачьихъ семействъ Сибирскаго войска поселеніями на китайской границѣ на тѣхъ же основаніяхъ, которыя опредѣлены для первыхъ поселеній приказомъ по Военному вѣдомству 1870--1872 годовъ №№ 329 и 49; при чемъ на единовременные расходы по выдачѣ пособія и кормовыхъ денегъ переселенцамъ опредѣленно отпустить въ распоряженіе Командующаго войсками Округа въ теченіи 1874 и 1875 годовъ по 4/т. руб. ежегодно, а всего 8/ т. руб. сереб-

Деньги на переселеніе 1874 года были ассигнованы только въ концѣ лѣта (предп. генералъ-губерн. отъ 6 іюля 1874 г. № 1231), а потому вызовъ переселенцевъ и водвореніе новыхъ поселковъ въ томъ году не могло быть произведено, вслѣдствіе чего я предложилъ Усть-каменог. уѣздн. начальнику всѣ 100 семействъ вызвать къ переселенію въ 1875 г.

Копія съ предложенія, въ коей изложены всѣ распоряженія мои по сему предмету, была пердставлена генералъ-адъютанту Хрущову 29 октября № 3071.

Но такъ какъ землемѣръ межевой партіи Сибирскаго каз. войска командированный для съемки урочищъ, на которыхъ предполагалось водворить поселенія, успѣлъ снять только одно урочище Баты на Иртышѣ, съ землею достаточною для надѣла 50 семей, то подполковникъ Халдѣевъ могъ вызвать съ Бійской линіи только 65 казачьихъ семей, въ числѣ 204 душъ муж. пола; изъ коихъ 50 семей образовали новый поселокъ на Батахъ, 15-же семей приселены къ Урыльскому поселку. На единовременные расходы по выдачѣ пособій и кормовыхъ денегъ переселенцамъ изъ числа 4/т. руб., ассигнованныхъ въ 1874 г, и переведенныхъ на 1875 г. согласно предложенію генер.-губерн. отъ 9 ноября 1874 г. за № 1966, издержано всего 2943 р. 60 к. и затѣмъ для переселенія будущаго года имѣется свободныхъ рессуровъ:

а) остатковъ отъ суммъ, отпущенныхъ на переселеніе 1872 и 1873 годовъ вмѣстѣ съ пособіями, возвращенными непереселившимися казаками Кузнецкой линіи, хранящихся въ депозитахъ Семипалатинскаго Областного Правленія . . . . 696 р. 26 к.

б) остатковъ отъ суммы, ассигнованной на 1874 г. 1045 р. 40 к.

в) суммы, ассигнованной на 1875 г. по смѣтѣ Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ . . 4000 р. —

Итого . 5741 р. 66 к.

Сумма, на которую возможно переселить, судя по примѣру прошлаго года, до 120 семей.

Вслѣдствіе сего я имѣю честь покорнѣйше просить В. В.-прво:

1) Разрѣшить мнѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ, вызывать переселенцевъ, неограничиваясь числомъ 35 семей, а соображаясь съ размѣрами свободныхъ рессурсовъ.

2) Вызвать къ переселенію 2 офицерскихъ семьи сибирскаго войска, такъ какъ на Бійской линіи проживаютъ только отставные и весьма пожилые офицеры, какъ напр. войсковые старшины: Осиповъ, Мокинъ и Круглыхинъ, для которыхъ переселеніе будетъ крайне затруднительно, то вызвать охотниковъ къ переселенію изъ офицеровъ 3-го, а въ случаѣ недостатка таковыхъ 2-го отдѣловъ, изъ числа неполучившихъ еще пожизненнаго поземельнаго надѣла.

3) Разрѣшить переселеніе на новыя мѣста всѣхъ жителей Верхъ-Убинскаго поселка. Бійской линіи, въ числѣ 18 семей, согласно ихъ просьбы, упразднивъ самый поселокъ. Хотя затѣмъ явится перерывъ между казачьими поселками Плоскимъ и Секисовскимъ, но съ передачею всей Бійской линіи въ вѣдѣніе Томской губ. затрудненія относительно отбыванія земской гоньбы встрѣчаться не можетъ, такъ какъ она будетъ отбываться жителями рядомъ лежащей съ Верхъ-Убинскимъ пос. Большерѣченской деревни (Лосиха). Но при этомъ необходимо опредѣлить, какое назначеніе получитъ поземельный надѣлъ, находящійся нынѣ въ пользованіи казаковъ Верхъ-Убинскаго поселка: останется ли онъ въ распоряженіи войскового Начальства или будетъ переданъ обратно въ кабинетъ Его Величества.

4) Въ случаѣ недостатка въ поселкахъ Бійской линіи охотниковъ къ переселенію на новыя мѣста, дозволить, *не назначая переселенцевъ по жребію*, вызывать охотниковъ на переселеніе съ выдачею по-

собій отъ казны, съ Иртышской линіи, изъ 2-го и 3-го отдѣловъ, но не изъ степныхъ станицъ. Обязательное переселеніе для казаковъ Бійской линіи имѣло значеніе первоначально, когда предполагалось всю эту линію упразднить, выселивъ съ нея возможно большее число семействъ для водворенія на новыхъ мѣстахъ, и перечисливъ остальныхъ въ гражданское вѣдомство. Но такъ какъ эта идея въ послѣдствіи оставлена, число же охотниковъ переселяться добровольно, съ обмежеваніемъ земель Бійской линіи и съ упроченіемъ такимъ образомъ ихъ экономическаго быта неименуемо уменьшится, то казалось бы возможнымъ, не прибѣгая къ назначенію переселенцевъ по жребію во всякомъ случаѣ тяжелому для населенія, переселенцевъ вызывать изъ охотниковъ отъ всѣхъ станицъ Иртышской линіи, особенно тѣхъ, которыя, какъ Долонской, Семіярской и Павлодарской, не пользуются достаточнымъ количествомъ хлѣбопахотныхъ земель.

Хотя по разъясненію Главнаго Управленія иррегулярныхъ войскъ, изложенному въ отзывѣ отъ 12 минувшаго апрѣля за № 492, содержащееся въ 3-мъ пунктѣ приказа по военному вѣдомству 1872 г. № 49 запрещеніе переселяться изъ станицъ 3-го и степныхъ станицъ 1-го отдѣловъ относилось только до переселенія 1872 и 1873 годовъ, для переселеній же на будущее время приказомъ 1874 г. № 133 никакихъ ограниченій не установлено; но по моему мнѣнію дозволеніе переселеній изъ степныхъ станицъ, сравнительно водворенныхъ недавно, положительно вредно, подрывая основную идею колонизаціи степи и поощряя вообще врожденную русскому народу страсть къ бродяжничеству и пріисканію лучшихъ мѣстъ.

5) Всѣхъ переселенцевъ я полагалъ бы водворить за отдѣленіемъ 43 душъ по числу свободныхъ земель, въ Кендерлыкскій поселокъ Зайсанской станицы, на урочище Чистый-Яръ и Баты, если тамъ по межеванію прошлаго года окажется достаточно земли.

Докладывая о всемъ вышеизложенномъ, я покорнѣйше прошу В. Высокопревосходительство перевести въ мое распоряженіе, для расходовъ переселенія 1876 г. кредитъ въ 4000 руб., ассигнованной по смѣтѣ главнаго управленія Иррегул. войскъ на 1875 г. и въ случаѣ утвер-

жденія моихъ предположеній не отказать дать мнѣ знать по телеграфу дабы я могъ немедленно приступить къ вызову переселенцевъ, съ тѣмъ, чтобы они могли заблаговременно изготовиться и выступить съ мѣстъ раннею весною, прійти на новыя мѣста по возможности ранѣе, чтобы имѣть возможность устроить себѣ помѣщеніе на зиму»[1]).

Войсковой наказный атаманъ Сибирскаго каз. войска, находя «полезнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи устоить нѣсколько новыхъ поселеній какъ въ Зайсанскомъ пространствѣ, такъ и въ Бухтарминскомъ краѣ, независимо отъ разрѣшенныхъ Выс. утвержденнымъ 23 апрѣля минувшаго года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта», и полагая заселеніе произвести вызовомъ желающихъ казаковъ со всѣхъ станицъ сибирскаго казачьяго войска, допущеніемъ охотниковъ-переселенцевъ изъ крестьянъ и другихъ сословій«, спрашивалъ 27 октября 1875 г. за № 1792 на этотъ счетъ мнѣнія семипалатинскаго губернатора и просилъ его дать «обстоятельное указаніе мѣстностей, удобныхъ въ хозяйственномъ отношеніи для поселенія и приблизительнаго расчета числа жителей, которые могли-бы быть на нихъ поселены»[2]).

На этотъ запросъ послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ семипалатинскаго губернатора 18 (?) декабря 1875 г. за № 10437:

«Препроводивъ предложеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 27 октября за № 1792 къ устькаменогорскому уѣздному начальнику и къ Зайсанскому приставу, я просилъ подполковника Халдѣева и маіора Тихонова представить полное соображеніе о всѣхъ мѣсуностяхъ, которыя могутъ быть указаны для водворенія осѣдлыхъ поселеній.

«Копіи съ предписаній моихъ по сему предмету за №№ 10358 и 10359 имѣю честь представить на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства; но вмѣстѣ съ симъ для возможно полнаго обсужденія вопроса о колонизаціи пограничнаго съ Китаемъ пространства Семипал.

---

[1]) Дѣло № 538: О водвореніи въ 1876 г. новыхъ казачьихъ поселеній въ пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ л. 8—11.

[2]) Дѣло № 538, лл. 1—2.

обл. считаю долгомъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на слѣдующія обстоятельства.

«По мѣстнымъ топографическимъ и экономическимъ условіямъ этого пространства наиболѣе удобствъ для водворенія осѣдлыхъ поселеній представляютъ сѣверное и западное предгорья Нарымскаго хребта, начиная съ востока, отъ р. Урыля, впадающей въ Бухтарму, внизъ по Бухтармѣ и Нарыму и вверхъ по Иртышу приблизительно до р. Коянды, впадающей слѣва въ Иртышъ, такъ какъ выше Урыльскаго поселка (лежащаго на высотѣ 3712 футовъ отъ уровня моря) слишкомъ холодно для вызрѣванія хлѣбовъ; выше же Коянды Нарымскій хребетъ подходитъ къ Иртышу вплоть, упираясь въ него скалистыми уступами.

«Затѣмъ представляется возможность осѣдлыхъ поселеній въ низовьяхъ Курчума, и быть можетъ на юго-восточномъ скатѣ Курчумскаго хребта, въ одномъ или двухъ пунктахъ по р. Калгуты и на Санташѣ или Майтерекѣ.

«Въ Зайсанскомъ приставствѣ, кромѣ нынѣ существующихъ поселеній, возможно водворить не болѣе одного или двухъ поселковъ на сѣверныхъ предгорьяхъ Монрака и Саура. Высокая Чиликтинская долина (имѣющая 4500 фут. высоты) совершенно не годится для земледѣлія; затѣмъ все остальное передовое пространство Зайсанскаго приставства, скудно орошенное, хотя и даетъ мѣстами возможность хлѣбопашества, но по своему безлѣсію и отсутствію луговъ не представляетъ никакихъ удобствъ для водворенія осѣдлыхъ жителей, особенно обязательнымъ путемъ.

«Изъ этого краткаго очерка Ваше Высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что при настоящихъ очертаніяхъ границы, водвореніе сплошной линіи осѣдлыхъ поселеній, въ видахъ прикрытія границы вооруженнымъ населеніемъ, какъ то было сдѣлано въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта, недостижимо, такъ какъ обширное протяженіе границы, какъ Чиликтинская долина, почти вся котловина Зайсана отъ ближайшихъ предгорій Монрака до Алтая останутся открытыми. При томъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ пограничныхъ областяхъ Китая, при явномъ усиленіи власти Китайскаго Правительства, представите-

ли коего находятся уже въ Чугучакѣ, Тултѣ и Булукъ-Тихоѣ, нѣтъ особой необходимости принимать мѣры къ огражденію границы въ видахъ стратегическихъ.

«Для экономическаго развитія края, хотя было бы весьма желательно учрежденіе возможно большаго числа осѣдлыхъ пунктовъ, но, къ сожалѣнію, мѣстныя условія не представляютъ къ тому возможности.

«Почти единственное вполнѣ удобное для осѣдлаго поселенія пространство, какъ сказано выше, представляетъ полоса предгорій Курчумскаго хребта, шириною отъ 2 до 10 верстъ, ограниченная рѣками Иртышомъ, Нарымомъ и Бухтармою, и часть лѣваго берега Иртыша, на которой уже водворены поселокъ Урыльскій, Алтайская станица съ Катонъ-Карагайскимъ постомъ, деревни Медвѣдка и Таловка, разросшіяся до громадныхъ размѣровъ, Батинскій поселокъ (на лѣвомъ берегу Иртыша), и предстоитъ еще поселить въ будущемъ году до 120 семей.

«Между тѣмъ на томъ же пространствѣ группируется большинство зимовокъ трехъ волостей За-Иртышскаго участка (Чингистайской, Нарымской и Алтайской), Караулъ-Ясыковской на лѣвомъ берегу и расположены пашни этихъ волостей, въ коихъ земледѣліе развито болѣе, нежели во всей области[1]).

«Припомнивъ, что въ Нарымской и Чингистайской волостяхъ, необходимо размѣстить на томъ же пространствѣ всѣ зимовыя стойбища киргизъ, удаленныхъ настоящею осенью съ праваго берега Бухтармы, нельзя не думать, что водвореніе новыхъ поселеній на этомъ пространствѣ надо производить съ крайнею осторожностью, чтобы не лишить и киргизовъ возможности заниматься земледѣліемъ и, поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе, не довести до отчаянія.

«Вслѣдствіе сего имѣя въ виду, что въ будущемъ году еще пред-

[1]) Изъ составляемой вѣдомости о положеніи земледѣлія у киргизовъ за 1875 годъ, которая имѣетъ быть представлена Вашему Высокопревосходительству вслѣдъ за симъ, видно, что а) въ Караулъ-Ясыковской вол. было запахано 2164 десятины, съ которыхъ снято 177171 п. хлѣба (въ томъ числѣ пшеницы 102550 пудовъ), б) въ Нарымской вол. запахано 2290 десят.; снято 79884 пуда пшеницы, овса и проса.

стоитъ найти мѣста для 120 семей, я полагалъ бы затѣмъ пріостановиться, выждавъ, пока интересы возникающей торговли сами намѣтятъ мѣста промежуточныхъ станцій, складочныхъ пунктовъ и пр., тѣмъ болѣе, что быть можетъ представится возможность въ непродолжительномъ будущемъ выговорить отъ Китая уступки долины Чернаго Иртыша, представляющей, на всѣхъ предгорьяхъ Алтая, множество удобныхъ мѣстъ для земледѣльческаго населенія.

«Но если Ваше Высокопревосходительство, тѣмъ не менѣе, изволите признать нужнымъ безотлагательно продолжать колонизацію пограничнаго пространства, то я полагалъ бы необходимымъ соблюсти при семъ слѣдующія условія:

1) Испрашивая Высочайшее соизволеніе на продолженіе переселенія казаковъ Сибирскаго войска въ Бухтарминскій, Курчумскій и Зайсанскій края на прежнихъ основаніяхъ, исходатайствовать отпускъ для единовременныхъ расходовъ по переселенію (выдача пособій и кормовыхъ денегъ) по 4 т. руб. въ годъ на 1877 и 1878 годы.

2) Переселенцевъ казаковъ брать, какъ я о томъ представлялъ отъ 11 декабря за № 10186, изъ охотниковъ со всѣхъ станицъ войска, кромѣ степныхъ, съ пособіями или безъ пособій отъ казны, отказавшись отъ обязательнаго переселенія съ Бійской линіи по жребію.

3) Для переселенія крестьянъ, придерживаться правилъ, представленныхъ Семипалатинскимъ областнымъ начальствомъ 26 февраля 1873 г. за № 1791, не вызывая переселенцевъ, но дозволяя только просителямъ водворяться въ пограничномъ пространствѣ на указанныхъ мѣстахъ.

и 4) Для точнаго опредѣленія, какое число душъ можетъ быть водворено на каждомъ урочищѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, съ ранней весною 1876 года, командировать въ мое распоряженіе двухъ землемѣровъ межевой партіи Сибирскаго казачьяго войска, для снятія на планъ и обмежеванія, по ближайшимъ указаніямъ Устькаменогорскаго Уѣзднаго Начальника и Зайсанскаго пристава, мѣстностей, на которыхъ будетъ признано возможнымъ водворять поселенія.

5) Вмѣстѣ съ тѣмъ было бы необходимо дать опредѣленный на-

дѣлъ крестьянамъ деревень Таловки, Березовой и Медвѣдки, такъ какъ жители этихъ деревень, изъ коихъ двѣ первыя водворились на самой чертѣ границы Семипалатинской обл. съ Томской губ., а послѣдняя даже и областной территоріи, не зная, какое количество земли можетъ быть имъ отведено, постоянно принимаютъ къ себѣ новыхъ поселенцевъ, безъ всякаго на то разрѣшенія какъ Томской Казенной Палаты, такъ и семипалатинскихъ властей, исподволь самовольно захватывая областныя земли подъ сѣнокосы и пашни.

«Всѣ сіи соображенія представляя на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, я буду имѣть честь о послѣдующемъ ожидать отвѣта Вашихъ указаній».[1]).

Одновременно съ представленіемъ генералъ-губернатору Западной Сибири, семипалатинскій губернаторъ обратился 15/16 декабря 1875 г. за №№ 10358 и 10359 съ соотвѣтственными запросами къ Зайсанскому приставу Тихонову и къ Устькаменогорскому у. начальнику Халдѣеву, прося ихъ обратить вниманіе на слѣдующія урочища, на которыхъ, по его мнѣнію, осѣдлыя поселенія были бы возможны:

«*Въ Зайсанскомъ приставствѣ*»: а) Джиты-Аралѣ, б) на Чергѣ, в) на Уйдоне, г) на одной изъ рѣчекъ между Кандерлыкомъ и Джемени, и, наконецъ, д) на Черномъ Иртышѣ, на урочищѣ, гдѣ Вы уже предполагали водворить крестьянъ.

«*Въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ*»: а) на Чингистаѣ, б) на Каратарбагатаѣ, в) противъ деревень Медвѣдки и Таловки (уроч. Май-Емиръ, на урочищахъ нынѣ самовольно занятыхъ жителями этихъ деревень подъ пашни и сѣнокосы, г) на предгорьяхъ Курчумскаго хребта между Больше-Нарымомъ и Мало-Нарымомъ; д) на предгорьяхъ того же хребта въ углѣ, образуемомъ правымъ берегомъ Иртыша и Нарымомъ; е) въ низовьяхъ Курчума (урочище Нижніе Теректы); ж) на Верхнихъ Теректахъ, з) на р. Колгуты и і) на Майтерекѣ»[1]).

Вотъ отвѣтъ устькаменогорскаго у. начальника 19 февраля 1876 г. за № 691:

---

[1]) Дѣло № 538. лл. 12—16.

[1]) Дѣло № 538. л. 4—5.

«На предписаніе Вашего Превосходительства отъ $^{15}/_{16}$ декабря минувшаго 1875 года за № 10359, честь имѣю донести, что я, съ своей стороны, находя дѣйствительную пользу учрежденія осѣдлыхъ поселеній между кочующими киргизами, въ тоже время нахожу, что указанныя Вашимъ Превосходительствомъ мѣста для означенныхъ поселеній крайне будутъ стѣснительны для киргизъ Чингистайской, Нарымской и Курчумской волостей по нижеслѣдующему:

1) 600 кибитокъ Чингистайской и Нарымской волостей, имѣвшія до сего времени зимовыя стойбища по правую сторону р. Бухтармы, на земляхъ принадлежащихъ Алт. Горн. Вѣдом., въ настоящее время, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, должны быть выселены съ означенныхъ земель, на земли Семипалат. обл. по лѣвую сторону р. Бухтармы и сосредоточиться на единственно удобной для кочевокъ мѣстности—уроч. Чингистаѣ, которое и въ настоящее время уже замѣщено сими кочевниками настолько, что не представляетъ возможности къ большему заселенію, а потому размѣщеніе означенныхъ выше кибитокъ, имѣетъ быть мною произведено, на часть мѣстности, которую предполагаю отдѣлить отъ Нарымской волости.

2) Нарымская волость, имѣющая кочевья по склону Курчумскаго хребта и съ одной стороны будучи тѣснимы кочевниками Чингистаской волости, по предполагаемому мною отдѣленію, части земли для помѣщенія кибитокъ послѣдней; съ другой же стороны казаками и крестьянами поселковъ и деревень, расположенныхъ по правую сторону р. Нарыма, имѣющими земляныя угодья по лѣвую сторону означенной рѣки, съ учрежденіемъ вновь предполагаемыхъ Вашимъ Превосходительствомъ поселеній, должны отстать всѣхъ хлѣбопахотныхъ мѣстъ, между тѣмъ какъ кочевники этой волости, противу другихъ волостей исключительно заняты этимъ ремесломъ.

3) Курчумская волость, въ раіонѣ которой въ настоящее время мною уже заняты два мѣста для вновь открытаго поселенія на уроч. Батахъ и предполагаемаго на уроч. Чистый-Яръ, съ отдѣленіемъ же части мѣстности для Нарымской волости, такъ какъ отъ последней въ свою очередь должно отдѣлить часть для Чингистайской и съ учреж-

деніемъ вновь предполагаемыхъ Вашимъ Превосходительствомъ осѣдлыхъ поселеній, должны крайне стѣсниться и лишиться хлѣбопахотныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, въ каковыхъ тамъ чувствуется недостатокъ.

Что же касается до мѣстностей въ верховьяхъ р. Курчума: а) на Верхнихъ Теректахъ, б) на р. Калгуты и в) на Майтерекѣ, то по возвышенному положенію означенныхъ мѣстъ, едва ли таковыя будутъ удобны въ отношеніи вызрѣванія хлѣбовъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ мною неудобствамъ, учрежденія осѣдлыхъ поселеній на указанныхъ Вашимъ Превосходительствомъ мѣстахъ я предполагалъ бы лѣтомъ сего года при поѣздкѣ въ Катонъ-Карагай съ исключительною цѣлью указанія мѣстъ для поселенія 600 кибитокъ Чингистайской волости и отдѣленія мѣстности отъ Нарымской и Алтайской волостей, единовременно осмотрѣть мѣста удобныя для осѣдлихъ поселеній, оставя ихъ свободными отъ заселенія киргизами и въ тоже время командировать землемѣра для производства хозяйственной съемки. О результатѣ же предполагаемой мною поѣздки будетъ донесено Вашему Превосходительству съ подробнымъ описаніемъ найденныхъ мною удобныхъ мѣстъ, а также опредѣленіемъ приблизительно количества душъ, могущихъ помѣститься на каждомъ изъ нихъ.

Изложенное мною мнѣніе, представляя на разрѣшеніе В. Превосходительства, покорнѣйше прошу о послѣдующемъ не оставить дать мнѣ знать[1])».

А вотъ отвѣтъ зайсанскаго пристава 19 іюня 1876 г. за № 53:

«Вполнѣ представляя себѣ благіе результаты, долженствующіе получиться отъ возможно большаго устройства осѣдлыхъ поселеній въ пограничномъ съ Китаемъ краѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ поставленъ въ необходимость представить на благоусмотрѣніе Вашего Превосходительства тѣ затрудненія, которыя я встрѣчаю для указанія мѣстъ для этихъ поселеній.

Киргизы ввѣреннаго мнѣ пространства, терпятъ большой недо-

[1] Дѣло № 538, л. 102—103.

статокъ, какъ въ мѣстахъ для зимовыхъ стойбищъ, такъ и въ лѣтнихъ кочевкахъ и пахотныхъ мѣстахъ. Три съ половиною волости зимуютъ въ предѣлахъ Китая и половина волости (Окпектинской) въ Сергіопольскомъ уѣздѣ. На лѣтнія кочевки большая часть киргизъ, за неимѣніемъ мѣстъ въ приставствѣ, уходитъ на р. Кызылку (въ раіонѣ Устькаменогорскаго уѣзда) на долину Этиль и въ Алтай (въ Китайскіе предѣлы). Пахотныхъ мѣстъ также весьма ограниченное количество у киргизъ приставства, что заставляетъ ихъ арендовать пашни у казаковъ Зайсанской и Кокпектинской станицъ, а также сѣять хлѣбъ на долинѣ Этиля и по правому берегу р. Чернаго Иртыша, въ Китайскихъ предѣлахъ. Подобныя перекочевки на китайскую территорію нашихъ киргизъ и занятіе ими мѣстъ за границею возможны только при нынѣшнемъ состояніи китайской администраціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ близкомъ будущемъ нашимъ киргизамъ будетъ запрещенъ переходъ черезъ границу и тогда они будутъ поставлены въ самое бѣдственное положеніе.

Вышеизложенное доказываетъ въ Приставствѣ малочисленность удобныхъ мѣстъ для осѣдлыхъ поселеній, такъ какъ при избыткѣ подобныхъ мѣстъ кочевники не терпѣли бы недостатка въ пашняхъ и въ лѣтовкахъ.

Переходя за симъ къ указаннымъ Вашимъ Превосходительствомъ урочищамъ, обязываюсь доложить нижеслѣдующее:

Урочище Джеты-Аралъ съ р. Чергою, выпадающею изъ этого урочища, составляетъ такъ сказать единственную житницу Зайсанскаго приставства, откуда пользуются хлѣбомъ киргизы почти всѣхъ волостей; кромѣ того вся эта мѣстность наполнена зимовками киргизъ Арганатинской волости и частью Чиликтинской и Тарбагатайской волостей; за всѣмъ тѣмъ на мѣстности этой киргизами возведены дома мельницы и другія хозяйственныя постройки. Пространство между Джемини и Кендерлыкомъ, за исключеніемъ мѣстъ, отошедшихъ въ надѣлъ казакамъ, —наполнено киргизскими зимовками. На Черномъ Иртышѣ въ нашихъ предѣлахъ не имѣется вовсе хлѣбопахотныхъ мѣстъ и если прежде и былъ указываемъ пунктъ для поселенія близъ Акъ-Тюбэ, а затѣмъ представлены просьбы крестьянъ, желавшихъ посе-

литься тамъ, то послѣдніе имѣли въ виду выгоды отъ рыболовства, занимаясь которымъ легко было бы доставлять хлѣбъ водою изъ Усть-каменогорска, а указаніе пункта было сдѣлано въ видахъ возбужденія въ то время вопроса объ измѣненіи границы, при чемъ въ случаѣ, что къ намъ отошелъ бы правый берегъ Чернаго Иртыша, почти вездѣ удобный для пашенъ, Акъ-Тюбэ представляло бы во всѣхъ отношеніяхъ лучшій пунктъ для поселенія.

Такимъ образомъ всѣ вышеизложенные пункты по моему мнѣнію не могутъ быть предназначены для осѣдлыхъ поселеній. Обращаясь же къ другимъ мѣстностямъ приставства, я нахожу только единственно возможное для устройства небольшого поселка, не болѣе какъ въ 25 семей, мѣсто на ключѣ Сарабулакѣ, близь почтовой станціи; на мѣстѣ этомъ, хотя и имѣется нѣсколько зимовокъ и пашни цѣлаго старшинства, которыхъ неизбѣжно будетъ лишить киргизъ, тѣмъ не менѣе сравнительно съ другими мѣстностями подобное лишеніе будетъ самое безобидное для населенія. На мѣстности этой имѣются пахотные и сѣнокосные участки, лѣсъ въ разстояніи 60 верстъ. Весьма важнымъ условіемъ для поселка будетъ представляться нахожденіе его на почтовомъ трактѣ.

О всемъ вышеизложенномъ имѣю честь донести Вашему Превосходительству во исполненіе предписанія за № 10358, 1875 г.»[1]).

Въ отвѣтъ на декабрскія донесенія семипалатинскаго губернатора генералъ губернаторъ Западной Сибири разрѣшилъ 19 января 1876 г. за № 177 вызывать для набора намѣченнаго числа 120 семей охотниковъ, но только съ одной Бійской линіи. Какъ и въ прежніе разы составъ переселенцевъ былъ набранъ частью изъ желающихъ, частью по жребію. Всѣ они ходатайствовали отсрочить имъ переселеніе до 1877 г., такъ какъ у нихъ были уже посѣяны озими, да и времени требовалось не мало, чтобы распродать движимость не за безцѣнокъ. Разрѣшеніе генералъ-губернаторомъ было дано 26 мая 1876 г.[2]).

Наконецъ, новыя данныя находимъ въ слѣдующихъ двухъ документахъ:

---

[1]) Дѣло № 538 л.л. 104—106.
[2]) Дѣло № 538 л.л. 23, 28, 36—37, 78, 88

1) Главное Управленіе Западной Сибири, по 5-му казачьему отдѣленію, писало 24 марта 1877 г. за № 690 семипалатинскому губернатору:

«Изъ разсмотрѣнія, производящагося въ казачьемъ отдѣленіи Главнаго Управленія Западной Сибири, дѣла объ устройствѣ двухъ новыхъ поселеній на пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ, на уроч. Косъ-Тюбе (Баты) и Чистый-Яръ, видно нижеслѣдующее:

1) Въ силу Высочайше утвержденнаго, въ 23 день апрѣля 1874 г. мнѣнія Госуд. Сов. о водвореніи въ Зайсанскомъ, Бухтарминскомъ и Курчумскомъ краяхъ въ теченіи 1874 и 1875 годовъ ежегодно по 50 казачьихъ семействъ Сибирскаго войска, были вызваны и въ іюнѣ 1875 г. должны были прибыть на мѣста поселеній 67 семействъ (16 въ пос. Урыльскомъ и 51—въ Батахъ), остальныя 33 семейства не были въ свое время вызываемы по случаю неотвода юртоваго надѣла для поселенія на Чистомъ-Яру (донесеніе Устькам. Начальн. 22 апрѣля 1875 г. № 144).

2) Впослѣдствіи, по поводу свободныхъ, для продолженія переселеній, остатковъ, въ суммѣ 5741 р. 66 к., на которые возможно поселить до 120 семействъ, Ваше Превосходительство испрашивали разрѣшенія какъ на вызовъ охотниковъ, сверхъ означенныхъ, недостававшихъ въ норму ста, 33 семействъ, такъ и на переселеніе «на новыя мѣста» всѣхъ жителей пос. Верхъ-Убинскаго (18 семействъ)—«согласно ихъ просьбѣ»—съ упраздненіемъ самого поселка (представленіе 9 декабря 1875 г. № 10186)

3) Возбудивъ, относительно сего послѣдняго ходатайства, переселенія Верхъ-Убинскаго, предварительный вопросъ, г-нъ генералъ-губернаторъ предложилъ: въ число 120 семействъ вызвать охотниковъ, съ одной Бійской линіи, а въ случаѣ недостатка охотниковъ, вызвать по жребію, въ число 33 семействъ (предложенія 19 января 1876 г, за №№ 177 и 178). Во исполненіе сего, вызвавъ въ это число семействъ (33)—по жребію 28 нахотниковъ 5 семействъ, изъ коихъ предположили поселить: 23 семьи на Чистомъ-Яру и 10—въ поселкѣ Кендерлыкскомъ, Ваше Превосходительство испрашивали разрѣшеніе от-

срочить переселеніе этихъ семействъ до весны 1877 года (представленіе 12 апрѣля 1876 г. № 2876)

4) Разрѣшивъ испрашиваемую отсрочку и обративъ вниманіе, что Высочайшее повелѣніе о переселеніи 100 казачьихъ семействъ на пограничныя съ Китаемъ мѣста, въ теченіи 1874 и 1875 г.г. осталось не вполнѣ приведеннымъ въ исполненіе, Его Высокопревосходительство изволилъ предложить «принять всѣ мѣры, чтобы въ теченіи будущаго лѣта 1877 г. оно было во всей точности исполнено« (предложеніе 29 мая 1876 г. № 965).

5) Между тѣмъ, жители станицъ Лобановской и Акапбурлукской, Кокчетавскаго уѣзда, черезъ своего уполномоченнаго, обратились къ г-ну генералъ-губернатору съ прошеніемъ о переселеніи ихъ на новыя мѣста, препологаемыя устроиться по р. Иртышу и Курчуму, и Ваше Превосходительство, по поводу такого ходатайства, изволили высказать заключеніе, что казаки этихъ двухъ станицъ 117 семействъ, могутъ быть поселены, безъ стѣсненія прежде вызванныхъ 23 семействъ на уроч. Чистый-Яръ, весною текущаго года (представленіе 21 октября 1876 г. № 9049). Наконецъ,

6) Въ отвѣтной бумагѣ на возбужденный о Верхъ-Убинскомъ поселкѣ предварительный вопросъ, Ваше Превосходительство, доказывая неудобство переселенія степныхъ станицъ, ходатайствуете объ удержаніи охотниковъ Кокчетавскаго уѣзда—«впредь до спроса казаковъ Верхъ-Убинскихъ, согласны ли они поселиться въ Чистомъ-Яру, и если согласны, то когда и на какихъ условіяхъ»? (представленіе 12 января с. г. за № 360).

Такимъ образомъ, на пограничныя съ Китаемъ новыя мѣста предстоятъ переселенія двухъ родовъ: одно, *обязательное въ размѣрѣ 33-хъ семействъ*, которое въ силу Высочайшей воли и предложенія г. генералъ-губернатора, *должно быть непремѣнно приведено въ исполненіе въ теченіи лѣта настоящаго года*, и другое—предположенное вами и утвержденное Его Высокопревосходительствомъ, на свободные остатки, вызовомъ охотниковъ до 120 семействъ.

Для переселенія перваго рода, обязательнаго, вызовъ 33 семействъ

уже сдѣланъ, а самое переселеніе ихъ отсрочено только до весны текущаго года; списки этихъ переселенцевъ Вашимъ Превосходительствомъ доставлены; но затѣмъ неизвѣстно время, къ которому они могутъ прибыть къ мѣсту назначенія; а между тѣмъ, въ видахъ обезпеченія продовольствія, свѣдѣнія эти представляются неотложно необходимыми.

Переселенцы второго рода, въ числѣ до 120 семействъ, могутъ быть, по указанію г. генералъ-губернатора, только изъ охотниковъ. Заявленное по сему предмету ходатайство казаковъ станицъ Лобановской и Аканъ-Бурлукской, которыхъ Ваше превосходительство находили возможнымъ поселить въ Чистомъ-Яру, сообщено Войск. Хоз. Правленію на заключеніе, которое еще не получено; относительно же казаковъ Верхъ-Убинскихъ, встрѣчается недоразумѣніе, такъ какъ въ представленіи 9 декабря 1875 г. № 10186 упомянуто *о ихъ просьбѣ* переселиться на новыя мѣста; въ донесеніи же отъ 12 января с. г. за № 360, указано на необходимость *предварительнаго спроса о согласіи* переселиться на уроч. Чистый-Яръ.

По докладѣ обо всемъ вышеизложенномъ Г-ну Предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Западной Сибири, казачье отдѣленіе, подтвердивъ, вмѣстѣ съ съ симъ, Войсковому Хозяйственному правленію о скорѣйшемъ доставленіи заключенія по ходатайству казаковъ ст. Лобановской и Аканбурлукской, имѣетъ честь, по приказанію генералъ-маіора Цитовича, покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ скорѣйшемъ сообщеніи отдѣленію слѣдующихъ свѣдѣній:

1) Къ какому времени имѣютъ прибыть, предназначенныя на Чистый Яръ и въ поселокъ Кендерлыкскій, 33 семейства, о вызовѣ которыхъ Вы доносили 12 апрѣля 1876 г. за № 2876, и переселеніе которыхъ, согласно собственному вашему ходатайству, отложено *только до весны текущаго года*, и

2) изъявили ли жители поселка Верхъ-Убинскаго желаніе переселиться на пограничныя съ Китаемъ новыя мѣста?» [1]).

[1]) Дѣло № 538 л.л. 151—153

2) Генералъ-губернаторъ Западной Сибири г.-ад. Казнаковъ писалъ 16 іюня 1878 г. за № 718 семипалатинскому губернатору:

«Признавъ болѣе удобнымъ переселеніе казачьихъ семействъ на границу Китая, возложить на Войск. Хоз. Правл. Сибирскаго казачьяго войска и озабоченный скорѣйшей колонизаціей пограничныхъ мѣстъ Китая, я вмѣстѣ съ симъ предложилъ Хозяйств. правл. немедленно командировать землемѣра на урочище Чистый-Яръ и въ Зайсанское приставство въ поселокъ при ключѣ Сарыбулакѣ, въ которыхъ, какъ видно изъ переписки по сему дѣлу, можетъ быть поселено въ первомъ до 27 семействъ, а во второмъ до 25, для производства хозяйственной съемки съ подробнымъ описаніемъ мѣстъ и опредѣленіемъ приблизительно числа душъ, какое можно было бы поселить тамъ. И такъ какъ по расчету ассигнованнаго кредита, полагая пособія на каждое казачье семейство по 55 руб., подлежитъ къ переселенію на границу Китая 61 семейство, то въ случаѣ, если бы означенное количество не могло быть водворено въ указанныхъ мѣстахъ, я предложилъ Хозяйств. правл. поручить тому же землемѣру изысканіе свободныхъ земель для поселенія остальныхъ казачьихъ семействъ въ поселкѣ Батинскомъ. Затѣмъ я обязалъ Войск. хозяйст. правл. принять зависящія мѣры къ безотлагательному и никакъ не далѣе сентября с. г. вызову переселенцевъ съ крайнихъ станицъ Бійской линіи, изъ поселка Ануйскаго и Смоленскаго, по разсчету ассигнованнаго кредита въ 4000 руб., за исключеніемъ перерасходованныхъ для пособій прежней колонизаціи 224 руб. 18 коп. Водвореніе казачьихъ семействъ на границѣ Китая я признаю необходимымъ сдѣлать въ нынѣшнемъ году, не откладывая до весны будущаго года, какъ предположила семипалатинская администрація, предоставивъ однако же переселенцамъ собрать посѣянный ими хлѣбъ и продать свое имущество.

Вмѣстѣ съ симъ мною сдѣлано распоряженіе и о переводѣ ассигнованнаго для означенной цѣли кредита въ распоряженіе Войскового хозяйств. правленія, о чемъ и увѣдомляю васъ, милостивый государь, на представленіе 25 мая за № 5431»[1]).

---

[1]) Дѣло № 538. л. 249. 251.

IV.

(къ л. 22-му).

А. Отношеніе Войскового хоз. правленія на имя военнаго губернатора Семипалат. области 7 іюня 1876 г., за № 2924.

Согласно Высочайше утвержденнаго 19 октября 1870 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта Вашему Превосходительству предоставлено водворять поселенія въ Зайсанскомъ краѣ изъ казаковъ Сибирскаго казачьяго войска Бійской линіи.

Въ 1871 году, согласно утвержденной диспозиціи полевыхъ межевыхъ работъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири 13 марта 1871 г., въ распоряженіе Вашего превосходительства командированъ землемѣръ съ чертежникомъ для составленія проэкта надѣловъ вновь водворяемыхъ поселеній на пограничномъ съ Китаемъ пространствѣ.

Командированный землемѣръ въ 1871 году проэктировалъ на уроч. Катонъ-Карагай земельный надѣлъ для вновь переселяемыхъ казаковъ, съ образованіемъ станицы Алтайской, въ количествѣ 3040 десятинъ удобной земли, на 76 душъ мужск. пола, тогда поселившихся, что составляетъ, полагая по 30 десят. на душу, на 101 душу мужск. пола безъ запаса, или на 76 душъ по 30 десятинъ съ запасомъ по 10 десят. Составленный планъ былъ препровожденъ начальникомъ Устькаменогорск. уѣзда для подписи, который, подписавъ планъ, возвратилъ его въ Войсковое Хозяйственное правленіе.

При разсмотрѣніи дѣла сего въ Войсковомъ Хоз. Пр., оказалось, что въ станицѣ Алтайской въ настоящій 1876 г. состоитъ 3 оберъ-офицера и 145 малолѣтокъ и нижнихъ чиновъ, а всего 148 душъ мужск. пола, на которыхъ, согласно того же положенія ст. 4 й и на основаніи Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ въ надѣлъ земли: 3 оберъ-офицерамъ по 200 д. каждому въ участки пожизненнаго владѣнія, всего 600 д.

на 148 душъ мужск. пола въ юртовый надѣлъ, согласно 2 ст. положенія 21 апрѣля 1869 года, по 30 десят. на душу, 4440 десят. и отъ всего количества 1/3 надѣла въ запасъ 1680 десят., что всего составитъ 6720 десят. удобной земли, слѣдовательно, въ надѣлѣ станицы Алтайской въ настоящее время оказывается недостатокъ въ 3680 дес. изъ проектированнаго количества 3040 дес., если отвести участки г.г. офицерамъ въ количествѣ 600 дес., то въ надѣлѣ казаковъ останется 2440 дес. удобной земли на 148 душъ муж. пола, что составляетъ по 16 1/2 дес. на душу. Согласно же 4 ст положенія 21 апрѣля 1869 г., если съ увеличеніемъ народонаселенія въ надѣлахъ будетъ причитаться земель менѣе 20 д. то войсковое начальство приводитъ его къ нормальной 30 десятинной пропорціи присоединеніемъ войсковыхъ запасныхъ земель. Вслѣдствіе чего Войсковое Хоз. Правл. предложило начальн. устькамен. уѣзда 16 марта с. г. за № 1424 донести, какія онъ полагаетъ принять мѣры для пополненія надѣла станицы Алтайской. такъ какъ планъ этой станицы съ недостаточнымъ количествомъ земли, Войск. Хозяйст. Правл. считаетъ невозможнымъ представить на Высочайшее утвержденіе впредь до пополненія надѣла въ законной пропорціи. Начальникъ устькаменогорскаго уѣзда 11 мая с. г. за № 2069 донесъ Войск. Хоз. Правленію, что по неимѣнію свободныхъ земель вблизи ст. Алтайской онъ никакихъ мѣръ къ пополненію надѣла этой станицы принять не можетъ, такъ какъ, не смотря на сгущенность заселенія лѣваго берега р, Бухтармы киргизами Чингистайской и Нарымской волостей, онъ согласно распоряженія г. ген.-губернатора Запад. Сиб. обязанъ переселить нынѣ съ праваго берега р. Бухтармы на лѣвый еще болѣе 500 кибитокъ Чингистайской волости и отвести имъ зимовыя стойбища въ Бухтарминской долинѣ вблизи же ст. Алтайской. Казаки же ст. Алтайской могутъ арендовать земли въ Алтайск. Горн. Вѣдомствѣ, по примѣру казаковъ ст. Семипалатинской, тѣмъ болѣе, что число увеличенія переселенцевъ въ этой станицѣ произошло отъ самихъ жителей, принимавшихъ на жительство казаковъ другихъ станицъ по приговорамъ.

О вышеизложенномъ Войск. Хоз. Правленіе имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство на тотъ предметъ, что не признаете ли

возможнымъ къ Алтайской станицѣ прирѣзать земли изъ свободной, хотя до полной 30 десятинной пропорціи, безъ опредѣленнаго запаса, безъ котораго хоз. правл. находить возможнымъ обойтись, въ противномъ случаѣ правленіе затрудняется представить на утвержденіе планъ, по которому на каждую душу приходится только 16 десятинъ вмѣсто опредѣленной общей нормы 30 десятинъ, о послѣдующемъ распоряженіи, или мнѣніи Вашего Превосходительства ожидается увѣдомленіе.

Дѣло № 538 л. 93—95.

Б. Рапортъ начальника устькаменогор. уѣзда подполковника Халдѣева, 10 іюля 1876 г. за № 3185.

Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства, отъ 18 минувшаго іюня за № 5170, имѣю честь донести, что за изложенными въ донесеніи моемъ за № 2069 обстоятельствами, прописанными въ отношеніи Воиск. Хоз. Правленія къ Вашему Превосходительству отъ 7 іюня за № 2924, я не имѣю и нынѣ въ виду какихъ либо свободныхъ мѣстъ, отъ которыхъ можно было бы удѣлить дополнительный прирѣзъ земли къ Алтайской станицѣ до полной 30-ти десятинной пропорціи, тѣмъ болѣе, что по собраннымъ мною въ послѣднее время свѣдѣніямъ должно размѣстить въ Бухтарминской долинѣ, близь станицы Алтайской, до 1200 киргизскихъ кибитокъ, выдворяемыхъ нынѣ, по распоряженію г. генералъ-губернатора Запад. Сиб., съ праваго на лѣвый берегъ р. Бухтармы, размѣщеніе которыхъ и безъ того, какъ извѣстно Вашему Превосходительству, оказывается трудно исполнимымъ по недостатку мѣста.

Въ виду такого безвыходного положенія, а съ другой стороны и въ томъ вниманіи, что неполный надѣлъ землями Алтайской станицы вызванъ прежде всего самими же жителями, вслѣдствіе добровольнаго ими пріема къ себѣ переселенцевъ—я полагалъ бы тотъ надѣлъ землями, которымъ они донынѣ пользуются, считать, въ видѣ исключенія, достаточнымъ, но въ случаѣ заявленія жителями Алтайской станицы объ ограниченности ихъ поземельнаго надѣла, предоставить имъ, какъ самимъ же виновнымъ въ ихъ стѣсненномъ положеніи, выселяться на предназначаемое мѣсто для новаго поселенія на урочищѣ Чистый-Яръ.

Дѣло № 538, л. 97, 99.

В. Отношеніе губернатора Семипалат. области на имя Войскового Хоз. правленія, 22 сентября 1876 г. за № 7332.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ Устькам. Уѣздн. Начальникомъ по вопросу, изложенному въ отношеніи Войск. Хоз. Правл. отъ 7 іюня за № 2924, видно, что ни въ смежности съ надѣломъ ст. Алтайской, ни вблизи свободныхъ земель не имѣется, почему не представляется никакой возможности прирѣзать къ сказанному надѣлу еще 1400 десятинъ.

Имѣя въ виду, что увеличеніе въ ст. Алтайской числа душъ противъ первоначально предполагавшихся къ поселенію произошло по волѣ самихъ станичниковъ, при чемъ послѣдніе не могли не брать въ разсчетъ достаточность занятыхъ ими земель для всего количества душъ и что при чрезвычайномъ плодородіи земли на уроч. Кусакъ, въ особенночти при искусственномъ орошеніи, средній надѣлъ, приходящійся по расчету Войск. Хозяйст. Правл. на каждую душу мужскаго пола ст. Алтайской—16½ десят.—вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ потребностямъ хозяйства казаковъ, я не вижу достаточныхъ побудительныхъ причинъ къ прирѣзкѣ, на которой настаиваетъ Войск. Хозяйст. Правл., тѣмъ болѣе, что согласно 1 примѣч. § 494 положенія о Сибирскомъ казачьемъ войскѣ 1861 года и пункта 3 Высочайше утвержденнаго 21 апрѣля 1869 года мнѣнія Государств. Совѣта, можетъ быть признанъ недостаточнымъ только надѣлъ, составляющій менѣе половины нормальнаго, т. е. менѣе 15 десятинъ.

Въ виду невозможности увеличить проэктированный надѣлъ ст. Алтайской, остается или признать его достаточнымъ, что будетъ вполнѣ согласно по мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, съ хозяйственными потребностями станичниковъ, или же предложить тѣмъ казакамъ, которые причислились къ ст. Алтайской по пріемнымъ приговорамъ первоначальныхъ поселенцевъ, выселиться во вновь образуемый поселокъ—Чистый Яръ.

Дѣло № 538 л. 98.

V.

(*къ л.л. 8, 28, 29 и 32*).

А. Записка Семипалатинскаго вице-губернатора Чернявина о киргизахъ, проживающихъ въ предѣлахъ Алтайскаго горнаго округа.

Заводы Колывано-Воскресенскій,, Шульбинскій и Барнаульскій, взятые въ казну въ 1747 г, послѣ смерти владѣльца ихъ Акинфія Демидова, постепенно расширяя свои дѣйствія, образовали обширный горный округъ, съ 1834 г. получившій названіе Алтайскаго. Округъ этотъ, издавна состоящій въ вѣдѣніи кабинета Его Величества, если не считать промежутка между 1830 и 1855 годами, когда округъ управлялся министерствомъ финансовъ, указомъ 27 мая 1855 г. окончательно признанъ *частною собственностью* Государя Императора.

До 1838 г. предѣлы Алтайскаго округа не были обозначены точною межею; даже въ столь подробномъ и обстоятельномъ законодательномъ актѣ, какъ «Учрежденіе объ управленіи Колывано-Воскресенскихъ Горныхъ заводовъ», 16 апрѣля 1828 г., о поземельныхъ правахъ округа говорится: «§ 2. Всѣ земли, равно озера и рѣки, находящіяся *на пространствѣ занимаемомъ селеніями приписныхъ крестьянъ*, заводами, рудниками, ломками цвѣтныхъ камней и другими казенными заведеніями, также Алтайскія горы, лежащія между Бійскою линейною дорогою и китайскою границею, принадлежатъ къ вѣдомству Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. § 3. *Лѣса*, растущіе на всемъ *означенномъ пространствѣ*, также принадлежатъ къ вѣдомству заводскому. § 4. На земляхъ вѣдомства заводскаго запрещается кому либо устраивать лѣсопильныя мельницы, винокуренные и другіе заводы, требующіе огненнаго дѣйствія. § 5. *Земли вѣдомства заводскаго не раздаются ни въ собственность, ни въ оброкъ.* Такъ какъ въ то время все значеніе округа заключалось въ горномъ промыслѣ, поддерживаемомъ обязательнымъ трудомъ приписныхъ крестьянъ, то и поземельныя права обусловливались потребностями горныхъ заводовъ и тѣми земельными угодьями, которыми фактически пользовались при-

писные крестьяне; въ этомъ отношеніи приведенное выше опредѣленіе пространства горнаго округа могло считаться вполнѣ достаточнымъ и не возбуждало никакихъ пререканій; коль скоро принадлежность земли опредѣлялась принадлежностью тѣхъ лицъ или сословій, которыя ею пользовались, то въ одной и той же окружности могли находиться и земли приписныхъ крестьянъ, и казаковъ, и даже киргизовъ, покуда послѣдніе не захватывали крестьянскихъ земель или не наносили ущерба своимъ сосѣдямъ конокрадствомъ. Такъ въ дѣйствительности и было: по Бійской линейной дорогѣ и на правомъ берегу Иртыша выше устья р. Убы расположились казачьи поселки черезполосно съ крестьянами, по Кулундинской степи, Бель-агачѣ и другихъ мѣстахъ по сосѣдству кочевали кизгизы, хозя съ сѣвера и востока названныхъ степей и находились земли крестьянъ и Локтевскій заводъ; никакихъ притязаній со стороны заводскаго начальства на пользованіе землями, находившимися въ смежности съ заводскими, сословій не несущихъ ни личныхъ, ни денежныхъ повинностей въ пользу заводовъ, не было и не могло быть; не было также и попытокъ обложить такія сословія оброкомъ за пользованіе заводскою землею, тѣмъ болѣе, что послѣдняя «не раздавалась ни въ собственность, ни въ оброкъ» (указъ 16 апр. 1828 г.), да и земля, занятая напр. бійскими казаками, за силою § 2 приведеннаго указа, не могла считаться заводскою. Обнародованіе устава частной золотопромышленности 30 апрѣля 1838 г., въ которомъ встрѣчается первое опредѣленіе границъ Алтайскаго округа, въ смыслѣ участка, на которомъ частная золотопромышленность не дозволяется, не измѣнило приведенныхъ выше поземельныхъ отношеній, такъ какъ указъ 1828 года остался въ своей силѣ. Только съ 1855 года, когда послѣдовательно было узаконено, что Алтайскій горный округъ составляетъ *частную* собственность Государя Императора (Указъ 27 мая), что къ нему въ подлежащихъ случаяхъ примѣняются правила удѣльныхъ постановленій и горному управленію вмѣняется въ обязанность озаботится учрежденіемъ оброчныхъ статей, установленіемъ поземельнаго сбора съ тѣхъ жителей Алтайскаго округа, которые не несутъ никакихъ заводскихъ повинностей, и составить изъ лѣсовъ особую статью доходовъ взиманіемъ за рубку оныхъ попенныхъ денегъ (указъ

17 окт.), вся мѣстность, окруженная межею 1838 г. обозначенною въ приложеніи къ ст. 2431 т. VII, изд. 1857 г.)—составила дѣйствительное частное владѣніе не только въ смыслѣ исключительныхъ правъ кабинета на золотопромышленность и горный промыселъ вообще и снабженіе обязательныхъ работниковъ нужнымъ для ихъ пропитанія количествомъ земли, но и въ отношеніи исключительнаго распоряженія всякаго рода земельными угодьями. Съ замѣною издѣльной повинности приписныхъ къ заводамъ крестьянъ шести-рублевымъ оброкомъ съ ревизской души (27 іюля 1861 г) и съ обложеніемъ тѣмъ же оброкомъ какъ уже жившихъ въ предѣлахъ округа государственныхъ крестьянъ, такъ и всѣхъ вновь поселяющихся (20 іюля 1865 г.). оброчная и арендная за землю плата составляютъ главный источникъ доходовъ кабинета съ Алтайскаго округа, а горный промыселъ, бывшій когда-то единственною доходною статьею и исходнымъ пунктомъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ, получилъ второстепенное значеніе и поддерживается преимущественно въ видахъ доставленія населенію заработковъ.

Законоположенія, опредѣляющія отношенія киргизовъ и другихъ инородцевъ къ заводскому округу, немногочисленны и, по неимѣнію до 1838 года, утвержденной закономъ грани этого округа, не всегда опредѣлительны. Указъ 13 іюня 1821 г. объ отводѣ земель на внутренней части сибирскихъ линій для кочевыхъ киргизъ-кайсаковъ между прочимъ опредѣляетъ: «при отводѣ земель не касаться округа земель, состоящихъ въ вѣдомствѣ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ». Въ указѣ 22 іюля 1822 г. о преобразованіи Сибирскихъ губерній по новому учрежденію сказано: «заводскому начальству дозволяется распространять безпрепятственно горный промыселъ и поселенія за Бійскою линіею до границъ китайскихъ, безъ стѣсненія живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ» (п. 5, § 6). «Еслибы киргизы пожелали кочевать далѣе, во внутренности сибирскихъ губерній, то позволеніе на то имъ дается по сношенію областного начальства съ гражданскимъ губернаторомъ» (§ 92 уст. о сибир. киргизахъ). «Во время пребыванія внѣ Омской области киргизы состоятъ въ зависимости отъ мѣстнаго губернскаго и земскаго начальства». (§ 93 уст. о сибир. киргиз). Въ положеніи объ управленіи Семипалатинской областью 19 мая 1854 г.

говорится: « ... и земель занимаемыхъ нынѣ киргизами, кочующими на внутренней сторонѣ Сибирской линіи по правую сторону р. Иртыша, образовать особую область, подъ наименованіемъ Семипалатинской». «Киргизы кочующіе на внутренней сторонѣ Сибирскаго казачьяго войска, по правую сторону р. Иртыша, остаются на мѣстахъ нынѣ занимаемыхъ« (§ 3 гл. I). «Переходъ киргизовъ на кочевье на земли крестьянскихъ селеній строжайше воспрещается» (§ 94, гл. III). Изъ того, что въ положеніи 19 мая 1854 года, когда уже существовала въ силу закона грань Алтайскаго горнаго округа, о грани этой не упоминается въ смыслѣ границы, до которой распространяется вновь учреждаемая область и предѣлы послѣдней (§ 6, гл. I) предоставляется проектировать и внести на утвержденіе установленнымъ порядкомъ генералъ-губернатору Западной Сибири, можно заключить, что правительство отнюдь не думало ограничивать права кочевки киргизовъ межею 1838 г.; изъ словъ § 123, гл. IV, можно даже усмотрѣть, что внутренній округъ киргизовъ простирался частью къ востоку отъ упомянутой межи («находящіяся на земляхъ внутренняго округа Сибирскихъ киргизовъ озера Коряковское, Алеутскія, *Боровыя* и т. д.» — Боровыя озера, какъ извѣстно, находятся внутри межи Алтайскаго горнаго округа). Изъ находящагося въ архивѣ Семипалатинскаго областного правленія дѣла за № 667 (1854 г.) видно, что въ томъ же смыслѣ былъ понятъ указъ 19 мая 1854 года и бывшимъ тогда генералъ-губернаторомъ Гасфортомъ, который въ предложеніи 20 сентября 1854 г. за № 1161. Военному губернатору Семипалат. обл. говоритъ: «одобряя распоряженіе Вашего Превосходительства, изложенное въ донесеніи ко мнѣ отъ 14 минувшаго августа за № 89 о пріостановленіи высылки на казачьи земли киргизъ, кочующихъ на Кулундинской степи, на земляхъ Омскаго, Бійскаго и Барнаульскаго округовъ, изъ которыхъ имѣетъ быть образованъ особый округъ и т. д.».

Изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ полнаго собранія законовъ вытекаетъ, что никакимъ законодательнымъ актомъ не запрещается жительство киргизовъ внутри межи 1838 г. вообще, но что въ частности положительно не допускается кочевка киргизовъ на земляхъ крестьянскихъ селеній.

Проживающихъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ *киргизовъ* необходимо раздѣлить на *двѣ категоріи* по занимаемымъ ими мѣстамъ, а именно на киргизовъ, кочующихъ у юго-западной границы округа, и на киргизовъ, занимающихъ правый берегъ р. Бухтармы.

Киргизы первой категоріи, за немногими исключеніями, поселились на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ очень давно, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. живущіе по р. Бурлѣ (прит. оз. Топольнаго) основываютъ свое право настоящаго поземельнаго пользованія на планѣ, выданномъ старшинѣ Иртышбаю Алыбаеву въ 1817 г. землемѣромъ Рембертовичемъ по предписанію томскаго губернатора Илличевскаго[1]); граница, опредѣленная указомъ 1838 г., застала всѣхъ ихъ уже при настоящемъ поземельномъ пользованіи, на что можно найти многочисленныя указанія въ архивныхъ дѣлахъ, преимущественно присутственныхъ мѣстъ томской губерніи. Фактъ поселенія киргизовъ, за незначительными исключеніями, на западной окраинѣ Алтайскаго округа въ настоящихъ его предѣлахъ задолго до узаконенія грани 1838 г., никѣмъ, впрочемъ, и не оспаривается. Сверхъ того, хотя киргизы прикочевали на эти мѣста уже послѣ устройства казачьей линіи, слѣдовательно поступили въ подданство не вмѣстѣ съ землею, какъ киргизы лѣваго берега р. Иртыша и какъ всѣ остальные сибирскіе инородцы, но переходъ на правую сторону всегда совершался съ разрѣшенія начальства; въ 1821 г. (ук. 13 іюня) былъ даже опредѣленъ порядокъ отвода на внутренней части сибирскихъ линій земель для кочевья киргизовъ, если же такой отводъ въ дѣйствительности сдѣланъ не былъ, то не по винѣ киргизовъ. Перепущенные съ разрѣшенія начальства на правую сторону Иртыша киргизы не могли, конечно, дожидаться, пока имъ отведутъ участки земли, а занимали всякую удобную для нихъ пустопорожнюю землю; такъ-же поступали до послѣдняго времени и русскіе пересе-

[1]) Алтайское горн. правленіе, какъ видно изъ отношенія 15 дек. 1870 г. № 2484, считаетъ планъ, выданный Рембертовичемъ, фальшивымъ, не приводя, впрочемъ, никакихъ фактовъ, на которыхъ основано такое заключеніе; между тѣмъ въ 1865 году Алтайское горное правленіе отношеніемъ отъ 15 сентября увѣдомило Томскую казенную палату, что оно не согласно на ходатайство крестьянина Игнатія Усольцева съ товарищами на поселеніе ихъ у оз. Топольнаго, такъ какъ мѣсто это въ 1817 году отдано старшинѣ Иртышбаю Алыбаеву—(Дѣло Семип. Обл. Правленія объ удаленіи киргизовъ съ горно-заводскихъ земель).

ленцы: получивъ отъ начальства разрѣшеніе селиться въ той или другой губерніи, они занимали любое пустопорожнее мѣсто, не дожидаясь не только отвода, но даже и вообще указаній со стороны начальства на то или другое урочище—никто за это не считалъ ихъ самовольно поселившимися

Если же нынѣ Алтайское горное правленіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, даже въ донесеніяхъ своихъ кабинету Его Величества, называетъ киргизовъ «самовольно прикочевавшими», то выраженіе это вытекаетъ изъ совершенно особеннаго способа умозаключеній, усвоеннаго этимъ присутственнымъ мѣстомъ; такъ напр. по поводу упомянутаго выше плана, составленнаго въ 1817 г. Ромбертовичемъ, Алтайское Горн. Правленіе говоритъ: «никакого отвода земли Рембертовичемъ сдѣлано не было, да если-бы и былъ сдѣланъ подобный отводъ кѣмъ-бы то ни было, и когда-бы то ни было, безъ согласія Кабинета Его Императорскаго Величества, то отводъ таковой должно считать недѣйствительнымъ, такъ какъ земли Алтайскаго горнаго округа, составляя частную собственность Государя Императора, управляются Алтайскимъ горнымъ начальствомъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ кабинета Его Величества» (отношеніе 15 дек, 1870 г. № 2484). Подобное опроверженіе дѣйствительности предшествовавшаго акта (1817 г.) послѣдующими законоположеніями (1838 и 1855 годовъ) вопреки правилу, что законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ, можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Алтайское горное правленіе упустило изъ виду, что въ 1817 г. мѣстность около оз. Топольнаго не принадлежала къ заводскому округу, какъ не занятая ни горными промыслами, ни селеніями приписныхъ крестьянъ, что не было еще издано закона, на основаніи котораго можно было признавать даже земли горнаго округа частною собственностью Государя Императора, что сказанная мѣстность съ 1803 до 1822 года была въ вѣдѣніи томской губерніи, а не Колывано-Воскресенской обл. и что до 1834 г. не существовало даже названія Алтайскаго округа.

Выше я уже объяснилъ, почему пользованіе киргизовъ землею, находившеюся даже вблизи крестьянскихъ селеній до обнародованія указа 1838 г. не составляло нарушенія поземельныхъ правъ горныхъ за-

водовъ, пока киргизы не захватывали угодій, нужныхъ приписнымъ крестьянамъ или горнымъ промысламъ; пользованіе киргизовъ фактически никѣмъ не оспаривалось долгое время и послѣ этого указа, такъ какъ горное начальство не имѣло въ виду (даже не имѣло на то права до 1855 г., ибо § 5 указа 16 апрѣля 1828 г. не былъ еще отмѣненъ) извлекать пользу изъ отдачи земли въ аренду, а столкновенія, происходившія между крестьянами и киргизами, разрѣшались безъ особенныхъ затрудненій, ибо киргизы не имѣли своего особеннаго начальства, почему фактически подчинялись властямъ Томской губ. Но съ распространеніемъ къ западу крестьянскаго поселенія горнаго округа стало возникать все болѣе и болѣе столкновеній между крестьянами и киргизами, при чемъ первые прибѣгали преимущественно къ побоямъ и убійствамъ (для алтайскаго крестьянина и нынѣ, вслѣдствіе раскольничьяго строя понятій горнаго населенія, убійство киргиза не составляетъ грѣха, такъ какъ «киргизъ не имѣетъ души»), а послѣдніе отвѣчали угономъ лошадей; столкновенія въ особенности усилились съ 1854 года, когда была учреждена Семипалат. обл., при чемъ всѣ киргизы, находившіеся внутри черты 1833 г., подчинились Семипалатинскимъ властямъ, а крестьяне остались по прежнему подъ управленіемъ томскаго начальства; понятно, что при такихъ административныхъ условіяхъ, всякій споръ киргиза съ крестьяниномъ возбуждалъ переписку между губернаторами семипалатинскимъ и томскимъ и разрѣшеніе спора затягивалось на долгое время.

Въ 1860 году Алтайское горное правленіе, вынуждаемое кражами лошадей у рудовозовъ и локтевскихъ крестьянъ, возбудило вопросъ объ удаленіи киргизовъ изъ окрестностей Локтевскего завода; вопросъ этотъ породилъ огромную переписку, продолжающуюся и до настоящаго времени.

Не входя въ разсмотрѣніе сказанной переписки, я ограничусь изложеніемъ настоящаго положенія сего дѣла, но предварительно считаю необходимымъ указать на нѣкоторыя соображенія, вытекающія изъ того обстоятельства, что киргизы поселились въ Алтайскомъ горномъ округѣ прежде, чѣмъ была опредѣлена его граница.

При передачѣ недвижимой собственности отъ одного лица къ дру-

тому, вмѣстѣ съ собственностью переходятъ и лежащія на ней обязательства: купившій, напр. дачу, въ которую имѣютъ право въѣзда сосѣди, не можетъ требовать, чтобы послѣдніе отказались отъ своего права безъ заключенія особой на то добровольной сдѣлки, на томъ только основаніи, что дача перемѣнила владѣльца. Всѣ земли, не состоящія въ частной собственности, хотя бы и находящіяся въ пользованіи кого-либо, суть земли государственныя (казенныя), таковы напр. земли занятыя киргизами. Казна, передавая такія земли въ частную собственность, переводитъ тѣмъ самымъ на собственника всѣ свои поземельныя права и обязанности; новый владѣлецъ можетъ пользоваться напр. арендною платою, условленною казною, но до истеченія срока или законнаго уничтоженія контракта съ арендаторомъ, не можетъ ни прогнать послѣдняго, ни требовать съ него увеличенной платы: можетъ продолжать взимать съ крестьянъ, на той землѣ поселенныхъ, тотъже нормальный оброкъ, какой взимала казна, но не болѣе; равнымъ образомъ не можетъ согнать крестьянъ помимо ихъ добровольнаго согласія. Тѣ же соображенія должны примѣняться и къ киргизамъ, *замежеваннымъ* въ предѣлы Алтайскаго горнаго округа[1]).

Киргизовъ этихъ, согласно съ законами гражданскими, нельзя ни выселять съ занимаемыхъ ими земель, ни обложить высшимъ, противъ родовичей, оставшихся въ предѣлахъ Семипалатинской обл., окладомъ податей, на томъ только основаніи, что съ опредѣленіемъ въ 1838 г. границы округа и съ изданіемъ указа 27 мая 1855 года, занятыя киргизами земли вошли въ составъ частной собственности и что всякаго рода оброчная подать, собираемая въ предѣлахъ этой собственности, поступаетъ не въ казну, а въ кабинетъ Его Величества. Горное

[1]) По собраннымъ чиновникомъ Харченко въ 1870 г. свѣдѣніямъ оказывается, что въ западной части Алтайскаго Горнаго округа живетъ:

На Ремовской степи		—	247
На Узкой	„	—	50
„ Кулундинской	„	—	455
„ Карасукской	„	—	341
Въ борахъ Гатскомъ	—	—	118
Сѣверномъ	—	—	39
Всего			1250 кибитокъ.

начальство, требуя по отношенію къ киргизамъ подобныхъ мѣръ, постоянно основывается на двухъ положеніяхъ, на интересахъ кабинета Его Величества и на самовольности захвата киргизами земель, составляющихъ частную собственность Государя Императора.

Казалось бы, что сколь не священны интересы частной собственности вообще и собственности Его Величества въ особенности, но они, въ потребныхъ случаяхъ, должны уступить интересамъ обще-государственнымъ—соблюденію справедливости вообще и законовъ въ особенности; по отношенію къ Алтайскому Горному округу это тѣмъ болѣе возможно, что какъ интересы частной собственности, такъ и интересы государственные совмѣщаются въ Священной особѣ Государя Императора. Коль скоро ст. 1690 тома VII уст. горн. опредѣляетъ, что Алтайскіе промыслы, рудники и заводы составляютъ *частную* собственность, то тѣмъ самымъ статья эта обязываетъ присутственныя мѣста относиться къ Алтайскому округу какъ къ частной собственности и примѣнять въ подлежащихъ случаяхъ соотвѣтствующіе законы; между тѣмъ горное начальство во всякомъ противорѣчіи своимъ взглядамъ видитъ «посягательство на интересы кабинета Его Императорскаго Величества» и какъ бы старается импонировать высокимъ именемъ Августѣйшаго владѣльца горн. окр. О неосновательности второго предположенія относительно самовольнаго захвата земель киргизами—было уже сказано выше.

Въ настоящее время существуютъ слѣдующія предположенія о киргизахъ, замежеванныхъ гранью 1838 г. въ предѣлы Алт. горн. окр.

1) Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири при разсмотрѣніи проэкта Положенія объ управленіи въ Степныхъ областяхъ, журналомъ своимъ утвержденнымъ г. генералъ-губернаторомъ *6 марта 1871 г.*, между прочимъ опредѣлилъ слѣдующія *основанія для устройства киргизовъ кочующихъ на земляхъ* Кабинета Его Величества:

2) Алтайское горн. прав., какъ видно изъ мнѣнія его, приведеннаго въ отношеніи кабинета Его Императорскаго Величества къ Г-ну министру внутреннихъ дѣлъ отъ *14 іюля 1873 г.* за № 1870, заключило:

а) выселить киргизовъ съ Ремовской и Узкой степей и изъ боровъ Готскаго, Сѣвернаго и Локтевскаго, дозволивъ киргизамъ кочевать только на Кулундинской и частью на Карасукской степяхъ.

б) выселить съ Кулундинской степи крестьянскія деревни Николаевскую, Сѣверную, Неводную и Ключевскую.

в) брать съ киргизовъ въ пользу кабинета оброкъ съ занимаемой ими земли, а именно: съ хлѣбопахатной и сѣнокосной по 40 коп. съ десятины, а за солонцеватую пастбищную по 10 или даже по 5 коп. съ десятины.

г) за валежникъ и сухопостойный лѣсъ взимать съ киргизовъ посаженную плату въ половинномъ размѣрѣ.

3) Кабинетъ Его Императорскаго Величества, разсмотрѣвъ, какъ приведенное мнѣніе Алтайскаго горнаго правленія, такъ и мнѣніе генералъ-губернатора Западной Сибири (то-же, что въ журналѣ совѣта главнаго управленія 6 марта 1871 года), заключилъ, какъ можно видѣть изъ упомянутаго выше отношенія за № 1870, слѣдующее:

а) Дозволить киргизамъ кочевать только на ближайшей къ Семипалатинской границѣ части Кулундинской степи, на пространствѣ обставленномъ межевыми знаками, длиною около 150 верстъ и наибольшею шириною въ 60 верстъ.

б) Не дозволить въ другихъ мѣстахъ округа жительство киргизовъ, за исключеніемъ киргизовъ Койсайдоръ-Кипчаковской волости, кочующихъ около оз. Топольнаго по правую сторону рѣки Бурлы и аула бывшаго кокпоктинскаго приказа Безпакова, кочующаго въ количествѣ 270 душъ по бійской линіи, которые могутъ быть оставлены на занимаемыхъ ими мѣстахъ, въ такомъ только, впрочемъ, случаѣ, если тамъ окажутся свободныя земли, если сосѣдніе крестьяне не воспротивятся оставленію инородцевъ и если киргизы согласятся платить за каждую десятину по 40 к. въ годъ.

в) Киргизы, оставляемые на Кулундинской степи, обязываются платою, сверхъ кибиточной подати, особаго оброка въ доходъ Кабинета, въ размѣрѣ 3 руб. съ кибитки, всего же, сверхъ сбора на обще-

ственныя надобности, такіе киргизы должны вносить ежегодно съ кибитки 6 руб., изъ которыхъ $4^1/_2$ руб. слѣдуютъ въ доходъ Кабинета, и $1^1/_2$ руб. въ государственный доходъ.

г) Крестьянъ деревень Сѣверной, Неводной, Николаевской и Ключевской (всего 107 ревизскихъ душъ) не выселять, если они сами того не пожелаютъ.

д) Отпускать киргизамъ лѣсной матеріалъ въ необходимомъ по ихъ бытѣ количествѣ, по указаніямъ и подъ надзоромъ мѣстнаго лѣсного начальства, строевой и свѣжерастущій дровяной—за попенныя и посаженныя деньги, а валежникъ и проч.—за четвертую часть установленной платы.

4) Г. Томскій губернаторъ въ 1874 г. вслѣдствіе поданнаго ему крестьянами Бабинымъ и Усольцевымъ прошенія о покражѣ у крестьянъ Алтайской и Ануйской волостей киргизами Семипалат. обл. въ разное время, начиная съ 1872 г., 306 лошадей предписалъ на основаніи ст. 481 т. XIV Бійскому окружному полицейскому управленію «немедленно сдѣлать распоряженіе объ удаленіи киргизъ съ крестьянскихъ земель и *недопускать ни одного киргиза кочевать въ Бійскомъ округѣ»* (Отношеніе 19 іюня 1874 г. № 295). Хотя г. Томскому губернатору въ томъ же году и было сообщено, что ст. 481 т. XIV уст. о предупрежд. и пресѣченіи преступ. отнюдь не можетъ служить основаніемъ къ изгнанію изъ Бійскаго округа исконныхъ его жителей и что киргизы окрестностей Семипалатинска и Котунскихъ Альповъ, по громадности пространства, отдѣляющаго ихъ отъ волостей Ануйской и Алтайской, гдѣ были кражи, не могли быть виновниками послѣднихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительный статскій совѣтникъ Супруненко остался при своемъ мнѣніи.

Таковы въ общихъ чертахъ мѣры, проэктированныя разными вѣдомствами по отношенію къ киргизамъ Алтайскаго горн. округа, вызванныя столкновеніями между крестьянами и киргизами, подчиненными отдѣльнымъ начальствамъ; мѣры эти основаны не только на несомнѣнной необходимости подчинить кочевое и осѣдлое населеніе одному и тому же вѣдомству, но также и на совершенно противномъ предпо-

ложенiи, что киргизы самовольно прикочевали въ Алтайскiй горн. окр. и что начальство послѣдняго имѣетъ право облагать такихъ киргизовъ усиленными податями въ свою пользу.

Киргизы второй категорiи суть киргизы *Чингистайской и Нарымской* волостей Устькаменогорскаго уѣзда въ числѣ 531 кибитки (по свѣдѣнiямъ 1873 г.), кочующiе и, частью, зимующiе по правую сторону р. Бухтармы, выше дер. Черновей.

Хотя съ 1838 г. правый берегъ верхняго теченiя Бухтармы и вошелъ въ силу закона въ предѣлы Алтайскаго горн. окр., но какъ фактическое влiянiе на эту мѣстность Россiи началось съ шестидесятыхъ годовъ, то и не имѣется въ дѣлахъ управленiя Семипалат. обл. достаточныхъ данныхъ, чтобы рѣшить, какъ давно поселились тутъ киргизы. Съ началомъ безпорядковъ въ Западномъ Китаѣ, на границу были выставлены наблюдательные отряды; одинъ изъ нихъ, по приказанiю генералъ-отъ-инфантерiи Дюгамеля, удалилъ въ 1863 году всѣхъ киргизовъ, прикочевавшихъ на правый берегъ р. Бухтармы изъ разныхъ мѣстъ Китая, охваченныхъ дунганскимъ возстанiемъ, обратно въ китайскiе предѣлы, оставивъ только *5 ауловъ Каратаевскаго и Самайскаго родовъ* (т. е. 500—600 кибитокъ, такъ какъ въ пограничныхъ мѣстахъ киргизы обыкновенно держатся скученно, большими аулами). Въ 1866 году, вслѣдствiе ходатайства китайскаго правительства, было разрѣшено и другимъ неподданнымъ киргизамъ временно кочевать на правомъ берегу р. Бухтармы. Съ проведенiемъ въ 1867 г. въ натурѣ границы съ Китаемъ, временные пришельцы *удалились* въ Китай, а каратаевцы и самаевцы приняли въ 1867 г. подданство, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которые они нынѣ занимаютъ, и вошли съ 1871 г. въ составъ волостей Нарымской и Чингистайской. Если для киргизовъ праваго берега верхней Бухтармы не можетъ быть доказано начало пользованiя землями до узаконенiя грани 1838 г. и представляется несомнѣннымъ только начало пользованiя до фактическаго завладѣнiя этой мѣстностью Россiею, то тѣмъ не менѣе киргизовъ этихъ нельзя считать «самовольно прикочевавшими въ предѣлы горнаго округа», такъ какъ для жительства на землѣ, Россiи не при-

надлежащей, нельзя было и просить позволенія у мѣстъ или лицъ Россійской Имперіи.

Приведенныя выше предположенія разныхъ вѣдомствъ распространяются и на Бухтарминскихъ киргизовъ, но при составленіи этихъ предположеній было упущено изъ вида то обстоятельство, что за силою § 6 п. 5 указа 22 іюля 1822 г., никакимъ послѣдующимъ узаконеніемъ не отмѣненнаго, заводскому начальству распространеніе горнаго промысла и поселеній между Бійскою линіею и китайскою границею дозволено съ условіемъ не стѣснять «живущихъ тамъ ясачныхъ народовъ»[1]. Пока сказанный законъ не отмѣненъ, всякое *стѣсненіе* киргизовъ праваго берега Бухтармы, въ смыслѣ-ли удаленія ихъ для доставленія свободнаго мѣста *поселеніямъ*, или же въ видѣ обложенія особою податью въ пользу учрежденія, первоначально для *горнаго промысла* установленнаго, составляетъ нарушеніе закона. Сомнительно также, чтобы какое либо вѣдомство рѣшилось возбудить ходатайство объ отмѣнѣ § 6 п. 5 указа 22 іюля 1822 г. въ законодательномъ порядкѣ, ибо въ исторіи законодательства Рассійской имперіи не было еще примѣра, *чтобы разъ Высочайше предоставленное поземельное или иное право лицомъ или сословіемъ отнималось безъ соотвѣтствующаго вознагражденія, пока того не требовала безопасность или спокойствіе государства или другой важный государственный интересъ.*

На основаніи изложеоныхъ выше соображеній я не могу считать правильнымъ и съ законами сообразнымъ какъ насильственное удаленіе киргизовъ юго-западной и южной частей Алтайскаго горн. окр. съ земель ими занимаемыхъ издавна, такъ и обложеніе ихъ высшею, противъ родовичей, податью; въ то же время я не могу не признать настоятельную необходимость прекратить всякое стѣсненіе горнаго промысла и хозяйственнаго быта крестьянъ, платящихъ высокую оброчную подать, конокрадствомъ, производимымъ киргизами; не могу, равнымъ образомъ, упускать изъ вида, что за силою ст. 1803 т. VII уст. горн., киргизы, какъ не несущіе никакихъ повинностей по заво-

---

[1]) Въ числѣ ясачныхъ народовъ должны считаться и киргизы, только съ 1868 года переставшіе платить ясакъ за учрежденіемъ кибиточной подати.

дамъ. должны доставлять нѣкоторый доходъ кабинету Его Величества. Смѣю думать, что слѣдующія мѣры могли бы удовлетворить всѣмъ условіямъ настоящаго вопроса.

1) Томская губернія должна быть разграничена съ Семипалатинскою областью такъ, чтобы возможно большая часть мѣстъ, занятыхъ нынѣ киргизами, отошла къ Семипалат. обл. Вдоль участка границы Алтайскаго горн. окр. отъ оз. Топольнаго до окрестностей Семипалатинской границы между областью и губерніею могла бы быть проведена приблизительно слѣдующимъ образомъ: отъ соединенія оз. Большого Топольнаго съ оз. Солодошнымъ черезъ озера Бурлинское соляное и Малое Яровое соляное же къ западному берегу оз. Кулундинскаго, далѣе чрезъ озера Заворуйское, Кабанье, Кунрузукъ и Журавлиное горькое къ западной оконечности Боровыхъ соляныхъ озеръ, откуда, обходя съ западной и юго-западной стороны группу озеръ Липуновыхъ или Чиганъ и лѣсосѣкъ Коростелевскій, что на озерѣ Долгомъ, граница чрезъ оз. Комаровское, находящееся у каменныхъ сопокъ, занимающихъ средину ст. Бель-агачевской, урочище «Одна сосна» и западную оконечность земель деревни Камышевской, выходитъ къ р. Иртышу у винокуреннаго завода Поклевскаго-Козеллъ. При проведеніи границы по названнымъ урочищамъ, къ Семипалат. обл. отойдутъ деревни Неводная, Ключевская, Северная, Николаевская и Топольная; послѣдняя безъ всякихъ затрудненій можетъ быть причислена къ Александровской волости Семипалат. уѣз., находящейся по близости, а первыя четыре деревни, заключающія только 107 душъ, должны быть *непремѣнно* выселены, съ чѣмъ согласно и алтайское горное правленіе[1]).

[1]) Деревни Неводная, Ключевская, Сѣверная и Николаевская построены въ 1858 г. у самой границы Алтайскаго горнаго округа выходцами изъ разныхъ мѣстъ Барнаульскаго округа, закоренѣлыми раскольниками, удалившимися въ степь съ цѣлью избѣжать стѣснительнаго для нихъ надзора начальства. Вскорѣ послѣ водворенія на новыхъ мѣстахъ, крестьяне эти всякаго рода буйствами и безобразіями принудили Томскую администрацію принять особенныя мѣры къ ихъ укрощенію, при чемъ 12 человѣкъ зачинщиковъ было выслано; разнаго рода несогласія ихъ между собою повлекли дальнѣйшія выселенія, такъ что изъ первоначально поселившихся 208 душъ остается нынѣ 107. Въ настоящее время эти деревни представляютъ не болѣе, какъ гнѣздо осѣдлыхъ разбойниковъ, подающихъ дурной примѣръ окружающему кочевому населенію. Причисленіе названныхъ деревень къ Александровской волости невозможно, по дальности разстоянія; отъ селеній Томской губерніи онѣ тоже удалены больше, чѣмъ слѣдовало-бы въ видахъ надзора

2) На пространствѣ между проведенною такимъ образомъ границею Томской губ. и Семипалат. обл. и юго-западною границею Алтайскаго горн. окр. опредѣляются, по усмотрѣнію горнаго начальства, *тѣ лѣсные участки, въ которые впускъ киргизовъ безусловно воспрещается*; на остальныхъ же мѣстахъ, за исключеніемъ хлѣбопахотныхъ земель, отдаваемыхъ горнымъ вѣдомствомъ въ аренду, дозволяется кочевка и зимовка киргизовъ, но только тѣхъ, которые нынѣ находятся въ предѣлахъ Алтайскаго горн. округа. Пользованіе киргизовъ лѣсомъ дозволяется за плату и при условіяхъ, горнымъ начальствомъ опредѣляемыхъ.

3) Граница между Семипалат. обл. и Томскою губ. къ востоку отъ г. Устькаменогорска опредѣляется въ направленіи, изложенномъ въ журналѣ Совѣта Главнаго Управленія Западной Сибири $^{13}/_{17}$ сентября 1873 г. за № 133. Въ восточной части пространства, заключающагося между южною гранью Алтайск. Горн. Окр., и границею, проэктированною сказаннымъ журналомъ, дозволяется кочевка и зимовка киргизовъ Нарымской и Чингистайской волостей, но тѣхъ только, которые и нынѣ тамъ кочуютъ; къ западу предѣлы кочевокъ киргизовъ должны быть точно опредѣлены и ни въ какомъ случаѣ не заходить за меридіанъ ст. Алтайской.

4) Равнымъ образомъ должна быть уничтожена существующая нынѣ черезполосность на правомъ берегу р. Иртыша между Семипалатинскомъ и Устькаменогорскомъ, проведеніемъ въ натурѣ границы между областью и губерніею; опредѣлить направленіе этой границы я не берусь, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ настоящаго вопроса.

5) По установленіи границы между Семипалатинской обл. и Томскою губ., въ предѣлахъ послѣдней не должно быть дозволено ни подъ какими предлогами кочеваніе киргизовъ; переходить границу губерніи могутъ только киргизы, отправляющіеся на заработки въ крестьянскія селенія и горные промыслы и снабженные установленными билетами.

6) Въ полосѣ между губернско-областною границею и границею

Алтайск. горн. окр кочевка киргизовъ дозволяется только на участкахъ, означенныхъ выше (пункты 2 и 3), на остальной же части этого пространства, какъ на мѣстахъ пустопорожнихъ, такъ и на крестьянскихъ и казачьихъ надѣлахъ *кочевка киргизовъ не дозволяется.*

7) Кибиточная подать съ киргизовъ, кочующихъ на сказанныхъ участкахъ Алтайск. горн. окр. передается полностью въ доходъ кабинета Его Величества[1]).

8) Подробное опредѣленіе границы между областью и губерніею предоставляется соглашенію губернаторовъ; проэктированное ими направленіе границы вносится чрезъ посредство генералъ-губернатора Западной Сибири установленнымъ порядкомъ на утвержденіе.

9) Въ части Алтайск. горн. окр., вошедшей такимъ образомъ въ предѣлы Семипалат. обл., всѣ обязанности административныхъ мѣстъ и лицъ Томской губ. по отношеніи къ горному начальству переходятъ къ подлежащимъ властямъ Семипалатинской области.

По сравненіи изложенныхъ мѣръ съ тѣми, которыя до сего времени были проэктированы, окажется, что первыя устраняютъ многія неудобства, сопряженныя съ послѣдними, а именно:

а) Уничтожится всякая черезполосность и сопряженныя съ нею неудобства въ административномъ, судебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

б) Киргизы останутся на занимаемыхъ ими нынѣ мѣстахъ, за исключеніемъ окрестностей Локтевскаго завода, гдѣ пребываніе ихъ дѣйствительно вредно для горнаго промысла; такимъ образомъ не потребуется значительныхъ передвиженій, которыя могли бы повести къ безпорядкамъ между кочевниками, въ особенности въ пограничной мѣстности.

в) Доходъ кабинета съ киргизовъ только незначительно уменьшится (на 282 рубля) противъ того, на который можно расчитывать

---

[1]) При этомъ доходъ казны уменьшится на 5343 руб. но въ виду того обстоятельства, что количество кибиточной подати въ Семипалатинской обл. значительно превзошло ту сумму, на которую правительство разсчитывало, вводя положеніе 1868 г., такое незначительное уменьшеніе не можетъ затруднить Государственное Казначейство.

при поселеніи исключительно на Кулундинской степи[1]), но при томъ уменьшится вѣроятность недобора, такъ какъ платить 3 рубля вмѣсто 6 несравненно легче, и устранится несправедливое обложеніе киргизовъ усиленною податью.

и г) Не представляется необходимости передавать кочевниковъ въ вѣдѣніе Томской Администраціи, при чемъ разрѣшеніе споровъ между киргизами семипалатинскими и отдѣленными отъ нихъ только искуственною гранью томскими киргизами было бы крайне затруднительно, въ особенности при огромномъ разстояніи границы отъ Барнаула и Бійска.

Дѣло № 8197 т. III, л. 697—710.

VI.

(*къ л. 38-му*).

А. Представленіе семипал. губернатора Полторацкаго генералъ-губернатору Западной Сибири, 24 ноября 1875 г. за № 9688.

Начальникъ устькаменогорскаго уѣзда доноситъ, что 23 сентября между киргизами Чингистайской волости и крестьянами Бухтарминской волости дер. Черновой и Берельской, при перекочевкѣ первыхъ на р. Бухтарму, произошло столкновеніе, при чемъ крестьянами, вооруженными ружьями и дѣйствовавшими подъ предводительствомъ волостного головы Зубова, были не только нанесены киргизамъ жестокіе побои, но открытъ огонь, при чемъ одинъ киргизъ раненъ пулею въ лѣвое плечо и убита наповалъ киргизская лошадь. Такое самоуправство киргизъ подтвердилось и дознаніемъ, произведеннымъ по порученію усть-

[1]) На Кулундинской степи можетъ остаться то количество, которое нынѣ находится у западной границы округа, а именно 1250 кибитокъ. Бухтарминскіе же киргизы, понятно, перекочевать на Кулундинскую степь не могутъ; полагая на каждую кибитку въ доходъ Кабинета 4 р. 50 к., получимъ 5625 руб. Если же сверхъ сказанныхъ киргизовъ останутся въ предѣлахъ округа на занимаемыхъ ими мѣстахъ 531 кибитка Бухтарминскихъ киргизовъ, то со всѣхъ 1781 кибитки, считая по 3 руб. на каждую, получится кибиточной подати 5343 руб.

каменогорскаго уѣзднаго начальника, старшимъ его помощникомъ, штабсъ-капитаномъ Петровымъ; независимо отъ сего, дознаніемъ обнаружено, что волостной голова Зубовъ заарестовалъ аульнаго старшину Чопаева и киргиза Табикова, которые освободились лишь выкупомъ, первый передавъ Зубову 25 руб. изъ числа денегъ, собранныхъ имъ въ кибиточную съ киргизъ подать, находившихся во время захвата его при немъ; а послѣдній передачею Зубову собственнаго ружья; кромѣ сего крестьянами захвачено у киргизъ 30 барановъ и 8 лошадей, которые также отправлены въ бухтарминское волостное правленіе; захвачено крестьянами все заготовленное киргизами сѣно и потравлено много хлѣба.

По собраннымъ г. Петровымъ на мѣстѣ даннымъ, оказывается, что поводомъ къ столкновенію послужило распоряженіе Томскихъ Губернскихъ властей о немедленномъ удаленіи всѣхъ киргизовъ съ праваго берега Бухтармы съ настоятельнымъ требованіемъ скораго исполненія, при чемъ для присутствія при исполненіи этой мѣры не только не были вызваны власти Устькаменогорскаго уѣзда, но даже не сочли нужнымъ присутствовать ни бійскій исправникъ, ни зыряновскій засѣдатель, а выдвореніе киргизъ было возложено на мѣстныя волостныя и сельскія власти, которыя, не сознавая важности возложеннаго на нихъ порученія и той осторожности, которая неминуемо при семъ требовалась, сочли себя въ правѣ дѣйствовать силою, толпа же крестьянъ, призванная ими для исполненія, явилась вооруженная и допустила всякія своеволія.

Донося о семъ, подполковникъ Халдѣевъ присовокупляетъ, что вслѣдствіе столь энергическаго выдворенія съ праваго берега Бухтармы и преданія огню тамъ всѣхъ зимовокъ, положеніе 115 кибитокъ, оставшихся безъ зимовыхъ стойбищъ, крайне печально; сверхъ того большинство Чингистайской волости, а именно 843 кибитки имѣютъ зимовыя стойбища по берегу Бухтармы отъ ключа Моялды-Булакъ до таковаго же Юнгенъ-Тасъ; пространство это, длиною до 60 верстъ, тянется узкою полосою, на которой только и возможно размѣщеніе зимовыхъ стойбищъ, крайне стѣснительнаго для киргизъ, такъ что они вынуждены отогнать всѣ свои табуны къ границѣ. Всѣ эти обстоя-

тельства и захвать имущества до того раздражають киргизовъ, что, по мнѣнію подполковника Халдѣева, нельзя поручиться за спокойную стоянку ихъ зимою,

Въ устраненіе возможныхъ безпорядковъ, устькаменогорскій уѣздный начальникъ принялъ подлежащія мѣры, какъ то: приказалъ управителю Чингистайской волости и его письмоводителю находиться безотлучно на Чингистаѣ, вблизи дер. Черновой, противъ жителей которой особенно раздражены киргизы, по возможности часто посѣщать аулы, а также начальнику Катонъ-Карагайскаго отряда предписано, подъ предлогомъ сношеній съ казаками, расположенными въ окрести. внизъ праваго берега Бухтармы,— посылать туда частые разъѣзды.

Имѣя ввиду, что Ваше Высокопревосходительство не изволили признать возможнымъ даже войти въ разсмотрѣніе тѣхъ мѣръ, которыя были предлагаемы мною, для постепеннаго выдворенія киргизовъ съ земель Алтайск. Горн. Окр., дабы по возможности облегчить имъ эту тяжелую мѣру, я предложилъ устькаменогорскому уѣздному исправнику для устройства этихъ киргизовъ руководствоваться указаніями, изложенными въ предложеніи Вашего Высокопревосходительства отъ 24 октября за № 1561.

Но тѣмъ не менѣе считаю долгомъ обратить вниманіе Вашего Высокопревосходительства на излишнюю по моему мнѣнію энергію распоряженія сельскихъ властей Бухтарминской волости: при чемъ я съ своей стороны полагаю, что исполненіе такой тяжелой для киргизъ мѣры, какъ удаленіе съ земель, которыми, законно или нѣтъ, они пользовались издревле, по крайней мѣрѣ неосторожно поручать вооруженнымъ толпамъ крестьянъ, въ отсутствіи полицейскихъ властей Бійскаго и Устькаменогорскаго уѣздовъ.

Вслѣдствіе сего я просилъ Томскаго губернатора на будущее время приказать въ подобныхъ случаяхъ приглашать полицейскихъ чиновъ Устькаменогорскаго уѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ препроводивъ дознаніе, произведенное по сему дѣлу помощникомъ устькаменогорскаго уѣзднаго начальника, просилъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Супру-

ненко назначить по сему формальное слѣдствіе, приказавъ возвратить киргизамъ захваченное у нихъ имущество.

Въ заключеніе позволяю себѣ въ послѣдній разъ убѣдительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство настоять, чтобы этотъ новый случай самоуправства крестьянъ и насилія, произведенныя надъ киргизами, не остались безъ взысканія, подобно многимъ подобнымъ случаямъ, о которыхъ своевременно сообщалось Томскому губернатору но по коимъ обиженные ни какого удовлетворенія не получили; такъ какъ иначе можно опасаться, что киргизы, потерявъ вѣру въ безпристрастіе русскихъ властей и надежду получить удовлетвореніе законнымъ путемъ, рѣшатся прибѣгнуть къ какому либо самовольному возмездію, предупредить которое мы, быть можетъ, и не успѣемъ.

Списокъ происшествій, о которыхъ было сообщено Томскому губернатору и по коимъ не постановлено рѣшеній, при семъ имѣю честь представить.

Дѣло № 8197, т. III, л. 754—756.

VII.

(къ л. 43-му).

А. Донесеніе подполк. Халдѣева семипал. губернатору 22 марта 1876 г. за № 1165.

Согласно представленію Вашего Превосходительства отъ 16 минувшаго февраля за № 1199 по поводу слуха о намѣреніи будто бы киргизъ ввѣреннаго мнѣ уѣзда Чингистайской волости откочевать въ китайскіе предѣлы, я въ томъ-же мѣсяцѣ ѣздилъ въ означенную волость, гдѣ, по тщательному, изъ подъ руки разслѣдованію, нашелъ все кочевое населеніе въ совершенномъ спокойствіи и полной преданности нашему Правительству. Слухъ же оказался не вѣрнымъ, или по крайней мѣрѣ не имѣющимъ никакого значенія и не произвелъ никакого вреднаго на киргизъ вліянія.

Причинами, породившими этотъ слухъ, были: во 1) ропотъ киргизъ на неправильное, по ихъ мнѣнію, выдвореніе ихъ въ прошломъ году, въ числѣ болѣе 550 кибитокъ со скотомъ, съ правой стороны р. Бухтармы, на областныя земли—въ Чингистайскую волость, гдѣ въ слѣдствіе сего, и по значительности общаго числа кибитковладѣльцевъ, оказался большой недостатокъ земли, какъ для стойбищъ съ сѣнокосомъ и хлѣбопашествомъ, такъ и для пастбищъ скота. Да и одно выдвореніе съ прежнихъ мѣстъ стоянки, само по себѣ сопрягалось для киргизъ съ большими лишеніями, такъ какъ оставляемыя мѣста для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ были привольны, хороши, а главное находились въ ихъ безспорномъ пользованіи много лѣтъ, такъ что наслѣдуя таковыя изъ рода въ родъ еще до подданства, они привыкли смотрѣть на эти мѣста, какъ бы на собственныя, чему, конечно, не могло не способствовать и то, что горное вѣдомство до послѣдняго времени не претендовало на эти земли. При вышеобъясненномъ стѣснительномъ положеніи и лишеніяхъ, естественно среди киргизъ возникъ ропотъ, а при немъ легко могло быть, что нѣкоторые изъ нихъ, не видя исхода къ лучшему, обнаруживали желаніе или наклонность искать лучшихъ мѣстъ для кочевки, хотя бы даже и за границей, въ кирѣевцахъ, съ которыми, какъ извѣстно, многіе изъ киргизъ восточнаго участка, состоящаго изъ 5 волостей, имѣютъ родственныя связи —но это былъ не болѣе, какъ только личный говоръ, весьма незначительной части киргизъ, безъ всякаго посторонняго подстрекательства, и при томъ не имѣвшій характера уже принятаго намѣренія откочевать туда, и во 2) та поспѣшность, съ какою, какъ извѣстно, Бійская окружная администрація, чрезъ сельскія власти, отнеслась къ фактическому выдворенію киргизъ въ смыслѣ немедленнаго прогнанія ихъ съ горныхъ земель, слѣдствіемъ чего и произошло въ прошломъ году то столкновеніе крестьянъ съ киргизами, по которому въ настоящее время въ дер. Черновой производится формальное слѣдствіе. А какъ со дня самоуправства крестьянъ съ киргизами до начала слѣдствія прошло времени довольно много, въ перепискѣ тянувшейся до февраля мѣсяца сего года, то киргизы, въ теченіе этого времени, не видя удовлетворенія за понесенные отъ крестьянъ побои и матеріаль-

ные убытки и ввиду непонятной для нихъ медленности по извѣстному дѣлу о самоуправствѣ хайрузовскихъ крестьянъ въ 1873 г., захвативших киргизскій скотъ, стали терять вѣру въ покровительство и защиту ихъ со стороны русскаго начальства. Но за послѣднее время киргизы, узнавъ, что дѣла эти, по распоряженію высшаго начальства, направлены къ строгому и законному разслѣдованію и въ недалекомъ будущемъ должны окончиться и что, слѣдовательно, виновные не останутся безнаказанными,—успокоились вполнѣ и стали относиться съ прежнею безусловною довѣрчивостью и покорностью.

Что же касается общаго недостатка въ Чингистайской волости земли для стойбищъ и пастбищъ, то чтобы по возможности устранить этотъ недостатокъ и уравнять эту волость въ землепользованіи съ другими сосѣдними съ нею волостями, мною въ эту же поѣздку до Катонъ-Карагая былъ собранъ въ станицѣ Алтайской общій съѣздъ киргизъ Чингистайской, Нарымской и др. волостей, съ ихъ управителями, старшинами, пятидесятниками и выборными отъ обществъ, которыми, 29 февраля въ притутствіи моемъ, по всестороннемъ обсужденіи вопроса и по полюбовномъ между собою соглашеніи, добровольно положено: отъ Нарымской волости къ Чингистайской уступить подъ кочевье мѣстность, начиная отъ прежней волостной границы—ключа «Чимынды-Булакъ» до горы «Тасъ-уй-кезень» въ поперечную линію къ рѣкѣ Бухтармѣ—новой границѣ Алтайскаго горнаго округа, въ чемъ и постановили приговоръ, при семъ въ копіи Вашему Превосходительству на благоусмотрѣніе представляемый.

При чемъ докладываю, что этимъ обоюднымъ поземельнымъ распредѣленіемъ, обѣ волости, Чингистайская и Нарымская, остались довольны, выразили благодарность и обѣщаніе устроиться по возможности хорошо, чего повидимому и можно ожидать. Но, тѣмъ не менѣе, я, пользуясь случаемъ съѣзда киргизъ и тѣми указаніями Вашего Превосходительства, какія даны мнѣ въ предписаніи за № 1199, нашелъ полезнымъ для дѣла и спокойствія въ кочевомъ населеніи въ предупрежденіе и пресѣченіе на будущее время намѣренія киргизъ на откочевку за границу, высказать и объяснить имъ всю неизбѣжность и строгость законнаго за то преслѣдованія и наказанія виновныхъ, а

также и тѣ добрыя отношенія нашего правительства съ Китаемъ, при которыхъ каждому, перекочевавшему туда изъ предѣловъ Россіи киргизу или вообще перебѣзчику, невозможно укрыться, хотя бы даже и у кирѣевцевъ.

Все это киргизы выслушали, по видимому, съ полнымъ довѣріемъ и большимъ вниманіемъ, выразили благодарность за разъясненіе имъ этого обстоятельства и полную покорность русскому правительству, прибавляя въ то же время, что они никогда по переходѣ въ подданство, и не думали выходить изъ повиновенія и покровительства русскаго начальства.

При этомъ Чингистайскіе киргизы убѣдительно просятъ оставить по прежнему въ ихъ полозованіи на правомъ берегу р. Бухтармы урощища „Чабамбай" и „Бельдеу-тау", необходимыя для лѣтнихъ стойбищъ ихъ со скотомъ на джайляу.

О чемъ имѣю честь Вашему Превосходительству донести на предписаніе отъ 16 Февраля за № 1199 и считаю долгомъ присовокупить, что если киргизамъ не будетъ новаго стѣсненіе въ землепользованіи на областныхъ государственныхъ земляхъ, какъ уже занятыхъ лѣтними и зимними стойбищами, сѣнокосомъ и хлѣбопашествомъ, замѣтно увеличивающимся въ киргизскомъ населеніи, а также пастбищами скотскихъ табуновъ, то за уживчивость ихъ и спокойствіе можно поручиться.

Дѣло № 8197. т III. л. 813-816.

VIII.

(*къ л. 44-му.*).

А. Отношеніе семипал. губернатора къ томскому 18 апрѣля 1877 г. за № 3244.

Вслѣдствіе представленныхъ ко мнѣ въ минувшемъ 1876 году двухъ просьбъ довѣренныхъ отъ обществъ дер. Фыкалки, крестьянина

Затѣева и поселка Каменушенскаго обывателя Халтурина, ходатайствовавшихъ объ оставленіи проживающихъ у нихъ, въ качествѣ табунщиковъ, киргизъ Чингистайской волости съ ихъ кибитками, мною тогда же предложено было устькаменогорскому уѣздному начальнику немедленно удалить киргизъ изъ вышесказанныхъ деревни и поселка, если они тамъ находятся, и объ этомъ мнѣ донести, что подполковникомъ Халдѣевымъ и было выполнено. Нынѣ же онъ доноситъ мнѣ, что получивъ свѣдѣнія отъ бійскаго окружнаго исправника, что киргизы Чингистайской волости начинаютъ переходить съ лѣваго берега р. Бухтармы на правый съ юртами и скотомъ, имъ, уѣзднымъ начальникомъ, были затребованы объ этомъ положительныя свѣдѣнія отъ Чингистайскаго волостного управителя, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній если это подтвердится, немедленно распорядился удаленіемъ тѣхъ киргизовъ. На это управитель объяснилъ въ донесеніи своемъ, что киргизы ввѣренной ему волости съ лѣваго берега р. Бухтармы на правый не перекочевывали и что крестьяне деревень Черновой, Каменушинской, Березовской и Берельской, нанимая къ себѣ въ услуженіе киргизъ ввѣренной ему волости безъ всякихъ условій и даже безъ паспортовъ по соглашенію сельскихъ старостъ, помѣщаютъ съ кибитками и скотомъ въ свои деревни.

Извѣстивъ объ этомъ Бійскаго исправника, подполковникъ Халдѣевъ просилъ его воспретить крестьянамъ подобныя незаконныя дѣйствія, на что и получилъ отъ него отвѣтъ, что исполненіе сего возложено на засѣдателя III участка Бійскаго округа.

За симъ сказанный волостной управитель въ подтвержденіе своего донесенія, представляя приговоръ крестьянъ дер. Березовской, данный киргизамъ его вѣдѣнія Есергенову и прочимъ въ числѣ 9 кибитокъ, на свободное ихъ перезимованіе на правомъ берегу р. Бухтармы вблизи сказанной деревни со скотомъ въ количествѣ 780 барановъ и 15 штукъ рогатаго скота, за которыхъ крестьяне взяли нижеслѣдующій оброкъ: за барановъ 23 руб. 40 коп., за рогатый скотъ 8 р. 25 коп. и за каждую кибитку по 50 коп., всего 36 руб. 15 к., присовокупилъ, что крестьяне деревень Черновой, Березовской и Берельской иногда одну и ту же мѣстность отдаютъ киргизамъ по нѣ-

скольку разъ въ годъ и каждый разъ берутъ за нее съ киргизъ большія деньги, а потому управитель проситъ, не возможно ли будетъ киргизамъ его волости арендовать мѣста на правомъ берегу р. Бухтармы у горнаго вѣдомства. Объ этомъ уѣзднымъ начальникомъ и было сообщено засѣдателю III участка для приложенія къ производящемуся по сему дѣлу.

Послѣ этого Бійскій окружный исправникъ отъ 11 минув. марта за № 1877, препровождая къ подполковнику Халдѣеву рапортъ старосты дер. Березовской о произведенной будто бы киргизами Чингистайской волости, въ числѣ 9 юртъ, у жителей дер. Березовской потравѣ хлѣба и сѣна и отолочкѣ полей, проситъ выслать тѣхъ киргизъ въ свою волость. Чингистайскій же управитель отъ 18 марта за № 52 донесъ, что на 14 число въ ночи крестьяне дер. Черновой Корнѣй Марковъ и Никонъ Огневъ въ числѣ семи человѣкъ насильно, изъ подъ присмотра табунщиковъ, пасущихъ табунъ на урочищѣ Кокъ-Терекъ на лѣвомъ берегу р. Бухтармы, угнали въ дер. Черновую 70 лошадей и кромѣ того захватили при этомъ киргиза Сатаева съ 15 лошадьми, находящагося на правомъ берегу на уроч. Ульчекъ, пригнавшаго своихъ лошадей для прокормленія купленымъ у крестьянина этой деревни Мелкозерова сѣномъ.

На требованіе о выдачѣ этихъ лошадей старшина дер. Черновой увѣдомилъ управителя отношеніемъ отъ 15 марта за № 21, что угонъ лошадей былъ произведенъ крестьянами на правомъ берегу р. Бухтармы и сдѣланъ по распоряженію засѣдателя III участка, а потому впредь до разсчета киргизъ съ крестьянами за отолочку земель и потраву сѣна таковыя выданы быть не могутъ.

Сообщая о вышеизложенномъ Вашему Превосходительству для зависящихъ съ Вашей стороны распоряженій, имѣю честь покорнѣйше просить о послѣдующемъ по сему меня увѣдомить.

Дѣло № 8197, т. III, л. 1032—39.

Б. Рапортъ и. д. начальника устькаменог. уѣзда подполковника Халдѣева военному губернатору Семип. обл. 21 февраля 1878 г. за № 1024.

Алтайское Горное правленіе въ отношеніи своемъ къ Вашему Превосходительству отъ 1 февраля за № 317, препровожденнымъ ко мнѣ при предписаніи Вашего Превосходительства отъ 13 февраля за № 1643 поясняетъ, что вслѣдствіе жалобы довѣренныхъ отъ крестьянъ Бухтарминской крестьянской волости деревни Согорной. Сидора Лаптева и Карпа Булыгина, о стѣсненіи ихъ съ довѣрителями въ землепользованіи крестьянами дер. Медвѣдки и киргизами Устькаменогорскаго уѣзда Нарымской волости, особенно аульнымъ старшиною № 1, старшинства Бійке Такинымъ, просило меня сдѣлать распоряженіе, чтобы киргизы Нарымской волости ни въ какое время не переходили на правую сторону р. Бухтармы для кочевки или прокармливанія скота.

Имѣю честь доложить Вашему Превосходительству: 1-е) Алтайск. горн. правл., принимая просьбу крестьянъ Лаптева и Булыгина, не обратило должнаго вниманія на то, что дер. Согорная находится на лѣвой сторонѣ р. Бухтармы, а не на правой, откуда всѣ киргизы до одной кибитки Нарымской и Чингистайской волостей нѣсколько лѣтъ тому назадъ выселены на лѣвый берегъ рѣки Бухтармы и кочуютъ по сѣверному склону Нарымскаго Хребта. 2-е) Если киргизы Нарымской волости и кочуютъ вблизи дер. Согорной, то, вслѣдствіе недавняго заселенія этой деревни, еще не могли пріискать мѣстъ для кыставовъ и устроить самые кыставы, да и кромѣ того, что вслѣдствіе существующаго въ средѣ крестьянъ своеволія, они сами, входя въ соглашеніе, дозволяютъ киргизамъ кочевать на ихъ земляхъ, что Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть изъ представляемой мною при семъ копіи съ условія, заключеннаго крестьянами дер. Таловки (Солдатовой) съ киргизами Нарымской волости, сдѣланнаго вопреки моего распоряженія о выселеніи этихъ киргизъ, вслѣдствіе отношенія Бійскаго исправника, на территорію Семипалат. обл. Что же касается до выселенія этихъ киргизъ, то, кромѣ сдѣланнаго мною напредъ сего распоряженія, я съ симъ вмѣстѣ вновь предписалъ нарымскому управителю съ наступленіемъ ранняго весенняго времени выселить ихъ на территорію Семипал. обл., ибо въ настоящее зимнее время нахожу неудобнымъ лишать киргизъ теплаго угла, что можетъ повліять не-

благопріятно на здоровье каждаго изъ нихъ, на что испрашиваю разрѣшеніе Вашего Превосходительства.

Донося о семъ Вашему Превосходительству, я съ своей стороны покорнѣйше прошу не оставить войти въ сношеніе съ Томскою администраціею относительно воспрещенія крестьянскимъ обществамъ деревень, расположенныхъ по правую и лѣвую сторону р. Бухтармы, входить въ сношеніе съ киргизами Чингистайской и Парымской волостей чѣмъ только можно будетъ положить конецъ перекочевкамъ киргизъ, ибо сіи послѣдніе, не зная русскаго закона, невольно вовлекаются въ ошибки.

Дѣло № 8197, т. III, л. 1073—1074.

IX.

(къ л. 51-му).

Контрактъ Чингистайскихъ киргизъ съ Главнымъ Управленіемъ Алтайскаго округа на пользованіе урочищемъ Чабанбаемъ.

Тысяча восемьсотъ девяносто шестого года, апрѣля девятаго дня мы нижеподписавшіеся, киргизы Чингистайской волости, Устькаменогорскаго уѣзда, Чугуль Чотаевъ, Джанпкъ Курлюшбаевъ и Киданъ Джуромбаевъ, довѣренные отъ своихъ однообщественниковъ, заключили настоящій договоръ съ уполномоченнымъ отъ Главнаго Управленія Алтайскаго округа, зыряновскимъ лѣсничимъ Козловымъ, о предоставленіи намъ въ арендное содержаніе для пастьбы скота пустолежащихъ земель, подъ названіемъ «Чабамъ-бай» на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1) Мѣстность на горахъ Чабамъ-бай уступается въ размѣрахъ до 500 кв. верстъ, въ смежности съ крестьянскими дачами деревень: Бѣлой, Фикалки, Черновой, Березовки, Берели, Арчатовъ и заселка Каменушинскаго, отъ горъ Бель-утау у Рахмановскихъ минеральныхъ ключей, на западъ отъ рч. Тополевки, съ юга на сѣверъ отъ крестьянскихъ земель до рѣки Катуни, куда входятъ слѣдующія урочища: рѣки Черная и Бѣлая Берели, озера Язевое и Черновое, вершины рѣчки Дерновой до рѣки Кедровой: озера Маралье и Хайрюзовое; вер-

шина рч. Бѣлой до впаденія рч. Сеничевой и правая сторона (по теченію) рч. Тополевки.

2) Означенную выше мѣстность Главное Управленіе уступаетъ намъ въ арендное содержаніе на десять лѣтъ, считая срокъ аренды съ 1 января 1896 г. по 1 января 1906 г.

3) Арендная плата назначается въ годъ по одной тысячѣ рублей, каковую мы и обязуемся вносить каждогодно въ два срока, а именно въ январѣ мѣсяцѣ пятьсотъ (500) рублей и въ іюлѣ мѣсяцѣ тоже пятьсотъ (500) рублей, а за невзносъ въ срокъ арендной платы взыскивается штрафъ по $^1/_2$% съ рубля въ мѣсяцъ, при чемъ продолжительность просрочки не можетъ продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ При невзносѣ же и въ теченіе льготныхъ мѣсяцевъ арендная плата съ штрафомъ взыскивается административнымъ порядкомъ, а намъ отказывается отъ аренды.

4) Какъ мы, такъ и довѣрители наши, за круговою порукою отвѣчаемъ за причиненіе мѣстному населенію убытковъ отъ потравъ полей и другихъ неправильныхъ дѣйствій-

5) Прогонъ скота обязуемся производить только по указаннымъ тремъ трактамъ, а именно: 1-й начинается отъ перевоза, находящагося по рч. Бухтармѣ въ 15 верстахъ на востокъ отъ дер. Березовки, пересѣкаетъ долину Бухтармы, выходитъ на перевалъ горъ и далѣе ключемъ до пустолежащихъ мѣстъ; 2-й, начинаясь въ 7 верстахъ въ западную сторону отъ дер. Черновой, проходитъ долину, поднимается на горы и далѣе Собачьей долиной до горы Щебенюхи: и 3-й—хребтомъ горъ по лѣвую сторону ключа Кaураго, находящагося въ 10 верстахъ на западъ отъ поселка Каменушинскаго.

6) Никакихъ поборовъ съ кого бы то ни было мы производить не въ правѣ, даже и въ томъ случаѣ, если управленіе дозволитъ пастьбу на той же мѣстности и другимъ арендаторамъ.

7) Сроки для прогона скота на арендуемую землю и обратно назначаются съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 15 сентября по 15 октября.

8) Обязуемся, какъ можно осторожнѣе обращаться съ огнемъ въ лѣсу, раскладывая его только для крайней необходимости въ тихую

погоду и при томъ въ вырытой на одинъ аршинъ кругомъ ямѣ. При уходѣ съ мѣста не оставлять непотушеннымъ. Въ случаяхъ возникновенія пожара отъ какихъ бы то ни было причинъ, обязуемся, не ожидая понужденія, сейчасъ же приступать къ тушенію, при условіи кромѣ того немедленнаго извѣщенія объ этомъ ближайшаго лѣсного объѣздчика.

9) За неисполненіе какого либо пункта настоящаго договора нами, можетъ быть нарушенъ настоящій контрактъ, съ безусловнымъ запрещеніемъ дальнѣйшихъ кочевокъ на земляхъ Кабинета Его Величества, при чемъ арендная плата за тотъ годъ взыскивается во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ аренды было отказано и въ началѣ года.

10) Договоръ сей соблюдать намъ свято и ненарушимо, въ чемъ и подписуемся. (Слѣдуютъ подписи).

Копія этого помѣщена въ дѣлѣ Семипал. обл. правленія по прошенію довѣренныхъ отъ киргизъ Чингист. вол. Нурджана Кончубаева и Даира Урунтаева о разрѣшеніи имъ въ числѣ 100 кибитокъ кочевать по правую сторону р. Бухтармы, или о перечисленіи ихъ съ довѣрителями въ Бійскій округъ; отд. II; ст. I, по описи 1898, № 55, лист. 72.

X.

(*къ л. 65-му*).

А. Изъ донесенія семипалатинскаго губернатора степному генералъ-губернатору 13 марта 1900 года за № 1766.

« . . . Лѣтомъ прошлаго года была произведена сельско-хозяйственная съемка всей принадлежащей киргизамъ Чингистайской волости мѣстности, по сю сторону Алтайскаго хребта[1]), на протяженіи въ длину, съ востока на западъ, отъ китайской границы истоковъ р. Бухтармы, внизъ по теченію ея до поселка Урыльскаго, затѣмъ до Алтайской станицы, верховьевъ р. Нарыма и впадающей въ эту рѣчку

[1]) По другую сторону Алтайскаго хребта расположены нѣкоторыя лѣтнія стойбища киргизовъ Чингистайской волости, состоящія, главнымъ образомъ, изъ трудно доступныхъ горъ Алтая

—рѣчки Средней Теректы, предѣловъ Чингистайской волости съ Нарымской всего 140 верстъ, и въ ширину, съ сѣвера на югъ, между р.р. Бухтармою и Нарымомъ и Алтайскимъ хребтомъ, отъ полуверсты до пяти верстъ. Мѣстность эта представляетъ изъ себя сначала весьма узкую долину р. Бухтармы, постепенно расширяющуюся и доходящую, какъ выше указано, до 5 верстъ ширины; при чемъ самыя лучшія мѣста этой долины заняты казаками станицы Алтайской, селеніемъ Катонъ-Карагай и казачьимъ поселкомъ Урыльскимъ. а остальныя земли представляютъ изъ себя пастбищныя мѣста зимовыхъ стойбищъ киргизовъ Чингистайской волости, густо застроенныя ихъ избушками и около послѣднихъ распаханными пашнями и сѣнокосными землями. По измѣреніи всего снятаго на планъ пространства, владѣній киргизовъ Чингистайской вол., по эту сторону Алтайскаго хребта, оказалось земельныхъ угодій въ пользованіи киргизовъ слѣдующее количество: пашни съ перелогами—2614,03 дес., степи удобной для пашни—6493,86 дес., сѣнокосовъ чистыхъ и по лѣсамъ и кустарникамъ—9075.05 дес., пастбищныхъ мѣстъ чистыхъ, открытыхъ и по лѣсамъ и кустарникамъ—9303,11 дес.; итого хозяйственныхъ угодій 27486,05 дес. и разныхъ категорій неудобныхъ мѣстъ—24418,89 дес., а всего во владѣніи киргизовъ—51904.94 дес. удобной и неудобной земли. Кромѣ того рядомъ съ зимовыми стойбищами расположены по крутымъ и высокимъ скатамъ Алтая,—лѣса малодоступные для пользованія ими, какъ пастбищами—28404,79 дес.; а всего земли въ районѣ Чингистайской волости по сю сторону Алтайскаго хребта, вмѣстѣ съ лѣсами—80309,73 дес. Принимая численность киргизовъ Чингистайской волости въ 1789 кибитокъ, удобной земли, состоящей въ ихъ владѣніи, придется по разсчету на одну кибитку 15 десятинъ. Такая недостаточность земельныхъ угодій, со времени отобранія отъ киргизовъ земель подъ станицу Алтайскую, д. Катонъ-Карагай и поселокъ Урыльскій, побудили ихъ арендовать ежегодно кабинетскія земли въ Томской губ. По собраннымъ областнымъ землемѣромъ свѣдѣніямъ, оказалось, что киргизы Чингистайской волости арендуютъ постоянно изъ земель Кабинета Его Величества урочище Чобанбай, за которое уплачиваютъ ежегодно по 1054 руб., да кромѣ того по охраненію гра-

ницъ этого урочища отъ перехода скота и за происходящія оттого потравы расходуютъ на штрафы и разныя сдѣлки послѣ потравъ еще 658 р. 24 коп. (цифра штрафныхъ издержекъ за 1899 г.), а всего въ общемъ расходуютъ на арендованныя земли 1700 руб. въ годъ. Большинство киргизовъ, раззоренныхъ въ 1894—1895 г.г. отрѣзками отъ нихъ зимовокъ-строеній съ пашнями и сѣнокосами, для дополнительнаго надѣла станицы Алтайской, принуждены были, за недостаточностью земель въ волости, поселиться въ Томской губерніи на кабинетскихъ земляхъ, такъ, что 1-е старшинство волости, въ количествѣ 164 кибитокъ, и часть 2-го около 40 кибитокъ, совершенно выбрались изъ области въ Томскую губернію и тамъ ведутъ свое хозяйство на правахъ аренды.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, считаю своимъ долгимъ доложить, что, хотя въ раіонъ Чингистайской волости и входятъ земли, лежащія за Алтайскимъ хребтомъ, но онѣ представляютъ изъ себя исключительно только горныя лѣтнія стойбища, недоступныя зимою по случаю глубокихъ снѣговъ, а потому непригодныя для зимовыхъ стойбищъ. Мѣста эти посѣщаются киргизами, но только лѣтомъ, для пастьбы скота и преимущественно зажиточными, при условіи сильной охраны отъ сосѣдей урунхайцевъ, частовременно угоняющихъ скотъ въ китайскіе предѣлы.

По изложеннымъ обстоятельствамъ я прихожу къ заключенію, что киргизы Чингистайской волости и въ настоящее время не имѣютъ достаточно необходимыхъ земельныхъ угодій, почему частью арендуютъ угодья въ Томской губерніи, а частью совершенно туда выселились, а потому сдѣлать еще какія либо отрѣзки отъ земель Чингистайской волости не представляется возможнымъ, о чемъ имѣю честь представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

(Дѣло Семипал. обл. правленія, межевое отдѣленіе, по описи 1901 г. за № 7, о надѣлѣ казаковъ поселка Урыльскаго землею изъ владѣній киргизъ и о производствѣ сельско-хозяйственной съемки Чингистайской волости Устькаменогорскаго уѣзда, вслѣдствіе предполагаемаго обмѣна угодій).

Матеріалы къ физической географіи озера Зайсана(*).

Озеро Зайсанъ занимаетъ среднюю, наиболѣе низкую часть (1275 фут. н. м.**) неглубокой котловины, которую ограничиваютъ на сѣв.-востокѣ отроги Курчумскихъ горъ, на ю.-зап.—Тарбагатая и Саура; на сѣв.-зап. она переходитъ въ невысокіе холмы и отроги Колбинскихъ горъ, а на юго-вост. черезъ долину Чернаго Иртыша сливается съ болѣе высокими равнинами Джунгаріи.

Озеро имѣетъ вытянутую, съ сѣв.-запада на ю.-в., форму. Географическое положеніе: устье р. *Кпы* (зап. конецъ озера) по К. Струве (1863 г.) 48°11'37" с. ш. и 52°47'5" в. д. отъ Пулково(***). По С. Мирошниченко (1870 г. ****) 48°12'13" с. ш. и 52°46'2" в. д.

Устье (выходъ) *Тихаго Иртыша* (сѣв. край озера) по Федорову (1834 г.*****) 48°14' с. ш. и 101°5' в. д. отъ Ферро; по К. Струве (1863 г.) 48°13'58" с. ш. и 53°4'50" в. д. отъ Пулково. Устье Чернаго Иртыша (вост. конецъ озера) по К. Струве—47°51'58" с. ш. и 53°53'20" в. д. отъ Пулково.

(*) Матеріалы собраны въ поѣздку, совершенную на средства Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р Географическаго Общества лѣтомъ 1905 года.

(**) *Ю. А. Шмидтъ.* Результаты степной нивеллировки. *Записки* Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Г. Общества кн. XXIX; нивеллировка производилась А. А. Александровымъ.

(***) *К. Риттеръ.* Землевѣдѣніе Азіи т. IV доб. Потанина и Семенова, стр. 47.

(****) ibid. 47 стр.

(*****) ibid. 47 стр.

Г. Н. Потанинъ (1863 г.) опредѣляетъ его длину въ 110 вер., наибольшую ширину въ 28 вер. По двухверстной съемкѣ Омск. Воен.-Топ. Отдѣла въ 1903—4 г. длина озера около 90 вер., наибольшая ширина до 28 вер. (между заливомъ Тююкскимъ и зимов. Тасыбая на ур. Кокъ-джаръ).

Зайсанъ представляетъ изъ себя типичный примѣръ равниннаго озера, какими такъ богаты степи Средней Азіи.

Береговая линія озера мало развита, что объясняется положеніемъ среди равнины и характеромъ береговыхъ породъ, состоящихъ, почти исключительно, изъ рыхлыхъ образованій. Единственное исключеніе составляютъ берега близъ мысовъ Бархота и Бакланьяго, гдѣ выступаютъ пластичныя глины, рыхлые песчаники, конгломераты и граниты-порфиры (сопка Чакильмесъ). Озеро имѣетъ нѣсколько обширныхъ заливовъ и длинныхъ мысовъ, но по своей простой формѣ они почти не усложняютъ береговой линіи.

На сѣв.-в. берегу озера имѣются мысы (считая съ запада): *Коржунъ-тюбекъ* (Голодаевскій), *Акъ-суатъ*. *Карагоны* (Вершининскій), *Бархотъ* (Джеланашъ-тюбекъ) и *Бакланій*. На ю.-з. берегу: *Кызылъ-ожатыз* (Волчій), *Уторакъ*, *Джилы-булакъ* (Сасыкъ-су), *Акъ-тюбекъ*, *Тююкъ* (Голый), *Бесчаны* (Песчаный) и *Тополевый* (Тугулъ)*).

Заливами озеро не богато; изъ нихъ можно назвать: *Клынскій* самый большой, составляетъ сѣв.-западную, наиболѣе мелководную часть озера; въ немъ лежитъ единственный островъ Зайсана, или скорѣе —большая мель, заросшая камышами. Изъ другихъ: *Чакильмесскій*, *Бакланій*, *Кара суатъ*—въ ю.-в. углу озера и *Тополевый*—у мыса того-же имени.

Мысы имѣютъ между собой большое сходство: почти всѣ они треугольной формы съ острыми вершинами (стрѣлками) и сложены изъ рыхлыхъ песковъ, мѣстами съ наносами ила и глиной; низменны и голые, т. е. почти лишены растительности; только *Акъ-суатъ* и *Кор-*

(*) Число и названіе мысовъ не совпадаютъ съ указанными въ статьѣ *Г. Потанина* (Поѣздка къ оз. Зайсану въ 1863 г. Извѣстія Геогр. О. кн. 1. 438 стр.). Не измѣнились-ли за эти 40 лѣтъ берега озера?

джунъ-тюбекъ, представляющіе выступы болотистаго берега (древняя терраса), имѣютъ камыши. Треугольная форма мысовъ особенно рѣзко выражена у Бархота и Бакланьяго—самыхъ большихъ мысовъ озера (первый имѣетъ въ длину до 8 вер., второй—4); внутренніе берега ихъ образуютъ вмѣстѣ съ берегомъ озера двѣ трети удивительно правильной окружности.

Въ направленіи мысовъ (относительно странъ свѣта) замѣчается нѣкоторая правильность: мысы сѣв.-вост. берега имѣютъ направленіе ю.-ю.-в., на ю.-зап. берегу—с.-в.-восточное.

Направленія эти, вѣроятно, обусловлены преобладающими на озерѣ (лѣтомъ) зап.-ю.-зап. вѣтрами, которые гонятъ волны почти вдоль озера, разгоняя ихъ вѣерообразно къ берегамъ, т. е. на сѣв.-востокъ у сѣв.-вост. береговъ и на ю.-в.—у ю.-западныхъ(*).

Берега Зайсана (слѣдуя терминологіи Рихтгофена) относятся къ типу *нейтральныхъ, низменныхъ, намывныхъ* (Regionale schremmland Küsten), которые принадлежатъ къ обширнымъ низменностямъ намывного происхожденія и не находятся въ связи съ рельефомъ материка.

По вертикальному профилю въ нихъ можно отличать три типа: 1) *плоскій*, 2) *съ отодвинутымъ внутрь страны береговымъ обрывомъ* и 3) *крутой съ полосой прибоя.*

Первый типъ наиболѣе распространенный и характерный для Зайсана; къ нему слѣдуетъ отнести всѣ сѣв.-зап., ю.-зап. и восточные берега озера. Первые сложены изъ мелкаго песку, гравія (на Тополевомъ изъ мелкаго щебня), а восточные—изъ болотистаго ила и поросли сплошь камышемъ.

Второй типъ преобладаетъ среди сѣв.-восточныхъ береговъ. Здѣсь древніе берега озера образуютъ отлогіе яры отъ 3 до 5 и 8 саж. высоты, они отдѣлены отъ озера неширокой террасой, состоящей изъ тѣхъ-же породъ, что и берега перваго типа. Обрывы сложены изъ жел-

(*) Въ расположеніи ихъ есть еще одна особенность—почти всѣ они лежатъ *попарно* другъ противъ друга: Голодаевскій—Волчій (между ними самое узкое мѣсто озера,—около 10 в.)· Акъ-суатъ—Акъ-тюбекъ, Карагонды—Тююкъ, Бархотъ—Бесчаны, Бакланій—Тополевый. Этими перехватами озеро можно раздѣлить на четыре части.

товатыхъ глинъ, на поверхности ихъ вымывается много крупной кварцевой гальки, а въ одномъ мѣстѣ (на бер. лугового озера у зим. Дюсупа) встрѣчаются средней величины валуны.

Третій типъ встрѣчается только въ немногихъ мѣстахъ: у м. Бархота, въ заливѣ Чакильмесскомъ и у м. Бакланьяго.

Здѣсь обрывы достигаютъ 10—12 саж. высоты и круто падаютъ къ озеру, отъ котораго отдѣлены неширокой (отъ 2 до 5—8 саж.) полосой прибоя.

Обрывы у Бархота сложены изъ слѣдующихъ породъ (считая сверху): бурыхъ песковъ (до $1\frac{1}{2}$ саж. мощности), въ нижнихъ слояхъ ихъ прослойки крупной, почти сплошной гальки; мѣстами они окрашены въ бурый, желтоватый и грязно-краснобурый цвѣтъ и сцементированы; самые нижніе слои переходятъ въ рыхлый мелкій несчаникъ. Всѣ слои мощностью до 4 саж. Подъ ними идутъ отложенія глинъ разной окраски, преобладаютъ синеватыя, довольно крѣпкія и пластичныя; часты тонкіе прослойки, окрашенные желѣзомъ.

У Чакильмеса выступаютъ горныя породы (гранито-порфиры, а мѣстами по склону огромные валуны какой-то туфовидной породы).

Сопка красиво опоясана цвѣтными глинами, которыя даютъ къ берегу живописные обрывы. Въ нихъ нѣсколько каньоновъ, есть древніе широкіе и неглубокіе съ размытыми боками,—видно, что вода и вѣтеръ уже сдѣлали свое дѣло. Есть новѣйшіе, изъ которыхъ одинъ особенно красивъ. Въ немъ процессы размыванія и вывѣтриванья еще въ полномъ разгарѣ и даютъ эфектную картину разрушенія. Каньонъ состоитъ въ началѣ изъ узкой извилистой щели, съ утесами и фигурными столбами по сторонамъ; затѣмъ развѣтвляется на двѣ главныхъ вѣтви, которыя разбиваются на рядъ мелкихъ, здѣсь идетъ разрушительная работа воды и вѣтра—кругомъ обвалы, пещеры, нагроможденія глыбъ изъ глинъ и кремнисто-глинистыхъ и желѣзистыхъ песчаниковъ, размытые утесы, которые даютъ разнообразную форму, чаще коническую и кеглеобразную. Эффектъ картины усиливается тѣмъ, что глины и пески имѣютъ яркую окраску съ преобладаніемъ бѣлой (каолина) и ярко-красной на фонѣ синеватыхъ, сѣрыхъ и желтыхъ.

Отложенія слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: въ нижнихъ слояхъ преобладаютъ синевато-бѣлыя глины, на нихъ лежатъ слои рыхлыхъ песчанниковъ (мелкихъ); иногда раздѣлены бѣлыми и песчаными глинами; среди тѣхъ и другихъ есть слои разнообразно окрашенные, надъ ними идутъ бурыя глины съ массой крупной гальки.

Размытыя глины образуютъ въ каньонахъ и передъ устьемъ гладкій бѣлый паркетъ, настолько крѣпкій, что на немъ не остается слѣда лошади.

Такія-же обнаженія глинъ прилегаютъ къ Чикильмесу съ востока и къ м. Бакланьему, но каньоновъ тамъ нѣтъ.

Въ 2-хъ вер. отъ Чикильмеса къ востоку, береговой обрывъ отходитъ отъ озера, оставляя невысокую террасу, въ ней къ самой водѣ выступаютъ размытые пласты сѣрыхъ конгломератовъ: здѣсь-же, уже въ водѣ, есть выходы углистаго сланца (глины?).

Далѣе къ востоку береговой увалъ все болѣе отходитъ вглубь материка и такъ тянется далеко на востокъ, почти параллельно Черному Иртышу, обозначая, несомнѣнно, древній берегъ Зайсана.

Грунтъ дна Зайсана однообразный, большей частью мелкій кварцевый песокъ; у восточныхъ береговъ и въ заливѣ Клы, гдѣ много камышей, илистый съ тонкимъ слоемъ растительныхъ остатковъ. На глубинѣ 3, 4—4 метр. и большей, пески переходятъ въ сѣровато-бурый илъ, съ небольшимъ слоемъ водорослей.

Глубина озера незначительная, на срединѣ она равнялась 4—4, 6 метра и только у мыса Тююка отмѣчена яма въ 6,1 метра и у м. Бархота—въ 5,7 метра. Если сравнить глубину озера съ его поверхностью, то слѣдуетъ признать озеро очень *мелководнымъ*(*).

Рядъ промѣровъ убѣждаютъ въ томъ, что дно озера удивительно спокойное (если не считать ямъ у мысовъ); на протяженіи цѣлыхъ верстъ глубина мѣняется на какіе-нибудь ½—1 арш., къ берегу уменьшается постепенно. На основаніи нашихъ промѣровъ можно, приблизительно, провести слѣдующія изобаты:

(*) Нужно замѣтить, что въ 1905 г. вода на Зайсанѣ была не самая низкая, бываетъ еще меньше аршина *на два*: тогда глубина озера становится уже совершенно ничтожной.

на	5—10	саж.	отъ	берега	въ	1 арш.
„	50	„	„	„	„	1½ „
„	100	„	„	„	„	2 „
„	250	„	„	„	„	2½ „
„	1	вер.	„	„	„	3 „
„	3	„	„	„	„	4 „
„	5	„	„	„	„	6 „

Нѣкоторое исключеніе составляютъ заливы.

Ровность дна объясняется, во первыхъ, положеніемъ озера среди наносной равнины, во вторыхъ частыми и сильными волненіями, которыя передаются до дна и легко производятъ тамъ перемѣщеніе песковъ, располагая ихъ болѣе или менѣе равномѣрно.

О дѣленіи озера на прибрежную часть и пелагическую можно говорить лишь условно. Если характеризовать пелагическую часть органическими и космическими осадками дна, то таковая занимаетъ на озерѣ небольшое пространство: полосу на серединѣ шириной въ 4—5 вер. вдоль озера и середину нѣкоторыхъ заливовъ (Чакильмесскаго, Тополеваго, Кара-суатъ, Клы).

Вода въ Зайсанѣ совершенно прѣсная, мягкая, пріятная на вкусъ, буросиневатаго цвѣта; въ болѣе замкнутыхъ заливахъ и въ луговыхъ озерахъ темнѣе, нежели въ открытомъ озерѣ.

Средняя *температура* поверхностнаго слоя воды за іюль мѣсяцъ равна 24,1°(С); максимальная 29,8°, минимальная 21,3(*). Температура придоннаго слоя воды мало разнится отъ t° поверхностнаго слоя; его средняя 23°(С), максимальная 24,5° и минимальная 20,5°(**). Наибольшая разница температуры поверхностнаго и придоннаго слоя въ 6,6° отмѣчена 17 іюля (стар. стиля) въ 1 ч. дня на ямѣ у мыса Бархота (t° поверх. воды 29,6°, t° придоннаго слоя (5,7 метра) 23°). Температура промежуточныхъ слоевъ составляла постепенный переходъ между ними, съ той лишь разницей, что въ верхнихъ слояхъ паденіе

(*) Значительная часть измѣреній произведена на сѣв. бер. озера и только небольшая часть на юж. берегу у мыс. Тююкъ и Тополеваго и нѣсколько измѣреній на серединѣ озера.

(**) t° донныхъ слоевъ измѣрялась термометромъ Negretti and Zambra.

ея рѣзкое (небольшіе температурные скачки), а чѣмъ глубже, тѣмъ незамѣтнѣе: такъ на 0,3 метра отъ поверхности она равнялась—27,6°, на $2^1/_2$ метра—25°; на остальные 2,3 метра уменьшилась еще на 2°. Значительное паденіе t° въ верхнихъ слояхъ и малозамѣтное въ глубокихъ, объясняется сильнымъ нагрѣваніемъ первыхъ непосредственно лучами солнца. Въ пасмурные дни и въ солнечные, но съ сильнымъ вѣтромъ, крутой ступени температуръ въ поверхностныхъ слояхъ не замѣчалось, а также большой разницы съ t° придонныхъ слоевъ. Это подтверждаютъ рядъ наблюденій.

Напр. 3 іюля въ 7 ч. *утра* на ямѣ у м. Тююка t° поверхн. 23,3° а у дна (6,1 метра) 23°. У бер. Карагонды 1 іюля въ $10^1/_2$ ч *утра* t° поверх. 23,3°, у дна (2,5 метра) 23°; у м. Тополеваго 21 іюля въ $10^1/_2$ ч. *утра* t° поверхн. 23,5°, у дна (2,5 метра) 23,2°. Въ заливѣ Кипъ-суатъ 27 іюня въ 7 ч. *вечера* t° поверхн. слоя 23,3°, доннаго (3,6 метра) 23°. Температурные скачки не наблюдались (если не считать вышеуказаннаго случая), да едва ли они и могутъ быть, такъ какъ глубинныхъ теченій, повидимому, нѣтъ, разницы въ химическомъ составѣ слоевъ и количествѣ механическихъ осадковъ—также. Слѣдуетъ однако признать, что имѣющихся свѣдѣній для окончательнаго вывода имѣется недостаточно. Нѣсколько измѣреній дали температуры равныя для поверхностныхъ и придонныхъ слоевъ, напр. у м. Карагонды 3 іюля въ 5 час. вечера на 3 ар. глуб. они имѣли по 24,5°, въ бухтѣ Чакильмеса 13 іюля въ 3 ч. дня на глуб. 3 арш. 25°. Въ послѣднемъ 11 іюля въ 1 ч. дня при сильномъ запад. вѣтрѣ t° поверхностнаго слоя была 22,7°, а доннаго (4,3 метра) 23°.

Между t° воздуха и поверхностнымъ слоемъ воды (въ іюлѣ) большой разницы нѣтъ. Первая средняя (для 12—1 ч. дня)—26,5°, вторая 24,1°. *Максимальная* t° воздуха въ эти часы была 12 іюля (у соп. Чакильмесъ)—37° въ тѣни, t° поверхностнаго слоя 29°. *Минимальная* t° воздуха въ тѣже часы была 7 іюля (у зим. Дюсупа)—21°, а t° поверхн. слоя 22,7°. Самая низкая t° воздуха (18°) отмѣчена 7 іюля (у зим. Дюсупа) въ 9 ч. веч.; въ это-же время t° поверхн. слоя—21,5°. Температура вечера (8—9 ч.) и утра (7—8 ч.) въ среднемъ около 22°, а t° поверхностнаго слоя воды въ эти-же ча-

сы нѣсколько *выше* (на 1° до 3°), за небольшимъ исключеніемъ.

Изъ приведенныхъ температурныхъ данныхъ видно, что Зайсанъ можетъ быть отнесенъ къ числу умѣренно-теплыхъ озеръ(*).

Прозрачность воды въ Зайсанѣ назначительная. На срединѣ озера, между м.м. Тюкомъ и Карагонды (при ясномъ небѣ) она—1 метру; на ямѣ у м. Бархота доходила до $1^1/_2$ метровъ, а на луговыхъ озерахъ около 2 метр.

Причина малой прозрачности—частыя волненія, которыя не даютъ мути осѣсть.

На Зайсанѣ есть *сейшъ*. На уроч. Карагонды и въ бухтѣ у Чакильмеса подмѣчены колебанія воды съ амплитудой въ 2 дм.; продолжительность и типъ сейша установить не удалось.

Большаго интереса заслуживаютъ другія колебанія уровня воды и теченія. Эти движенія воды, или какъ говорятъ рыбаки «поносы», бываютъ лѣтомъ и зимой. Видимой связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ состояніемъ погоды рыбаки не замѣчали. Лѣтомъ такія теченія бываютъ и передъ бурей въ тихую погоду и въ вѣтеръ, причемъ вода движется противъ вѣтра.

Движенія эти сопровождаются значительной прибылью воды (до $^1/_2$ метра) и бываютъ настолько сильны, что захватываютъ у рыбаковъ сѣти, перепутываютъ ихъ и уносятъ за нѣсколько верстъ, не смотря на то, что у каждаго десятка сѣтей привязываются камни вѣсомъ до пуда и болѣе.

Съ большой силой бываетъ оно и зимой. Ледъ вдругъ начинаетъ трескаться и съ силой ломается («отъ ломанья земля трясется», говорятъ рыбаки), на мысахъ и на срединѣ нагромождаются ледяные хребты, а на озерѣ появляются полыньи(**). Зимой это происходитъ до

(*) Въ этомъ Зайсанъ, повидимому, имѣетъ значительное сходство съ Балхашемъ; см. *Л. С. Бергъ*. Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи озера Балхашъ. Извѣстія И. Р. Географич. О. т. XL—1904 г. вып. IV.

(**) *Г. Н. Потанинъ* говоритъ, что на срединѣ озера встрѣтилъ гряду льда до 20 фут. высоты, которая тянулась вдоль озера (Зимняя поѣздка на Зайсанъ. Извѣстія И. Р. Географ. О. I т. 442 ст.).

самаго таянія; удерживается только семичетвертовый ледъ, но и онъ даетъ большія трещины. Чѣмъ меньше вода, тѣмъ чаще и сильнѣе ломаетъ ледъ.

Лѣтомъ часть такихъ движеній воды можно объяснить тѣмъ, что во время бурь вода нагоняется въ навѣтренныя части озера, а затѣмъ скатывается.

Личныя наблюденія даютъ этому нѣкоторыя доказательства. Такъ въ заливѣ Тополевомъ во время двудневнаго шторма съ зап. вода поднялась почти на 3 четверти, а затѣмъ скоро спала. У стрѣлки мыса Тююкъ во время шторма съ востока, вода изъ залива шла по завѣтренному берегу *на встрѣчу* вѣтра; очевидно это былъ избытокъ, который уже не могъ быть удержанъ вѣтромъ въ заливѣ и скатывался.

Но это объясненіе можетъ быть только для теченій во время бурь. Теченія въ тихую погоду, безъ всякой видимой связи съ вѣтрами, очевидно имѣютъ другія причины; м. б. мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особенно сильными сейшъ(*).

Этимъ движеніемъ, особенно сильнымъ у мысовъ и объясняется почему здѣсь находятся наибольшія глубины озера.

Естественнаго теченія озеро не имѣетъ, хотя и проточное. Передъ устьемъ (впаденіемъ) Чернаго Иртыша теченіе едва замѣчается въ 2½ вер.; на такомъ же, приблизительно, разстояніи отъ устья (выхода) Бѣлаго Иртыша начинается слабое движеніе къ выходу.

Климатическія условія мѣстности выясняются изъ нижеслѣдующихъ данныхъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ средняя t° воздуха дня (12—1 ч.) на сѣв берегу озера была 26°, достигая 37° (въ тѣни) и понижаясь до 18°. Въ этомъ мѣсяцѣ *тихихъ* дней на озерѣ было восемь, изъ нихъ четыре кончались къ вечеру вѣтромъ.

Преобладающимъ вѣтромъ является зап. и ю.-з.-з. («низовка»)

(*) Выясненію причинъ этихъ теченій весьма помогла-бы метеорологическая станція, поставленная на берегу Зайсана; для нея есть удобное мѣсто—пос. Тополевый. Въ настоящее время ближайшая къ озеру станція находится въ 75 вер. (г. Зайсанъ) у подножья горъ, а потому ея наблюденія не могутъ быть обобщаемы на озеро.

всегда значительной силы и болѣе или менѣе продолжительный (до нѣсколькихъ дней). Имъ-же приносились тучи, иногда съ мелкимъ дождемъ. Другіе вѣтры рѣдки; изъ нихъ с.-в.-в. (верховка) хотя и достигаетъ большой силы, но не надолго (менѣе сутокъ) и смѣняется постоянно «низовкой» (на языкѣ рыбаковъ—«низовка всегда даетъ сдачи верховкѣ»); рыбаки это такъ хорошо знаютъ, что въ верховку никогда не выѣзжаютъ далеко въ озеро и вообще на нее не надѣются На Тююкѣ 2 іюля замѣчена была такая рѣзкая смѣна сильной «верховки» «низовкой», ихъ отдѣляли 10—15 мин. штиля; волны «верховки» продолжали еще съ силой биться о восточный берегъ мыса, какъ налетѣвшая «низовка» погнала ихъ отъ берега, а на западный, до того спокойный, лѣзли уже сѣдые гребни низовыхъ волнъ. Ночью низовка смѣнилась на нѣсколько часовъ слабымъ южнымъ вѣтромъ (съ горъ), на разсвѣтѣ дулъ сѣвер. вѣтеръ, а затѣмъ снова ю.-з.-запад. Послѣ тихихъ дней, обыкновенно, начинался ю.-з. и зап.; причемъ, иногда, неожиданно и съ большой силой. Часто его приносили небольшія облака съ запада. Напр. 24 іюня въ устьѣ Бѣлаго Иртыша небольшое облако принесло сильный ураганъ, который изорвалъ у насъ палатку и сломилъ мачту у лодки. 22 іюля насъ застигнулъ такой неожиданный ураганъ на озерѣ. Утро (до $10^1/_2$ ч.) было ясное, при слабомъ запад. вѣтрѣ; мы вышли на озеро и были уже на срединѣ, какъ около 2 ч. небольшое облачко съ запада принесло сильнѣйшій ураганъ, который въ нѣсколько минутъ превратилъ, почти спокойную поверхность озера, въ пѣнящуюся, заходили «бѣляки» до 7—8 арш. высоты и 25 арш. длины. Пришлось убрать паруса и отдаться во власть вѣтра, который понесъ насъ къ устью Чернаго Иртыша со скоростью 4—5 вер. въ часъ. Особенно эффектенъ былъ «девятый валъ» съ бѣлымъ клубящимся гребнемъ. Волненіе передавалось до дна, отчего вода стала мутной. Прибитые къ дельтѣ Черн. Иртыша мы замѣтили тамъ значительную прибыль воды и волны забѣгали далеко на сухой берегъ.

Штормъ къ ночи почти стихъ; но утромъ слѣдующаго дня (съ 10 ч.) сталъ дуть снова сильный зап. вѣтеръ.

Интересная *смѣна* вѣтровъ наблюдалась 25 іюня на ур. Кара-

касѣ (устье Тих. Иртыша). Въ этотъ день вѣтеръ былъ почти всѣхъ румбовъ. Съ утра дулъ западный, затѣмъ перешелъ на сѣв.-зап., потомъ на сѣверный и сѣв.,-восточный, къ вечеру былъ тихій южный, послѣ заката солнца перешедшій въ юго-западный средней силы(*).

Атмосферными осадками озеро очень бѣдно. За неимѣніемъ соотвѣтствующихъ инструментовъ, къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ привести нельзя.

Съ 25 іюня по 25 іюля на озерѣ былъ семь разъ дождь, но непродолжительный и мелкій; приносили его небольшія тучки съ ю.-з. (Тарбагатая). Дней съ дождевыми тучами было вдвое больше, но тучи, идя съ ю.-з. и зап., всегда жались къ Монраку и Тарбагатаю, иные обходили озеро сѣвернѣе. На южномъ берегу озера, во всякомъ случаѣ, дожди бываютъ чаще, нежели на сѣверномъ. Нѣсколько разъ наблюдалось интересное явленіе: во время облачныхъ и пасмурныхъ дней надъ Зайсаномъ всегда оставались пятна голубого неба.

Не смотря на довольно значительныя жары, а слѣдовательно и сильное испареніе съ огромной поверхности озера, а съ другой прохладныя ночи,—за время нашего пребыванія на озерѣ, мы не видѣли тумановъ и росъ; старожилы рыбаки говорятъ, что за послѣдніе годы росы и туманы стали на Зайсанѣ рѣдки. Ясныхъ дней было очень мало; изъ нихъ наиболѣе интересный былъ 12 іюля. Въ этотъ день была самая высокая температура (37° въ тѣни). Между тѣмъ воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что мы отчетливо могли различать ледники, гребни и долины Музтау (за 120 вер.); въ другіе же дни виднѣлись лишь неясно снѣга, горы были во мглѣ.

Замерзаетъ Зайсанъ чаще въ 20-ыхъ числахъ октября, самое раннее, какое извѣстно рыбакамъ-старожиламъ, 5—9 октября, а позднее 10—15 ноября. До этого бываетъ небольшіе забережники.

Замерзаетъ озеро все сразу; остается только долгое время, иногда и всю зиму, полынья отъ мыса Голодаевскаго до Каракаса (въ устьѣ Бѣлаго Иртыша). Толщина льда доходитъ до 7 четв., а иногда у восточ. береговъ до $2^1/_2$ арш.

(*) Неожиданность и непостоянство вѣтровъ заставляютъ приходящіе пароходы стоять на пристани «на парахъ», чтобы въ случаѣ вѣтра уйти въ Тополевый заливъ.

Интересны указанія рыбаковъ на тотъ фактъ, что преобладающій зимой сѣв.-сѣв.-вост. вѣтеръ (съ г. Кара-біірюка) охватываетъ всегда только *сѣв.-восточную половину* озера съ мысами Бакланьимъ, Бархотомъ и далѣе; въ то время когда на нихъ вѣтеръ, метель—на южн. берегу, напр., на м. Тополевомъ, *тихо*. Этотъ-же вѣтеръ ломаетъ больше и ледъ, громоздя изъ него цѣлые хребты вдоль и поперекъ озера отъ мыса на мысъ.

«Низовка» (зап. и ю.-зап.) охватываетъ все озеро, но дуетъ слабѣе и меньше ломаетъ ледъ. Щели и разрывы на льду бываютъ всю зиму, доставляя рыбакамъ большія неудобства и непріятности.

Вскрывается озеро около 15 апр., затягивается иногда до 6 мая (?), Ледъ не уносится изъ озера, а перегоняется вѣтромъ изъ одного конца въ другой и таетъ. Въ рѣдкіе годы (въ томъ числѣ въ 1905 г.) его сгоняетъ въ устьѣ Бѣлаго Иртыша и натираетъ до дна.

Вскрытіе озера всегда замѣтно отстаетъ отъ таянія снѣговъ ближайшихъ окрестностей: въ мартѣ онѣ уже лишены снѣгового покрова и одѣваются весенними цвѣтами, а озеро все еще бѣло отъ льда. Весною, сразу послѣ таянія льда, вода въ озерѣ бываетъ *самая малая*. Очевидно, снѣговой покровъ прилегающей равнины очень бѣденъ и ставая не вліяетъ на уровень воды. Прибывать озеро начинаетъ съ конца мая и прибыль продолжается до второй половины іюля, т. е. въ періодъ времени, когда происходитъ таяніе снѣга на горахъ (Саурѣ, Тарбагатаѣ и юж. Алтаѣ). Главная масса весенней воды, несомнѣнно, приносится Чернымъ Иртышемъ, затѣмъ Кендерлыкомъ и Джармой; рѣчки съ Тарбагатая приносятъ воду, скрытую въ пескахъ почвы(*).

По словамъ рыбаковъ, уровень воды въ озерѣ имѣетъ періодическія колебанія—*пяти-шести лѣтнія*, изъ нихъ три года вода постепенно прибываетъ, а затѣмъ три года убываетъ и. т. д. *Послѣдній высокій уровень* былъ въ 1903 г., съ этого года вода стала *убывать* (въ 1904 г. была меньше на $^3/_4$—1 арш., въ 1905 г,—на $1^1/_2$ арш.) и въ 1906 г. уровень ея долженъ быть еще ниже, а съ 1907 или 1908 г. должно начаться обратное явленіе—повышеніе уровня. За

(*) Осенью прибыли воды не бываетъ, даже при дождливой погодѣ.

послѣдніе 40—50 лѣтъ рыбаки помнятъ два года особенно мелководныхъ, когда черезъ заливъ *Кара-суатъ* ѣздили *въ телѣгахъ* (въ 1905 г. въ немъ было 3—4 арш. глуб.), а у мысовъ Голодаевскаго и Ультарака выступали косы длиной въ 3—5 вер.

Въ годы мелководные примѣчали, что зимы были малоснѣжныя, а весна и осень холодныя и сухія.

За тотъ-же періодъ времени помнятъ два-три высокихъ уровня воды. Такъ лѣтъ 50 назадъ, черезъ Бархотъ, у основанія, гдѣ теперь сухіе солонцы, плавали на груженыхъ карбазахъ. У основанія Тююка 17 лѣтъ назадъ тоже проплывали на карбазахъ, а теперь тамъ сухіе лога и озерки.

Рельефъ дна Зайсана не отличается постоянствомъ, что вполнѣ понятно, если принять во вниманіе песчаный грунтъ, незначительную глубину и постоянныя волненія. Въ нѣкоторые годы, обыкновенно многоводные, наметываетъ большіе пески у яровъ близъ Бархота и у Акъмуллы. Въ мелководные годы ихъ смываетъ.

Постоянная мель въ видѣ неширокаго поперечнаго бара (ежегодно нѣсколько мѣняющая свое направленіе и форму), имѣется противъ устья Чернаго Иртыша. Въ этомъ-же мѣстѣ происходитъ и захватъ озера сушей. Черный Иртышъ съ протоками выдвигаетъ въ озеро громадную дельту (весь восточный берегъ озера); быстрое наростаніе ея идетъ въ устьѣ самого Чер. Иртыша, а въ $1^1/_2$—2 вер. отъ устья откладывается поперечный баръ. По словамъ рыбака Кочнева (живетъ на устьѣ 40 лѣтъ), за послѣдніе 50 лѣтъ камыши въ устьѣ Ч. Иртыша выдвинулись въ озеро чуть ли не на полверсты(?).

Черный Иртышъ и низовье всѣхъ его притоковъ текутъ въ рыхлыхъ берегахъ и неудивительно, что выносятъ въ озеро массу осадковъ(*).

Къ числу такихъ мелей можно отнести и два островка: одинъ въ Чакпльмесскомъ заливѣ, на которомъ постоянно ютятся большія стаи баклановъ и др. птицъ (островъ съ полнымъ правомъ можно на-

(*) Въ дельтѣ Ч. Иртыша мы не были, почему отъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о . . я воздерживаюсь.

звать поэтому *Бакланьимъ*), другой, маленькій,—передъ ур. *Ярки* (см. выше). Въ большую и среднюю воду опи покрываются водой.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о фаунѣ и флорѣ озера и его береговъ. Слѣдуетъ оговориться, что флора и особенно фауна почти не изслѣдованы.

Въ Зайсанѣ водятся разнообразныя породы *рыбъ*: осетръ (различаютъ тупорылаго и острорылаго), и разновидности его: корышъ и костерь (3-хъ лѣтній костерь рыбаками называется чалбышемъ); 2 вида стерляди (обыкновенная и «зайсанка» съ вздернутымъ рыломъ), тальмень, нельма, щука, язь, карась, линь, налимъ, пескарь, окунь, плотва (чебакъ), сорога, ершъ; нами пойманы, кромѣ того, *щиповка* (Cobites), вьюны и гольяны. Въ дельтѣ Чернаго Иртыша и въ устьяхъ Кендерлыка и Джармы, можно полагать, водятся и др. рыбы, напр. хайрузъ.

Среди водныхъ безпозвоночныхъ слѣдуетъ отмѣтить: отсутствіе высшихъ ракообразныхъ и бѣдность моллюсками, изъ послѣднихъ встрѣчены Limneus, Onodonta, Planorbis и одинъ видъ, повидимому, мѣстный. Низшими безпозвоночными открытыя мѣста озера бѣдны, богаче луговыя озера. Планктонъ пока совершенно не извѣстенъ (собранный нами еще не опредѣленъ). Въ илѣ встрѣчались мелкіе красные черви; песчаное дно было совершенно пустынно.

Изъ представителей сухопутной фауны слѣдуетъ отмѣтить кабановъ, которыхъ много въ камышахъ, волковъ (въ глинахъ у Чакильмеса), лисицъ, сайгу (на прилежащей равнинѣ), ежей (встрѣчены на м.м. Тююкѣ и у Ярковъ), забѣгаютъ на сѣв. берега изрѣдка и куланы (Eqvus hemionis). Птичье царство богато и разнообразно: бакланы и чайки собираются на мысахъ и меляхъ огромными стаями; по ярамъ часто попадались бѣлоголовые орланы и беркуты. Изъ пресмыкающихся у Ярковъ и Чакильмеса встрѣчаются змѣи, на лугахъ ящерицы, а по увалу много гекконовъ. Изъ земледводныхъ извѣстны однѣ лягушки и то изъ луговыхъ озеръ.

Изъ наземныхъ безпозвоночныхъ слѣдуетъ отмѣтить фалангу (Solpida), поймана у Чакильмеса.

Флора береговъ Зайсана очень бѣдна и однообразна, и поэтому они пустынны и негостепріимны. Древесныхъ породъ совсѣмъ нѣтъ; изъ кустарниковъ встрѣчаются кое гдѣ степные и пустынные виды, напр. чингиль (Halimodendron argenteum), акъ-твень (Nitraria Schoberi), карагана (C. frutescens и pygmaea), таволга (Sp. hypericifolia). на сѣвер. равнинѣ, кромѣ того, саксаулъ (Haloxylon ammodendron) и нѣк. др. мелкіе. Травяного покрова на высокихъ берегахъ и песчаныхъ—нѣтъ; послѣдніе голые, а на первыхъ почва едва прикрыта лишайникомъ (Cladonia и др.), среди которыхъ, какъ вихры, торчатъ немногія отцвѣтшія растенія, преимущественно полыни и солянки: болѣе или менѣе сплошной покровъ травъ есть на берегахъ луговыхъ озеръ отъ ур. Акъ-суатъ до Бархота (изъ Triticum, Polygonum, Potentilla. Phleum, Erysimum и др.) Только въ этихъ мѣстахъ можно встрѣтить лѣтомъ киргизскіе аулы, держащіе, впрочемъ, небольшія стада домашнихъ животныхъ.

Изъ водныхъ растеній, кромѣ кувшинокъ (Nymhnaea и Nuphar) встрѣчались въ луговыхъ озерахъ и заливахъ въ изобиліи: морская трава (Polygonum), Salvinia, Trapa, Hyppuris, Utricularia, Lenana и много др.

Въ задачу будущаго изслѣдованія Зайсана должны войти: гидрологическія изслѣдованія у юж. береговъ и особенно въ дельтѣ Чернаго Иртыша и дальнѣйшіе сборы водной фауны и флоры; детальное изслѣдованіе ея, несомнѣнно, дастъ интересные результаты и факты для сужденія о прошломъ озера.

Необходимо также обратить особенное вниманіе на положеніе рыболовства и рыбоводства на Зайсанѣ; не нужно закрывать глазъ на то, что при теперешнемъ хищническомъ хозяйничаньи на озерѣ, недалеко то время, когда отъ нѣкогда сказочныхъ рыбныхъ богатствъ озера, останется одно воспоминаніе, наиболѣе цѣнная красная рыба стала уже и теперь рѣдкостью.

А. Сѣдельниковъ.

Омскъ. 1905 г.

Замѣченныя опечатки:

					Напечатано	Слѣдуетъ.
2	стр.	12	стр.	сверху	граниты	гранито
3	«	15	»	»	schremmland	schvemmland
4	«	8	стр.	снизу	развѣтвляется	раздѣляется
4	„	10	стр.	„	эфектную	эффектную
7	„	2	стр.	„	—21,5°	+21,5°
7	„	6	стр.	„	—37°	+37
14	„	1	стр.	„	Solpida	Solpuga
15	„	13	стр.	„	Lenana	Lemna
15	„	15	стр.	„	Nymhnaea	Nymphaea

НАБРОСКИ

по обычному, въ частности брачному праву, киргизовъ-кhазакhовъ.

„Когда простые люди слышать отъ естествоиспытателей, что золото есть тѣло, которое достигло до совершенства зрѣлости, послѣдней полноты, они твердо вѣрятъ, что это есть нѣчто, постепенно достигающее этого совершенства, проходя черезъ формы всѣхъ другихъ металлическихъ тѣлъ, такъ что, по ихъ мнѣнію, золото было сначала свинцомъ, потомъ сдѣлалось жестью, далѣе мѣдью, серебромъ и наконецъ достигло развитія золота; они не знаютъ, что говоря это, естествоиспытатели думаютъ только нѣчто подобное тому, что они думаютъ, говоря о человѣкѣ и приписывая ему полноту и равновѣсіе въ природѣ и сложеніи—не то, что человѣкъ былъ нѣкогда быкомъ, а потомъ перемѣнялся въ осла, затѣмъ въ лошадь, послѣ того въ обезьяну и, наконецъ сталъ человѣкомъ".

Аль-Хазиній (писатель 12 столѣтія).

При изученіи обычнаго права киргизовъ наталкиваешься на такія слова и понятія, разъясненіе или правильное пониманіе которыхъ имѣетъ не только юридическое, но и соціологическое значеніе. Излагатели обычнаго права киргизовъ при оперированіи надъ этими понятіями, съ которыми связывались и связываются обычно-правовые принципы (нормы), обходятъ молчаніемъ и не занимаются разрѣшеніемъ той сокровенной величины, заключающейся въ этихъ понятіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нихъ считались съ этими понятіями, но незнакомство съ киргизскимъ языкомъ принудило ихъ отказаться отъ безплодныхъ экскурсій и предпріятій, не встрѣчая никакого содѣйствія со стороны киргизовъ, сообщавшихъ свѣдѣнія по обычному праву. Сыны степи, передавая излагателямъ кристаллизованныя и безсозна-

тельно-разумно сложившіяся, послѣ долгой и кропотливой работы нѣсколькихъ поколѣній, обычно-правовыя нормы, сами не понимали сущности тѣхъ понятій, надъ которыми имъ приходится оперировать. Поэтому немудрено, что такія слова, какъ «кhарhы-бау», «кhойрыкhбауръ», «талакh» и другія оставались и остаются до сихъ поръ загадочными и неразрѣшенными.

Наша теперь обязанность идти на помощь работникамъ и труженникамъ науки выясненіемъ понятій, фигурировавшихъ при изученіи обычнаго, въ частности брачнаго права киргизовъ. Предварительно скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ киргизы выражаютъ понятіе права, а затѣмъ перейдемъ къ разрѣшенію словъ и понятій изъ области брачнаго права

1) а) Киргизы понятіе права выражаютъ различно. Нѣкогда они понятіе права выражали словомъ «кhаризъ» и этимъ же словомъ выражали понятіе долга, обязанности и обязательства, такъ что слово «кhариз» обозначало и право, и соотвѣтствующую ему обязанность. Даже въ настоящее время расчлененія понятія права отъ понятія обязанности не произошло. Если просто скажешь: «менынг кhаризим бар» (у меня *долгъ* есть) то киргизы попросятъ разъяснить—о какомъ «кhаризѣ» идетъ дѣло: о «кhаризѣ» въ смыслѣ права или о «кhаризѣ» въ смыслѣ обязанности или долженствованія. Во избѣжаніе такого дополнительнаго вопроса киргизы выражаются и такъ: «менынг алмакh кhарызии бар» —у меня есть долгъ, чтобы взять (иначе говоря, я имѣю право) и «менынг бермекъ кhарызии бар»—у меня есть долгъ, чтобы дать (иначе говоря, я обязанъ).

Слово «кhариз» (долгъ) въ смыслѣ обязанности и обязательства выражаются равно и слѣдующимъ образомъ: «мойнында кhариз»—на шеѣ долгъ.

в) Для выраженія понятія права и обязанности употребляется такъ же слово: «мойн»—(шея) безъ или съ присоединеніемъ словъ: «взять и дать» (бермек и алмакh). Выраженіе «менынг моиныида сенынг малынг»—«на моей шеѣ твой скотъ»—означаетъ: я долженъ тебѣ скотъ.

c) Понятіе права выражается также и описательно. Выраженіе «ель остынде салыб коіhан болыстынг малы бар» —(на народѣ сверху лежитъ скотъ волостного управителя) означаетъ, что волостной управитель имѣетъ право получить съ народа скотъ, или въ пользу волостного управителя народъ обремененъ долгомъ, состоящимъ изъ скота.

d) Наряду съ тремя указанными способами выраженія понятія права существуетъ еще четвертый способъ выраженія понятія права, именно словомъ: «жолъ». Первоначально слово: «жолъ» употреблялось только въ смыслѣ «дороги», но потомъ стали употреблять это слово въ смыслѣ и права, такъ что киргизы слову «жол» придаютъ двоякое значеніе, обозначая этимъ словомъ, и дорогу, и право. Для выраженія чисто психическаго понятія права, киргизы, какъ и другіе народы, воспользовались словомъ, взятымъ изъ матеріальнаго міра. Какъ русское слово: «право», такъ и французское droit происходятъ отъ слова: «правый» (правая сторона).

Нѣкоторые излагатели полагаютъ, что киргизы слово: «право» выражаютъ словомъ: «hадатъ»; лично, я полагаю, что слово «hadat» до сихъ поръ употребляется въ своемъ первоначальномъ значеніи—въ смыслѣ привычки, какъ и слово: «ряссим», «ольгы», «орнек» (обычай). Я не отрицаю возможности современемъ употребленія слова «hadat» въ смыслѣ права, если допустить, что слово «hadlbt» (справедливость) происходитъ отъ слова «hadet». Кстати напомнимъ, что слова: «hadat и hadlet», получившія у киргизовъ право гражданства,—арабскаго происхожденія.

Точный переводъ словъ: «ольгы»—будетъ мѣрка, а «орнек»—линія, проведенная для вышиванія, или самые рисунки, получившіеся по вышиваніи. Оба эти слова употребляются и для выраженія понятія обычая, поэтому киргизы говорятъ: «арhи атамыздынг орнеги или ольгысси» (обычай нашихъ дальнихъ дѣдовъ).

2) Первоначальный брачный договоръ у киргизовъ скрѣпляется подаркомъ, называемымъ: «кhарhы-бау». Подарокъ этотъ въ большинствѣ случаевъ состоящій изъ 1 верблюда и 1 лошади, вносится родителями жениха. Слово «кhарhы-бау» происходитъ отъ словъ: а)

«кhарhы»—ошейникъ собаки и в) «бау»—веревка (цѣпь). Подарокъ кhарhы-бау», какъ видно, нѣкогда служилъ факторомъ, способствовавшимъ возникновенію юридическихъ отношеній между родителями невѣсты и жениха и вѣчной связи. По внесеніи и полученіи подарка: «кhарhы-бау» стороны были связаны и привязаны другъ другу, какъ цѣпная собака къ столбу у конурки.

Въ настоящее время «кhарhы-бау» потеряло свое первоначальное могущественное значеніе и нарушившая договоръ, связанный съ «кhарhы-бау»,—сторона обыкновенно уплачиваетъ штрафъ въ тройномъ размѣрѣ стоимости подарка: «кhарhы-бау».

3) Жениха киргизы называютъ «коіеу»; послѣднее слово происходитъ отъ слова «коіемек» (горѣть); отглагольное существительное отъ «коіемек» будетъ «коіеу» или «коіу» (горѣніе). Дословный переводъ выраженія «коіеу» также будетъ: «гори, ты». Если отбросить отъ слова «коіеу» послѣднюю букву «у», то получится другое слово: «коіе», которое, при переводѣ, значитъ сажа.

Женихъ-мужъ, живущій совмѣстно съ родителями невѣсты и выполняющій, какъ членъ семьи, всякую черную работу домохозяйства, называется: «кошыкъ-коіеу» (щенокъ гори), кошыкъ—щенокъ. «Кошык-коіеу» настолько неавторитетенъ въ степи, что по его адресу существуетъ пословица: «кhайнындаhы коіеуден кhарhылаhан тазы артыкh», иначе говоря, гончая собака съ ошейникомъ лучше жениховъ, примостившихся навсегда у своихъ тестя и тещи.

4) Формальное заключеніе брачнаго договора при «кhода-тосерѣ» сопровождается и укрѣпляется договоромъ, который санкціонируется поѣденіемъ кушанія: «кhойрыкh-бауръ».

Въ настоящее время этотъ договорный актъ имѣетъ существенное значеніе и дѣйствительно способствуетъ возникновенію брачно-договорныхъ отношеній, порождая между родителями невѣсты и жениха массу правъ и обязанностей.

Слово: «кhойрыкh-баур» образовалось изъ двухъ словъ: а) изъ «кhойрык»-а—жировая часть киргизскаго барана и в) «баур»-а—печенка. Психологическій смыслъ, заключающійся въ санкціонированіи

брачнаго договора символической ѣдой и въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, сопровождающихся при ѣдѣ: «кhойрыкh-баур», состоитъ въ слѣдующемъ. Въ организмѣ человѣка печенка состоитъ изъ двухъ половинъ, нераздѣльно связанныхъ и объединенныхъ между собой. Это матеріальное понятіе «баур», послужило основаніемъ для выработки чисто-психическаго понятія, такъ что киргизы «бауромъ» называютъ родныхъ братьевъ и сестеръ.

Фигурированіе въ кушаніи «баур»-а указываетъ, что родители невѣсты и жениха должны сродниться подобно роднымъ братьямъ и сестрамъ, духовная связь которыхъ нисколько не уступаетъ связи печенки, состоящей изъ двухъ половинъ.

Съ «кhойрыкhомъ» связываютъ, съ одной стороны, идею чисто религіознаго единенія, и съ другой «кhойрыкh» у киргизовъ служитъ символомъ богатства.

Въ окончательномъ выводѣ формальный договоръ, связанный съ «кhойрыкh-бауромъ» состоитъ въ слѣдующемъ. Между родителями невѣсты и жениха должны произойти полнѣйшее религіозное и нравственно-правовое объединеніе и единеніе и въ силу этого единенія они въ отношеніи другъ друга должны жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ и имуществомъ. Недаромъ у киргизовъ сложилась пословица. «кhода мынг жлдыкh, коіеу дыз жалдыкh—связь родителей невѣсты и жениха устанавливается на 1000 лѣтъ, а жениха съ родомъ родителей невѣсты на 100 лѣтъ.

Кусочки «баура» и «кhойрыкhа» всегда фигурируютъ при подачѣ мясного блюда; крошить ихъ должны самыя почетныя лица и аксакалы (бѣлобородые старцы, пользующіеся въ степи до настоящаго времени большимъ почетомъ и уваженіемъ).

5) Послѣ заключенія брачнаго договора всѣмъ свахамъ, во главѣ съ родителями жениха, а равно послѣ перваго оффиціальнаго посѣщенія женихомъ аула невѣсты-«кhол остар»-всѣмъ сопровождавшимъ или бывшимъ съ женихомъ свахамъ (коіеу-жигиты) даются подарки, которые называютъ: «кіитъ». Слово «кіит» происходитъ отъ

словъ: «ки»-(надѣвай) и «итъ»-(собака); при переводѣ значитъ: «надѣвай собака». «Ки» происходитъ отъ слова: «кіймек» (надѣвать).

Послѣ каждаго оффиціальнаго посѣщенія женихомъ аула родителей невѣсты у жениха отбирается верховая лошадь подъ нимъ со всѣми аттрибутами верховой ѣзды и все платье. Взамѣнъ отобранныхъ вещей предлагаются жениху старое бѣлье и «ашамай» (сѣделка для быка).

Многіе изъ сватовъ, во время нахожденія въ аулѣ родителей нѣвесты, превращаются въ чернорабочихъ; лошади ихъ также находятся въ распоряженіи аула. Выражаясь короче, происходитъ форменная ѣзда на самихъ сватахъ и на ихъ лошадяхъ. Сваты, по поводу такого унизительнаго обращенія съ ними, никогда не выражаютъ неудовольствія, а наоборотъ, они, какъ настоящіе рабы, геройски послушны и довольны.

6) Первое оффиціальное посѣщеніе женихомъ аула родителей невѣсты (кһолостар) сопровождается безконечно-разнообразными подарками жениха въ пользу невѣстокъ и тетокъ его невѣсты. Всѣ эти подарки, съ одной стороны, имѣютъ тенденцію подкупить окружающихъ невѣсту лицъ женскаго пола для прекращенія препятствій, создаваемыхъ женщинами при свиданіи жениха съ невѣстой, а съ другой,—являются штрафнымъ имуществомъ за оскорбленіе, нанесенное женихомъ своимъ посѣщеніемъ аула родителей его невѣсты.

Излагатели обычнаго права киргизовъ вполнѣ добросовѣстно освѣтили эту сторону дѣла, поэтому, я ограничусь разъясненіемъ сути нѣкоторыхъ подарковъ.

а) Предварительно до начала первичнаго свиданія жениха съ невѣстой, устраиваемаго въ юртѣ родителей новѣсты, послѣдняя, обыкновенно, вмѣстѣ съ свитой, состоящей изъ женщинъ, послѣ наступленія вечера и ночи, покидаетъ аулъ своихъ родителей и временно находится въ другомъ аулѣ, куда съѣзжаются всѣ мужчины и женщины, которые устраиваютъ въ этомъ аулѣ шумное веселье и пѣніе импровизаціею, попарно расположившись двое мужчинъ съ двумя женщинами. Хозяинъ аула, устроившій у себя этотъ шумный вечеръ, по-

лучаетъ подарокъ, называемый киргизами: «кһызкһачаръ»—что значитъ бѣгство дѣвушки (невѣсты) изъ своего отцовскаго аула.

в) По окончаніи вечера и предъ тѣмъ, какъ невѣстѣ итти къ себѣ домой, происходитъ «тартысъ» (тянуть). Собравшіеся мужчины и женщины дѣлятся на два враждебныхъ лагеря, причемъ почти всѣ женщины, за исключеніемъ немногихъ, находятся на сторонѣ невѣсты, а мужчины приблизительно дѣлятся пополамъ (поровну). Сторонники жениха хотятъ отнять невѣсту у сторонниковъ послѣдней; изъ-за невѣсты происходитъ форменная борьба: въ это время пускаются въ ходъ здоровенные кулаки, шесты и баканы; рвутся платья, вырываются волосы; крики, окрики, шумъ, хохотъ, плачъ, ревъ и проч. оглашаютъ воздухъ; высовываніе языковъ съ бѣлой пѣной у ртовъ, дикіе и жестокіе глаза, выходящіе изъ своихъ орбитъ, бросаются въ глаза наблюдателю, созерцающему «тартысъ» и картину его ужаса. Больше всего достается невѣстѣ, которая, какъ главная виновница, должна испытывать на себѣ всѣ прелести «тартыса».

с) Тартысъ оканчивается подарками жениха въ пользу тетокъ и невѣстокъ (невѣсты). Главнымъ подаркомъ за прекращеніе «тартыса» является: «бакһанъ-тастар»-выбрасываніе изъ своихъ рукъ бакановъ. Выдача подарка «бакһан-тастар» пріурочена къ моменту прихода жениха въ юрту родителей невѣсты вслѣдъ за «кһыз-кһачаромъ» и «тартысомъ». Подарокъ этотъ связанъ съ баканомъ, длиннымъ деревяннымъ шестомъ, которымъ поддерживается «шангракһ» киргизской юрты. Бакһанъ, являющійся принадлежностью киргизской юрты, въ жизни киргизовъ выполняетъ многостороннюю функцію, поэтому въ каждой юртѣ бываетъ по нѣсколько бакановъ. При устройствѣ качели или огражденіи барановъ отъ волковъ установленіемъ чучелъ возлѣ площади для помѣщенія барановъ, или во время гимнастическихъ упражненій, или хожденія на ходуляхъ, или сушенія киргизскаго сыра (кһорти ырымчык) и во многихъ другихъ случаяхъ киргизы обращаются къ содѣйствію бакановъ, являющихся единственнымъ гибкимъ предметомъ для пользованія киргизовъ. Мало этого бакһанъ до настоящаго времени выполняетъ функцію оружія. Киргизы, незнакомые съ шрапнелью, шимозою и пулеметами и холоднымъ оружіемъ,

всякое нападеніе внѣшняго врага на ихъ аулъ отражали и отражаютъ и теперь «бакhанами», какъ табунщики-«соплами» (деревянные шесты). Всеобщее значеніе дерева, въ частности «бакhана» въ степи умаляется «тезекомъ», «жапой» и «кhiйемъ» (лошадинымъ, коровьимъ и бараньимъ каломъ), каковые, являясь горючимъ веществомъ и единственнымъ топливомъ въ пустынной киргизской степи, успѣшно замѣняютъ древесное топливо.

Психологически теперь будетъ понятно, почему женихъ подкупаетъ окружающихъ невѣсту лицъ и почему этотъ подарокъ называется «бакhан-тастаромъ» (побрасаніе на землю находящихся въ сжатыхъ кулакахъ для смертной борьбы и нанесенія побоевъ-«бакhановъ»).

7) Вслѣдъ за «бакhан-тастаромъ» слѣдуетъ подарокъ «итъ-ырылдаръ» (ворчаніе собаки). Роль собакъ теперь, обыкновенно, исполняютъ старыя женщины, которыя занимаютъ позицію у входныхъ дверей въ юрту родителей невѣсты и не пропускаютъ жениха въ юрту до тѣхъ поръ, пока не получатъ установленнаго и освященнаго обычаемъ подарка: «ит-ырылдар».

Психологическій смыслъ этого подарка тотъ, что нѣкогда у каждаго хозяина было нѣсколько собакъ съ жестокими нравами, которыя часто выдавали своимъ лаемъ и ворчаніемъ непрошенныхъ ночныхъ жигитовъ, лѣзущихъ, ломая двери, въ юрту. Чтобы проникнуть въ юрту дѣйствительно надо было подкупить близкихъ родственницъ невѣсты. Иначе непрошенные посѣтители могли оказаться въ пастяхъ бодрствующихъ, въ продолженіе ночи вмѣстѣ съ караульными киргизскаго скота, для охраны отъ воровъ (оры) и волковъ (кhаскhаръ) собакъ, которыя, мало этого, подняли-бы на ноги цѣлый аулъ для защиты «бакhанами» послѣдняго и подлежащей похищенію невѣсты (женщины) отъ нихъ.

8) Послѣ подарковъ: «бакhан-тастаръ» и «ит-ырылдаръ» слѣдуетъ подарокъ: «корпе-кiймылдатыръ» (движеніе одѣялъ). Прикосновеніе женихомъ рукой къ одѣялу, укрывшись подъ которымъ спитъ невѣста, является вполнѣ послѣдовательнымъ актомъ. Женщины, которыя удачно довели жениха до постели невѣсты, вполнѣ имѣютъ притязаніе получить подарокъ въ видѣ: «корпе-кhимылдатара».

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ подарокъ нѣкогда имѣлъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ въ настоящее время. Если такъ, то этотъ подарокъ, какъ и предыдущіе,-въ періодъ заключенія брачнаго договора путемъ похищенія невѣсты,-носилъ пенальный и штрафной характеръ.

9) Дѣти всѣхъ ближнихъ и дальныхъ родственниковъ своей матери называютъ «накһ-аһа-ышымъ». Это сложное слово состоитъ изъ словъ а) накһ-настоящій и сущій, в) аһа-братъ, с) ышъ или ышик-внутренность человѣка, а ышым-моя внутренность.

При переводѣ слова: «накһ-аһа-ышым»-значатъ: «настоящій и сущій братъ мой, близкій ко мнѣ, какъ внутренность моего организма».

Что-же можетъ быть ближе и важнѣе для человѣка, какъ его внутренній организмъ, отъ нормальнаго функціонированія котораго зависитъ судьба человѣка. Важность брюшной сферы для физиологическаго процесса жизни человѣка послужила основаніемъ для приданія этой физической природѣ человѣка чисто духовнаго значенія подобно тому, какъ русскіе придали слову: «сердце» (жорек). Поэтому русскому выраженію: «страдаетъ и мучится сердце мое» у киргизовъ соотвѣтствуетъ выраженіе: «менынгъ ышым кһайнаайды уйһамъ кһиналады» (моя внутренность мучится и страдаетъ).

И такъ родственники со стороны матери для племянниковъ и племянницъ являются самыми близкими и настоящими братьями, и духовно и физически.

в) Дѣти родного отца, старшихъ братьевъ и вообще всѣхъ родственниковъ отца называютъ просто «аһа» (старшій братъ), а старшіе братья и близкіе родственники отца называютъ сына послѣдняго и младшихъ братьевъ-«ыным» (мой младшій братъ). Родного отца наравнѣ съ «аһа» называютъ также и «аке» или «ата»; дочери родную мать, старшихъ сестеръ и всѣхъ родственницъ отца называютъ «ана», а старшія сестры-младшихъ: «сынглым».

10) Доминирующимъ при разводѣ лицомъ является мужъ, который во всякій моментъ можетъ покинуть жену свою. Про мужа, разведшагося съ женой, киргизы говорятъ, что онъ жену свою превратилъ въ селезенку (лһатынын талакһ кһылды), иначе говоря, онъ сдѣлалъ жену

свою навсегда несчастной, подобно селезенкѣ, влачащей жалкое и одиночное, за неимѣніемъ другой половины, существованіе. По представленіямъ киргизовъ селезенка является совершенно излишнимъ бременемъ въ организмѣ человѣка, который могъ-бы обходиться безъ нея: селезенку ставятъ на одной доскѣ съ отбросами животныхъ, въ особенности, гнойными, называя то и другое «жыном»*).

Мало этого, селезенку никогда не варятъ въ котлѣ, а обыкновенно работники, незамѣтно для другихъ, бросаютъ въ огонь ее, которую потомъ съѣдаютъ, но ни одинъ почетный киргизъ не позволитъ, чтобы въ его присутствіи пожирали селезенку.

Когда киргизы проклинаютъ женатаго человѣка или вообще кого либо, то говорятъ: «ой кһатынынг талакһ балсын»,-да пусть жена твоя превратится въ селезенку, иначе говоря, да окружитъ тебя, лишившагося жены, одиночество подобно селезенкѣ, влачащей жалкое и одиночное существованіе въ организмѣ человѣка; или говорятъ: «ой талакһ болгыръ»-да превратись ты въ селезенку, иначе говоря, да окружитъ тебя, какъ селезенку, вѣчное одиночество.

Въ настоящее время киргизы говорятъ, что мужъ далъ женѣ селезеночную бумагу (иначе разводный листъ)-кһатынына талакһ кһаһазъ берды».

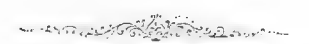
Подпишутся ли за киргизами представители естественно-научнаго трансформизма о безполѣзности вообще селезенки, въ частности человѣческой, въ организмѣ-пока сказать въ томъ или иномъ смыслѣ не возможно, но во всякомъ случаѣ много дефектовъ и аномалій встрѣчается въ организмѣ человѣка, подрывая авторитетъ гармонической теоріи Дарвина. Слѣпая кишка, ненормальное устройство ушной раковины, менструація и проч.-суть такіе вопьющіе и громко-говорящіе дефекты, что возможно наступитъ время, когда наука громогласно заявитъ, что селезенка также ненужна, какъ и слѣпая кишка. Да и теперь, кажется, есть ученые, которые, уже готовы поддержать киргизовъ относительно ненужности селезенки (академикъ Тархановъ).

---

*) «Жын»-также значитъ сумашествіе; «жынды»-сумашедшій (умалишенный).

Нѣкоторые внимательные и требовательные читатели могутъ замѣтить, почему авторъ выпустилъ настоящія наброски безъ всякой связи съ какимъ нибудь научнымъ трудомъ по семейному, въ частности брачному праву киргизовъ. Я это замѣчаніе предвидѣлъ, но, съ одной стороны, самолюбіе, которымъ всегда грѣшитъ молодость, заставило скороспѣло приготовить эти наброски, а съ другой авторъ глубоко убѣжденъ, что антропологи, изучающіе, вооружившись историко-сравнительной метедой, исторію первобытной культуры, въ этихъ незатѣйливыхъ набросках найдутъ кое-какое зерно для подтвержденія своихъ научныхъ выводовъ. Въ различныхъ обрядахъ, связанныхъ съ брачнымъ правомъ киргизовъ, по моему, отражаются остатки столькихъ культурныхъ наслоеній, что, не обинуясь, можно подписываться за антропологомъ Тайлоромъ о правильности доказаннаго имъ положенія о сохраненіи въ нашей психикѣ необъяснимыхъ убѣжденій отъ предыдущихъ культуръ въ видѣ *переживанія**).

Якубъ-мурза Акпаевъ, кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета.

*) Въ настоящей статьѣ киргизскія слова и выраженія написаны русскими буквами, а не латинскими, причемъ буквы: «нг» надо читать какъ французскую носовую букву «n», латинскую букву h-какъ латинскую «h», буквы «kh»-какъ арабскую хапъ, а буквы «yaha»-какъ арабскую ій.

КИРГИЗСКІЙ ПОЭТЪ
АБАЙ КУНАМБАЕВЪ
(РОД. 1845 Г. УМЕРЪ 1904 Г.)

Абай (Ибрагимъ) Кунанбаевъ

(Некрологъ).

23 іюня 1904 года въ Чингизской волости (въ горахъ Чингисъ) Семипалатинскаго уѣзда скончался популярный въ родной степи киргизскій поэтъ Абай Кунанбаевъ. Книжное имя его Ибрагимъ (Авраамъ), но Киргизская степь, слѣдуя матери поэта, укрѣпила за нимъ нѣжное ласкательное имя *Абай*, которое и мы сохранимъ за нимъ.

Абай по отцу происходилъ изъ поколѣнія извѣстныхъ вожаковъ и біевъ рода *Тобыкты*. Прадѣдъ поэта тобыктинскій бій и батырь Ыргызбай, названный по названію р. Иргизъ Тургайской области, гдѣ онъ родился въ 50-хъ г.г. XVIII вѣка, въ числѣ немногихъ вожаковъ его привелъ родъ Тобыкты изъ Туркестана въ Чингисскія горы, представляющія превосходныя пастбища. Дѣдъ Абая Ускембай стяжалъ въ родной степи славу справедливаго бія; къ нему обращались киргизы отдаленныхъ родовъ, предлагая разрѣшать ихъ споры. Отецъ Абая Кунанбай имѣлъ огромное вліяніе и на киргизъ чужихъ родовъ, что подтвердилось избраніемъ Кунанбая въ старшіе султаны Каркаралинскаго округа, когда должность ихъ была монополизирована родовитыми султанами. Кунанбай подъ конецъ жизни первымъ съѣздилъ въ Мекку и, вернувшись оттуда, удалился отъ мірскихъ дѣлъ, что еще больше сдѣлало популярнымъ имя Кунанбая.

Мать Абая Ольжанъ происходила изъ поколѣнія знаменитаго въ родѣ *Бошанъ* бія Бертыса, подобно Ыргызбаю, приведшаго киргизъ рода

Каракесекъ въ Каркаралинскій уѣздъ: въ горы Куу, Эдрей, Мыржыкъ. Популярнѣйшіе въ Киргизской степи братья юмористы Контай и Тонтай приходились Ольжань, матери Абая, родными дядями.

Богатый Контай болѣлъ долго, муллы и хожи*) собирались къ нему, освѣдомляясь объ его здоровьи, и Контай, умирая, имъ сказалъ: «джазла—джазла, хожа мулладарданда уятъ болды,—энды ольмесе болмасъ» («безсовѣстно, каждый разъ выздоравливая, обманывать надежды хожъ-муллъ, нужно умереть»).

Абай скончался на 60 году своей жизни. Онъ родился въ годъ змѣи (джыланъ джылы) въ 1845 г. и умеръ въ годъ зайца (коянъ джылы) въ 1904 г.

Съ 10 до 12 лѣтъ Абай учился киргизской грамотѣ въ степи. Онъ въ 12 лѣтъ поступилъ въ медресе семипалатинскаго муллы Ахмедъ-Риза; Абай, находясь у него, посѣщалъ русскую приходскую школу въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, когда ему было 14 лѣтъ. Этимъ 4-хъ лѣтнимъ обученіемъ въ медресе и 3-хъ мѣсячнымъ обученіемъ въ русской школѣ закончилось школьное образованіе Абая. Онъ, вернувшись въ степь, не смотря на свои 15 лѣтъ, сдѣлался однимъ изъ помощниковъ своего отца, игравшаго роль вліятельнаго вожака киргизскихъ родовъ, ведшихъ борьбу за политическое первенство съ султанскими родами, которымъ уставъ 1822 г. о сибирскихъ киргизахъ предоставилъ монополію правителей Киргизской степи. Не-смотря на свои юношескіе годы, Абай занялъ выдающееся мѣсто среди дѣятелей того времени: ему степь пророчила судьбу знаменитаго бія, не понимая, что время біевъ прошло безвозвратно Къ 20 годамъ своей жизни Абай стяжалъ славу перваго оратора (чечень), перваго знатока народной жизни, ея юридическихъ обычаевъ, зналъ на память многочисленныя рѣшенія разнообразныхъ дѣлъ знаменитыми біями Киргизской степи и, благодаря своимъ стараніямъ знать и необычайной своей памяти, представлялъ ходячій сборникъ народныхъ преданій, пословицъ, сказокъ и

*) Хожами называютъ себя выходцы изъ Средней Азіи; они производятъ свой родъ отъ зятя пророка Мухаммеда-Али. IV Халифа послѣ него. Хожи бѣлая кость: «акъ-соекъ». Хожи были первыми распространителями ислама въ Киргизской степи. За хожами до сихъ поръ сохранилось право на обрѣзаніе мальчиковъ.

афоризмовъ, созданныхъ мудрецами Киргизской степи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Абай въ старое время оправдалъ бы пророчество родной степи: сдѣлался бы біемъ, право судить котораго создавалось не формальнымъ избраніемъ, а признаніемъ его таланта, какъ устанавливается слава писателя и артиста. Новое время, характерное успѣхами и упроченіемъ въ степи ислама, обратило вниманіе Абая на знанія, заключающіяся въ книгахъ на арабскомъ, персидскомъ и тюркскомъ языкахъ. Благодаря досугу и способности, онъ самоучкою достигъ того, что выучился арабскому и персидскому языкамъ, на которыхъ свободно читалъ, и пріобрѣлъ имя знатока священныхъ книгъ. Муллы—ханжи, про которыхъ степь сложила поговорку: «ангхау эльге, арамза мулла» (наивному народу и стяжатель священникъ), боялись встрѣчи и разговора съ Абаемъ, который разоблачалъ ихъ духовную нищету. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить отношеніе Абая къ обрядностямъ ислама. Онъ, бичуя въ своихъ стихахъ ханжество и лицемѣріе муллъ, не соблюдалъ мусульманскихъ постовъ и не исполнялъ пятикратныхъ молитвъ въ сутки. Этимъ поступкомъ Абай шелъ противъ обрядового мнѣнія настоящей Киргизской степи, поголовно соблюдающей посты, особенно 30 дневный рамазанъ, и исполняющей пятикратную въ сутки молитву. Принимая во вниманіе силу обрядоваго мнѣнія среды и традицію благочестивой семьи Кунанбая, отца поэта, нельзя не видѣть въ указанномъ отношеніи Абая къ обрядамъ ислама силу его характера. Къ 30 годамъ своей жизни Абай пріобрѣлъ громкую извѣстность вліятельнаго киргиза, табунъ котораго объѣзжали конокрады, съ которымъ богатые киргизы другихъ родовъ искали родства и дружбы и вражды съ которымъ избѣгали сосѣди. Абай во всеоружіи своего таланта и знаній ушелъ въ борьбу киргизскихъ партій и игралъ въ ней первую скрипку. Абай былъ самородокъ, вынесенный судьбою въ безвременье его родины, не въ чемъ, какъ въ борьбѣ партій, было ему проявить свои силы.

Съ 14 лѣтъ Абай сочинялъ сатирическія стихотворенія; они заучивались молодежью; но авторъ не придавалъ имъ никакого значенія. Вѣроятно, онъ стыдился унизить себя званіемъ «ахына» (пѣвца), котораго степная аристократія презираетъ. Киргизскіе султаны гордились тѣмъ, что изъ нихъ не вышло ни однаго «баксы» (колдунъ), ни од-

ного «ахына». Впослѣдствіи вступивъ на путь писательства, Абай *клеймилъ* киргизскихъ «ахыновъ» за то, что они искусство превратили въ средство выпрашивать у богатыхъ деньги, и *выдѣлялъ* себя отъ ремесленниковъ «ахыновъ: «Ахындары акылсызъ наданъ келыпъ; курджерды оленгъ кыпты джоктанъ кармапъ; Кобызынъ-домбра алыпъ*) топда зарлапъ: Махтау оленгъ айтыпты маркымке арнапъ. Аръ элденъ оленгмененъ кайртлепъ; Кетыргенъ сузъ кадрынъ джурты шарлапъ. Малъ ушынъ тлынъ безепъ джакынъ джалдапъ; Малъ сурапъ браеды алдапъ, браеды арбапъ; Джатъ эледе кайршлыкъ клынджурыпъ; Озъ элынъ байденъ махтапъ худай каргапъ. Кайда бай махташахха баркапъ тангдапъ: Джисада бай болмапты канша малды апъ»... (Вольный переводъ прозою: невѣжественные глупые пѣвцы сочиняли пѣсню изъ пустяковъ,—съ балалайкою въ рукахъ, орали на сборищахъ, хваля встрѣчнаго, побираясь въ чужихъ родахъ, какъ нищій; золотое слово пѣсни превратили въ мѣдь; за чечевичную похлебку продали свою душу; одного обманывали, другого гипнотизировали: проклятые Богомъ, нищенствуя въ чужомъ родѣ, хвалились богатствомъ своего рода, искали хвастуновъ богатыхъ; сколько ни собирали грошей, продавая слово, изъ нихъ ни составилось богатства). Такова характеристика, данная Абаемъ киргизскимъ «ахынамъ»—импровизаторамъ.

Абай, быть можетъ, умеръ бы не проявивъ своего выдающагося поэтическаго дарованія, еслибы въ 80-ыхъ годахъ онъ не пережилъ переворотъ въ своихъ взглядахъ на дѣятельность пѣвца. Въ это время Абай познакомился съ политическими ссыльными г.г. Гросомъ, собиравшимъ въ степи матеріалы для брошюры «Юридическіе обычаи киргизъ», изданной подъ редакціею г. Маковецкаго, и Михаэлисомъ, оказавшимъ огромное вліяніе на просвѣщеніе и образованіе Абая. Оба, какъ г. Гросъ, такъ и г. Михаэлисъ гостили у Абая въ степи, знакомили его съ русскою литературою. Благодаря имъ Абай познакомился съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Некрасовымъ, Толстымъ, Тургеневымъ, Салтыковымъ, Достоевскимъ, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Писаревымъ. Абай до послѣдней минуты своей жизни съ трогательною благодарностью вспоминалъ г. Михаэлиса, приписывая ему все свое образованіе, и го-

*) Кобызъ-родъ балалайки и спеціальный инструментъ баксы-колдуновъ.

варивалъ: «дуньяга кузымды ашканга олькенъ сябябкеръ болганъ кенМихаэлисъ» (открылъ мои глаза г. Михаэлисъ). Впослѣдствіи Абай прочелъ «Опыты» Спенсера, «Позитивную философію» Льюиса, «Умственное развитіе Европы» Дрепера, статьи изъ старыхъ книгъ «Современника» Н. Г. Чернышевскаго, зналъ объ его судьбѣ. Особенно полюбилъ Абай сочиненія Лермонтова, изъ которыхъ любилъ дѣлать переводы; между прочимъ Абай перевелъ превосходными киргизскими стихами «Думу», «Кинжалъ», «Парусъ», «Молитву» и др. Абай перевелъ много басенъ Крылова, находя, что для киргиза наиболѣе понятны басни и полезныя правоученія.

Абаемъ переведенъ на киргизскій языкъ «Евгеній Онѣгинъ»; особенною въ степи популярностью пользуется «письмо Татьяны», для котораго тотъ же переводчикъ сочинилъ мотивъ. Въ 1899 году въ Коконской волости киргизскій пѣвецъ Адылханъ предложилъ намъ послушать «письмо Татьяны» подъ акомпаниментъ его скрипки. На наше удивленіе, откуда онъ знаетъ «письмо Татьяны», Адылханъ, не безъ гордости указавъ на себя, пояснилъ, что у русскихъ былъ такой же, какъ онъ, пѣвецъ—«ахынъ» Пушкинъ, который воспѣлъ, какъ Татьяна «слу» (красавица) полюбила джигита Онѣгина, которому и написала письмо. Въ тотъ-же вечеръ Адылханъ, знающій много оригинальныхъ стиховъ Абая, спѣлъ намъ нѣсколько его переводовъ изъ Лермонтова, пояснивъ при этомъ, что Лермонтовъ былъ недоволенъ жизнью, а Пушкинъ относился къ ней, какъ мудрецъ. Впослѣдствіи автору этихъ строкъ пришлось убѣдиться въ томъ, что въ Киргизской степи въ разныхъ уѣздахъ «ахыны» знали и распѣвали на балалайкѣ (домбрѣ) переводы Абая изъ Пушкина и Лермонтова. Абай былъ поклонникомъ Толстого Л. Н. и Салтыкова. Учащимся въ русскихъ школахъ киргизскимъ дѣтямъ посвятилъ особое стихотвореніе, въ которомъ, бичуя злою сатирою стремленіе киргизскихъ дѣтей быть взяточникомъ писаремъ, подпольнымъ адвокатомъ, полицейскимъ чиновникомъ, предлагаетъ имъ почитать Л. Н. Толстого, Щедрина и стремиться быть такими, какими были они. Абай пожалѣлъ о томъ, что ему самому не удалось учиться въ молодости, что выразилъ слѣдующимъ прелестнымъ четырехстишіемъ:

нію стиховъ, которыхъ къ сожалѣнію, не собиралъ. Каждое стихотвореніе, сказанное или написанное Абаемъ по случаю, на первомъ попавшемся лоскуткѣ бумагѣ, разбиралось молодежью и заучивалось. Стихи Абая, особенно сатирическіе, встрѣчаются во всѣхъ концахъ Киргизской степи. Въ сознаніи своего таланта Абай свысока относился къ своимъ сородичамъ, по адресу которыхъ писалъ:

«Джанъ-курынбесъ кузыме,
Аргынъ, Найманъ джилса,
Тангркаканъ сузме,
Кайранъ сузымъ хурболды,
Тобыктынгъ эзне»

Вольный переводъ прозою:

«Ни души я не вижу (всѣ ничтожны), дивится моему слову сходъ Аргына и Наймана, и это слово я вынужденъ пѣть тобыктинскимъ тяжкодумамъ».

Какъ было указано раньше, Абай за послѣднее время не принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ; хотя это не мѣшало его врагамъ трепать его имя. Абай свой добровольный уходъ на заднiй планъ выразилъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Озымде басха шаупъ, тоске орледымъ; казакха карасузге дес бермедымъ; энгбегынды блерлыкъ ишъ адамъ джокъ; тубынде тынышъ джуркенды терсъ курмедымъ».

Вольный переводъ прозою: нанося удары по головѣ врагу, поднимался выше, въ словесномъ турнирѣ не давалъ ни одному казаку (киргизу) приза; въ концѣ-концовъ, не найдя тѣхъ, кто бы оцѣнилъ заслуги, пришелъ къ заключенію жить вдали отъ борьбы.

Въ 1904 г. 14 мая умеръ любимый сынъ Абая, Магауя, который—въ свое время по слабости здоровья былъ взятъ любящимъ отцомъ изъ городского училища. Эта потеря подѣйствовала на Абая удручающе: онъ пересталъ говорить, избѣгалъ людского общества и черезъ 40 дней послѣ смерти Магауя самъ послѣдовалъ за нимъ. Оправдались глубоко прочувствованныя строки, написанныя имъ еще 1893 году:

«Джасымда глымъ бардепъ эскермедымъ; Файдасынъ куретурыпъ тексермедымъ; Эрженкенсонгъ туспеды уысыма; Колымды мезгылненъ кешъ сермедымъ» (вольный переводъ прозою: въ молодости не обратилъ вниманія на знаніе, не зналъ объ его существованіи, не разобрался въ пользѣ знанія; въ зрѣломъ возрастѣ не могъ поймать его; сталъ искать, упустивъ время).

Желая наверстать упущенное, о чемъ такъ жалѣлъ Абай, онъ сталъ учить своихъ дѣтей въ русскихъ школахъ, при этомъ хлопоталъ объ ихъ образованіи, не имѣя въ виду никакихъ утилитарныхъ видовъ, какъ это преслѣдовали другіе киргизы, отдавая дѣтей въ русскую школу. Этотъ свой взглядъ на образованіе своихъ сыновей Абай выразилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Адамнгъ бръ кзыгы бала дегенъ;
Баланы окытуды жеккормедымъ;
Баламды медресеге блдепъ бердымъ;
Кзыметъ кылсынъ, чинъ алсындепъ бермедымъ;»

Вольный переводъ прозою:

Одна изъ радостей человѣка—дѣти; старался я учить ихъ; посылалъ дѣтей въ школу не для того, чтобы они служили и получали чины, а чтобы учились и знали.

Послѣ окончанія городского училища второго сына Габдрахмана Абай отдалъ его въ тюменское реальное училище, что стоило ему нѣсколько сотъ рублей ежегоднаго расхода. Абай былъ первый киргизъ, рѣшившійся такъ много жертвовать на обученіе дѣтей. Габдрахманъ, окончивъ реальное училище, поѣхалъ поступить въ петербургскій технологическій институтъ. Здѣсь по совѣту одного знакомаго (г. Лосевскаго) поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище. Къ несчастію, подававшій надежды быть полезнымъ дѣятелемъ для родины, способный Габдрахманъ умеръ отъ костоѣда въ 1895 году, готовясь поступить въ артиллерійскую академію.

Знакомство съ русскою литературою оказало такое вліяніе на Абая, что онъ нашелъ въ себѣ киргизскаго поэта и, удалившись отъ киргизскихъ общественныхъ дѣлъ, отдалъ свой досугъ чтенію и сочине-

«Джурекымды кумкылды.
Откенадамъ олкенъ джанъ;
Акылъ ыздепъ ызерлепъ;
Барыпъ сынапъ сандалканъ,
Брынъ табпай солардынгъ,
Энды ышмя ой салганъ,
Тулабойды улатты,
Бари алдагышъ сумъ джалганъ,
Басынга тиды байкадынгъ,
Барпненъ басты шайхадынгъ,
Тагы барма айтарынгъ,
Нангышъ болбсангъ энды нанъ».

Вольный переводъ прозою: обливается кровью сердце, какъ вспомнишь покойниковъ: трудился, искалъ мудрости, думая найти въ ней счастья; однако, не нашелъ ни мудрости, ни счастья, мѣсто которыхъ заступили печальныя думы. Обманщица судьба обманула не одного меня. Принялъ ея удары, оцѣнилъ ихъ. Неужели ты сохранишь еще вѣру въ счастье?!.

Оригинальныя сочиненія Абая и его переводы изъ Пушкина (отрывокъ изъ «Ев. Онѣгина»), Лермонтова и Крылова собраны его сыномъ Туракуломъ и въ непродолжительномъ времени будутъ изданы Семипалатинскимъ Подъотдѣломъ Им. Р. Географ. Общества подъ редакціею А. Н. Букейханова.

Абай, какъ это покажутъ его стихи, представлялъ недюжинную поэтическую силу и составляетъ гордость киргизскаго народа. Еще не было киргизскаго поэта, такъ возвысившаго духовное творчество народа, какъ Абай. Чудные его стихи, посвященные четыремъ временамъ года (весна, лѣто, осень и зима) сдѣлали бы честь знаменитымъ поэтамъ Европы.

Біографическія данныя для этого некролога доставилъ племянникъ Абая Какытай Скаковичъ Кунанбаевъ.

А. Букейхановъ.

Списокъ обамъ на рѣкѣ Слеты въ Коржункульской волости Акмолинскаго уѣзда.

1) Четыре оба, называемые киргизами *Срлытамъ*, находятся на сѣверномъ берегу р. Слеты между нею и рѣкою Букба. Изъ нѣкоторыхъ оба киргизы доставали кирпичи для печей: при этомъ обнаружено, что одна изъ оба представляла четырехъ-угольную каменную, сложенную изъ полуобожженнаго кирпича комнату, крытую каменнымъ сводчатымъ потолкомъ. Рабочій, киргизъ, вынимая кирпичи изъ послѣдняго, провалился во внутрь комнаты, которая была раздѣлена занавѣскою, снесенною свѣжимъ притокомъ воздуха и оставившею пепелъ, похожій на золу шелка. Здѣсь есть оба, не подвергшаяся киргизскимъ раскопкамъ.

2) *Кзылъ-оба* (три оба) на сѣверномъ берегу р. Слеты на 4 версты отъ нея. При раскопкахъ, произведенныхъ 30 лѣтъ т. н., здѣсь также наблюдали занавѣску и 2—3 табута (гроба). Величина оба не болѣе киргизской юрты.

3) *Муртыкъ-оба* на южномъ берегу р. Слеты на востокъ на 1 верстѣ отъ дороги Петропавловскъ—Кояиды.

При раскопкахъ Муртыка найдена комната изъ кирпича,-въ ней чугунный рукомойникъ, покойники въ гробахъ. Лѣтъ 40 т. н. киргизы брали изъ Муртыка кирпичи, четырехугольной формы, толщиною въ 3 пальца и тверже современнаго киргизскаго кирпича.

4) *Актобе-обасы* на сѣверномъ берегу р. Слеты на 1 верстѣ.

5) *Маукенбаласынъ койганъ оба* на сѣверномъ берегу р. Слеты 2 версты, на самой дорогѣ.

6) *4 оба* недалеко другъ отъ друга на сѣверномъ берегу р. Слеты, на западъ въ 5 верстахъ отъ большой дороги; эти оба находятся противъ урочища *Байгель.*

7) *Кара-оба* (два оба) на сѣверномъ берегу р. Слеты въ 3 верстахъ отъ нея, на западъ отъ дороги Петропавловскъ—Коянды на 10 верстъ. При раскопкахъ Кара-оба 15 лѣтъ т. н., найдены калмыцкое сѣдло, обдѣланное костью, кости покойниковъ и другіе предметы.

На уроч. Мыскудукѣ, что на западномъ берегу оз. Слеты на 1 верстѣ, и на самой дорогѣ, идущей по берегу озера, есть оба въ окружности 50 аршинъ. Среди киргизъ Акмолинскаго, Кокчетавскаго и Омскаго уѣздовъ сохранилось преданіе о томъ, что въ указанномъ оба похоронено калмыцкимъ ханомъ его имущество. Киргизы дѣлали неоднократныя попытки вскрыть указаaное оба, но не могли найти входа. Само оба сложено изъ камня и очень прочно. На восточной сторонѣ оба подъ землею киргизами найденъ рукомойникъ, находившійся внѣ оба.

Сообщилъ Ольжабай Нуралинъ, киргизъ Коржункульской волости Акмолинскаго уѣзда.

А. Букейхановъ.

Поѣздка на Рахмановскіе минеральные ключи.

Лѣтомъ 1905 года мнѣ представилась возможность побывать на Алтаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить Рахмановскіе минеральные ключи, очень популярные на Алтаѣ. Изъ *Семипалатинска* возможно было направиться двоякимъ путемъ: на пароходѣ вверхъ по Иртышу и, почтовымъ трактомъ, по казачьей линіи. Въ виду значительнаго обмелѣнія Иртыша, я предпочелъ послѣдній путь. Утромъ 24-го іюня къ моей квартирѣ были поданы почтовыя лошади и, послѣ небольшихъ сборовъ, я медленно выѣхалъ изъ города.

Первые 18 верстъ почтоваго тракта до поселка *Озерскою* не могли дать какихъ-либо интересныхъ впечатлѣній. Твердый глинисто-песчаный грунтъ пути наводилъ порядочную тоску. Встрѣчавшіеся высохшіе ручейки со сморщеннымъ дномъ служили прекраснымъ добавленіемъ къ унылому однообразію мѣстности.

На 2, 6, 10 и 16 верстахъ попадаются ручьи, черезъ которые переброшены невзрачные деревянные мостики. Озерки выглядывали довольно печально. Большой пожаръ, истребившій въ концѣ апрѣля мѣсяца 1904 г. свыше сорока домовъ, оставилъ замѣтный слѣдъ въ по-

селкѣ. Пострадавшіе не успѣли еще достаточно оправиться отъ пожара и ютились въ маленькихъ домишкахъ, частію въ избушкахъ. Тотъже твердый глинисто-песчаный грунтъ, по которому пролегаетъ дорога отъ Семипалатинска до Озерокъ, опредѣляетъ характеръ мѣстности и отъ Озерокъ до *Талицы* (24 1/2 в.). На 2 и 20 верстахъ пробѣгаютъ ключевые ручьи. На 9-й верстѣ чернѣется остовъ заброшеннаго винокуреннаго завода *Каштакъ*. Зданіе окарауливается нѣсколькими казаками. Когда-то Каштакъ процвѣталъ. Сюда поступалъ порядочный экспортъ хлѣба. Потомъ производство вина пало и зданія забросили. Изъ Талицы дорога тотчасъ-же спускается на лугъ и идетъ на протяженіи 4-хъ верстъ до переправы черезъ Иртышъ. На лугу много травы, цвѣтовъ. Встрѣчается талъ, тополь, преобладаетъ осина. Черезъ Иртышъ устроенъ самолетъ, который сдается разнымъ лицамъ въ аренду. Въ 1905 г. самолетъ арендовалъ семипалатинскій мѣщанинъ Потоцкій за 200 руб. Арендная плата поступаетъ въ распоряженіе общества поселка Талицкаго. Перекинувшись на лѣвую, киргизскую степь Иртыша, дорога на протяженіи около двухъ верстъ декорируется довольно густой растительностью. Попадаются кусты осины, тополя, тальника, дикой розы. Въ верстѣ отъ перевоза въ Иртышъ впадаетъ рѣка Чаръ. Дорога идетъ параллельно Иртышу, высокій правый берегъ котораго украшенъ сосновымъ боромъ. Зарѣчный почтовый трактъ прямо поселка *Шульбинскаго* скатывается къ Иртышу, черезъ который устроенъ самолетъ. Передъ самымъ перевозомъ дорога съ пригорка спускается на сочный лугъ, густо заросшій деревьями, среди которыхъ встрѣчаются березы. Въ распутицу изъ Талицы до Шульбы (25 1/2 в.) ѣздятъ правымъ берегомъ Иртыша, боромъ. Ѣзда боромъ, благодаря глубокому песку очень тяжела, и довольно продолжительна. Съ установленіемъ навигаціи, дорога черезъ боръ забрасывается и смѣняется на зарѣчный трактъ (23 в.). Шульбинскій самолетъ есть собственность поселковаго общества, которое утилизируетъ его обычнымъ способомъ— путемъ сдачи въ аренду. Въ 1905 г. самолетъ арендовала компанія изъ трехъ лицъ: казака, киргиза и лѣсного объѣздчика. Арендная плата —716 р. въ годъ. Самолетъ работаетъ вяло, потому что сократилось движеніе. Раньше наѣзжіе купцы изъ Барнаула, Бійска и

Омска скупали на Чарской ярмаркѣ массу скота и перегоняли его через Шульбинскій самолетъ. Изъ Змѣиногорскаго уѣзда въ хорошіе, урожайные годы крестьянами много доставлялось въ Семипалатинскъ хлѣба, который также перевозился через Шульбинскій самолетъ. Но за послѣдніе пять неурожайныхъ годовъ экспортъ крестьянскаго хлѣба значительно сократился, равно и уменьшилась цифра покупаемой наѣзжими купцами киргизской скотины. Поселокъ Шульбинскій расположенъ на высокомъ берегу, который скалистыми выступами и обрывами сходитъ въ Иртышъ. Въ Шульбѣ—миссіонерскій станъ, съ красивой заросшей лѣсомъ церковью. Съ самолета круто приходится подыматься въ поселокъ, изъ котораго съ журчаньемъ сбѣгаетъ въ Иртышъ холодный ключъ. Изъ Шульбы до слѣдующей *Пьяноярской* станціи ($23^1/_2$ в.) дорога не блещетъ разнообразіемъ видовъ. Песчаный грунтъ мѣстности мѣшается съ глинистымъ и вы не увидите здѣсь какой-либо характерной особенности, которая отличала бы эту мѣстность отъ первыхъ двухъ станцій. На 2-й верстѣ дорогу пересѣкаетъ рѣчка *Шульбинка* съ песчанымъ дномъ. Ѣзда бродомъ. Въ половодье рѣчка преображается въ бурную рѣку. На 16-й верстѣ встрѣчается рѣчка *Осиха*, черезъ которую переѣздъ совершается бродомъ. Въ концѣ переѣзда дорога идетъ большимъ логомъ. Въ Пьяноярскѣ дорога раздвоиется: одинъ почтовый трактъ идетъ на Змѣиногорскъ (Томской губ.), другой—на Устькаменогорскъ. Въ Пьяноярскѣ—почтовое отдѣленіе.

Два часа пути отдѣляютъ Пьяноярскій поселокъ отъ станціи *Убинской* (18 в.). И на этомъ перегонѣ пусто и скучно. Временами дорога пересѣкается небольшими оврагами (на 3, 5 и 6 верст.),—через которые переброшены маленькіе мостики. На 16 й верстѣ—рѣка *Уба*. Передъ Убой дорога, на протяженіи около четырехъ верстъ проходитъ по лугу, заросшему черемошникомъ и тальникомъ. Переправа черезъ Убу совершается на лодкахъ и паромѣ. Паромъ ходитъ на канатѣ и сдается въ аренду. Въ 1905 г. арендная плата равнялась 478 руб. Выѣхавъ съ самолета, вы огибаете небольшой оврагъ, и съ сѣверовосточной стороны спускаетесь въ село Убинское. Село заселено сибирякамп и переселенцами и подвержено наводненіямъ. Въ 1900—01 г. убинцы отъ наводненія понесли большой уронъ: по-

гибло много скота, немало размыто также домовъ и дворовъ. Вверхъ по Убѣ расположены деревни: *Красный Яръ*, *Вавилонка*, *Шемонаиха*, *Выдриха*, *Лосиха*, *Малая Убинка*. По рѣкѣ много сплавляется лѣса, а также хлѣба. Раньше въ большомъ количествѣ плавили медъ и воскъ. Въ пяти верстахъ отъ села Уба впадаетъ въ Иртышъ. Въ Убѣ водятся: щука, окунь, налимъ, чебакъ, а выше въ каменистомъ днѣ—таймень. Въ 1903 г. по Убѣ до села поднимался одинъ изъ пароходовъ Верхне-Иртышскаго товарищества съ баржей. Дойдя до парома, пароходъ завязилъ баржу и воротился назадъ. Это первый случай пароходной попытки проникнуть въ Убу. Изъ Убинскаго села дорога съ первой-же версты поднимается на высокій глинистый увалъ. На 10-й верстѣ встрѣчается крутая твердо-глинистая гора и протекаетъ рѣчка *Ванявка*. Черезъ рѣчушку устроенъ деревянный мостикъ.

Въ семи верстахъ отъ села Убинскаго по направленію къ югозападу, на берегу Иртыша, виднѣется станица *Убинская* съ бѣлой каменной церковью старинной архитектуры.

Въ 13 верстахъ отъ села на юговостокѣ, въ концѣ уваловъ, спускающихся къ Иртышу, лежитъ деревня *Зевакина*, населенная въ большинствѣ старообрядцами. Дорога къ поселку *Барашевскому* (25 в.) нерѣдко пересѣкается крутыми увалами, которые до нѣкоторой степени разнообразятъ скромный по своимъ видамъ почтовый путь. На 18-й верстѣ попадаются крутая горка и *Зевакинскій* ручей съ мостикомъ. Переѣздъ до Барашекъ заканчивается на 24-й верстѣ крутымъ уваломъ и рѣчкой *Барашевкой*, переправа черезъ которую совершается бродомъ.

Путь отъ села Убинскаго къ Барашкамъ имѣетъ свою, довольно замѣтную особенность. Начиная отъ Убинки, появляется цѣлый рядъ волнообразныхъ холмовъ, которые замѣтно возвышаются по направленіи къ Устькаменогорску. За Иртышемъ идетъ линія горнаго хребта, который на своемъ протяженіи принимаетъ довольно разнообразныя и красивыя формы. Поселокъ Барашевскій производитъ тяжелое впечатлѣніе своей бѣдностью. Здѣсь напримѣръ однажды дѣло дошло до то-

го, что была даже закрыта поселковая школа, за отсутствіемъ у общества средствъ на содержаніе учителя. Этотъ печальный фактъ былъ отмѣченъ въ свое время на страницахъ Сибирской печати(*).

До *Красноярской* станціи ($20^1/_2$ в.) дорога принимаетъ уже замѣтно горный характеръ. Глинистый грунтъ перемѣшивается съ черноземнымъ и горы становятся круче и выше. Особенно замѣтные крутяки встрѣчаются на 8, 11, 16 и 17 верстахъ. Попадающіеся лога перерѣзываются рѣчками и ключами. Такъ, на 8 верстѣ протекаетъ рѣчка *Крутоберезовка*, на 11-й—*Глубочанка*, на 17-й—холодный *ключъ* безъ опредѣленнаго наименованія. Черезъ рѣчки перекинуты мосты. Не доѣзжая 8 верстъ до Краснаго Яра, встрѣчается деревня *Березовка*, Змѣиногорскаго уѣзда Томской губерніи. Начиная съ деревни Убинской и далѣе по Алтаю, поселки Семипалатинской области чередуются съ селами Томской губерніи. Послѣдняя клиньями врѣзается въ Семипалатинскую область и на этихъ-то выступахъ Томской губерніи по почтовому тракту и обосновались крестьянскія села.

Отъ Барашекъ мѣстность почтоваго тракта съ прилегающими къ нему окрестностями пріобрѣтаетъ характеръ горнаго рельефа. Дорога пробѣгаетъ по волнообразнымъ холмамъ съ густымъ ковромъ растительности. Черноземный грунтъ почвы сказывается въ сочной травѣ, которая взамѣнъ ковыльной и полынной степи, характеризующей первую половину пути отъ Семипалатинска къ Устькаменогорску, замѣтно оттѣняетъ красоту мѣстности. На встрѣчающихся горкахъ замѣтны плотныя, черноватыя наслоенія, выходящія грядами на дорогу и покрытыя налетами чернаго опыленія. Это черный глинистый сланецъ. Отъ Барашекъ Иртышъ поворачиваетъ съ сѣверозапада на востокъ, дѣлая замѣтный локтевой изгибъ. Въ рѣку спускаются крутые, холмистые навѣсы, переходящіе мѣстами въ острые утесы, къ которымъ Иртышъ подбѣгаетъ вплоть. Нѣсколько выше поселка береговые утесы и холмы переламываются угломъ, который извѣстенъ подъ названіемъ «Каменнаго угла». «Каменный уголъ» долгое время являлся синонимомъ каменнаго угля, смущая разныхъ эксплоататоровъ горныхъ богатствъ. Въ районѣ территоріи Барашекъ

(*) Сибирская жизнь.

и окрестностей поселка предполагались богатые залежи каменнаго угля. Черные, наружные пласты давали нѣкоторое основаніе къ такого рода заключенію. Но, какъ оказалось, эти предположенія не имѣли за собой никакихъ достаточныхъ основаній и легенда о богатствахъ каменнаго угля возлѣ Барашекъ такъ же быстро исчезла, какъ и появилась. Отъ Барашекъ къ Красному Яру тянутся жирные черноземные пласты, утолщающіеся по мѣрѣ удаленія отъ дороги.

Красный Яръ—большое крестьянское село, съ которымъ рядомъ расположенъ захудалый казачій поселокъ того же наименованія. Красный Яръ раскинулся на крутомъ и высокомъ глинистомъ берегу Иртыша. Берега рѣки совершенно обнажены. На югъ отъ села за рѣкой, тянется каменистая цѣпь, неодинаковая высота отдѣльныхъ горъ которой образуетъ ломанную линію. Юговосточнѣе эта цѣпь переходитъ въ грядовую щетку различной высоты остроконечныхъ, пирамидальныхъ шпилей, извѣстныхъ подъ названіемъ *Монастырскихъ* горъ или Монастырей. Вблизи этихъ горъ отчетливо виднѣется каждый каменный конусъ, вдали-же неровности каменныхъ группъ стушевываются и получается ясно вырисовывающаяся цѣпь причудливой каменной гряды.

На монастыряхъ, по слухамъ, имѣется озеро. Прямо села Красноярскаго, за Иртышемъ, верстахъ въ 4—5 у подножія одного каменистаго увала плещется такъ называемое *Чертово озеро*. Озеро имѣетъ большую глубину, почти постоянно волнуется и внушаетъ сосѣднимъ крестьянамъ суевѣрный страхъ, подъ вліяніемъ котораго, вѣроятно, и создалось названіе этого водовмѣстилища. Мѣстность около Красноярска изрыта глубокими оврагами, дно которыхъ заросло густымъ кустарникомъ. Овраги грозятъ перервать единственный уцѣлѣвшій континентальный перешеекъ, соединяющій Красноярское село съ почтовымъ трактомъ къ Устькаменогорску. Этотъ перешеекъ—«узкое мѣсто» часто ремонтируется, застилается чащей и трамбуется, чтобы сообщить ему устойчивость. Возможно, что «узкое мѣсто», подъ вліяніемъ атмосферическихъ воздѣйствій распадется и тогда красноярцамъ придется перекинуть черезъ оврагъ деревянный мостъ. Нѣчто подобное мнѣ приходилось встрѣчать въ Барнаульскомъ уѣздѣ Томской губерніи. Красный Яръ—большое село. Здѣсь имѣются: церковь, 2-хъ клас-

ское министерское училище, женская церковно-приходская школа, почтово-телеграфное отдѣленіе (Иртышское), волостное правленіе, резиденція мирового судьи, крестьянскаго начальника, винная лавка, нѣсколько торговыхъ лавокъ, маслодѣльный заводъ. Крестьяне живутъ довольно зажиточно, хотя цѣлый рядъ послѣднихъ неурожайныхъ годовъ пошатнулъ ихъ матеріальное благосостояніе. Поселокъ малъ и бѣденъ. Верстахъ въ 17 за Иртышемъ блеститъ поселокъ *Таврическій*, образовавшійся изъ выходцевъ Таврической губерніи, перешедшихъ въ Сибирскіе казаки. Тавричане получили порядочный земельный надѣлъ. Пашни даютъ хорошіе урожаи. Въ 12 верстахъ отъ Краснаго яра расположено село *Глубокое*. Дорога къ нему гористая. Въ 4-хъ верстахъ отъ Глубокаго дорога сползаетъ въ глубокій лугъ, прорѣзаемый *Крутой рѣчкой*, впадающей въ Иртышъ. Село скрыто въ котловинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной горами; оно какъ-бы углубилось въ долинѣ. Сопки, окружающія Глубокое, носятъ названіе *Гороховыхъ*. Въ верстѣ отъ села, къ юго-востоку массивно возвышается *Жерновная Сопка*, дающая отличный камень для жернововъ и прекрасный плитнякъ. Сопка заканчивается обрывистымъ утесомъ, спускающимся въ Иртышъ и извѣстнымъ среди крестьянъ подъ именемъ *Пѣтушка*. Съ Пѣтушка открывается довольно красивый видъ на Иртышъ и острова. Въ 3—4 верстахъ отъ Глубокаго съ сѣверо-восточной стороны чернѣется высокая гора *Черная Сопка*, за которой дальше на казачьихъ земляхъ расположены хутора переселенцевъ, уже давно арендующихъ земли у общества поселка Уваровскаго. Существуетъ легенда, что около Черной Сопки есть скрытая пещера, заложенная большой каменной плитой. Въ пещерѣ похоронилъ себя одинъ разбойникъ и входъ въ нее заложилъ каменной плитой, которую можетъ встрѣтить далеко не всякій. Иногда плита случайно попадается кому-либо, но при слѣдующей попыткѣ найти ее, чтобы раскопать таинственное мѣсто, плита исчезаетъ. Въ пещерѣ разбойникъ скрылъ, по преданію, и все свое награбленное богатство. Вѣроятно, здѣсь приходится имѣть дѣло просто съ природной подземной пустотой, которую народная фантазія обратила въ таинственную пещеру съ несмѣтнымъ богатствомъ. Черезъ Глубокое проходитъ рѣчка *Глубочанка*, раздѣляю-

щая село на двѣ части. Вверху по рѣчкѣ расположены мельницы. Въ добрыя старыя времена село Глубокое, какъ и Красный Яръ, давало для винокуренныхъ заводовъ г. Семипалатинска много зернового хлѣба. Не мал` родилось также овса. Крестьяне большими партіями сплавляли зерно внизъ по Иртышу. Но урожаи отошли въ область пріятныхъ воспоминаній, почва попстощилась и крестьяне за послѣднее время за весь свой тяжелый трудъ земледѣльца нерѣдко получаютъ только сѣмена или minimum прибыли, совершенно не оправдывающей затраченнаго на пашню труда. Благосостояніе села видимо понизилось.

Къ юговостоку отъ села за Иртышемъ, верстахъ въ 7, виднѣется *Донской* поселокъ, образовавшійся изъ переселенцевъ губерній Полтавской, Харьковской и, главнымъ образомъ, области Войска Донского. Поселокъ пообстроился и даетъ пріятное впечатлѣніе. Дома въ большинствѣ саманные, нерѣдко съ глиняными заборами, но обстановка не производитъ впечатлѣніе бѣдности. Донцы имѣютъ прекрасные, полные отличной кормовой растительности луга, съ успѣхомъ обслуживающіе матеріальные интересы общества. Бахчи являются неизмѣнной принадлежностью почти каждаго хозяйства. Жители поселка Донского переписались въ сибирскіе казаки и наравнѣ съ прочими казачьими поселками несутъ всѣ установленныя повинности. Съ селомъ Глубокимъ поселокъ имѣетъ постоянное общеніе.

Изъ села Глубокаго почтовый трактъ идетъ въ поселокъ *Уваровскій*, отстоящій отъ села въ 9 верстахъ. Передъ поселкомъ, на протяженіи верстъ четырехъ, тянется прекрасный лугъ, принадлежащій Уваровскому обществу. Съ луга дорога поднимается на увалъ, на которомъ и расположенъ Уваровскій поселокъ. Поселокъ отстоитъ отъ почтоваго тракта нѣсколько въ сторонѣ. Уварова не давитъ такъ своей бѣдностью, какъ поселки Барашевскій и Красноярскій. Когда-то Уваровскій поселокъ представлялъ изъ себя крѣпость, остатки которой, въ видѣ низко осѣвшихъ глиняныхъ валовъ, замѣтны и теперь. Въ крѣпости находится поселковая школа съ двухштатнымъ составомъ педагогическаго персонала. Горы подлѣ Уваровой острыми выступами сходятъ въ Иртышъ. Отъ поселка Уваровскаго идетъ послѣдній почтовый перегонъ къ Устькаменогорску ($24\frac{1}{2}$ в.) Верстъ черезъ шесть

встрѣчается село *Прапорщиковское* Томской губ. Село за послѣдніе годы сильно обѣднѣло.

Прапорщане издавна были извѣстны, какъ завзятые рыбаки. Большими компаніями они отправлялись со своими карбазами на Зайсанское озеро, или какъ его зовутъ «море», и опутывали его своими сѣтями. Рыбы добывалось очень много. Нагруженные карбаза вереницей спускались внизъ къ Устькаменогорску и далѣе, гдѣ сушеную рыбу большими партіями скупали спеціально пріѣзжавшіе для того крестьяне змѣиногорскаго и барнаульскаго уѣздовъ. Но съ теченіемъ времени, благодаря хищническому способу добычи, рыбы въ озерѣ поубавилось настолько, что о богатыхъ уловахъ всевозможныхъ рыбныхъ сортовъ теперь приходится вспоминать, какъ о чемъ-то легендарномъ. Насколько раньше дешево цѣнились рыбныя породы и черная икра, настолько теперь всѣ эти водныя богатства поднялись въ цѣнѣ. Прапорщане, привыкшіе къ «морю», долго не могли, съ упадкомъ рыбнаго промысла на Зайсанскомъ озерѣ, перейти къ пашнѣ и занятіе хлѣбопашествомъ являлось для нихъ какъ-бы чужимъ, несроднымъ занятіемъ. Бѣдность села замѣтно бросается въ глаза.

Село Прапорщиковское отдѣляютъ отъ г. Устькаменогорска 16 верстъ. Съ дороги открываются живописные виды на синѣющіе за Иртышемъ горные хребты и устье каменныхъ горъ, изъ которыхъ вырывается Иртышъ. Отроги горъ довольно близко подходятъ къ дорогѣ. Съ нѣкоторыми горными вершинами соединяются различные легендарные разсказы. Такъ, верстахъ въ 10 отъ Устькаменогорска, нѣсколько въ сторонѣ отъ прапорщиковскаго тракта, замѣтнымъ горбомъ чернѣется гора *Орелъ*. Много лѣтъ тому назадъ въ этой горѣ жилъ одинъ смѣлый разбойникъ, который, какъ орелъ выглядывалъ себѣ добычу и набрасывался на нее съ дерзской отвагой. На Орлѣ есть пещера.

Предмѣстье Устькаменогорска отстоитъ отъ города верстахъ въ пяти. Называется оно *Защитой* и состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ домиковъ. Предмѣстье получило названіе Защиты потому, что нѣкогда представляло изъ себя сторожевой военный постъ, который дозиралъ окрестности. Съ теченіемъ-же времени, когда край былъ за-

миренъ, Защита обратилась въ маленькій поселокъ, жители котораго предались мирному сельскому хозяйству. Верстахъ въ двухъ-трехъ далѣе отъ Защиты начинается *г. Устькаменогорскъ.* Эта часть города отдѣлена отъ центральнаго города рѣкой *Ульбой* и называется *Хохладская Заимка.* Крестьяне окрестныхъ селъ называютъ ее еще *Долгой деревней.* И то и другое названіе зарѣчной части города вполнѣ вѣрно опредѣляетъ ея характеръ.

Заимка представляетъ изъ себя по виду большое и длинное село, населенное выходцами изъ южныхъ губерній—малороссами. Бѣлыя плетневыя мазанки нерѣдко съ соломенными крышами, большіе скирды кизяку, малороссійскій выговоръ заимцевъ сразу переносятъ васъ въ типичную деревню Полтавской или Черниговской губерній. Проходятъ годы, а хохлы остаются все тѣми-же прочно установившимися въ своей этнографической особенности полтавцами и воронежцами, какихъ можно встрѣтить въ Европейской Россіи. На Заимкѣ выстроены: большая деревянная церковь (на средства ц.-пр. попечит.) и хорошее каменное зданіе министерскаго училища. Есть и церковно-приходская школа. Зарѣчная заимка соединяется съ городомъ деревяннымъ мостомъ, построеннымъ черезъ Ульбу на большихъ карбазахъ, которые въ половодье убираются. Мостъ совершенно гарантируетъ удобство сообщенія съ городомъ. Плата за переправу низкая. До постройки моста въ городъ попадали съ помощію парома. Предоставляемъ судить самому читателю, насколько былъ удобенъ этотъ способъ переправы, особенно въ моменты скопленія крестьянскаго люда, имѣющаго постоянное сообщеніе съ городомъ. Устькаменогорскъ стоитъ при сліяніи двухъ рѣкъ—*Иртыша* и *Ульбы* и при устьи каменныхъ горъ.

Послѣднее обстоятельство и послужило причиною названія города. Отъ Устькаменогорска въ разныя стороны расходится множество горъ. Устькаменогорскъ—чистенькій и довольно веселый городокъ. За послѣдніе годы въ немъ появилось много садовъ, весьма кстати декорирующихъ городъ.

Устькаменогорскъ имѣетъ свою исторію. Гораздо ранѣе самаго города появилась Устькаменогорская крѣпость. Построеніе ея произошло

въ связи съ слѣдующими обстоятельствами: по указу Императора Петра Великаго,—написанному имъ собственноручно, приказано было построить крѣпость у озера *Зайсана*. Въ силу означеннаго указа въ 1715 г. былъ отправленъ изъ Тобольска на шести досчаникахъ съ отрядомъ солдатъ около 3000 человѣкъ бригадиръ Бухгольцъ, который въ томъ-же 1715 г. и основалъ крѣпость Ямышевскую. Но будучи осажденъ джунгарами, съ большимъ урономъ отступилъ къ устью рѣки Оми и въ 1716 г. основалъ Омскую крѣпость.

Въ 1720 г. команду отъ Бухгольца надъ отрядомъ, въ числѣ около 440 человѣкъ, принялъ генералъ-маіоръ Лихаревъ, командированный изъ Петербурга съ артиллерійскими орудіями и разными запасами. Онъ отправился изъ Тобольска вверхъ по Иртышу до озера Зайсана на 34 досчаникахъ и лодкахъ и по дорогѣ возобновилъ Ямышевскую крѣпость. Достигнувъ озера Зайсана, не нашелъ на берегахъ его удобнаго мѣста для крѣпости и проплылъ далѣе въ Черный Иртышъ. На 12-й день плаванія по Иртышу подвергся сильному нападенію со стороны джунгаръ. Послѣ 3-хъ дневной битвы съ джунгарами, заключилъ съ предводителемъ ихъ—царевичемъ миръ. Возвращаясь обратно, генералъ Лихаревъ заложилъ въ 1720 г. Устькаменогорскую крѣпость на томъ мѣстѣ, на которомъ находится она и теперь. Во вновь образованную крѣпость былъ командированъ изъ Европейской Россіи драгунскій полкъ, называвшійся колыванскимъ. Съ полкомъ прибылъ іеромонахъ Георгій, который отправлялъ Богослуженіе въ походной церкви. Иконы были написаны на голубомъ китайскомъ штофѣ, натянутомъ на дубовыхъ складныхъ рамахъ, пожертвованныхъ потомъ въ омскій соборъ. Позднѣе въ крѣпости была построена небольшая деревянная церковь, крытая берестомъ, съ отдѣльной колокольней. Эта церковь впослѣдствіи сгорѣла. Вмѣсто нея грамотой митрополита тобольскаго и сибирскаго Павла приказано закащику омскаго духовнаго правленія «пречестному протопресвитеру Петру Ѳедорову» вновь заложить въ Устькаменогорской крѣпости деревянную церковь. Послѣдняя по грамотѣ архіепископа тобольскаго и сибирскаго Варлаама отъ 30 октября 1774 г. была освящена 6-го іюня 1775 г.

Вмѣсто этой церкви, пришедшей въ ветхость, грамотою того-же

архіепископа тобольскаго и сибирскаго Варлаама отъ 18 сентября 1786 г. предписано барнаульскому закащику, протоіерею Дометію Комарову заложить въ устькаменогорской крѣпости новую, каменную церковь, закладка каковой и состоялась 26 іюня 1789 г. Каменная церковь окончена постройкой въ 1809 г., освящена 9-го сентября 1810 г. Церковь построена на инженерныя суммы. При церкви хранится планъ, снятый съ натуры 1834 г 25 октября. Росписи населенія ведутся съ 1784 г. Архитектура церкви сразу-же изобличаетъ старинную постройку(*). Крѣпость окружена довольно высокими валами, которые, не смотря на свою давность, держатся прочно. Наружныя боковыя стороны валовъ заканчиваются искуственными рвами. Въ крѣпости построены казармы для солдатъ, военный госпиталь, квартиры военноначальствующихъ лицъ, различныя кладовыя для надобностей военнаго вѣдомства, отдѣленіе «каторжной тюрьмы».

Въ настоящее время большое зданіе каменной казармы, въ которой помѣщались пѣхотинцы и кавалеристы (артиллеристы конно-горной легкой батареи) стоитъ заброшеннымъ и грозитъ развалиться. Въ тѣни этого зданія находитъ себѣ пріютъ разный бродячій скотъ.

Зданіе «каторжной тюрьмы» впослѣдствіи было обращено въ казарму; теперь-же стоитъ заброшеннымъ. Только остроконечныя пали вокругъ него краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, для кого первоначально была предназначена заброшенная теперь казарма. Устькаменогорская крѣпость была выстроена въ стратегическихъ цѣляхъ. Когда надобность въ крѣпости, какъ военномъ оплотѣ, миновала, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ поднялся вопросъ объ упраздненіи

(*) Въ церковной оградѣ есть двѣ могилы, на которыхъ лежатъ чугунныя плиты съ слѣдующими надписями: *Первая*—«здѣсь лежитъ тѣло усопшаго господина генералъ-маіора Павла Матвѣевича Скобельцина, бывшаго въ Селенгинскомъ полку шефомъ, который за службу и ревность награжденъ орденами святыя Анны 2-й и 3-й степени, отъ роду имѣлъ 32 года и скончался въ 1799 году сентября на 12-е число и въ достопамятство сдѣлана сія генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Зубовымъ». *Вторая*: «Здѣсь положено тѣло княгини Варвары Матвѣевны урожденной княжны Баратаевой, супруги премеръ-маіора князя Степана Давыдовича Эристова, которая родилась 1749 г., скончалась 1785 г февраля 8-го дня. Жизни ее было 35 лѣтъ два мѣсяца и 8 дней».

Въ Устькаменогорскѣ сохранилось преданіе, которое говоритъ, что у князя Эристова жили двѣ высланныя изъ Петербурга фрейлины, которыхъ князь, по возвращеніи изъ Сибири увезъ обратно въ Европейскую Россію. Вѣроятно фрейлины были прощены.

крѣпости. По этому поводу военный губернаторъ Семипалатинской области послалъ отъ 21 февраля 1877 г. на имя устькаменогорскаго городского головы слѣдующую бумагу: «Въ приказѣ г. военнаго министра отъ 6-го ноября 1876 г. за № 331 объявлено по военному вѣдомству, что Государь Императоръ въ 28 день октября 1877 г. повелѣть соизволилъ: крѣпости Петропавловскую, Устькаменогорскую и укрѣпленіе Акмолинское окончательно упразднить, и земли, занятыя верками и эспланадами передать городамъ съ тѣмъ, чтобы вокругъ упраздненныхъ укрѣпленій, для отдѣленія казенныхъ строеній отъ частныхъ, городами были расположены сады».

Городская дума, ознакомившись съ содержаніемъ вышеприведенной бумаги военнаго губернатора, поручила городской управѣ заняться верками и эспланадами.

Въ то время, какъ управа намѣревалась исполнить порученіе думы, отъ военнаго губернатора Семипалатинской области городскимъ головой было получено отъ 28 іюля 1879 г. слѣдующее новое увѣдомленіе: «Въ виду нѣкоторыхъ политическо-военныхъ соображеній и по другимъ причинамъ, находя необходимымъ оставить временно бывшую крѣпость по прежнему въ вѣдѣніи мѣстнаго коменданта, прошу васъ пріостановить исполненіе порученія думы впредь до особаго распоряженія».

Надобность въ крѣпости, впрочемъ, быстро миновала. 25 октября 1879 г. военная администрація увѣдомила городского голову, что «необходимость во временномъ оставленіи Устькаменогорской крѣпости по прежнему въ вѣдѣніи коменданта нынѣ миновалась, а потому не имѣется препятствій къ передачѣ въ вѣдѣніе города верковъ и эспланады».

Передача состоялась 27-го ноября 1879 г. Результатомъ передачи явился актъ, подписанный представителями военнаго вѣдомства и города. Такимъ образомъ крѣпость, какъ военный стратегическій пунктъ, перестала существовать. Первое осѣдлое населеніе Устькаменогорска появилось въ крѣпости. Здѣсь находилась даже лавка съ разными товарами. Затѣмъ была сдѣлана попытка поселиться недалеко отъ крѣ-

пости. Первые дома внѣ крѣпости были выстроены вблизи укрѣпленія, подъ такъ называемыми «ветелками». Такъ было положено основаніе городу. Постепенно городъ сталъ увеличиваться и разростаться. Въ настоящее время въ городѣ насчитывается до десяти тысячъ жителей. Крѣпость отдѣлена отъ города площадью. Въ жизни Устькаменогорска бывали и печальные дни, когда ему приходилось частію выгорать, частію-же терпѣть большой уронъ отъ наводненій. Такъ, въ іюлѣ 1834 г. пожаръ истребилъ 20 домовъ, 22 апрѣля 1846 г.—45 домовъ. Эти пожары довольно существенно сократили и безъ того небольшіе размѣры города.

Отъ наводненій городъ сильно пострадалъ въ 1889, 1891 и 1904 годахъ. Для предохраненія города отъ наводненій, городскимъ управленіемъ были выстроены дамбы по берегамъ Иртыша и Ульбы. Въ прежніе годы случавшіеся на Иртышѣ заторы разбивались стрѣльбою изъ крѣпостныхъ пушекъ.

Устькаменогорскъ производитъ пріятное впечатлѣніе нѣкоторой благоустроенностью. Въ центрѣ города высится красивое зданіе народнаго дома съ помѣстительнымъ заломъ и хорами. Въ зданіи народнаго дома помѣщаются библіотеки, музей, городская управа и чайная комитета трезвости. Изъ училищъ въ Устькаменогорскѣ имѣются— 3-хъ классное городское, маріинское женское, приходская мужская школа, приходская женская, татарская школа и казачье училище. Улицы вымощены дресвой. Относительнымъ культурнымъ благоустройствомъ Устькаменогорскъ обязанъ энергичному составу гласныхъ, стоявшихъ во главѣ общественнаго управленія въ послѣднія два четырехлѣтія.

Сообщеніе со степью производится съ помощію двухъ самолетовъ: верхняго—казеннаго прямо Пристани и нижняго городскаго прямо крѣпости. Благодаря быстрому теченію, нижній самолетъ перебѣгаетъ Иртышъ въ 3—4 минуты. Верхній дѣйствуетъ медленнѣе.

Рядомъ съ городомъ расположена *Устькаменогорская* станица, у которой съ горожанами идутъ безконечные земельные споры. Особенно обездоленными въ землѣ оказались жители «Заимки. Прямо крѣпости

на лѣвой сторонѣ Иртыша не особенно давно основался *Устькаменогорскій* казачій поселокъ, куда иногда съѣзжаются дачники на кумысъ. Выше города, почти при самомъ устьѣ горъ, у подошвы каменнаго хребта пріютилось село томской губерніи *Пристань*. На Пристани еще и сейчасъ видны остатки разной руды, которая раньше сплавлялась на карбазахъ изъ Зыряновскаге рудника и громадными кучами ссыпалась на Пристани. Отсюда руда развозилась крестьянами по разнымъ плавильнымъ заводамъ барнаульскаго уѣзда, гдѣ и перерабатывалась на соотвѣтствующій металлъ. Пристанцы, въ періодъ расцвѣта горнопромышленной дѣятельности Зыряновскаго рудника, почти всѣ сплошь занимались сплавкою руды, которую принималъ на Пристани горный приставъ. Впослѣдствіи мѣстомъ для склада руды былъ назначенъ Убинскій фарпостъ (нынѣ станица), откуда руда и отправлялась по заводамъ. Въ настоящее время пристанцы занимаются главнымъ образомъ хлѣбопашествомъ. Пристань обосновалась на кабинетской землѣ. Городъ, благодаря своему росту, близко подошелъ къ Пристани и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ соединится съ ней. Пристань отдѣляетъ отъ города большая канава, устроенная городомъ для стока въ Иртышъ снѣговой, горной воды.

Въ окрестностяхъ Устькаменогорска находится много пасѣкъ, среди которыхъ попадаются —съ рамочными ульями. Въ Устькаменогорскихъ горахъ, верстахъ въ 8 отъ города, можно встрѣтить громадный вкопанный въ землю, но уже сильно накренившійся «каменный столбъ». Со столбомъ связано преданіе, которое гласитъ, что къ каменному столбу одинъ богатырь, жившій нѣкогда въ горахъ, привязывалъ своего коня. Въ верхней части столба виднѣется довольно замѣтная выемка— слѣдъ—по преданію—отъ лошадиннаго повода. Далѣе столба, версты на двѣ, вырабатывается прекрасный известнякъ. Жители города занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Изъ Устькаменогорска я выѣхалъ на лошадяхъ по алтайскому тракту, къ поселку *Ульбинскому* (27 в.). Въ десяти верстахъ отъ города расположено село *Согринское* (Томск. губ.) Дорога къ нему пролегаетъ по гладкой равнинѣ. Село прорѣзаетъ рѣчка *Согра*, съ сѣверо-западной стороны которой внушительно острыми утесами спускается къ почтовой

дорогѣ и деревянному мостику черезъ Согру такъ называемая *засѣдательская* сопка. Названіе горѣ дано вслѣдствіе того, что здѣсь, нѣкогда, разбился на смерть земскій засѣдатель, прыгнувшій съ вершины горы внизъ на утесы. Слѣдующія десять верстъ дорога идетъ также по ровному мѣсту, почти параллельно берегу рѣки Ульбы. На 20-й верстѣ—перевозъ черезъ Ульбу. Здѣсь ходитъ на канатѣ паромъ. Переправа регулируется таксой, утвержденной 21 сентября 1880 г. генералъ-губернаторомъ западной Сибири, генералъ-адъютантомъ Мещериновымъ. Тотчасъ-же по съѣздѣ съ парома приходится подниматься на довольно крутую гору, прямо которой соединяются двѣ Ульбы, рѣзко различающіеся между собой цвѣтомъ воды (бѣлый и черный). Съ горы отчетливо слышенъ шумъ Ульбы. На 24-й верстѣ лежитъ очень высокая и крутая *Затинщикова* гора, съ которой невозможно спускаться безъ тормаза. Начало спуска—въ каменистой разработанной породѣ. Говорятъ, что здѣсь когда-то убился казакъ Затиньщиковъ. Внизу Затиньщиковой горы съ шумомъ мчится Ульба, дѣлая въ фарватерѣ разныя извилины. Спустившись съ горы, дорога на протяженіи верстъ 2—3 прячется въ чащи кустовъ. Передъ самымъ поселкомъ возвышается крутая гора, съ которой дорога скатывается прямо въ поселокъ Ульбинскій. Въ малую воду ѣздятъ подъ горой, черезъ такъ называемую «рѣжь». Здѣсь дорога проходитъ по рѣкѣ, у самой стѣны утесовъ. Въ половодьѣ рѣжь заливается настолько, что о проѣздѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Прямо рѣжи, на противоположномъ берегу Ульбы, виднѣется бельведеръ пасѣки извѣстнаго пчеловода А. Н. Федорова. Въ 1½—2 верстахъ отъ поселка въ Ульбу впадаетъ съ южной стороны *Полежаевъ* ключь, а подлѣ самаго поселка *Колесниковъ* ключь. Послѣдній усѣянъ камнями и съ шумомъ вбѣгаетъ въ Ульбу. Ульбинскій поселокъ занялъ небольшую равнину, со всѣхъ сторонъ закрытую высокими горами. Поселокъ утопаетъ въ зелени садовъ. По улицамъ съ журчаньемъ пробѣгаютъ арыки, которыми пользуются для поливки огородовъ.

Ульбинскъ—излюбленное мѣсто дачниковъ. Сюда много съѣзжается народа изъ ближайшихъ городовъ.

Благодаря наѣзду дачниковъ, цѣны на все поднимаются. Въ 1905

г. въ Ульбинскѣ проживало до тридцати пріѣзжихъ семействъ. Въ поселкѣ есть церковь, построенная при участіи дачниковъ, и школа. Попечителемъ въ послѣдней состоитъ А. Н. Федоровъ. По иниціативѣ попечителя, въ Ульбинскѣ состоялся въ пользу школы спектакль, давшій чистаго сбора нѣсколько десятковъ рублей. Это, кажется, единственный спектакль за все время существованія поселка. Естественно, что зрѣлище внесло большое оживленіе въ поселковую жизнь. Окрестности Ульбинска очень живописны. Окружающія поселокъ горы охотно посѣщаются дачниками. Часто дачники большими кавалькадами отправляются въ горныя ущелья, представляющія замѣчательно красивыя мѣста. Эти интересныя поѣздки даютъ массу освѣжающихъ впечатленій, которыя надолго остаются въ памяти. Въ окрестностяхъ Ульбинска есть нѣсколько пасѣкъ, среди которыхъ первое мѣсто по благоустроенности занимаютъ пасѣки А. Н. Федорова. Казаки, населяющіе поселокъ, занимаются хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ и сплавкою лѣса въ Устькаменогорскъ. Пашни ульбинцевъ находятся за Ульбой. Когда вода въ рѣкѣ спадаетъ въ достаточной степени, («становится на мѣру»), въ опредѣленномъ мѣстѣ Ульбы, немного ниже поселка, намѣчается бродъ. Большіе камни разбираются, въ качествѣ вѣхъ складываются по сторонамъ брода, и, такимъ образомъ, является возможность переѣзжать рѣку верхомъ и въ телѣгѣ (*)

Изъ Ульбинска дорога идетъ въ поселокъ *Феклистовскій* ($15^1/_2$ в.). Трактъ пролегаетъ по живописнѣйшему ущелью, которое называется *Проходнымъ*. Трудно учесть всю красоту ущелья. Здѣсь каждый поворотъ дороги открываетъ виды, одинъ красивѣе другого. Ущелье прорѣзается рѣчкой *Проходной*, которую приходится переѣзжать нѣсколько разъ. Горная рѣчка извилялась въ лощинахъ и съ ревомъ сбѣгаетъ въ Ульбу, перескакивая на своемъ пути естественные каменныя преграды и пороги и подмывая корни деревьевъ, густо склонившихся къ Проходной. Иногда при поворотахъ дороги видно, какъ мечется ха-

(*) Между прочимъ въ домѣ казака Кочергина есть вещи, пріобрѣтенныя отъ князя Эристова, при отъѣздѣ его въ Россію: большая деревянная кровать, диванъ, столъ и кресло. Самъ Эристовъ имѣлъ хуторъ, расположенный по тракту Согра—*Тарханка*. Этотъ хуторъ и теперь еще извѣстенъ подъ именемъ ***Княжьяго хутора***. Расположенъ онъ на землѣ поселка Ульбинскаго и занятъ мельницей.

ріусъ, стараясь поймать упавшее въ рѣчку насѣкомое. Чѣмъ дальше уходитъ дорога къ поселку Феклистовскому, тѣмъ выше становится мѣстность. Дорога замѣтно поднимается кверху. Особенно крутыя горы попадаются на 7 и 12 верстахъ. На 4-й верстѣ черезъ Проходную переброшенъ мостъ, съ сѣверной стороны котораго высится каменная стѣна утесовъ. На южной сторонѣ много деревьевъ, преобладаютъ осина, тополь и мелкій кустарникъ. Съ сѣверной стороны расположены большія семьи пихтъ. На дальнѣйшемъ пути породы дерѣвьевъ перемѣшиваются и вы можете видѣть большое разнообразіе деревьевъ, въ изобиліи украшающихъ обѣ стороны горъ.

По мѣрѣ приближенія къ Феклистовкѣ, ущелье расширяется. Горы нѣсколько отступаютъ отъ дороги, менѣе покрыты лѣсомъ и представляютъ богатыя пастбища. На 12-й верстѣ лежитъ пасѣка, принадлежавшая нѣкогда генералу Шайтанову. Пасѣка была продана усть-каменогорскому мѣщанину Емуранову, который перепродалъ ее нѣкоему Казакову. Пасѣка существуетъ съ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Среди разныхъ хозяйственныхъ построекъ выдѣлялся красивый павильончикъ, къ которому черезъ горный ключъ велъ мостикъ. Теперь постройки очень запущены и павильонъ обратился въ старую расшатанную будку, наводящую тоску(*). Пасѣка Шайтанова заняла живописный уголокъ въ горахъ и невольно привлекала вниманіе проѣзжающихъ. Для посѣтителей существовала книга, куда туристы заносили свои фамиліи и впечатлѣнія о пасѣкѣ. Затѣмъ пасѣка перешла въ другія руки и новый владѣлецъ обратилъ все свое вниманіе по-

(*) Пасѣку посѣтилъ великій князь Владиміръ Александровичъ со свитой. Въ память этого посѣщенія въ павильонѣ виситъ мѣдная дощечка съ слѣдующею надписью:

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ въ проѣздъ по Западной Сибири удостоилъ принять здѣсь завтракъ 19-го іюня 1868 г. въ 2 ч. пополудни.

При немъ находились:

Генералъ адъютантъ графъ Б. А. Перовскій. Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Г. Т. Бокъ. Флигель-адъютантъ Н. Н. Литвиновъ. Академикъ А. С. Миддендорфъ съ сыномъ Карломъ. Докторъ О. С. Энкифъ. Секретарь В. А. Ситинъ. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири А. П. Хрущевъ. Военный губернаторъ Семипалатинской области В. А. Полторацкій. Томскій губернаторъ Н. Н. Родзянко. Непр. Должн. Наказн. Атаманъ М. Н. Казачининъ. А. И. Крупенниковъ. А. К. Маклаковъ.

ключительно на ея эксплоатацію. Въ настоящее время насѣка производитъ впечатлѣніе старой заброшенной заимки.

Передъ насѣкой дорога взбѣгаетъ на крутую горку, съ которой болѣе версты идетъ спускъ, переходящій затѣмъ версты на двѣ въ крутой подъемъ. Вершина подъема заканчивается небольшой площадкой, открывающей широкіе горизонты. Ландшафтная живопись чередуется съ горнымъ рельефомъ прииртышскихъ и заиртышскихъ хребтовъ. Съ площадки дорога отлого сбѣгаетъ въ поселокъ, передъ которымъ попадается кладбище съ нѣсколькими деревьями на немъ. Феклистовка—маленькій поселокъ, не такъ давно сильно пострадавшій отъ большого пожара. При въѣздѣ въ поселокъ встрѣчается маленькая водяная мельница, вымалывающая 3—5 пуд. хлѣба въ сутки. На краю поселка стоитъ церковь. Есть и школа. Къ сѣверовостоку отъ поселка, въ верстѣ-двухъ, высится гора *Чикмара*. На вершинѣ ея растетъ черника. Противоположная сторона Чикмары покрыта густымъ лѣсомъ, который уходитъ въ долину. Лѣсъ состоитъ изъ пихты, березника и осинника.

Тринадцать съ половиной верстъ ($13^1/_2$ в.) отдѣляютъ Феклистовку отъ слѣдующаго за ней поселка—*Сѣвернаго*. Путь къ Сѣверному пролегаетъ по черноземному грунту и открытымъ горамъ. Мѣстность, по которой проходитъ трактъ, представляетъ цѣлую серію волнообразныхъ холмовъ, довольно значительной высоты. По этимъ холмамъ и вьется почтовый путь. Переѣздъ къ Сѣверному открываетъ полное отсутствіе лѣса въ этой мѣстности, но горы и скаты къ нимъ покрыты густой и сочной травой, представляя изъ себя отличныя пастбища. Среди травы пестрѣетъ масса всевозможныхъ цвѣтовъ.

Передъ самымъ Сѣвернымъ поселкомъ дорога врѣзывается въ ущелье и идетъ нѣкоторое время параллельно такъ называемому *Партійному* ключу. Такое названіе дано горному ключу еще въ тѣ, довольно отдаленныя времена, когда здѣсь бродили партіи горнозаводскихъ рабочихъ, отыскивая горныя богатства. Партійный ключъ беретъ свое начало съ югозападной стороны, верстахъ въ четырехъ отъ поселка и впадаетъ въ рѣчку *Смолянку*. Поселокъ облегаютъ густыя залежи известняка. Послѣдній обжигается въ окрестностяхъ Сѣ-

вернаго въ простыхъ выкопанныхъ ямахъ, которыя играютъ роль печей. По дорогѣ въ поселокъ часто попадаются кучи бѣлаго наломаннаго камня. Тутъ-же обыкновенно чернѣются и ямы-печи. Известка доставляется для продажи въ г. Устькаменогорскъ. Поселокъ Сѣверный расположенъ на берегу рѣчки Смолянки.

Эта рѣчушка беретъ свое начало приблизительно верстахъ въ тридцати отъ поселка, къ востоку, и въ дальнѣйшемъ теченіи раздѣляется на два рукава: «Большая Смолянка» и «Малая Смолянка». Недалеко отъ поселка оба рукава сливаются въ одно русло и, протекая уже дальше однимъ фарватеромъ, впадаютъ въ Иртышъ.

Поселокъ Сѣверный, одного характера съ предыдущими поселками. Когда-то онъ вмѣстѣ съ Феклистовкой и Ульбинскомъ игралъ роль военнаго редута, являясь звеномъ въ коммуникаціонной цѣпи, затѣмъ съ теченіемъ времени, принялъ характеръ скромнаго поселенія, жители котораго обратились къ мирному труду. Казаки занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, частію пчеловодствомъ. Берутъ такъ-же подряды на сплавъ лѣса въ Устькаменогорскъ. Въ поселкѣ имѣется маленькая и бѣдненькая школа.

Изъ Сѣвернаго минуя Феклистовскій и Ульбинскій поселки, можно проѣхать прямымъ путемъ въ Устькаменогорскъ. Этотъ путь— верховой.

Сѣверный поселокъ смѣняетъ станція *Александровская* ($18\frac{1}{2}$ в.). На этомъ пути повторяется характеръ мѣстности между поселками Ульбинскомъ и Феклистовскомъ. Дорога изъ поселка Сѣвернаго сразу же поднимается на крутую гору и идетъ такимъ образомъ на протяженіи около $2\frac{1}{2}$ верстъ, а потомъ отклоняется на юговостокъ. Подъемъ этотъ очень тяжелъ. Окрестности дороги представляютъ обширныя площади отличной кормовой растительности. Если отсюда оглянуться назадъ, то глазамъ представляется поселокъ, затерявшійся въ ущельи, и рѣчка Смолянка, пробѣгающая черезъ поселокъ. Поднявшись на крутую гору, дорога съ версту идетъ по ровной мѣстности, затѣмъ извилистой лентой довольно круто спускается внизъ до четвертой версты.

Съ пятой версты опять крутой спускъ къ рѣчкѣ *Крестовкѣ*, черезъ которую переброшенъ мостикъ. Около Крестовки помѣстились заросли тальника. Отъ Крестовки, съ 6-й версты, идетъ подъемъ, отлого переходящій въ довольно ровную мѣстность, едва замѣтно поднимающуюся къ 7-й верстѣ. Отсюда дорога сбѣгаетъ къ *Басову* ключу, а отъ него взбирается вверхъ и съ 8-й версты извилисто скрывается внизъ, выбѣгая на 9-й верстѣ къ рѣчкѣ *Осиновкѣ*. Начиная съ этого мѣста, скаты и бока горъ покрываются зарослями тальника, березокъ, осинъ и мелкаго кустарника. Передъ 10 верстой дорога ломается крутымъ землянымъ горбомъ, отъ котораго идетъ каменистый грунтъ въ тѣни склонившихся къ дорогѣ кустовъ тальника. Съ половины 11-й версты идетъ замѣтный косогоръ, красиво окаймленный бордюромъ разнохарактерной горной зелени и къ 12-й верстѣ выравнивается въ открытую площадку, принявшую въ себя дорогу.

Горный рельефъ мѣстности причудливо мѣняется мягкаго очертанія зелеными горами и декоративными холмами. Передъ 13-й верстой лежитъ очень крутая и высокая гора *Коровье Сѣдло*. Одолѣть Сѣдло дѣло далеко не легкое. Приходится выходить изъ экипажа и взбираться пѣшкомъ. Здѣсь и для пассажировъ и для лошадей много работы. Но за то когда достигаешь вершины Сѣдла, то открывающіеся здѣсь виды съ избыткомъ вознаграждаютъ за всю усталость и обильный потъ, въ связи съ которыми совершается подъемъ на Сѣдло. Глазъ не въ состояніи обнять цѣлое море горъ, сѣдыми гребнями уходящихъ въ даль. Громадные, каменистые валы, по мѣрѣ удаленія въ разныя стороны, чуть замѣтной полоской сливаются съ горизонтомъ.

Если на Сѣдло нужно взбираться пѣшкомъ, то и спускаться съ него можно то-же только пѣшкомъ. Спускъ еще круче и длиннѣе, нежели подъемъ. Какъ будто спускаешься въ какую-то глубокую яму. Грунтъ—каменистый. Крутизна идетъ на протяженіи версты и смѣняется *Пихтовскимъ* ущельемъ. Съ 14-й до 15-й версты рѣчка *Пихтовка* бѣжитъ въ крутыхъ берегахъ. Дорога проходитъ тѣнистой аллеей. За 16-й верстой изъ каменистой массы, окружающей Пихтовку, къ дорогѣ выпали громадные камни, образовавшіе въ своемъ соединеніи пустоту. Мѣстность по ущелью спускается все ниже и ниже. Од-

на терраса смѣняется другой, соперничая въ красотѣ. Пихтовское ущелье тянется на протяженіи шести верстъ и кончается верстахъ въ двухъ передъ Александровскимъ поселкомъ. Пихтовка представляетъ чарующую, чудно-художественную панораму. Рѣчка Пихтовка извилялась въ ущельи и каскадно, до бѣлой пѣны, уступами сбѣгаетъ внизъ. Иногда ей тѣсно пробиваться въ каменистой преградѣ и она выбѣгаетъ на дорогу, заливая путь и обдавая брызгами огромные камни, разбросанные на дорогѣ. По сравненіи съ ущельемъ Проходнымъ, Пихтовка дичѣе, дѣвственнѣе и грандіознѣе. Природа здѣсь безподобна въ своемъ творчествѣ и геніальна въ своихъ комбинаціяхъ. Трудность и колотливость пути совершенно стушевываются передъ красотой мѣстности. Сопровождавшій меня въ поѣздкѣ малецъ-гимназистъ находилъ въ Пихтовкѣ и косматую голову льва, и парящую надъ вершинами утесовъ фигуру орла и спокойно лежащую надъ обрывомъ скалы фигуру собаки и пр. и пр.

Трудно перечислить удивительное по своей красотѣ и разнообразію сочетаніе художественныхъ формъ природы, создавшей на протяженіи шести верстъ замѣчательно поэтическую обстановку. Каждая пядь земли Пихтовки представляетъ свой интересъ и художественный и, вѣроятно, и научный. Пихтовка оканчивается верстахъ въ двухъ передъ Александровскимъ поселкомъ. Эти двѣ версты разстоянія совершенно меркнутъ передъ красотой ущелья.

Александровскій поселокъ—маленькое и убогое поселеніе, страдающее къ тому же, какъ мнѣ передавали жители, еще малоземельемъ. Эта земельная тѣснота побудила александровцевъ выселиться къ Иртышу, куда имъ хотѣлось провести и почтовый трактъ изъ Сѣвернаго, чтобы миновать трудное для проѣзда Пихтовское ущелье. Съ Иртыша почтовый путь предполагали направить уже на Бухтарму. Но администрація не разрѣшила измѣнить линію почтоваго тракта и указала на необходимость, въ случаѣ окончательнаго переселенія изъ стараго, Александровскаго поселка къ Иртышу въ Ново Александровскій,—оставить въ старомъ поселкѣ пикетъ для почтовой гоньбы. Александровка распалась. Часть казаковъ осталась на прежнемъ мѣстѣ, въ старомъ поселкѣ, другая—выселилась на югозападъ отъ поселка, вер-

сты на четыре и образовала на берегу Иртыша *Ново-Александровскiй* поселокъ. Оба поселка соединяетъ колесная дорога.

Изъ Александровска до *Бухтарминской* станицы 25½ верстъ. Мѣстность гористая, грунтъ частiю каменистый, мѣстами черноземный. Дорога пересѣкается нѣсколькими рѣчками: на 3-й верстѣ—*Серебрянкой*, на 11-й—*Козловкой* и на 22-й *Селезневкой*. Ѣзда черезъ нихъ бродомъ. Дорожные увалы не носятъ рѣзко-каменистый характеръ. Растительность не богата разнообразiемъ и красотой, а въ концѣ пути вмѣстѣ съ мѣстностью принимаетъ безцвѣтный видъ. Съ рѣчкой Селезневкой связывается представленiе о нѣкоемъ Афанасiи Селезневѣ, типичномъ представителѣ вольной алтайской колонизацiи, которая тамъ всегда шла впереди правительственной. Смѣлый духомъ, неутомимый и предпрiимчивый, съ богатой иницiативой, съ желѣзной волей, человѣкъ, вообще, недюжинныхъ способностей, Селезневъ оставилъ по себѣ на Алтаѣ память, которая держится еще и теперь, не смотря на то, что насъ отдѣляютъ отъ того момента, когда онъ жилъ, почти два столѣтiя. Даже по Иртышу, ниже Устькаменогорска, мнѣ приходилось слышать про Селезнева. Народное сознанiе закрѣпило въ своей памяти этого типичнаго представителя сибирской вольницы, назвавъ одну рѣчку Селезневкой. На 12-й верстѣ отъ Александровки стоитъ небольшой *Березовскiй* поселокъ. Передъ Селезневкой попадается перевалъ, съ котораго въ солнечный день ясно можно видѣть блестящiе отливы снѣжнаго Нарымскаго хребта.

Станица Бухтарминская есть первое многолюдное селенiе, попадающееся на пути, послѣ выѣзда изъ Устькаменогорска. Переѣздъ Устькаменогорскъ-Бухтарма опредѣляется въ сто верстъ. Станица по числу жителей, количеству домовъ и нѣкоторой зажиточности населенiя замѣтно выдѣляется среди другихъ казачьихъ поселковъ. Станица обосновалась на правомъ берегу рѣки *Бухтармы*. Построена она была въ стратегическихъ цѣляхъ въ концѣ 18-го столѣтiя (1781 г.) и представляла изъ себя крѣпость, обезпечивавшую съ одной стороны свободное передвиженiе по Иртышу, съ другой—охранявшую выходъ изъ горъ. Когда съ успокоенiемъ края крѣпость потеряла свое значенiе, взамѣнъ ея появилось простое поселенiе, обратившееся затѣмъ въ станицу. Ка-

заки предались мирному занятію хлѣбопашествомъ, пчеловодствомъ, рыбалкой и т. п. Въ крѣпости отбывалъ ссылку съ 1829 по 1837 г.г. декабристъ, отставной подполковникъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, занимавшійся въ крѣпости, по аттестаціи начальства, «чтеніемъ имѣвшихся у него книгъ на разныхъ діалектахъ». 5-го февраля 1832 г. Муравьевъ-Апостолъ женился въ Бухтарминской крѣпости на дочери священника Константинова. Возвратился Матвѣй Ивановичъ въ Европейскую Россію изъ ссылки въ 1856 г., по воспослѣдованіи Высочайшаго манифеста отъ 26 го августа 1856 года(*). Остатки Бухтарминской крѣпости видны и сейчасъ въ видѣ осѣвшаго вала, по которому свободно гуляетъ скотъ.

Крѣпостныя зданія давно снесены и проданы на сломъ почти за безцѣнокъ. Остался только разрушенный фундаментъ, изъ котораго жители иногда пользуются разбросаннымъ кирпичемъ. Бухтарминская крѣпость значительно меньше по своимъ размѣрамъ Устькаменогорской. Упраздненіе крѣпости, по словамъ старожиловъ, произошло не особенно давно, лѣтъ около тридцати тому назадъ. Отличный военный госпиталь былъ купленъ устькаменогорскимъ горнымъ приставомъ Голубицкимъ за 60 руб. Въ крѣпости стояла рота солдатъ и часть артиллеристовъ (1/4 роты) въ количествѣ 60 человѣкъ съ 8-ю орудіями, по два орудія на бастіонъ. Въ такомъ оборудованномъ видѣ крѣпость не на шутку могла внушить страхъ разнымъ кочевникамъ, бродившимъ въ горахъ. Въ числѣ крѣпостного гарнизона, отбывавшаго военную службу, много было ссыльныхъ поляковъ-повстанцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по словамъ стариковъ казаковъ, отличались «большой ученостію и высокой честностію». Одинъ изъ такихъ ссыльныхъ интеллигентовъ подрядъ 20 лѣтъ былъ артельщикомъ въ крѣпости, т. е. занималъ должность, требовавшую аккуратности, добросовѣстности и честности. Нѣсколько человѣкъ изъ поляковъ, отбывъ военную службу, женились на мѣстныхъ казачкахъ и были приписаны затѣмъ къ различнымъ мѣщанскимъ обществамъ. Въ крѣпости жило нѣсколько арестантовъ для черныхъ работъ. Въ станицѣ имѣется церковь, въ оградѣ

(*) «Декабристы въ Западной Сибири» Дмитріева-Мамонова. Изд. 1895 г. стран. 101, 104 и 32.

которой лежатъ двѣ громадныхъ, чугунныхъ пушки старой конструкціи, школы, почтово-телеграфное отдѣленіе, казенная винная лавка, станичное правленіе, четыре лавки, изъ нихъ три съ краснымъ товаромъ, двѣ кузницы, 1 кожевенный и 1 маслодѣльный заводы, колесная водяная мельница и до десяти мелкихъ мельницъ простѣйшаго устройства, такъ называемыхъ «мутовокъ».

Съ сѣверной стороны станицы, въ 1/2 верстѣ, красивымъ декоративнымъ холмомъ возвышается конусообразная сопка, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ. Называется она «*Мохнатой сопкой*».

За крѣпостнымъ валомъ грозно высится скалистый берегъ *Бухтармы*. Гранитныя наслоенія гигантскими массами висятъ надъ рѣкой, образуя собой плотную каменистую толщу, береговые выступы которой извѣстны въ Бухтармѣ подъ именемъ *Быковъ*. Быки грозны и съ берега и съ рѣки. Въ углубленіи ихъ живутъ голуби. Бухтарма съ шумомъ и ревомъ пробѣгаетъ мимо быковъ. Быстрота теченія особенно замѣтна, когда плывутъ плоты. На верхнихъ каменныхъ плитахъ быковъ видны слѣды копытъ. По этому поводу существуетъ легендарный разсказъ про одного богатыря, прыгнувшаго на лошади съ быковъ черезъ рѣку на такъ называемый *Торговый яръ* (около 2-хъ верстъ). Отъ этого гигантскаго прыжка остался якобы лошадиный слѣдъ. Какъ ни авторитетно разсказывается эта легенда, но въ нее плохо вѣрятъ даже дѣтишки. Богатырскій эпосъ давно отошелъ въ область преданій и молодое поколеніе скептически относится къ различнаго рода легендарнымъ сказаніямъ, довольно не двусмысленно подсмѣиваясь надъ наивной вѣрой стариковъ. Въ станицѣ Бухтарминской мнѣ пришлось задержаться на довольно продолжительное время, которое я употребилъ на обзоръ крѣпости и окрестностей. Равнина, на которой расположилась станица, не представляетъ художественнаго интереса.

Изъ станицы непосредственно приходится переправляться черезъ рѣку Бухтарму. Прямо перевоза находится прекрасная роща изъ тальника, ветлы и тополя. Подъ кустами разставлены юрты. Паромъ на Бухтармѣ сдается обществомъ въ аренду киргизамъ-табунщикамъ (въ 1905 г. за 20 руб. въ лѣто). Паромъ самаго простого устройства:

двѣ лодки, скрѣпленныя жидкими плахами; ходитъ на гребяхъ. Теченіе Бухтармы прямо перевоза медленное. За Бухтармой дорога верстъ на пять идетъ прекраснымъ лугомъ, потомъ взбирается на горку и по ровному каменистому грунту направляется къ Иртышу. По обѣимъ сторонамъ дороги попадаются оригинальныя каменныя матрацовыя наслоенія. На 8-й верстѣ отъ станицы дорога скатывается къ Иртышу и подходитъ къ селенію Томской губерніи *Гусиная Пристань*. Здѣсь пароходная пристань Верхне-Иртышскаго Товарищества. На берегу я замѣтилъ груды разныхъ предметовъ, подлежащихъ сплаву, и закрытыхъ брезентомъ. Съ 16-й версты идетъ крутой и глубокій спускъ между высокими горами, въ которыхъ затеривается дорога. Здѣсь приходится довольно осторожно спускаться по каменистому желобу, принявшему почтовый трактъ. Крутизна идетъ около версты, послѣ чего дорога спускается отлого и подбѣгаетъ къ поселку *Воронинскому* (19 в.). За Иртышемъ виднѣется каменная гряда горъ, кой-гдѣ покрытыхъ одинокими деревьями. Поселокъ обращаетъ на себя вниманіе бѣдностію. Домики маленькіе, черные, грязные. Дворы ветхіе, полуразвалившіеся, огороженные покривившимися и осѣвшими плетнями. Берегъ рѣки заваленъ назьмомъ. На противоположной сторонѣ Иртыша, нѣсколько выше поселка, берегъ обнаженъ и сходитъ въ рѣку крутымъ глинистымъ яромъ. Жители занимаются хлѣбопашествомъ и рыбалкой.

До *Черемшанской* станціи 20½ верстъ. Дорога ровная, пролегаетъ по черноземному грунту и идетъ сначала параллельно Иртышу, а затѣмъ отклоняется къ сѣверовостоку. Верстахъ въ 4—5 передъ Черемшанкой трактъ снова подходитъ къ Иртышу и идетъ по берегу до самаго поселка. На 16-й верстѣ на кабинетской землѣ лѣтъ 13 тому назадъ основался поселокъ *Новоникольскій*, населенный крестьянами Бухтарминскихъ волостей. Въ поселкѣ до 10 домовъ. Онъ постоянно обновляется вновь прибывающими, которые, однако, не задерживаются здѣсь надолго и опять уходятъ на новыя мѣста.

Поселокъ Черемшанскій производитъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ Воронинскій. Въ поселкѣ—двѣ улицы, изъ которыхъ одна большая и ровная засажена березами, тополемъ, ветлами. Благодаря обилію деревьевъ, Черемшанка выглядываетъ маленькимъ оазисомъ въ малопригляд-

ной мѣстности, окружающей поселокъ. Жители сѣятъ хлѣбъ, различныя овощи, табакъ, занимаются рыбалкой. Рыбачатъ неводами, мордами, вентелями. Съ восточной стороны поселка въ верстѣ находится рѣчка *Черемшанка*, впадающая въ Иртышъ. Изъ нея проведены арыки для поливки огородовъ. Мѣстность до слѣдующей станціи *Мало-Красноярской* (20 в.) холмистая, съ степнымъ характеромъ. Въ верстѣ-двухъ отъ Черемшанки блестятъ густые солонцы. Попадаются большія площади высокой полыни, перемежающіеся съ чіемъ и таволгой. На 10-й верстѣ встрѣчается рѣчка *Таволожанка*, черезъ которую переброшенъ мостъ—ловушка—нѣсколько жидкихъ плашекъ безъ перилъ. Передъ Малокрасноярскомъ, на громадной площади въ нѣсколько верстъ, виднѣется только полынь, чій и таволга. Черноземный грунтъ мѣняется съ каменистымъ. Малокрасноярскъ—очень убогій поселокъ, съ ветхими деревянными и частію глиняными домами. Прислужныя постройки во многомъ также сооружены изъ глины. Въ поселкѣ нѣтъ даже лавочки. Казаки покупаютъ необходимые товары и разную базарную мелочь у бродячихъ торговцевъ, которые, по пріѣздѣ въ поселокъ, обыкновенно у своей-же телѣги устраиваютъ торговую палатку. Для собственнаго прокормленія казаки сѣятъ хлѣбъ. Но, по словамъ жителей, на хлѣбопашествѣ вредно отзываются частые туманы и засухи. Неурожаи—обыкновенное явленіе. Съ большимъ стараніемъ малокрасноярцы занимаются рыболовствомъ. Пойманную рыбу—щуку, язя, леня и др. продаютъ крестьянамъ. Зимою много ловится налима.

Изъ Малокрасноярска почтовый трактъ идетъ до станціи *Большенарымской* (26½ в.). Дорога ровная, пролегаетъ степью по черноземному грунту. Въ четырехъ верстахъ отъ Малокрасноярска по тракту расположены пашни, орошаемыя арыками, проведенными изъ рѣчки *Алыбая*, которая находится въ шести верстахъ отъ пашней. На 24-й верстѣ протекаетъ рѣчка *Джуръ-Джебала*, на 26-й—ключь, черезъ которые устроены мостики. Изъ Малокрасноярска виднѣется горный массивъ Алтайскаго хребта, у подошвы котораго раскинулся Большенарымскій поселокъ. Здѣсь имѣются—церковь, школа, почтовое отдѣленіе съ сберегательной кассой. Улицы поселка пыльныя.

Поселокъ *Малонарымскій* (16 в.) расположенъ на рѣчкѣ *Мало-*

нарымкѣ. Въ поселкѣ есть школа и двѣ лавочки. Поселокъ носитъ отпечатокъ матеріальной необезпеченности. Въ четырехъ верстахъ отъ поселка съ сѣверной стороны лежитъ деревня Томской губерніи *Солоновка.* Въ ней устроенъ маслодѣльный заводъ, принадлежащій Усть-каменогорскому купцу Мѣновщикову. Въ Солоновку свозятъ сливки изъ поселковъ Малонарымскаго, Большенарымскаго и деревень *Бурановой* и *Огневой* (Томск. губ.). Переѣздъ до слѣдующей *Таловской* станціи (28 в.) занимаетъ около трехъ часовъ времени и представляетъ значительный интересъ. По дорогѣ встрѣчается нѣсколько рѣчекъ. Прежде всего на первой верстѣ приходится переѣзжать Малый Нарымъ. Затѣмъ дорогу неоднократно пересѣкаетъ *Большой Нарымъ.* Эта рѣка, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и характеру теченія, замѣтно отличается отъ Малаго Нарыма. Извилистый путь пересѣкается Большимъ Нарымомъ на 9, 15, 24 и 26 верстахъ. Черезъ рѣчки Малый Нарымъ и Большой Нарымъ устроены мосты. На 26-й верстѣ дорога прорѣзается рѣчкой *Таловкой,* черезъ которую ѣздятъ бродомъ. Съ 18-й версты идетъ очень красивое ущелье и тянется до 3-хъ верстъ. Горы то какъ будто совершенно сливаются вмѣстѣ и застилаютъ путь, то расходятся отъ дороги, открывая свободный проѣздъ. Горы, прилегающія къ почтовому тракту, очень красивы. За поворотомъ дороги вы встрѣчаете то громадную каменную стѣну утесовъ, уходящую въ высь, то пологіе склоны холмовъ, залитыхъ блестящимъ отливомъ красивой зелени. Говорятъ, что это ущелье является самымъ живописнымъ уголкомъ во всей Нарымской долинѣ.

Таловка, или по уличному названію *Солдатова,*—большое крестьянское село Томской губ. Улицы обсажены ветлами, въ тѣни которыхъ скрываются дома. Близкое присутствіе лѣса сказалось въ прочныхъ и помѣстительныхъ постройкахъ, сооруженныхъ изъ толстой лиственицы. Внутри дома расписаны различными узорами. Потолки, двери и косяки оконъ нерѣдко украшены цвѣтными пѣтухами и замысловатыми цвѣтами, составляющими плодъ творческой фантазіи спеціальныхъ крестьянскихъ художниковъ, разъѣзжающихъ по селамъ. Подобная орнаментика довольно часто встрѣчается въ селахъ съ старообрядческимъ населеніемъ. Таловка—зажиточное село. Здѣсь построены министерская шко-

ла и винная лавка, имѣются двѣ лавочки съ мелочнымъ товаромъ и два маслодѣльныхъ завода. Въ Таловкѣ преобладаетъ старообрядческій элементъ. Всего насчитывается 1260 душъ, изъ нихъ православныхъ 57 д., безпоповцевъ 1067 и поморцевъ 136. Безпоповцы и поморцы имѣютъ свои молитвенные дома (молельни). Указъ 17-го апрѣля встрѣченъ представителями «древляго благочестія» съ чувствомъ большого нравственнаго удовлетворенія.

По словамъ постоянныхъ интеллигентныхъ обитателей старообрядческихъ селъ, настроеніе у старообрядцевъ послѣ выхода указа—приподнятое.

Таловка населена представителями вольной колонизаціи изъ крестьянъ Томской губерніи и Европейской Россіи. Явившись сюда, они самовольно заняли не принадлежащую имъ мѣстность, прогнали кочевавшихъ здѣсь киргизъ и сдѣлались господами положенія. Когда въ 1864 г. была проведена государственная граница, раздѣлявшая территоріи Россіи и Китая, и районъ таловской мѣстности въ Нарымской долинѣ, въ силу Чугучакскаго договора отошелъ къ Россіи, таловцы встрѣтили это событіе спокойно. Мѣстность фактически была закрѣплена за ними еще раньше договора съ Китаемъ и уступать ее они не были намѣрены никому, тѣмъ болѣе китайскимъ подданнымъ.

Таловка соединяется съ *Медвѣдской* станціей (17 в.) хорошей трактовой дорогой, которая носитъ на своемъ протяженіи то характеръ черноземнаго грунта, то степной, то, наконецъ, лѣсистый. Съ 13-й версты дорога входитъ въ лиственичный лѣсъ, который подходитъ къ самой Медвѣдкѣ. Листвяжникъ сильно порѣделъ, благодаря немилосердной вырубкѣ со стороны крестьянъ. По дорогѣ къ Медвѣдкѣ чернѣется масса лиственичныхъ пней. Встрѣчающіеся деревья лиственницы—очень высокія и толстыя. Попадаются—въ два-три обхвата. Съ южной стороны дороги внушительно тянется громадный, величественный Алтайскій хребетъ, склоны котораго покрыты густыми площадями лиственницы, кедра, пихты, ели и мелкаго кустарника. Замѣтно чувствуется высота мѣстности. Въ долинахъ прохладно. Ночью бываетъ очень свѣжо.

Село Медвѣдское расположено по косогору и тянется на большомъ протяженіи. Черезъ село проходитъ длинная до двухъ верстъ улица, къ которой примыкаютъ нѣсколько переулковъ. Деревню прорѣзаютъ три рѣчки: одна стекаетъ съ западной стороны, образуется изъ ключей и называется *Медвѣдкой*, другая подъ тѣмъ-же названіемъ спускается съ юга (съ горъ) и третья—*Мякотушка* беретъ начало къ западу отъ села. Всѣ три рѣчушки соединяются въ селѣ и, принимая въ себя попадающіеся далѣе мелкіе ручьи, подъ общимъ названіемъ Медвѣдки, сбѣгаютъ въ Бухтарму.

С. Медвѣдка образовалась такимъ-же путемъ вольной колонизаціи, какъ и Таловка. Населеніе исчисляется въ 763 человѣка; въ этомъ числѣ—православныхъ 705 д. о. п. и безпоповцевъ 58. Въ Медвѣдкѣ есть: церковь, церковно-приходская школа, казенная винная лавка, двѣ лавочки съ мелочью и дешевой мануфактурой, водянная мельница и кожевенные заводы. Крестьяне-заводчики скупаютъ сырыя кожи и продаютъ ихъ въ обработанномъ видѣ, а также удовлетворяютъ просьбы мѣстныхъ крестьянъ въ выдѣлкѣ кожъ. Заводовъ 4. Вырабатывается на нихъ въ теченіи года до трехъ тысячъ кожъ. Обработка кожи стоитъ отъ 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. Кожи покупаются заводчиками въ окрестныхъ деревняхъ отъ 2 р.—5 за штуку, смотря по размѣрамъ и качеству сырья. Къ заводамъ примыкаютъ четыре дуботолки. На каждой изъ нихъ вырабатывается отъ 2—3 тысячъ пудовъ лиственичной коры. Выработку пересыпки принимаютъ на себя (берутъ съ подряда) отдѣльныя лица и сдаютъ заводчикамъ дубъ по 7 к. пудъ.

Жители въ селѣ занимаются скотоводствомъ, въ слабой степени пчеловодствомъ (для собственнаго употребленія) и сплавомъ лѣса по Бухтармѣ и Иртышу къ Устькаменогорску и далѣе. Пристань для сплава лѣса (по мѣстному выраженію «плотбище») находится верстахъ въ 8 отъ села. Въ Медвѣдкѣ процвѣтало горшечное ремесло. Необлицованная крынка оцѣнивалась въ 2½ к. Но съ развитіемъ маслодѣлокъ, горшечное производство стало падать. Крынки были замѣнены ведрами, въ которыхъ молоко и носили на заводъ. Довольно порядочно процвѣтаетъ въ селѣ огородничество. Много сѣется картофеля, который продается въ старообрядческихъ деревняхъ подъ именемъ «яблокъ». (Съ

дѣйствительнымъ своимъ названіемъ картофель будто-бы не идетъ среди старообрядцевъ).

Лѣтъ пять тому назадъ въ Медвѣдкѣ открылось мараловодство. Этимъ промысломъ занимаются теперь крестьяне—Яковъ и Амосъ Никифоровы, Карповъ, Котельниковъ и Корзниковъ. Въ распоряженіи этихъ хозяевъ имѣются нѣсколько десятковъ мараловъ. Рога мараловъ продаются бійскимъ купцамъ Копылову и Кривцову. (Позднѣе я встрѣтился съ ними лично на Алтаѣ). Въ 3—4 верстахъ отъ села раскинуты маральники, принадлежащіе вышепоименованнымъ крестьянамъ. Я рѣшилъ подробно осмотрѣть маральники. Первымъ попался маральникъ Якова Никифорова. Маральникъ захватилъ большую площадь, обнесенную изгородью. Послѣдняя состоитъ изъ 700 звеньевъ, по 9 аршинъ длины каждое звено. Изгородь—высокая. При обозрѣніи маральника пришлось встрѣтить одного марала, который при нашемъ появленіи быстро исчезъ въ чащи деревьевъ, энергично отмахиваясь отъ надоѣдливыхъ насѣкомыхъ. Видимо, пауты, оводы, мошки и т. п. безпокойные придатки степи даютъ себя чувствовать бѣднымъ невольникамъ. Другіе, встрѣченные мною маральники, мало чѣмъ отличались отъ перваго. Подлѣ одного маральника, къ югозападу отъ села, съ большимъ шумомъ и ревомъ сбѣгаетъ въ Медвѣдку рѣчка *Громотушка*.

Населеніе въ Медвѣдкѣ здоровое. Эпидеміи бываютъ рѣдко. Климатъ—умѣренный.

Про красоту *Алтайской* станицы (23 в.) приходилось слышать много. Естественно было желаніе видѣть это красивое мѣсто. Обозрѣвъ окрестности села Медвѣдскаго, представляющія живописныя мѣста, я направился въ станицу Алтайскую. Сопровождающій дорогу Алтайскій хребетъ кладетъ на всю мѣстность чрезвычайно красивый колоритъ. Горный хребетъ въ живописнѣйшей алтайской территоріи является красивѣйшимъ крупнымъ штрихомъ, дающимъ доминирующій тонъ красотѣ мѣстности. На 5-й верстѣ попадается рѣчка *Путинная*, бѣлковаго происхожденія, на 11-й верстѣ—рѣчка *Сорная*. Изъ этихъ рѣчекъ вода по нѣсколькимъ протокамъ разбирается для поливки пашенъ

и покосовъ. На 16-й верстѣ протекаетъ рѣчка *Солонешная*. Всѣ три рѣчки впадаютъ въ *Сарымсакты*. Послѣ семнадцати верстъ дорога пересѣкается *Черной* рѣчкой, вода въ которой не всегда держится круглый годъ. По сторонамъ дороги богатѣйшая растительность.

Станица Алтайская лежитъ въ долинѣ лѣваго притока Бухтармы Сарымъ-сакты и вся утопаетъ въ зелени садовъ. По улицамъ съ журчаньемъ протекаютъ арыки. Прекрасная, густая аллея, преимущественно березняка, придаетъ поселенiю живописный видъ. Въ станицѣ Алтайской кончается почтовый трактъ изъ Устькаменогорска и смѣняется уже далѣе земскимъ. Мѣстность, на которой раскинулась станица Алтайская, принадлежала ранѣе Китаю, но, по отмежеванiи границы, перешла въ фактическое владѣнiе Русскаго правительства. Основанiе станицѣ положено въ 1871 г.

Въ Алтайскѣ имѣются: церковь, прекрасное зданiе школы, почтовое отдѣленiе (Катунъ-Карагайское), здѣсь-же мѣстопребыванiе алтайскаго лѣсничаго, медицинскаго персонала и ветеринарнаго надзора. Существующая съ 6—19 декабря ярмарка имѣетъ, по слухамъ, оборотъ до 250 тысячъ рублей.

Красивое мѣстоположенiе Алтайской станицы не мало привлекаетъ сюда дачниковъ и туристовъ. Алтайская станица имѣетъ большую высоту. Существовало предположенiе, что слѣдующая за Алтайской станицей деревня Черновая лежитъ выше станицы. Но профессору Сапожникову удалось въ 1899 г. путемъ барометрическихъ наблюденiй съ достовѣрной точностiю установить обратное. Воспроизводимъ таблицу сравнительной высоты интересныхъ барометрическихъ наблюденiй профессора Сапожникова,—произведенныхъ имъ въ станицѣ Алтайской и деревнѣ Черновой:

	t^0 C.	Анэр. mm.	Герлаха t^0 анероида.	Анэр. mm.	Фюсса t^0 анероида.
1-го iюля 6 ч. в. ст. Алтайская	12	670,5	+17°	672,5	19°
9 ч. в. ,,	8	672,0	17	674,0	17
8-го iюля 7 ч. у. ,,	10,5	673,5	14	675,0	14

8-го іюля	10 ч. у.	ст. Алтайская	14	674,0	16	—	—
	10 ч. у.	дер. Черновая	15	—	—	686,0	22
	9 ч. в.	ст. Алтайская	9	675,0	16	677,0	17
9-го іюля	7 ч. у.	,,	10	674,5	16	676,0	17
	1 ч. д.	,,	21	673,0	18	676,0	20
	9 ч. в.	дер. Черновая	14	682,0	18	683,0	18
10-го іюля	6 ч. у.	,,	12,5	679,5	18	681,0	18

Кромѣ того, одновременно съ первымъ измѣреніемъ въ станицѣ Алтайской, проф. Сапожниковъ кипятилъ гипсометрическій термометръ; t^0 кипѣнія была $96{,}8^0$ C, что соотвѣтствуетъ давленію около 677 миллиметровъ.

8-го іюля анэроидъ Фюсса въ Черновой повышается на 11 мм., тогда какъ контрольный анэроидъ Герлаха въ Алтайской станицѣ почти не измѣнилъ показаній. Въ Алтайской станицѣ Фюссъ обратно понижается на 9 мм.; за это время Герлахъ повысился на 1,5 mm.

9-го іюля оба анэроида были перевезены проф. Сапожниковымъ въ дер. Черновую и получилось повышеніе для Герлаха 9 mm., для Фюсса 7 mm. По ходу анэроидовъ съ утра этого дня можно было видѣть, что они шли на пониженіе, а потому цифры 9 и 7 нѣсколько меньше дѣйствительныхъ. Общій выводъ изъ всего проф. Сапожниковъ дѣлаетъ такой: «Среднее давленіе въ Алтайской станицѣ на 9—10 миллиметровъ ниже, чѣмъ въ дер. Черновой. и, слѣдовательно, Алтайская станица лежитъ около 100 метровъ выше дер. Черновой»(*).

Дорога къ Черновой пролегаетъ черезъ *Катонъ-Карагайскій* поселокъ, расположенный въ двухъ верстахъ отъ станицы Алтайской. Въ поселкѣ есть базаръ, таможня, школа, камера мирового судьи, избушка на курьихъ ножкахъ съ вывѣской «Алтайскій арестный домъ». Здѣсь-же живетъ и крестьянскій начальникъ Устькаменогорскаго уѣзда.

На первыхъ двухъ верстахъ отъ Катонъ-Карагая протекаютъ двѣ рѣчки *Катунки*. На 9-й верстѣ отъ Алтайска расположенъ кожевенный *заводъ Гусева*. Около завода огорожена большая площадь сѣно-

(*) Замѣтка о сравнительной высотѣ Алтайской станицы и дер. Черновой проф. Сапожникова. (Записки Зап.-Сиб. Отд. Книжка XXVII).

коса, недалеко отъ котораго находится маральникъ Гусева. Съ заводомъ граничитъ рѣчка *Кабарга* и вся мѣстность отъ завода до переправы черезъ р. Бухтарму въ деревню Черновую носитъ названіе Кабарги. 13-я верста пересѣкается рѣчкой *Крутой логъ.* На 16-й верстѣ дорога раздвояется: по направленію къ сѣверу идетъ трактъ на деревню *Черновую* (Томской губ.), и по направленію къ югу—земскій трактъ Семипал. области на пикетъ *Чингистайскій.*

На Черновинскомъ перевозѣ дѣйствуютъ два парома—крестьянскій и киргизскій. Сначала ходилъ только крестьянскій паромъ, устроенный черновинскимъ обществомъ. Этотъ паромъ перевозилъ и киргизъ со скотиной, когда послѣдніе направлялись черезъ Бухтарму на лѣтнія, прохладныя кочевки (джейляу). Но потомъ киргизы, въ виду высокой платы, взимавшейся съ нихъ крестьянами, завели въ 1905 г. собственный паромъ, который обезпечиваетъ имъ дешевизну переправы. Паромъ устроенъ Чингистайской волостью. Отъ черновинскаго перевоза до деревни 9 верстъ. Отъ Алтайской станицы до Чингистайскаго пикета 27 верстъ. Поровнявшись съ черновинскимъ перевозомъ, я повернулъ на земскій трактъ Семип. обл. Дорогой попадается нѣсколько мелкихъ рѣчушекъ, воду изъ которыхъ киргизы разбираютъ для пашенъ. На 17-й верстѣ выстроено Чингистайское волостное правленіе, а на 23-й —деревянное помѣщеніе аульной школы. На Чингистайскомъ пикетѣ мнѣ пришлось заночевать.

Чингистайскій пикетъ обосновался лѣтъ около 32 тому назадъ. По мысли администраціи мѣсто это должно было представлять осѣдлый пунктъ для поддержанія колонизаціонной линіи Алтайскъ—Урульскій поселокъ. Но вмѣсто осѣдлаго пункта киргизы предпочли имѣть здѣсь пикетъ, который и содержится на земскія средства. Когда не было пикета, изъ станицы Алтайской возили прямо на поселокъ *Урульскій* (57 в.).

На пикетѣ земская гоньба снята алтайскимъ казакомъ за 180 р. въ годъ. Выставляется двѣ пары лошадей. Разгонъ, въ общемъ, по словамъ почтосодержателя, не особенно большой, но цѣна за гоньбу является низкой. Благодаря конкуренціи цѣны сбиты до minimum'а.

Чингистайскій пикетъ представляетъ изъ себя деревянную избу, подлѣ которой поставлены небольшія прислужныя постройки. Районъ съ Чингистайскимъ пикетомъ имѣетъ свою климатическую особенность: снѣга здѣсь, по словамъ почтаря казака, выпадаетъ очень мало, да и тотъ почти весь выдувается вѣтромъ.

Дорога отъ пикета имѣетъ много разнообразія и красоты. Сначала путь, на протяженіи двухъ верстъ, проходитъ по лугу, затѣмъ взбирается на увалъ и, пробѣгая по косогору, поднимается все выше и выше. Съ 14-й версты дорога подходитъ къ р. Бухтармѣ и идетъ параллельно берегу нѣсколько верстъ. Присутствіе Бухтармы вблизи дороги обнаруживается большимъ шумомъ, съ которымъ рѣка мчится по своему руслу. При дальнѣйшемъ проѣздѣ, дорога отклоняется къ юговостоку. Съ 18-ой версты попадаются группы круглыхъ холмовъ, носящихъ явные слѣды дѣйствія воды. Скалы здѣсь съ мягкими закругленіями. Между громадными круглыми массами встрѣчается глубокая пустота. Мѣстами горы украшаются розсыпями, выше которыхъ, въ каменистыхъ расщелинахъ, ютятся березки, пихта и ель. Удивительно, какъ могутъ здѣсь держаться деревья при полномъ, повидимому, отсутствіи земляного грунта. На противоположномъ берегу Бухтармы на громадной высотѣ зеленѣютъ пашни. Невольно возникаетъ вопросъ: дозрѣваетъ-ли хлѣбъ на такой высотѣ? На 26-й верстѣ встрѣчается небольшое озеро, отъ котораго идетъ скатъ къ поселку Урульскому. Поселокъ расположился въ котловинѣ, на берегу рѣчки *Урульки*, прорѣзающей село. Ѣзда черезъ рѣчку бродомъ. Поселокъ украшенъ садами. Странное впечатлѣніе производятъ громадныя, каменныя булки, торчащія въ разныхъ мѣстахъ улицы,—остатки распавшихся скалъ. Поселокъ окружаютъ пашни, которыя постепенно уходятъ отъ него дальше, въ горы. Въ поселкѣ есть мелочная торговля.

Изъ Уруля дорога идетъ въ равнинѣ, по черноземному грунту. Со второй версты черноземъ смѣняется песками, которые переходятъ затѣмъ въ каменистый грунтъ. Дорога очень причудлива.

На первыхъ же порахъ она врѣзается въ каменное ущелье, густо заросшее по бокамъ лѣсомъ. По сторонамъ дороги встрѣчается много пещеръ, а самый путь пересыпанъ громадными оторвавшимися отъ

утесовъ всевозможныхъ, нерѣдко причудливыхъ формъ, скалами. Въ скалахъ очень часто встрѣчается пустота, образовавшаяся отъ вывѣтриванія, слѣды котораго, въ видѣ розсыпей, виднѣются тутъ-же. Дорога представляетъ крайне извилистую линію, проходящую то надъ обрывомъ р. Бухтармы, съ шумомъ и зловѣщимъ ревомъ омывающей высокій, обрывистый берегъ дороги, то сбѣгающую въ низины, теряющіеся въ густыхъ заросляхъ березняка и другихъ кустовъ, то пересѣкающую уклонившіеся отъ русла Бухтармы небольшіе притоки ея. Дорога не совсѣмъ безопасна въ мѣстахъ обрыва, не огороженнаго ни какими перилами. Малѣйшій испугъ лошадей въ такихъ мѣстахъ неминуемо долженъ повлечь за собой катастрофу. Крайне странно констатировать такое небрежное состояніе пути. Въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ (Змѣиногорск. уѣздъ) крестьянъ чуть-ли не тысячами присуждаютъ къ тюремному заключенію, за неисполненіе дорожныхъ повинностей, въ другихъ замѣчается почти полное отсутствіе какой-либо заботы о благоустройствѣ путей сообщенія. Отъ Уруля до *Береля* 20 верстъ. Въ серединѣ пути паромная переправа черезъ Бухтарму. Маленькій паромъ слѣпленъ изъ двухъ лодокъ и скрѣпленъ ажурной настилкой. Переправляются съ помощію каната быстро, благодаря скорому теченію Бухтармы. Паромъ держитъ Черновинская волость. Паромщиками являются крестьяне изъ разныхъ деревень названной волости,—отбывающіе какую-либо волостную повинность. Паромъ здѣсь составляетъ общественную повинность. Въ моментъ моего переѣзда черезъ Бухтарму, паромщикомъ служилъ крестьянинъ изъ деревни Березовки, работавшій на переправѣ вмѣсто повинности сотника, для отправленія обязанностей котораго онъ былъ избранъ обществомъ. За переправой открывается лощина, съ семьями высокаго березняка. Березовые колки скоро переходятъ въ открытую равнину, обрамленную съ двухъ сторонъ громадою горъ, усѣянныхъ лѣсомъ. На высокихъ склонахъ горъ бѣлѣютъ изгороди для мараловъ.

Передъ самымъ селомъ съ дикимъ ревомъ пробѣгаетъ р. *Берель*. Бѣлый цвѣтъ воды ясно указываетъ на ледниковый характеръ рѣки. Громада ледниковъ, при своемъ сползываніи, скоблитъ горныя породы и сообщаетъ горнымъ рѣчкамъ тотъ бѣлый цвѣтъ, который сразу-же

опредѣляетъ ледниковое происхожденіе рѣкъ. Впадая въ Бухтарму, Берель и ей сообщаетъ молочный цвѣтъ, который не теряется на далекомъ протяженіи ея. Черезъ рѣку Берель перекинутъ очень интересный мостъ. Такой ловушки для проѣзжающихъ мнѣ не пришлось встрѣтить на всемъ протяженіи пути отъ Семипалатинска до Береля. Мостъ состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ срубовъ, заполненныхъ дресвой. Срубы соединены балками, на которыхъ и набросаны жидкія плахи неодинаковой величины. О какой-либо загородкѣ, перилахъ, здѣсь нѣтъ и помину. Достаточно одного момента, чтобы вмѣстѣ съ экипажемъ съ большой высоты опрокинуться въ Берель. Мостъ построенъ усиліями и на средства берельскихъ крестьянъ. Я слышалъ, что поднялся вопросъ о замѣнѣ берельской ловушки благоустроеннымъ мостомъ, постройка котораго войдетъ въ общій счетъ земскихъ сооруженій по Змѣиногорскому уѣзду.

Село Берель, Змѣиногорскаго уѣзда, пріютилось въ небольшой равнинѣ при соединеніи р. Берели съ Бухтармой. Бухтарма вырывается изъ ущелья высокихъ, лѣсистыхъ горъ съ юговосточной стороны отъ Береля. Горы, окружающія село Берель. со всѣхъ сторонъ покрыты лѣсомъ, причемъ болѣе густой, лѣсистый покровъ, замѣчается на юговостокѣ. Сѣверовосточные склоны покрыты рѣдкими кустами. Горное кольцо возлѣ Береля не носитъ среди мѣстныхъ жителей какого либо опредѣленнаго названія. Только одна гора—къ западу отъ Береля извѣстна крестьянамъ подъ именемъ *Кайнаръ*. Въ селѣ имѣется церковь и ц.-пр. школа, болѣе чѣмъ съ 30-ю учащимися. Населеніе Береля небольшое. Здѣсь нѣтъ даже постоянной лавочки. Торговцы находятъ для себя невыгоднымъ устраивать въ Берелѣ лавочки, такъ какъ доставка товаровъ въ село по убійственной дорогѣ сопряжена съ большимъ рискомъ для торговцевъ и можетъ и не оправдать расходовъ, затраченныхъ на покупку и доставку товаровъ въ Берель. Населеніе пріобрѣтаетъ покупкой необходимые предметы въ сосѣднемъ поселкѣ Урульскомъ и въ Алтайской станицѣ. Главное занятіе Берельцевъ—разведеніе мараловъ, изгороди (маральники), для которыхъ разсѣяны въ окрестностяхъ села. Занимаются и скотоводствомъ и, въ весьма незначительныхъ размѣрахъ,—хлѣбопашествомъ.

Въ Берелѣ оканчивался колесный путь. Дальше нужно было отправляться верхомъ. Продолжительный путь по тряской дорогѣ давалъ себя знать и я чувствовалъ потребность отдохнуть. Да кромѣ того, нужно было своевременно найти лошадей и проводника для поѣздки на Рахмановскіе ключи. Черезъ Берель на минеральные ключи проѣзжаетъ много народа. Тѣ изъ крестьянъ, которые спеціально занимаются доставкой пассажировъ на ключи, слѣдятъ за всѣми проѣзжающими черезъ Берель больными и сами предлагаютъ имъ свои услуги. Тоже случилось и въ мой пріѣздъ. Едва только я разобралъ свои вещи, какъ ко мнѣ въ комнату вошелъ мужичекъ съ предложеніемъ своихъ услугъ доставить меня на ключи. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, мы рѣшили выѣхать утромъ на слѣдующій день. Проводникъ назначилъ по рублю за лошадь. Понадобилось три лошади: для меня, моего багажа и самого проводника.

Такимъ образомъ за три рубля мужичекъ предложилъ лошадей и свои услуги проводника. Вообще-же, лошадь арендуется до ключей отъ 80 к.—1 р.

6-го іюля, часовъ въ 7 утра, мнѣ подали лошадей. Началась укладка багажа. Чемоданы мои и прочія принадлежности багажа помѣстили въ громадныя кожанныя сумы (коржуны), которыя и перекинули черезъ спину лошади. Коржуны упутали съ большимъ искусствомъ, изобличавшимъ ловкость горныхъ жителей. Часовъ въ 8 утра мы уже выѣхали. Погода была теплая, день выдался ясный и тихій.

Отъ Береля къ *Рахмановскимъ* ключамъ (25—30 в.) можно проѣхать двумя дорогами: верхнею и нижнею по берегу Берели. Проводникъ мой выбралъ верхнюю дорогу. Сразу-же изъ Береля дорога поднимается на гору и идетъ къ востоку по черноземному грунту на протяженіи верстъ двухъ. Съ правой стороны бѣлѣется гнѣвная Бухтарма. Съ 3-й версты верховая тропа поворачиваетъ на сѣверъ. Дорога пріобрѣтаетъ каменистый характеръ и идетъ возлѣ маральниковъ, устроенныхъ на большой высотѣ. Въ одномъ изъ маральниковъ мнѣ пришлось увидѣть 13 мараловъ. Съ однихъ животныхъ рога уже были сняты, другія еще гуляли съ вѣтвистыми украшеніями. При на-

шемъ приближеніи часть мараловъ быстро исчезла въ кустахъ, другая, какъ-бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ, разсматривала насъ. Маральники занимаютъ громадныя площади. Иногда случается, что, по неосторожности хозяевъ, маралы выходятъ изъ маральниковъ и уходятъ въ горы. Проводникъ разсказывалъ мнѣ, что такимъ образомъ у него вышло изъ маральника нѣсколько звѣрей, которыхъ онъ такъ и не могъ найти. Тропа поднимается все выше и выше. Чувствуешь, что уже и такъ поднялись на значительную высоту, а впереди все идутъ подъемы. Кругомъ разлито цѣлое море горъ, сѣдыми гребнями разбѣгающихся въ даль. Къ половинѣ пути дорога загромождается огромными различныхъ формъ камнями. Верстъ черезъ десять намъ встрѣтился аулъ. Здѣсь живутъ берельскіе пастухи-киргизы, поставляющіе на ключи (арасанъ) кымызъ. Пришлось минутъ на десять задержаться. Хозяева угостили насъ отличнымъ кымызомъ и табунщикъ обѣщался доставлять мнѣ напитокъ и на ключи. Начиная отъ аула, дорога круто спускается въ долину, по которой пробѣгаетъ рѣчка *Козлушка*. Изъ долины идетъ крутой подъемъ, версты на двѣ. Бока окрестныхъ горъ сплошь покрыты синими цвѣтами, такъ что и самыя горы кажутся синими. Подъемъ смѣняется новой долиной, прорѣзаемой рѣчкой *Петрушкой*. Въ долинѣ—масса поломаннаго и засохшаго лѣса: это слѣды грандіознѣйшаго пожара, истребившаго нѣкогда громадныя площади отличнаго строевого лѣса.

Проводникъ мой, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, не помнитъ этого пожара, но слышалъ объ немъ отъ своего отца-старика. Путь усѣянъ громаднымъ, круглымъ булыжникомъ, среди котораго едва замѣтной полоской вьется лошадиная тропа. Лошади отлично справляются со всѣми трудностями пути. Мѣстами встрѣчаются большія выемки въ горахъ—результатъ вывѣтриванія. Розсыпи разстилаются, обыкновенно, тутъ-же, у подножія горъ. На высокомъ перевалѣ (при спускѣ въ Петрушку), въ первый разъ за всю дорогу показалась во всемъ своемъ блескѣ *Бѣлуха*. Картина величаваго катунскаго хребта, залитаго яркимъ свѣтомъ, была настолько подавляющая, что я невольно остановилъ лошадь и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ положительно не могъ оторвать глазъ отъ величественной панорамы. Даже мой про-

водникъ, кажется, уже привыкшій къ красотамъ природы, и тотъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «Эка красота Господня!». И дѣйствительно, картина была чудно-художественная! Чувствовался большой приливъ какой-то чисто дѣтской радости. Душу охватывала бодрость. На всемъ безбрежномъ пространствѣ горъ Бѣлуха являлась, безусловно, господствующимъ центромъ. Никуда не хотѣлось глядѣть, какъ только на снѣжный массивъ Катунскихъ столбовъ. На мое счастье день выдался ясный и Бѣлуха играла переливомъ ослѣпляющаго свѣта. Представляю себѣ, какъ, вѣроятно, больно глядѣть на Бѣлуху вблизи ея.

— «Поручило вамъ сегодня—обратился ко мнѣ проводникъ—рѣдко такъ обнажается Бѣлуха. Больше всего она закрывается облаками».

Спутникъ мой успѣлъ уже нѣсколько разъ покурить, лошади достаточно пощипали травы, а я все продолжалъ любоваться подавляющей картиной. Не хотѣлось отправляться дальше...

Бѣлуха со своими ближайшими отрогами занимаетъ площадь оледѣнелой поверхности до 60 кв. верстъ. Самыми высокими вершинами Катунскихъ столбовъ являются двѣ неправильныя снѣжныя пирамиды, которыми увѣнчивается массивъ Бѣлухи. Одна пирамида нѣсколько выше другой.

Обѣ вершины соединяются площадью на подобіе сѣдла (перемычка). Жизнь вѣчныхъ снѣговъ Бѣлухи, естественно, обращала на себя вниманіе ученыхъ, пытавшихся время отъ времени производить изслѣдованіе Акъ-Сюрю (калмыцкое названіе). Но немногіе изслѣдователи Бѣлухи могли свободно заняться изученіемъ ея, такъ какъ никто не могъ проникнуть дальше «нижняго теченія Катунскаго ледника у подножія Раздѣльнаго хребта» въ виду трудно-преодолимыхъ препятствій на пути, въ видѣ ледопадовъ.

Извѣстны попытки Геблера, опредѣлившаго абсолютную высоту Бѣлухи въ 11,000 фут. Но опредѣленіе было сдѣлано Геблеромъ гипотетически и добытыя имъ цифры нуждались еще въ поправкахъ и дополненіяхъ. Такія поправки въ соображенія Геблера внесъ извѣстный изслѣдователь Алтая профессоръ Сапожниковъ, всходившій на сѣд-

ло Бѣлухи во время своего путешествія по Алтаю въ 1897 и 1898 г.г. и опредѣлившій абсолютную высоту Мусду-Тау (киргизское названіе) въ 15000 фут. Находясь на сѣдлѣ, проф. Сапожниковъ сдѣлалъ съ Бѣлухи нѣсколько фотографическихъ снимковъ и заложилъ въ нишѣ одного узкаго скалистаго гребня максимальный и минимальный термометры(*).

Переѣздъ отъ Береля къ Рахмановскимъ ключамъ занимаетъ 6—8 часовъ времени и даетъ много интересныхъ впечатлѣній, которыя могутъ остаться надолго въ памяти, но самый способъ передвиженія—верхомъ, съ вьючнымъ багажемъ,—не можетъ обѣщать особенныхъ удобствъ и спокойствія. Постоянные подъемы и спуски заставляютъ все время быть на сторожѣ. Правда, привычныя лошади совершенно гарантируютъ безопасность движенія, но собственной осторожности во время переѣзда оставлять не слѣдуетъ. Мѣстность отъ Береля до ключей поражаетъ богатствомъ флоры. Какихъ только цвѣтовъ вы здѣсь не встрѣтите! Голубыя крупныя незабудки дружно помѣщаются рядомъ съ анютиными глазками и крупною желтою ромашкой. Трифолій, огоньки, синіе колокольцы (aguilosia glandulosa)(**), цвѣты разныхъ красокъ и формъ ослѣпляютъ васъ и вы положительно не знаете, чѣмъ больше здѣсь любоваться. Всякая мелочь приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе, которое, наконецъ, устаетъ отъ массы воспринятыхъ впечатлѣній. Между прочимъ, мнѣ въ первый разъ пришлось здѣсь увидѣть интересныя породы березокъ: карликовыя (betula nana), и въ ростъ человѣка (betula humilis). Вообще, природа соткала тутъ такой чудный коверъ изъ цвѣтовъ,—передъ которымъ блѣднѣетъ самая яркая живопись художника.

Но въ этой цвѣтущей мѣстности васъ невольно поражаетъ одно интересное явленіе: это—почти полное отсутствіе пернатаго царства. Изрѣдка дорогу перелетитъ какая-нибудь маленькая птичка и опять тишина, прерываемая только журчаньемъ встрѣчающихся ключей и рѣ-

(*) «Бѣлуха и восхожденіе на сѣдло», проф. Сапожникова. (Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. Томъ XXXV, выпускъ V. 1899 г.).

(**) Алтай—всюду, Сауръ—рѣдко, Джунгаръ-Алатау—рѣдко. (Сапожниковъ).

чушекъ. Даже бабочки, для которыхъ, повидимому, здѣсь должно быть полное раздолье, встрѣчались очень рѣдко и въ ограниченныхъ видахъ.

Въ 2-хъ верстахъ отъ ключей начинается очень крутой спускъ въ долину, пріютившую Рахмановскіе источники.

Не смотря на то, что дорога идетъ по извилистому наклону горнаго хребта, спускъ весьма крутъ.

Только опытность берельской лошади и сообщаетъ вамъ необходимое спокойствіе. Трудно перечислить детали этого спуска. Тутъ, что ни поворотъ, то и своя особенность, которую, можетъ быть, пріятно наблюдать, но въ то-же время и крайне непріятно одолѣвать.

Гдѣ-то внизу, далеко реветъ рѣчка, но добраться до нее не такъ-то легко. Дорога (лошадиная тропа) то пересыпается круглыми и острыми камнями, то переплетается громадными корнями гигантскихъ лиственицъ, то смѣняется грязными, болотистыми, кочковатыми лужами, то заливается сбѣгающими съ горъ ключами, то, наконецъ, перегораживается упавшими деревьями.

О прямомъ спускѣ съ горы въ Арасанскую долину не можетъ быть и рѣчи; это дѣло совсѣмъ невозможное. Уклоны горъ поразительно круты.

Тропинка сбѣгаетъ въ рѣчку *Рахмановку*, вытекающую изъ расположеннаго возлѣ минеральныхъ ключей *Рахмановскаго* озера. Бродъ черезъ эту рѣчку является послѣднимъ препятствіемъ на вашемъ пути. Одолѣвъ его, вы, съ чувствомъ большого облегченія, подъѣзжаете къ курортнымъ постройкамъ и, передавъ свою лошадь проводнику, съ удовольствіемъ даете отдыхъ уставшимъ членамъ.

Рахмановскіе теплые минеральные ключи расположены въ долинѣ рѣки Рахмановки, представляющей изъ себя лѣвый притокъ Береля, впадающаго, какъ извѣстно, въ Бухтарму.

Рахмановская долина входитъ въ составъ Томской губерніи и составляетъ южную часть Змѣиногорскаго уѣзда, имѣя въ сосѣдствѣ катунскіе бѣлки и китайскую границу.

Долина лежитъ подъ 49°7' с. ш. и 56°3' в. д. Въ срединѣ до-

лины виднѣется груда сѣраго гранита, изъ подъ котораго и выбиваются ключи. Площадь съ ключами равняется, приблизительно, 100 саж. длины и 20 с. ширины. Площадь обнесена изгородью, одинъ конецъ которой упирается въ рѣчку Рахмановку, а другой—въ озеро.

Ключи давно извѣстны на Алтаѣ и открыты, по преданію, крестьяниномъ Рахмановымъ. Сначала ими пользовались киргизы и калмыки, затѣмъ они привлекли къ себѣ вниманіе и русскаго элемента, который наѣзжаетъ теперь въ порядочномъ количествѣ. Ключи находятся въ распоряженіи кабинета.

Цѣлебныя свойства Рахмановскихъ ключей обратили на себя вниманіе представителей бальнеологіи и ключи зарегистрованы въ числѣ лечебныхъ водъ. Неоднократно производился химическій анализъ воды этихъ источниковъ.

«По Рихтеру и Семенову 1 фунтъ воды Рахмановскихъ ключей содержитъ 4 куб. дюйма углекислоты, или 180 к. ц. на 1 литръ и слѣды углекислаго натра. Голубевъ («Алтай») на основаніи качественнаго анализа провизора Галлера въ Омскѣ, причисляетъ Рахмановскіе ключи къ щелочно-солянымъ термамъ. Провизоръ Галлеръ нашелъ въ водѣ:

Сѣрнокислый натръ,
Сѣрнокислую магнезію,
Хлористый калій,
Углекислую известь,
Углекислую магнезію,
Слѣды желѣза и
Кремнеземъ.

Кромѣ того онъ предполагаетъ присутствіе въ водѣ угольной кислоты(*).

Въ 1882 г. С. А. Хруцкимъ минеральная вода Рахмановскихъ ключей была доставлена Западно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

По порученію военно-медицинскаго инспектора Западно-Сибирска-

(*) „Лечебныя воды“ Л. Бертенсона, изд. 1901 г. стр. 231.

военнаго округа ключи были изслѣдованы въ содержаніи растворенныхъ въ нихъ солей. Результаты анализа получились слѣдующіе:

Воды содержатъ:
Сѣрнокислый натръ,
Сѣрнокислую магнезію,
Хлористый натръ,
Углекислоту,
немного желѣза и
слѣды кремнезема.

Рахмановскіе источники по содержанію солей ближе всего подходятъ къ щелочнымъ соленымъ Карлсбадскимъ. 17-го іюня 1882 Хруцкій измѣрилъ температуру ключей,—каковая опредѣлилась отъ 28—$32^1/_2$° по R.

Профессоръ Сапожниковъ констатируетъ фактъ анализа Рахмановскихъ ключей Захаровымъ (изъ Зыряновскаго рудника)(*).

Мною была отправлена вода Рахмановскихъ ключей, черезъ посредство профессора Сапожникова, для анализа въ Томскій университетъ. Результаты анализа для меня пока неизвѣстны. Рахмановскіе источники причисляются къ разряду химически-безразличныхъ термальныхъ источниковъ или акротермъ. Малое содержаніе въ нихъ минеральныхъ частей приближаетъ ихъ къ прѣснымъ источникамъ, отъ которыхъ они мало чемъ отличаются. Такихъ ключей въ природѣ попадается много, при чемъ температура ихъ разнаго образца. Преобладаетъ t° 32°—36°—40°(**).

Ключи сданы кабинетомъ въ аренду крестьянину Томской губ., Каинскаго уѣзда, Федору Фролову на десять лѣтъ, съ 1895—1905 г.г.

Въ силу договора съ кабинетомъ, Фроловъ обязался выстроить помѣщенія для пріѣзжающихъ больныхъ и срубы надъ ваннами, которые раньше совершенно не были огорожены. Постройка черезъ десять лѣтъ по условію переходитъ въ собственность кабинета.

(*) «По Алтаю» Сапожникова.

(**) «Лечебныя воды»—Льва Бертенсона. стр. 6. «По Алтаю» Сапожникова.

До 1895 г. бараковъ для посѣтителей не существовало. Больные принуждены были ютиться въ палаткахъ и самостоятельно изобрѣтать разные способы самоохраны. Надъ ваннами торчали слѣпенькіе, грязные срубики, аршина въ два длины и ширины. Мнѣ разсказывали, что и эти маленькія будки больные устраивали своимъ иждивеніемъ, не желая принимать ванны на открытомъ воздухѣ. Получивъ ключи въ аренду, Фроловъ началъ съ 1894 г. постепенно обстраивать ихъ помѣщеніями. Въ теченіе 8 лѣтъ онъ построилъ нѣсколько зданій, которыя обошлись ему, по его словамъ, свыше 500 руб.

Вопросъ о постройкѣ жилыхъ номеровъ для курсовыхъ, какъ мнѣ сообщали, подымался еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но разрѣшенъ былъ неудовлетворительно.

Только Фролову удалось положить начало курортнымъ постройкамъ. Въ настоящее время на ключахъ имѣются 4 жилыхъ зданія. Посрединѣ площади стоитъ длинный баракъ, слѣпленный изъ нѣсколькихъ комнатъ, заключающихъ въ себѣ девять номеровъ. Размѣръ этого барака слѣдующій:

Длина 9 саж. 2 арш.
Ширина 2 саж. 4 верш.

Зданіе тѣсное, темное, безъ всякихъ удобствъ. Въ номерахъ устроено нѣчто въ родѣ наръ. Рядомъ съ большимъ баракомъ выстроена небольшая изба въ одну комнату. Она тоже сдается больнымъ. Подлѣ избы особымъ зданіемъ расположена кухня въ двѣ комнаты: въ одной приготовляются кушанья, другая сдается курсовымъ.

Для киргизъ и крестьянъ выстроена деревянная казарма съ двумя комнатами, отдѣленными одна отъ другой капитальной стѣной. По стѣнамъ казармы идутъ съ двухъ сторонъ нары. Киргизская казарма имѣетъ:

въ длину 7 саж. $2^1/_2$ арш.
,, ширину 2 саж. 1 арш. 14 верш.

Я уже сказалъ, что ключи берутъ свое начало изъ подъ груды сѣраго гранита въ серединѣ площадки, на которой расположены постройки. На мѣстѣ выхода ключей поставленъ Фроловымъ большой де-

ревянный крестъ. Непосредственно за крестомъ расположенъ первый колодезь, изъ котораго берутъ воду для питья. Вода не имѣетъ никакого вкуса и употребляется для чаю.

Въ колодезь спущенъ небольшой срубъ. Надъ ванной нѣтъ навѣса. Размѣръ питьевой ванны слѣдующій:

Длина 1 саж.
Ширина 1 арш. 4 верш.
Глубина „ 15 верш.

(Отъ воды до борта ванны 8 вершк., слѣдовательно, высота сруба 1 арш. 7 в.=23 в.).

За питьевой ванной идетъ другая открытая ванна такого-же характера, какъ и питьевая. Въ этой ваннѣ производится стирка бѣлья. Благодаря этому обстоятельству вода въ ваннѣ постоянно грязная и мутная. Размѣръ ванны:

Длина 2 арш. 4 в.
Ширина 1 „ 3 „
Глубина — „ 15 „

Далѣе слѣдуетъ 4-хъ ванное подъ одной крышей деревянное зданіе. Оно занимаетъ 5 саж. въ длину и 5 арш. 11 в. въ ширину. Ванное зданіе представляетъ изъ себя 4 комнаты, въ которыя ведутъ отдѣльныя двери. Въ каждой ванной комнатѣ стоитъ деревянная скамья. Особыхъ раздѣваленъ нѣтъ. Ванны—деревянныя, достаточно уже погнившія. Полъ въ ваннахъ песчаный. До сихъ поръ ванны не были даже пронумерованы. Этотъ трудъ принялъ на себя одинъ изъ больныхъ, прибившій при мнѣ къ входнымъ дверямъ въ ванное помѣщеніе четыре дощечки съ надписью: №№ 1, 2, 3, 4. Этой нумераціи буду придерживаться и я при дальнѣйшемъ описаніи ключей.

Размѣръ четырехъ ваннъ слѣдующій:

№ 1.

Длина 1 саж. 3½ верш.
Ширина „ 1 арш. 5 верш.
Глубина „ 1 арш. 2 верш.

№ 2.

Длина	2 арш.	7 верш.
Ширина	1 арш.	6½ верш.
Глубина	1 арш.	3½ верш.

№ 3.

Длина	2 арш.	6 верш.
Ширина	1 арш.	2½ верш.
Глубина	1 арш.	3½ верш.

№ 4.

Длина	1 саж.	1 верш.
Ширина —	1 арш.	5 верш.
Глубина —	1 арш.	3 верш.

На днѣ ванны № 4 лежитъ громадный камень, изъ подъ котораго бьетъ горячая струя.

Размѣръ каждой ванной комнаты приблизительно:

Длина	5 арш
Ширина	3 арш.
Высота	2 арш. 14 верш.

Четырехванное зданіе отстоитъ отъ главнаго барака съ номерами для пріѣзжающихъ въ 20 саженяхъ. Въ 32 саж. отъ барака расположена ванна особнякъ съ болѣе низкой температурой, чѣмъ предыдущія ванны. Надъ ванной поставленъ деревянный срубъ размѣромъ $5\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ арш. Размѣръ ванны:

Длина	2 арш	11½ верш.
Ширина	1 арш.	10 верш.
Глубина	1 арш.	,,

Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ цифровыхъ данныхъ можно составить ясное представленіе о размѣрахъ курортныхъ построекъ, обслуживающихъ интересы больныхъ.

Жизнь на Рахмановскихъ ключахъ регулируется слѣдующей таксой, утвержденной главнымъ управленіемъ Алтайскаго округа:

Взимается:

«За помѣщеніе съ каждаго въ общей казармѣ въ мѣсяцъ 1 р.
За каждую отдѣльную комнату съ прислугой: въ мѣсяцъ 10 р.
за каждый день 50 к.

За право пользованія ключами:
въ общихъ ваннахъ съ человѣка за весь сезонъ 30 коп.

Заоправ пользованія исключительно одной ванной:
за весь сезонъ 5 руб.
за одинъ день -- 25 коп.
За столъ (обѣдъ и ужинъ) съ каждаго въ мѣсяцъ 7 руб.
За каждый отдѣльный день 35 коп.
При обязательствѣ имѣть только печеный пшеничный хлѣбъ.
За яйца и молоко отдѣльная плата по соглашенію.

Примѣчаніе: За пользованіе ключами безъ всякаго на нихъ приспособленія и удобствъ плата не взимается».

Послѣднее примѣчаніе къ таксѣ указываетъ на ея выработку еще въ то время, когда надъ ключами не было приспособленій.

Такса обнаруживаетъ весьма скромное меню кушаній,—которое намъ будетъ еще болѣе понятной, если мы вспомнимъ характеръ мѣстности съ ключами и трудность доставки на нихъ съѣстныхъ припасовъ. Арендаторъ Фроловъ жаловался мнѣ, что пріобрѣтеніе припасовъ для посѣтителей -больное мѣсто курортной жизни. Припасы достаются вьюкомъ. Приходится ограничиваться тѣмъ, что можно добыть по близости отъ киргизъ, т. е. главнымъ образомъ бараниной, которая быстро пріѣдается. Яйца имѣются въ ограниченномъ количествѣ.

Въ большомъ употребленіи на ключахъ блины, которые можно получать каждый день. Готовитъ кушанья простая крестьянская женщина. Вообще вся обстановка ключей весьма упрощена.

Но отсутствіе удобствъ курортной жизни съ избыткомъ вознаграждается прекраснымъ и здоровымъ воздухомъ и чудесными видами Рахмановской долины. Въ 75 саж. отъ главнаго жилого барака расположено Рахмановское озеро, протянувшееся версты на три. Въ шири-

ну оно будетъ менѣе версты. Съ двухъ сторонъ озеро окружено цѣпью горъ, съ которыхъ въ него съ журчаньемъ сбѣгаетъ нѣсколько холодныхъ ключей.

Горы покрыты лиственницей и кедровникомъ. Въ впадинахъ горнаго хребта кой-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ.

Изъ озера съ шумомъ вырывается рѣчка Рахмановка, впадающая въ Берель. Вблизи построекъ чернѣетъ лѣсъ, куда курортные посѣтители ходятъ гулять.

Богатѣйшая флора дополняетъ красоту мѣстности. Для прогулокъ по озеру Фроловымъ сдѣлана большая раскрашенная лодка. Курсовые часто пользовались лодкой и, кажется, изучили озеро вдоль и поперекъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я вымѣрилъ t^0 озера, а спутники мои сдѣлали промѣръ глубины. Температура колеблется отъ $11^1/_2$ —$13^1/_2{}^0$ по R. У берега вода теплѣе.

Озеро было промѣрено въ пяти различныхъ мѣстахъ. Промѣрка дала слѣдующія цифры:

5 — 8 — 10 — 12 — 13 саженъ
(15 — 24 — 30 — 36 — 39 аршинъ).

Иногда на озерѣ по ночамъ устраивалась своеобразная иллюминація: курирующіе набирали сухой валежникъ, въ изобиліи разбросанный по берегу озера, устраивали изъ него плотъ, на которомъ и разводили костеръ, оттащивши, предварительно, на веревкѣ всю эту кучу на средину озера. Костеръ медленно двигался по озеру, освѣщая мѣстность, которая принимала какой-то фантастическій видъ.

Временами курсовые кавалькадами отправлялись на водопадъ, расположенный верстахъ въ 8 отъ ключей. Водопадъ падаетъ изъ Рахмановки съ значительной высоты нѣсколькими довольно широкими каскадами. Туристы опредѣляли высоту струи отъ 30—40 саж. Всюду характеръ мѣстности—дикій.

Верстахъ въ сорока отъ ключей находится Бѣлуха. Нѣкоторые изъ посѣтителей ключей ѣздили къ бѣлкамъ и имѣли возможность видѣть ледники вблизи. Я прожилъ на Рахмановскихъ ключахъ двѣ недѣли.

Принимая ванны, я въ то-же время аккуратно, изо дня въ день, утромъ и вечеромъ вымѣрялъ температуру семи колодцевъ, а также велъ ежедневные простѣйшія термометрическія записи погоды. Полагая, что метеорологическія и бальнеологическія наблюденія на ключахъ имѣютъ нѣкоторый интересъ, я позволяю себѣ результаты этихъ наблюденій за двѣ недѣли привести цѣликомъ.

Термометрическія записи погоды.

Іюль.		Температура по R.		
		Утромъ	Въ полдень.	Вечеромъ
7	Утромъ туманно, въ полдень облачно, затѣмъ небольшой дождь, смѣнившійся сильнымъ туманомъ. Вечеромъ туманно.	12°	14°	12°
8	Утромъ облачно, въ полдень нѣсколько ясно (облака разорвались), къ вечеру густыя облака и мелкій дождь.	10	14	10
9	Утромъ ясно, въ полдень облачно и дождливо, вечеромъ облачно и большой дождь.	13	13	- 9
10	Утромъ ясно, затѣмъ нѣсколько облачно и дождливо, въ полдень облачно, вечеромъ небольшой дождь.	18	15	10
11	Ясно цѣлый день.	18½	19	10
12	Ясно весь день.	20½	24	8
13	Утромъ ясно, въ полдень нѣсколько облачно и вѣтренно, вечеромъ облачно.	24	20	10
14	Утромъ и въ полдень ясно, къ вечеру гроза и сильный дождь.	25	18	9
15	Утромъ ясно, въ полдень и вечеромъ облачно и дождливо.	24	16	10
16	Утромъ ясно, въ полдень нѣсколькө облачно, вечеромъ ясно.	17	15	12
17	Утромъ ясно, въ полдень облачно, затѣмъ сильный вѣтеръ съ грозой и проливнымъ дождемъ, вечеромъ густыя облака.	18	13	10

18	Утромъ облачно, потомъ ясно, въ полдень облачно и дождливо, вечеромъ облачно и гроза съ дождемъ.	15	12	13
19	Утромъ дождливо, въ полдень туманно, облачно и дождливо, вечеромъ облачно и дождливо.	7	10	5
20	Утромъ туманно, затѣмъ облачно и дождь цѣлый день.	7	9	—

Температура Рахмановскихъ ключей по R.

Четырехванное зданіе.

В а н н ы.

	№ 1.		№ 2.		№ 3.		№ 4.	
Іюль	Утр.	Веч.	Утр.	Веч.	Утр.	Веч.	Утр.	Веч.
7	31°	31°	31°	31°	32°	32°	33°	33°
8	31	31	31	31	32	32	33	33
9	31	31	31	31	32	32	33	33
10	31	30	31	30	32½	31½	34	33
11	30½	31	30½	32	31½	32	32½	33
12	31½	31	31½	31	32½	32	33½	33
13	32	32	32	32	33	33	33½	33½
14	32	32	32	32	33	33	33	33½
15	32	32	32	32	32½	32	33½	33½
16	32	31	32	31	33	32	33½	33
17	32	31	32	31	32	32	33	33
18	31	31	32	31	32	32	33	33
19	32	31	32	32	33	33	33	33
20	32	—	32	—	33	—	34	—

Температура открытыхъ ваннъ.

	Питьевой.		*Прачешной.*	
Іюль.	Утромъ.	Вечеромъ.	Утромъ.	Вечеромъ
7	26°	26°	30°	30°

8	26°	26°	30°	30°
9	26	26	30	30
10	27	26	30	30
11	26	27	29	30
12	27	27	31	30
13	27	27	31	31
14	27½	27½	31	30
15	27½	27	30	31
16	27	27	31	31
17	27	27	30	30
18	27	26	30	30
19	27	27½	30½	30½
20	27	—	31	—

Температура ванны особнякъ съ навѣсомъ.

Іюль	Утромъ.	Вечеромъ.	Іюль	Утромъ.	Вечеромъ.
7	29°	29°	14	30½°	30½°
8	29	29	15	30	30
9	29	29	16	30	30
10	30	29	17	29	30
11	29	30	18	29	30
12	29	30	19	31	30
13	30	30	20	31	—

За этой ванной я нашелъ еще семь ключей, выбивающихся на открытомъ воздухѣ.

t° ихъ по R оказалась слѣдующая:

2 ключа по 27°.
1 ,, 28°.
1 ,, 20°.
1 ,, 25°.
1 ,, 30°.
1 ,, 23½°.

Эти ключи не разработаны и ими не пользуются.

Въ нѣкоторыхъ ваннахъ замѣчается энергичное выдѣленіе пузырьковъ.

Вода изъ ваннъ выпускается съ помощію водоспускного отверстія, продѣланнаго въ верхней части ваннъ. Благодаря этому обстоятельству уровень воды въ ваннѣ держится постоянный и опорожнить резервуаръ до чиста совершенно невозможно.

Сравнивая данныя метеорологическаго наблюденія съ результатами наблюденій надъ температурой ключей, мы не можемъ не видѣть того интереснаго обстоятельства, что въ холодную и ненастную погоду вода источниковъ дѣлается теплѣе. По свидѣтельству арендатора Фролова, живущаго круглый годъ на ключахъ и купающагося въ нихъ даже зимой (вмѣсто бани), вода въ ваннахъ зимой теплѣе, чѣмъ лѣтомъ.

Совершенно аналогичное явленіе замѣчалъ на Арасанскихъ минеральныхъ водахъ (въ 29 верст. отъ г. Копала Семирѣченской обл.) и Кишенскій(*).

Интересно было-бы установить причинную связь повышенія температуры минеральной воды съ пониженіемъ t° наружнаго воздуха.

Если мы теперь сдѣлаемъ попытку установить, понизилась или повысилась температура Рахмановскихъ ключей за послѣдніе двадцать лѣтъ, то придемъ къ заключенію, что температура ихъ, повидимому, нѣсколько повысилась.

Нѣкоторымъ основаніемъ къ подобнаго рода заключенію можетъ служить сравненіе цифровыхъ данныхъ надъ ключами,—добытыхъ Хруцкимъ въ 1882 г. съ результатами измѣренія t° ключей,—которое я произвелъ въ 1905 г. По наблюденіямъ Хруцкаго t° ключей доходила до $32^1/_2$° по R, по моимъ наблюденіямъ—до 34°.

Доводомъ, нѣсколько ослабляющимъ возможность категорическаго утвержденія относительно безусловнаго повышенія t° Рахмановскихъ ключей за послѣдніе 20 лѣтъ, является то обстоятельство, что Хруц-

(*) «Арасанскія минеральныя воды» Серг. Кишенскаго. Записки Зап.-Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ. Книжка XX.

кій вымѣрялъ температуру ключей только одинъ разъ (17-го іюня 1882 г.), тогда какъ я наблюдалъ надъ температурой воды въ теченіе двухъ недѣль. При болѣе продолжительномъ наблюденіи надъ ключами со стороны Хруцкаго, и у него можетъ быть получились-бы такія цифровыя данныя, которыя исключали-бы всякую возможность говорить о повышеніи t° ключей за послѣднія двадцать лѣтъ.

Рахмановскіе ключи пользуются на Алтаѣ большою популярностью. Сюда наѣзжаетъ много народа изъ Томской губерніи и Семипалатинской области. Ежегодно ключи посѣщаетъ, по сообщенію арендатора Фролова, не менѣе 300 человѣкъ. Большинство посѣтителей—киргизы и частію калмыки, пріѣзжающіе изъ Бійскаго уѣзда черезъ горы.

Цифру посѣтителей (300 чел.) надо признать довольно порядочной, если мы примемъ во вниманіе невозможные пути сообщенія. На Рахмановскіе ключи возможенъ проѣздъ только верхомъ. Верховая-же ѣзда доступна далеко не всѣмъ.

Я слышалъ, что нѣкоторыхъ больныхъ привозили на ключи на такъ называемыхъ волокушахъ. Вообще, отсутствіе колесной дороги, несомнѣнно, отзывается на количествѣ посѣтителей алтайскаго курорта.

На Рахмановскихъ ключахъ нѣтъ никакого благоустройства. Ванны грязныя, номера въ баракѣ неудобны, да ихъ къ тому-же еще не хватаетъ, столъ весьма ограниченный, медицинской помощи—никакой.

Только кымызу сколько угодно. Кымызъ доставляютъ берельскіе табунщики, а также и прочіе киргизы, живущіе недалеко отъ ключей.

Алтайскій кымызъ—очень вкусный, и доставляется по дешевой цѣнѣ. Ведро стоитъ 1 руб.

Только прекрасный кымызъ и отличный горный воздухъ и составляютъ положительную сторону курортной жизни Рахмановскихъ ключей.

Ваннами можно пользоваться въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Купанья сильно ослабляютъ организмъ, но этимъ, повидимому, мало стѣсняются киргизы, которые принимали по 6—8 ваннъ въ день. Киргизы, обыкновенно, предпочитали купаться по ночамъ. Въ это время ихъ

никто не тревожилъ и они могли сидѣть въ ваннахъ сколько угодно. Передъ киргизской казармой цѣлыми ночами дымился костеръ, надъ которымъ готовилась баранина.

Иногда около казармы раздавалась заунывная киргизская пѣсня. Казарма никогда не пустовала. Уѣзжавшихъ киргизъ смѣняли новыя партіи.

При мнѣ ключи посѣтило одно калмыцкое семейство. Калмыки не захотѣли помѣститься въ киргизской казармѣ и устроились въ балаганѣ изъ лиственичныхъ вѣтвей. Такихъ шалашей на ключахъ нѣсколько. Они свидѣтельствуютъ о недостаткѣ жилыхъ помѣщеній. Я нѣсколько разъ посѣтилъ калмыцкій балаганъ. Семейство было крещеное и молодой калмыкъ прекрасно читалъ по русски. Русскимъ-же разговорнымъ языкомъ никто изъ калмыковъ не владѣлъ. Живя на ключахъ, калмыки предлагали русскимъ больнымъ лошадей для обратнаго проѣзда къ селу Берельскому и свои услуги проводниковъ. Нѣкоторые изъ больныхъ воспользовались услугами калмыковъ. Вообще-же лошади для обратнаго проѣзда съ Рахмановскихъ ключей доставляются изъ с. Берельскаго тѣмъ проводникомъ, который, обыкновенно, привозитъ больныхъ на ключи. Больные назначаютъ срокъ выѣзда съ ключей и къ этому времени берельскій проводникъ доставляетъ на ключи лошадей.

По общему отзыву посѣтителей ключи приносятъ больнымъ большое облегченіе. Репутація Рахмановскихъ ключей, какъ цѣлебныхъ источниковъ, прочно установилась во мнѣніи алтайскихъ жителей. Лично мнѣ пришлось видѣть одного ревматика, у котораго послѣ 25 ваннъ исчезли всѣ признаки недомоганія.

Алтайскіе крестьяне, повидимому, склонны лѣчить Рахмановскими водами всѣ болѣзни. По крайней мѣрѣ на мои распросы о томъ, какія болѣзни лучше всего излѣчиваются на ключахъ, неизмѣнно получался одинъ и тотъ-же отвѣтъ: всѣ. Случаи смерти больныхъ на ключахъ очень рѣдки. Намъ извѣстенъ только одинъ такой случай(*).

(*) 25-го іюня 1899 г. на ключахъ умеръ священникъ Ландышевъ, 35 лѣтъ. Берельскіе крестьяне на рукахъ принесли покойника съ ключей и похоронили его въ церковной оградкѣ своего села.

Рахмановскіе ключи, несомнѣнно, представляютъ изъ себя цѣнный бальнеологическій пунктъ на Алтаѣ. Но добраться до него не такъ-то легко. Отсутствіе благоустройства на ключахъ, составляетъ серьезный дефектъ ихъ существованія.

Необходимо обставить ихъ хотя минимумомъ удобствъ, которыя гарантировали бы продуктивность бальнеологичсекаго леченія. 10-го іюля въ 9 ч. 20 м. утра на Рахмановскихъ ключахъ было слышно землетрясеніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ. Волна движенія прошла съ запада на востокъ и захватила, какъ это видно изъ газетныхъ сообщеній, громадный районъ.

20-го іюля я выѣхалъ съ ключей. Съ утра поднялся дождь, усилившійся къ полудню. Проводникъ направился въ Берель такъ называемой «нижней дорогой».

На протяженіи первыхъ пяти—шести верстъ лошадиная тропа вьется параллельно берегу рѣчки Рахмановки, которая бѣшенно, пѣнистыми каскадами, мчится къ р. Берели.

Крутой уклонъ рѣчки, съ массой естественныхъ преградъ, въ видѣ навороченныхъ по руслу громадныхъ камней, создастъ сильный шумъ, усиливающійся у интереснаго мостика въ четыре—пять бревенъ безъ перилъ и переходящій далѣе въ оглушительный ревъ на водопадѣ, гдѣ полоса воды съ трескомъ падаетъ внизъ съ значительной высоты и при дальнѣйшемъ теченіи съ шумомъ и ревомъ пѣнистой массой врывается въ Берель.

Версты съ десятой начинается длиннѣйшій спускъ въ долину р. Берель. Извилистый спускъ идетъ по уклонамъ горъ на протяженіи пяти верстъ.

Благодаря не перестававшему сильному дождю, черноземная почва размокла до невозможности и наши лошади буквально катились съ горы. Иногда при поворотахъ дороги коржуны цѣплялись за деревья и только осторожность берельской лошади спасала меня отъ возможности свалиться съ сѣдла.

Я свободно владѣю верховой ѣздой, но этотъ грязный спускъ въ

дождливую погоду доставилъ мнѣ много непріятныхъ минутъ. Даже проводникъ мой и тотъ насторожился.

Я свободно вздохнулъ только тогда, когда мы окончательно спустились въ Берельскую долину.

Этотъ спускъ остался еще мнѣ памятенъ и тѣмъ, что въ это время я успѣлъ простудить ноги и все леченіе мое на ключахъ, такимъ образомъ, пропало даромъ.

Со второй половины пути дорога то лѣпится по берегу Береля, то скрывается въ зарасляхъ высокихъ березъ, то пересѣкаетъ разлившіеся рукава рѣки, выходя передъ селомъ на открытую поляну, загороженную маральниками.

Послѣднія двѣ версты передъ селомъ лошадиная тропинка вьется надъ высокими и крутыми обрывами рѣки. Внизу кипитъ и бурлитъ Берель. Тропинка выходитъ прямо въ село.

Въ общемъ, «нижняя дорога» очень красива, но одолѣвать ее, при наличности данныхъ, выпавшихъ на мою долю (дождь, грязь, холодъ), не совсѣмъ было пріятно.

Когда 20 іюля позднимъ вечеромъ я пріѣхалъ въ село Берельское, то убѣдился, что результатовъ моего двухнедѣльнаго леченія на ключахъ какъ не бывало: ноги ломило, чувствовалась слабость. То улучшеніе состоянія здоровья,—которое я почувствовалъ въ періодъ моего леченія на водахъ, было потеряно въ нѣсколько часовъ. Горькимъ опытомъ пришлось испытать все неудобство леченія въ такой трущобѣ, какъ Рахмановскіе ключи. Въ Берели я заночевалъ въ домѣ священника. Гостепріимные хозяева отогрѣли меня и я имѣлъ возможность вполнѣ отдохнуть послѣ длиннаго переѣзда по слякоти и дождю.

Въ этотъ-же день въ Берель пріѣхалъ возвращавшійся изъ научной экспедиціи по Монголіи профессоръ Сапожниковъ. Съ нимъ былъ цѣлый караванъ. Профессоръ ночевалъ въ Берели и черезъ день отбылъ на Рахмановскіе ключи, которые онъ посѣтилъ въ послѣдній разъ въ 1895 г.(*), съ цѣлію прослѣдить, какія улучшенія введены на ключахъ за послѣднія десять лѣтъ.

---

*) «По Алтаю» Сапожникова

Въ Берели я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ профес. Сапожниковымъ, разсказавшимъ много интереснаго изъ своего путешествія. Оказывается, землетрясеніе 10-го іюля было слышно и ученымъ путешественникомъ, отправившимъ о немъ сообщенія въ сибирскую печать(*).

Утромъ 21-го іюля мы собрались съ мѣстнымъ священникомъ о. Викторомъ Сабининымъ на хаирюзовъ. В. В. Сапожниковъ, узнавъ о нашемъ намѣреніи, присоединился къ намъ и мы втроемъ отправились съ удочками на Бухтарму. Поймать намъ, однако, никого не удалось. Въ замѣнъ этого я собралъ свѣдѣнія о количествѣ мараловъ, принадлежащихъ берельскимъ крестьянамъ.

22-го іюля я распростился съ Берелью. Мой проводникъ, возившій меня на Рахмановскіе ключи, изъявилъ желаніе доставить меня изъ Береля до села Медвѣдскаго. На этотъ разъ я избралъ путь въ Медвѣдку черезъ села *Березовку* и Черновое. Изъ поселка Урульскаго дорога съ 9-й версты сворачиваетъ къ рѣкѣ Бухтармѣ на деревню Березовку. Мѣстность замѣтно понижается къ рѣкѣ и переходитъ далѣе въ хорошій травянистый лугъ. По сторонамъ дороги—красивыя, отлично отшлифованныя скалы съ интересными впадинами, носящими признаки удивительной симметріи.

Въ расщелинахъ скалъ, почти на чистокаменистомъ грунтѣ, Богъ знаетъ какъ, пріютились березки.

Дорога извилялась въ каменисто-черноземномъ желобѣ и затерялась въ рощѣ, раскинувшейся на берегу Бухтармы.

Благодаря ненастью Бухтарма «взыграла» такъ, что выпирала изъ береговъ. На наше несчастье лодка, на которой здѣсь совершается переправа, оказалась на противоположной сторонѣ, а перевозчикъ отправился въ деревню ночевать.

Намъ оставалось только наблюдать, какъ лодка подпрыгивала на зыбкихъ волнахъ Бухтармы.

Послѣ нѣкотораго раздумья ямщикъ рѣшился переплыть съ лошадями на другой берегъ и пригнать оттуда лодку. Онъ долго выщу-

(*) Въ «Сибирскій вѣстникъ» и «Семипалатинскій листокъ».

пывалъ въ разныхъ мѣстахъ бродъ, наконецъ махнулъ рукой и, перекрестившись, бросился съ лошадьми вплавь.

Жутко было наблюдать, какъ его сносило все дальше и дальше. Бухтарма бѣшенно мчалась мимо меня, набивая къ берегамъ большія кучи пѣны. Радостный крикъ ямщика съ противоположнаго берега рѣки показалъ, что мой возница благополучно одолѣлъ Бухтарму.

Онъ привязалъ лошадей къ кустамъ и быстро пригналъ ко мнѣ лодку. Но намъ предстоялъ еще не легкій трудъ: переправить тележку. Этотъ опытъ едва не стоилъ намъ сбруи, которую ямщику кое какъ удалось выхватить уже изъ воды. Съ большими усиліями помѣстили мы тележку въ лодкѣ и отчалили къ другому берегу. Я принялъ кормовое весло, ямщикъ сѣлъ въ греби.

Отъ напора мчавшихся волнъ лодку трясло и качало. Ямщикъ сильно работалъ въ гребяхъ и каждый взмахъ весла замѣтно укорачивалъ разстояніе между берегомъ и лодкой. Несмотря на усиленную работу съ нашей стороны, снесло насъ далеко.

Еще разъ пришлось выволакивать тележку изъ лодки. На этотъ разъ намъ помогли лошади.

Когда мы выѣхали съ перевоза, стало темнѣть. Ямщикъ подгонялъ лошадей, желая засвѣтло добраться до Березовки. Блеснувшіе впереди огоньки показывали, что березовцы еще бодрствовали. При въѣздѣ въ деревню, нас дружно встрѣтила большая стая собакъ и проводила до дома, гдѣ намъ пришлось часа два отдохнуть.

Прямо нашей импровизированной квартиры находился маслодѣльный заводъ. Сепараторъ громко гудѣлъ, выбивая сливки. Къ заводу безпрерывно подносили ведра съ молокомъ. Нашъ пріѣздъ не остался незамѣченнымъ и мы получили приглашеніе напиться чаю.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, когда я вошелъ въ комнату большого дома, это была раскрашенная яркими цвѣтами картина, изображающая райскую птицу «Сиринъ».

Присутствіе ея въ комнатѣ сразу-же показало, что хозяева, гостепріимствомъ которыхъ мы имѣли воспользоваться, принадлежать къ

числу представителей «древляго благочестія». И я не ошибся. Дальнѣйшій разговоръ нашъ съ хозяевами еще больше укрѣпилъ меня въ предположеніи, что я вижу передъ собой типичныхъ представителей старообрядческаго міра.

Я попросилъ у хозяевъ разрѣшеніе ближе разсмотрѣть птицу «Сиринъ«. Райская птица представляла изъ себя пѣтушка съ поднятыми крыльями и съ кругомъ надъ головой. Внизу были начертаны слѣдущіе стихи:

«Птица райская, зовомая Сиринъ,
Гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ.
На востоцѣ въ Едемскомъ раю пребываетъ,
Непрестанно пѣніе красно воспѣваетъ.
Праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ,
Которую Господь Святымъ своимъ обѣщаетъ.
Временемъ влетаетъ и на землю къ намъ,
Подобно сладкопѣсненно поетъ, якоже и тамъ.
Всякъ-бо человѣкъ во плоти живя,
Не можетъ слышати гласа ея.
Аще кому слышати случится,
Тако выи отъ житія сего отлучится.
Но не яко тамъ онъ пребываетъ,
А во слѣдъ ея теча надъ умираетъ».

Это интересное произведеніе старообрядческой литературы,—напоминающее творенія Гранографовъ, Цвѣтниковъ и т. п. мудрости, было соотвѣтствующимъ образомъ пояснено хозяевами. Тяжелыя думы навѣяли на меня эти поясненія...

Изъ разспросовъ хозяевъ я узналъ, что березовцы занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ (частью мараловодствомъ).

Часамъ къ 12 ночи мнѣ хотѣлось попасть въ дер. Черновую, поэтому, напившись чаю, мы выѣхали изъ Березовки. Дорога пролегаетъ по берегу Бухтармы. На первыхъ двухъ верстахъ отъ Березовки Бухтарма подбѣгаетъ къ горному хребту, идущему параллельно съ Бухтармой. Въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ деревянный мостъ, который при-

тыкается къ утесамъ, спускающимся въ Бухтарму. Мостъ виситъ надъ рѣкой,—поддерживаемый толстыми, вдѣланными въ дно рѣки столбами. Начало дороги изъ Березовки представляетъ интересную картину. Съ одной стороны высится горная масса каменнаго хребта, съ другой съ оглушительнымъ шумомъ и ревомъ мчится р. Бухтарма. Въ узкой полоскѣ земли между горами и рѣкой и вьется колесный путь.

Иногда горный хребетъ спускается не къ рѣкѣ, а въ самую рѣку, и вытѣсняетъ дорогу. Въ такихъ мѣстахъ появляется мостъ, который соединяетъ обрывки дорогъ въ одинъ путь, не встрѣчающій уже въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи препятствій. Только приблизительно на срединѣ пути къ Черновой Бухтарма опять вытѣсняетъ мягкій дорожный грунтъ и омываетъ дорожные утесы. Съ этого мѣста рѣка отходитъ отъ дороги, которая пріобрѣтаетъ характеръ прекрасно укатаннаго шоссе и приводитъ въ деревню Черновую. Послѣдняя получила свое названіе отъ рѣчки Черновой, съ темнымъ цвѣтомъ воды. Въ Черновой преобладаетъ старообрядческій элементъ, хотя есть и церковь. Православныхъ насчитывается 410 д. о. п., православныхъ, уклонившихся въ расколъ и старообрядцевъ—685 д.

Верстахъ въ двухъ отъ села протекаетъ Бухтарма. Черновая отдѣляется отъ рѣки лугомъ, заросшимъ травой и лѣсомъ. Съ южной стороны села за Бухтармой высится величественный Алтайскій хребетъ, изрѣзанный глубокими морщинистыми впадинами и ущельями, по склонамъ которыхъ видны остатки не стаявшаго снѣга. Съ сѣверной стороны Черновой тянется каменная цѣпь, высотой, рельефомъ и богатствомъ лѣсного покрова значительно уступающая своему сосѣду—Алтайскому хребту. Въ Черновой есть волостное правленіе, школа грамоты и двѣ лавки съ подходящимъ для крестьянскаго обихода товаромъ. Село—зажиточное. Нерѣдко можно видѣть наряды изъ шерстяной и шелковой матеріи. Въ Черновой мнѣ пришлось встрѣтить бійскаго купца Кривцова, скупающаго по Алтаю маральи рога.

Жители Черновой кромѣ хлѣбопашества и скотоводства занимаются еще и мараловодствомъ.

Привожу списки крестьянъ, имѣющихъ маралов въ селахъ Бе-

рельскомъ, Березовскомъ и Черновскомъ, через которыя мнѣ пришлось проѣзжать.

СПИСОКЪ

крестьянъ села *Берели*, имѣющихъ мараловъ(*).

№№	*Имена и фамиліи.*	Звѣри. Самцы	Самки	Всего.
1	Антипъ Бѣлоусовъ — — —	30	27	57
2	Давыдъ Бѣлоусовъ — — —	44	40	84
3	Степанъ Бѣлоусовъ — — —	44	67	111
4	Родіонъ Бѣлоусовъ — — —	41	44	85
5	Тимофѣй Бѣлоусовъ — —	19	17	36
6	Иванъ Бѣлоусовъ — — —	2	4	6
7	Александръ Бѣлоусовъ — —	2	5	7
8	Андрей Шульгинъ — — —	—	4	4
9	Поликарпъ Самойловъ — —	3	3	6
10	Степанъ Самойловъ — —	6	14	20
11	Филиппъ Самойловъ — —	6	9	15
12	Ипоторій Самойловъ — —	1	4	5
13	Ефимъ Анфилофьевъ — —	2	5	7
14	Алексѣй Анфилофьевъ — —	10	18	28
15	Иванъ Анфилофьевъ — —	2	3	5
16	Петръ Кузнецовъ — — —	4	26	30
17	Константинъ Кузнецовъ — —	2	5	7
18	Устинъ Плотниковъ — —	30	51	81
19	Родіонъ Плотниковъ — —	9	15	24
20	Федоръ Красновъ — — —	10	10	20
21	Порфиръ Огнинъ — — —	13	23	36
22	Афанасій Кузнецовъ — —	6	4	10
23	Константинъ Рахмановъ — —	28	39	67

(*) Въ этотъ подсчетъ не входятъ маралы, принадлежащіе священнику, для котораго мараловодство составляетъ главный источникъ существованія.

24	Кириллъ Сосновскій — —	—	3	3
25	Лука Медвѣдевъ — — —	40	63	103
26	Терентій Лысовъ — — —	2	8	10
27	Матвѣй Данешевъ — — —	—	2	2
28	Дмитрій Китаевъ — — —	20	28	48
29	Никита Соболевскій — —	9	17	26
30	Петръ Сашинъ — — —	6	4	10
		391	562	953

СПИСОКЪ

жителей дер. *Березовки*, имѣющихъ мараловъ.

№№	*Имена и фамиліи.*	Звѣри.		Всего.
		Самцы	Самки	
1	Леонтій Рахмановъ — —	23	30	53
2	Арефій Рахмановъ — — —	6	9	15
3	Евгеній Рахмановъ — — —	12	19	31
4	Прохоръ Анофріевъ— .. —	10	13	23
5	Поліэвтъ Бородулинъ — —	2	1	3
6	Тимофей Бѣлоусовъ — —	1	3	4
7	Назаръ Екимовъ — — —	3	3	6
8	Исаакъ Болтовскій — — —	8	11	19
9	Тимофей Болтовскій — —	6	9	15
10	Никифоръ Екимовъ— — --	36	41	77
11	Нестеръ Рахмановъ — — —	2	3	5
12	Лазарь Рахмановъ — — —	—	1	1
13	Исидоръ Анофріевъ— — —	10	15	25
14	Евстафій Русаковъ— — —	7	9	16
15	Яковъ Бѣдаревъ — — —	1	9	10
16	Филатъ Красновъ — — —	8	10	18
17	Емельянъ Красновъ — —	1	2	3
18	Евстафій Прокопьевъ — —	1	2	3
19	Ефимъ Бѣдаревъ — — —	1	9	10
	Итого —	138	199	337

СПИСОКЪ

крестьянъ села *Черновскаго*, имѣющихъ мараловъ.

№№	*Имена и фамиліи.*	Звери. Самцы	Звери. Самки	Всего.
1	Устинъ Анфилофьевъ — —	4	5	9
2	Григорій Анфилофьевъ — —	3	6	9
3	Ксенофонтъ Анфилофьевъ — —	3	6	9
4	Трефилъ Анфилофьевъ — —	1	—	1
5	Евстигней Анфилофьевъ — —	3	3	6
6	Петръ Анфилофьевъ — —	3	4	7
7	Θедоръ Анофріевъ — — —	1	3	4
8	Артемій Барсуковъ — — —	7	12	19
9	Мартемьянъ Васильковъ — —	3	8	11
10	Сергѣй Екимовъ — — —	—	1	1
11	Семенъ Екимовъ — — —	—	2	2
12	Николай Затѣевъ — — —	1	—	1
13	Антипъ Затѣевъ — — —	1	2	3
14	Евдокія Затѣева — — —	1	—	1
15	Андрей Іонинъ — — —	4	2	6
16	Самсонъ Іонинъ — — —	1	—	1
17	Павелъ Іонинъ — — —	4	5	9
18	Агафья Іонина — — —	2	2	4
19	Θедосья Іонина — — —	1	—	1
20	Козьма Іонинъ — — —	4	4	8
21	Василій Іонинъ — — —	1	2	3
22	Михаилъ Красковъ — — —	2	7	9
23	Евлампій Красковъ— — —	—	3	3
24	Дмитрій Красковъ — — —	10	10	20
25	Вавила Красковъ — — —	4	2	6
26	Семенъ Красковъ — — —	5	6	11
27	Леонтій Красковъ — — —	2	2	4
28	Иванъ Коробейниковъ — —	6	4	10

29	Татьяна Коробейникова	—	—	1	2	3
30	Надежда Коробейникова	—	—	4	2	6
31	Артемій Лаптевъ —	—	—	20	15	35
32	Несторъ Лаптевъ —	—	—	1	2	3
33	Евдокимъ Екимовъ —	—	—	—	2	2
34	Михей Ларіоновъ —	—	—	8	11	19
35	Афанасій Ларіоновъ	—	—	3	10	13
36	Епифанъ Медвѣдевъ	—	—	15	20	35
37	Прокопій Медвѣдевъ	—	—	5	9	14
38	Даніилъ Мелкозеровъ	—		3	5	8
39	Ирина Макарова —	—	—	3	3	6
40	Акимъ Макаровъ —	—	—	3	3	6
41	Мавра Макарова —	—	—	2	8	10
42	Павелъ Огневъ —	—	—	1	3	4
43	Мавра Огнева —	—	—	1	1	2
44	Ананій Проскуряковъ	—	—	—	2	2
45	Максимъ Рыжковъ —	—	—	8	9	17
46	Ѳедулъ Рыжковъ —	—	—	1	1	2
47	Евгеній Рыжковъ —	—	—	—	1	1
48	Тихонъ Рахмановъ —	—	—	3	3	6
49	Селиверстъ Русаковъ	—	—	4	8	12
50	Потапъ Русаковъ —	—	—	—	3	3
51	Андрей Самойловъ —	—	—	2	3	5
52	Макаръ Самойловъ —	—	—	3	4	7
53	Іосифъ Скороходовъ	—	—	20	24	44
53	Иванъ Скороходовъ—	—	—	6	10	16
55	Козьма Студенковъ—	—	—	5	6	11
56	Мартемьянъ Трескинъ	—	—	1	2	3
57	Абрамъ Трескинъ —	—	—	8	4	12
58	Филиппъ Шестаковъ	—	—	28	30	58
59	Сафонъ Шестаковъ—	—	—	1	1	2
60	Яковъ Шестаковъ —	—	—	4	4	8
61	Леонтій Томиловъ —	—	—	1	1	2
62	Михей Рахмановъ —	—	—	8	9	17

63	Вахрамей Самойловъ — —	3	4	7
64	Анисья Евдокимова— — —	1	2	3
		254	328	582

Изъ села Черновинскаго я проѣхалъ на станицу Алтайскую и посѣтилъ въ окрестностяхъ станицы (въ 10 в.) кордонъ алтайскаго лѣсничаго. Кордонъ расположенъ на чрезвычайно-живописномъ мѣстѣ у подножья Алтайскаго хребта, на правомъ берегу рѣчки Солонечной, вытекающей съ юговосточной стороны бѣлковъ.

Солонечная съ грохотомъ мчится мимо кордона, разбрасывая пѣнистыя брызги. На кордонѣ—прохладно. Чувствуется близость бѣлковъ. Я имѣлъ намѣреніе подняться на вершину хребта и думалъ продѣлать это путешествіе съ хозяиномъ кордона, (моимъ старымъ знакомымъ), но, къ сожалѣнію, лѣсничій выѣхалъ въ свои лѣса и я оставилъ кордонъ, не повидавшись съ хозяиномъ, встрѣча съ которымъ для меня представляла существенный интересъ.

Быстро промелькнули Медвѣдка, Таловка и прочія станціи почтоваго тракта и, наконецъ, показалась Бухтарминская станица. Отсюда я рѣшилъ сплыть на лодкѣ до Устькаменогорска. Два казака согласились за восемь рублей доставить меня съ двумя случайно подвернувшимися компаніонами въ Устькаменогорскъ. Это водное путешествіе, помимо своего удобства и спокойствія, могло имѣть для меня еще тотъ интересъ, что представлялась возможность ознакомиться съ красивыми берегами Иртыша между Устькаменогорскомъ и Бухтарминской станицей. 26-го іюля въ 8 час. утра мы отчалили отъ Бухтармы.

Чтобы сообщить лодкѣ устойчивость, къ бокамъ ея были привязаны двѣ большія жерди. Но пловцы наши ошиблись въ разсчетахъ: жерди оказались легкими и лодку сильно качало. Пришлось задержаться на первыхъ же двухъ верстахъ плаванія и замѣнить жерди толстыми гребнями отъ плота, выкинутаго р. Бухтармой на косу. Кстати и самый плотъ, поправившій наши фонды, оказался принадлежащимъ одному изъ нашихъ проводниковъ-казаковъ.

Сначала наша лодка плыла по Бухтармѣ, затѣмъ, версты черезъ

полторы, вошла въ Иртышъ. Въ шести верстахъ отъ станицы высится грозный утесъ, называемый *Вершининъ быкъ.* Утесъ названъ по имени полковника Вершинина, погибшаго вмѣстѣ съ конемъ въ волнахъ Иртыша. Преданіе говоритъ, что Вершининъ, будучи окруженъ со своимъ отрядомъ кочевниками, истребившими его команду, не желая сдаваться въ плѣнъ, нашелъ смерть въ Иртышѣ. По словамъ нашихъ гребцовъ около Вершинина быка насчитывается до 60 аршинъ глубины.

Верстахъ въ тридцати отъ Бухтармы на самомъ берегу Иртыша раскинулся *Ново-Александровскій* поселокъ.

Это, какъ я уже поминалъ раньше, выселокъ Старо-Александровскаго поселка. Ниже поселка начинаются такъ называемые *Частые острова.* Число ихъ доходитъ до двѣнадцати. Здѣсь нѣкогда едва не утонулъ архіепископъ тобольскій и сибирскій Георгій, проѣзжавшій въ 1851 году по Семипалатинской области для обозрѣнія церквей своей епархіи и пожелавшій изъ Бухтарминской станицы сплыть до Устькаменогорска на паромѣ(*).

Черезъ сорокъ пять верстъ плаванья попадается *Булошное зимовье,* состоящее изъ четырехъ дворовъ. На зимовьѣ живутъ на арендѣ у кабинета крестьяне изъ деревень Таловки и др. Булошное зимовье было устроено, какъ почтовая (пикетная) станція на тракту Устькаменогорскъ—Бухтарминская станица—Зыряновскій рудникъ.

Зимовье получило свое названіе отъ большихъ каменныхъ булокъ, разбросанныхъ по берегу Иртыша. Мимо Булошнаго поселка зимой—большой проѣздъ. Здѣсь по Иртышу идетъ санная дорога на Бухтарму и Зайсанъ. Крестьяне зимовья имѣютъ отъ проѣзжающихъ хорошій заработокъ. Отъ зимовья Иртышъ идетъ въ крутыхъ берегахъ, по мѣстному выраженію «въ трубѣ»; теченіе здѣсь тихое. Съ лѣвой стороны Иртыша часто попадаются розсыпи. Горы покрыты рѣдкимъ лѣсомъ.

На половинѣ воднаго пути отъ Бухтармы къ Устькаменогорску

(*) См. мою статью въ «Семип. Обл. Вѣд.» за 1903 годъ № 46: «Путешествіе Преосвященнаго Георгія, архіепископа тобольскаго и сибирскаго по Иртышу въ 1851 г.».

на рѣчкѣ Смолянкѣ, впадающей въ Иртышъ, обосновалась заимка казака поселка Сѣвернаго Ивлева, который живетъ уже тутъ двадцать лѣтъ.

Ивлевъ занимается рыбалкой, имѣетъ всевозможные рыболовные снаряды и ловитъ преимущественно красную рыбу—стерлядь, костерей,—которую и сплавляетъ для продажи въ Устькаменогорскъ. На Смолянкѣ мы сдѣлали привалъ. Намъ сварили отличную уху изъ свѣжей стерляди, и, кромѣ того, нѣсколько стерлядокъ мы взяли съ собой въ Устькаменогорскъ. Когда мы стояли приваломъ на Смолянкѣ, мимо заимки проплылъ оригинальный вояжиръ: на плоту изъ нѣсколькихъ бревешекъ стоялъ какой-то обдерганный субъектъ, чуть не въ костюмѣ Адама. Весь багажъ его состоялъ изъ легкаго пиджака и дробовика, закинутаго за плечи. Ловко балансируя весломъ, плотовщикъ галантно раскланялся съ нами и быстро исчезъ за поворотомъ рѣки. Верстахъ въ трехъ выше Смолянки, на лѣвомъ киргизскомъ берегу Иртыша замѣтной массой врѣзается въ рѣку большой каменистый гребень. Это—*Пѣтухъ.* Съ каждымъ годомъ пѣтухъ осыпается все больше и больше. Множество баклановъ въ удивительномъ порядкѣ охотились за рыбой, стараясь подогнать ее ближе къ берегу, на мелкія мѣста. Утки стаями носились надъ рѣкой, выбирая для привала укромныя, заросшія травой и камышемъ мѣста. Нерѣдко горы спускаются въ рѣку высокой и отлично отшлифованной стѣной. Ниже Смолянки на протяженіи цѣлой версты тянутся знаменитые *Семь братьевъ* Это рядъ утесовъ съ пещернымъ углубленіемъ внутри,—въ которые съ силой бьетъ вода. Прибой въ этомъ мѣстѣ замѣтно идетъ къ семи братьямъ.

Далѣе попадается *Бурнашевская* заимка. Послѣдняя представляетъ изъ себя небольшое селеніе. домовъ въ десять. названное по имени перваго ея жителя Бурнашева.

Мнѣ разсказывали, что нѣкогда Бурнашевская заимка насчитывала у себя до шестидесяти дворовъ, но чрезмѣрныя претензіи казаковъ, на землѣ которыхъ обосновались бурнашевцы, разогнали заимочниковъ и поселокъ опустѣлъ. Мѣсто, занятое Бурнашевской заимкой, крайне прозаичное и сѣрое.

Верстахъ въ тридцати пяти передъ Устькаменогорскомъ встрѣчается *Таловское* зимовье. Это—деревянный домъ (пикетъ), обслуживающій такіе-же интересы, какъ и Булошное зимовье.

Кромѣ Бурнашевской заимки, по обѣимъ сторонамъ Иртыша довольно часто попадаются заимочные домики, подлѣ которыхъ иногда устраиваютъ свои балаганы и избушки караульщики, слѣдящіе за исправностью бакеновъ Верхне-Иртышскаго пароходнаго товарищества.

Нѣсколько ниже Таловскаго зимовья, на правомъ берегу Иртыша полнымъ особнякомъ («на отскокѣ») торчитъ громадный круглый камень—остатокъ большой скалы, обмытой водой. Въ половодьѣ камень заливается водой настолько, что около него образуется бурное теченіе, причиняющее много безпокойства карбазинцамъ. При малоопытномъ кормовщикѣ карбазъ тутъ бьется 2—3 часа, прежде чѣмъ одолѣетъ каменную голову.

Верстой ниже круглаго камня раскинулся на правой сторонѣ Иртыша *Ермаковскій* поселокъ, образовавшійся изъ выходцевъ Европейской Россіи,—переписавшихся въ сибирскіе казаки.

Среди ермаковцевъ—не мало старообрядцевъ. Жители поселка получили юртовой надѣлъ и обезпечены землей.

Часто по правому берегу Иртыша можно было видѣть группы путниковъ, съ котомками за плечами,- идущихъ изъ Устькаменогорска. Это--плотовщики, или, какъ ихъ называли наши гребцы, «плауки», сплавлявшіе плоты до Устькаменогорска и возвращавшіеся обратно пѣшкомъ горами, по береговымъ тропинкамъ. Встрѣтили нѣсколько карбазовъ, затягиваемыхъ вверхъ по Иртышу бичевой (лямкой). Каждый карбазъ тянуло по 4 человѣка. Бурлаки то спускались внизъ съ утесовъ, то съ громадными усиліями взбирались на береговые холмы. Карбаза подвигались медленно.

Верстахъ въ 12 передъ Устькаменогорскомъ, по лѣвому берегу Иртыша на протяженіи версты тянется крутой глинистый яръ, съ довольно глубокими впадинами. Это—*печи*. До печей доплываютъ устькаменогорскіе рыбаки. Часто по берегу встрѣчаются бѣлыя палатки, подлѣ которыхъ сушатся различные рыболовныя снасти. Сразу-же за пе-

чами въ Иртышъ впадаетъ съ киргизской (лѣвой) стороны рѣчка *Аблайкетка*, около устья которой виднѣется утесъ въ видѣ столба, съ кругловатымъ камнемъ на верху, въ видѣ головы.

Горные утесы правой стороны Иртыша напротивъ печей обрывистыми и высокими зубцами спускаются въ рѣку.

Вообще, путь по Иртышу отъ Бухтармы до Устькаменогорска представляетъ очень красивую панораму, дающую массу бодрыхъ впечатлѣній.

На протяженіи отъ Бухтармы къ Устькаменогорску въ Иртышъ впадаетъ много рѣчекъ. Такъ, въ первую половину пути по Иртышу въ него впадаютъ рѣчки:

Съ лѣвой стороны: *Черновая*,
Гладковская,
Тульская и
Огневка.

Съ правой: *Барышникова*,
Козловка,
Серебрянка,
Пихтовка,
Осиновка,
Сѣверная и
Крестовка.

Во вторую половину пути:

Съ лѣвой: *Гусельникова* и
Аблайкетка.

Съ правой: *Смолянка*,
Таловка и
Феклистовка.

Въ 9 часовъ вечера того-же 26 іюля, въ которое мы выплыли изъ Бухтармы, мы благополучно добрались до Устькаменогорска.

Отсюда я думалъ отправиться въ Семипалатинскъ на пароходѣ, но, вслѣдствіе мелководья, пароходы прекратили рейсы. Въ Устькаменогорскъ съѣхалось много дачниковъ съ Алтая, разсчитывая попасть

на пароходъ. Когда-же сдѣлалось извѣстнымъ, что пароходовъ не будетъ, часть публики отправилась къ Семипалатинску на лошадяхъ, другая рѣшила сплыть по Иртышу на карбазѣ, который думалъ направить въ Семипалатинскъ одинъ изъ устькаменогорскихъ торговцевъ. На карбазѣ набралось много народа, свыше 60 человѣкъ. Тутъ были и семипалатинцы и омичи и даже уральцы. На карбазъ-же попала и экспедиція Западно-Сибирскаго отдѣла Геогр. Общ., возвращавшаяся съ Зайсанскаго озера.

Путешествіе наше можно было-бы считать вполнѣ удачнымъ, если-бы съ нами не случилось одно непріятное обстоятельство, причинившее всѣмъ пассажирамъ много хлопотъ.

Благодаря невнимательности кормовщика, карбазъ посадило на мель между поселками Талицкимъ и Озерскимъ на такъ называемой *Куендинской* мѣстности. Положеніе наше оказалось не изъ веселыхъ. До поселковъ было далеко, лодку съ собой карбазники не захватили, въ степи не видно было народа. Наступилъ вечеръ. Пришлось заночевать на карбазѣ. Послѣдній поставило поперекъ Иртыша и отъ напора воды съ дресвой онъ внушительно трещалъ.

Пассажиры устроили совѣтъ, что дѣлать. Результатомъ совѣщанія было рѣшеніе высадить народъ на близъ-лежащій галишникъ (островокъ) и попытаться собственными усиліями столкнуть карбазъ съ мели. И вотъ по Иртышу потянулась вереница пассажировъ по направленіи къ островку. Нѣкоторыхъ путешественницъ и дѣтей рабочіе перенесли на рукахъ. Эта интересная переправа, вѣроятно, долго не изгладится изъ памяти пассажировъ...

Когда карбазъ былъ разгруженъ отъ народа, мужчины спустились въ Иртышъ и дружно принялись за работу. Карбазъ трещалъ, покачивался, но не подавался съ мѣста. Нѣсколько часовъ работы въ Иртышѣ не дали положительныхъ результатовъ.

Наконецъ, къ нашему благополучію, на лѣвой сторонѣ рѣки показались конные киргизы. Одному изъ нихъ удалось кое-какъ передать записку, которую я адресовалъ на имя озерского поселковаго атамана, прося его прислать къ намъ лодку и людей.

Послѣ долгихъ часовъ томительнаго ожиданія, вдали показалась лодка, направлявшаяся къ нашему карбазу. Всѣ вздохнули свободно. Лодка давала возможность сдѣлать разгрузку сливочнаго масла, которымъ былъ заваленъ карбазъ. Работа закипѣла и, послѣ выгрузки около сотни пудовъ, карбазъ, наконецъ, къ великому удовольствію намаявшихся пассажировъ, сдвинулся съ мѣста и направился къ зарѣчному берегу Иртыша. Наступалъ вечеръ и пришлось провести сверхъ всякаго ожиданія на Иртышѣ еще одну ночь. Впрочемъ, другую ночь пассажиры провели въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ первую на карбазѣ.

Въ нашемъ распоряженіи оказалась масса скошеннаго душистаго сѣна, не задѣланнаго еще въ копны. Пассажиры разсѣялись по полю, выбирая удобныя мѣста для ночлега.

На мѣстѣ остановки сварили купленнаго у киргизъ барана. Но, къ сожалѣнію, разыгравшійся аппетитъ пассажировъ не позволилъ въ достаточной степени доварить баранину и объ этомъ ужинѣ въ степи нѣкоторые изъ путешественниковъ, вѣроятно, также долго будутъ вспоминать, какъ и о переправѣ съ карбаза на галецъ...

Утромъ 4-го августа карбазъ отчалилъ отъ стоянки и часамъ къ 10—11 утра показались колокольни семипалатинскихъ церквей. Передъ самымъ городомъ карбазъ рѣзко забороздилъ по дну Иртыша, напугавъ пассажировъ перспективой новаго сидѣнія, но, къ общему удовольствію, благополучно удалось проскользнуть опасное мѣсто.

Когда карбазъ присталъ къ городскому берегу, пассажиры, высказавъ другъ-другу пожеланія путешествія по Иртышу въ слѣдующій разъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ настоящія, разъѣхались въ разныя стороны.

Въ моемъ распоряженіи было еще нѣсколько свободныхъ дней, которые я и употребилъ для обозрѣнія Семитавскихъ горъ.

Такъ закончилась моя поѣздка на Рахмановскіе минеральные воды.

Священникъ Борисъ Герасимовъ.

Градъ въ г. Устькаменогорскѣ.

24-го іюля 1906 г. въ 12 часовъ дня въ г. Устькаменогорскѣ и его окрестностяхъ выпалъ градъ, покрывшій землю. Выпаденіе гидрометеоровъ продолжалось въ теченіе пяти минутъ. Начавшись съ горошины, градины разрослись до размѣровъ голубиннаго яйца и болѣе. Выпаденію града предшествовалъ дождь. Выпавшія градины по своему виду и строенію не представляли большого разнообразія. Форма градинъ—коническая, съ закругленнымъ основаніемъ, верхушка же являлась усѣченной. Встрѣчались сфероидальныя градины. Изрѣдка можно было замѣтить градины шарообразной формы, съ бѣлыми тонкими опоясаньями на поверхности. Много градинъ имѣло нѣсколько свѣтовыхъ оттѣнковъ: средняя часть была прозрачной, верхняя—матовая и—нижняя снѣжная—пушистая. Вообще-же выпавшій градъ имѣлъ бѣло-фаянсовый цвѣтъ. Температура градинъ была ниже ноля, —2°. Вѣсъ максимальной градины — 55—60 граммъ. Нѣкоторые изъ растаявшихъ кусочковъ града дали нѣсколько мутноватый осадокъ. Въ водѣ замѣчались слабыя глинистыя частицы. Конечно, только химическій анализъ градовой воды могъ-бы съ точностію установить присутствіе въ ледяныхъ частицахъ постороннихъ веществъ (землистыя части, остатки органическихъ веществъ и т. д.). Начавшись съ горошину и дойдя кресцендо до размѣровъ молочно-фаянсовыхъ кусковъ въ 55—60 граммъ вѣса, градины, послѣ 3—4 минутъ выпада, нѣсколько уменьшились

въ размѣрѣ, не доходя, однако, до горошины. Минимальный размѣръ градинъ при окончаніи выпада—воробьиное яйцо. Полоса града прошла съ югозапада на сѣверовостокъ. Трудно установить длину и ширину полосы, но несомнѣнно, что градъ захватилъ большую площадь, въ нѣсколько десятковъ верстъ длины и—значительной ширины.

Появившись за Иртышемъ, градъ перекинулся изъ степи въ городъ и ушелъ въ горы. Выпаденіе града происходило почти при полномъ отсутствіи вѣтра.

Облака, давшія эти интересныя атмосферическіе осадки, сначала были темно-сѣраго цвѣта, съ пепельнымъ оттѣнкомъ, затѣмъ приняли бѣлый цвѣтъ и казались нагроможденными одно на другое. Облака шли плотной массой въ нѣсколько слоевъ, при чемъ нижніе слои находились недалеко отъ поверхности земли. Выпаденіе града характеризовалось сильнымъ шумомъ. По слухамъ, градомъ была побита часть хлѣбовъ.

Выпавшій градъ старожилы города признаютъ очень крупнымъ.

Священникъ Борисъ Герасимовъ.

Градъ въ г. Устькаменогорскѣ.

24-го іюля 1906 г. въ 12 часовъ дня въ г. Устькаменогорскѣ и его окрестностяхъ выпалъ градъ, покрывшій землю. Выпаденіе гидрометеоровъ продолжалось въ теченіе пяти минутъ. Начавшись съ горошины, градины разрослись до размѣровъ голубиннаго яйца и болѣе. Выпаденію града предшествовалъ дождь. Выпавшія градины по своему виду и строенію не представляли большого разнообразія. Форма градинъ—коническая, съ закругленнымъ основаніемъ, верхушка же являлась усѣченной. Встрѣчались сфероидальныя градины. Изрѣдка можно было замѣтить градины шарообразной формы, съ бѣлыми тонкими опоясаньями на поверхности. Много градинъ имѣло нѣсколько свѣтовыхъ оттѣнковъ: средняя часть была прозрачной, верхняя—матовая и—нижняя снѣжная—пушистая. Вообще-же выпавшій градъ имѣлъ бѣло-фаянсовый цвѣтъ. Температура градинъ была ниже ноля,—2°. Вѣсъ максимальной градины—55—60 граммъ. Нѣкоторые изъ растаявшихъ кусочковъ града дали нѣсколько мутноватый осадокъ. Въ водѣ замѣчались слабыя глинистыя частицы. Конечно, только химическій анализъ градовой воды могъ-бы съ точностію установить присутствіе въ ледяныхъ частицахъ постороннихъ веществъ (землистыя части, остатки органическихъ веществъ и т. д.). Начавшись съ горошину и дойдя кресцендо до размѣровъ молочно-фаянсовыхъ кусковъ въ 55—60 граммъ вѣса, градины, послѣ 3—4 минутъ выпада, нѣсколько уменьшились

въ размѣрѣ, не доходя, однако, до горошины. Минимальный размѣръ градинъ при окончаніи выпада—воробьиное яйцо. Полоса града прошла съ югозапада на сѣверовостокъ. Трудно установить длину и ширину полосы, но несомнѣнно, что градъ захватилъ большую площадь, въ нѣсколько десятковъ верстъ длины и—значительной ширины.

Появившись за Иртышемъ, градъ перекинулся изъ степи въ городъ и ушелъ въ горы. Выпаденіе града происходило почти при полномъ отсутствіи вѣтра.

Облака, давшія эти интересныя атмосферическія осадки, сначала были темно-сѣраго цвѣта, съ пепельнымъ оттѣнкомъ, затѣмъ приняли бѣлый цвѣтъ и казались нагроможденными одно на другое. Облака шли плотной массой въ нѣсколько слоевъ, при чемъ нижніе слои находились недалеко отъ поверхности земли. Выпаденіе града характеризовалось сильнымъ шумомъ. По слухамъ, градомъ была побита часть хлѣбовъ.

Выпавшій градъ старожилы города признаютъ очень крупнымъ.

Священникъ Борисъ Герасимовъ.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Семипалатинскаго Подъотдѣла Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1905 годъ.

Къ 1 января 1905 года въ Семипалатинскомъ Географическомъ Подъотдѣлѣ числилось членовъ: почетныхъ—1, дѣйствительныхъ—78 и сотрудниковъ—6.

Въ теченіе 1905 года вновь избрано въ дѣйствительные члены 8 человѣкъ(*) и выбыло, за смертью, 3 человѣка(**), такъ что къ 1 января 1906 года число дѣйствительныхъ членовъ Подъотдѣла равнялось—83.

Въ составъ Распорядительнаго Комитета къ началу 1905 года входили слѣдующія лица: въ званіи Предсѣдателя Н. Ф. Ницкевичъ и какъ члены В. К. фонъ-Гернъ (онъ же замѣститель Предсѣдателя), П. В. Арефьевъ (казначей), Г. А. Сопѣтовъ, о. Б. Герасимовъ и Н. И. Лукьяновичъ. Правителемъ дѣлъ былъ Н. Я. Коншинъ.

Въ теченіе 1905 г. въ составѣ названнаго Комитета произошли слѣдующія перемѣны: избранъ въ члены Комитета А. М. Суворцевъ и выбыли, за смертью, В. К. фонъ-Гернъ и Н. И. Лукьяновичъ. На гробъ послѣдняго отъ имени Подъотдѣла былъ возложенъ вѣнокъ.

(*) Гг. А. П. Брыковъ, Н. Н. Корсаковъ, М. В Павловъ, А. А. Даниловъ, Ф. Р. Дульскій, В. М. Роменскій-Николаевскій, К. М Рычковъ и Н. А. Самойловъ.

(**) В. К Фонъ-Гернъ, Н. Д. Доброправовъ и Н. И. Лукьяновичъ.

Въ засѣданіяхъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ членовъ, принимали участіе П. Е. Мирошниченко, Ф. Р. Дульскій и М. С. Сухотеринъ.

Дѣятельность Распорядительнаго Комитета, какъ о ней можно судить по протоколамъ его засѣданій, заключалась, въ общихъ чертахъ. въ разсмотрѣніи разныхъ вопросовъ, касающихся библіотеки Подъотдѣла, а также состоящаго въ его завѣдываніи Семипалатинскаго Областного Музея, въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и т. д.

Непосредственное завѣдываніе упомянутыми библіотекой и Музеемъ лежало на Правителѣ дѣлъ. Музей былъ открытъ для безплатнаго посѣщенія публики по воскресеньямъ отъ 12 до 2 часовъ дня. Точной регистраціи посѣтителей не велось, но по скромному подсчету за среднее число посѣтителей въ воскресенье можно принять не менѣе 20 человѣкъ.

Въ концѣ 1905 года Правитель дѣлъ обратился въ Распорядительный Комитетъ съ просьбой освободить его отъ завѣдыванія Музеемъ, ссылаясь на то, что не будучи спеціалистомъ по естествознанію онъ не можетъ составлять надлежащихъ каталоговъ по многимъ отдѣламъ Музея (горный, зоологическій и др.). Разсмотрѣвъ это заявленіе, Распорядительный Комитетъ постановилъ учредить должность консерватора Музея, который долженъ вести всѣ дѣла по Музею, имѣть за нимъ общее наблюденіе и т. д., завѣдываніе же отдѣлами Музея поручить спеціалистамъ.

На основаніи изложеннаго постановленія консерваторомъ Музея былъ избранъ П. Е. Мирошниченко и завѣдующими отдѣлами Музея Ф. Р. Дульскій (ботаники, сельскаго хозяйства и, временно, зоологіи) и М. С. Сухотеринъ (горнаго дѣла и палеонтологіи). Завѣдываніе историко-археологическимъ и этнографическимъ отдѣлами согласился временно оставить за собой Правитель дѣлъ, для завѣдыванія же нумизматическимъ отдѣломъ Распорядительный Комитетъ постановилъ подыскать подходящее лицо.

Въ библіотеку Подъотдѣла въ теченіе 1905 г. поступило 277 томовъ, которые, по мѣрѣ поступленія, заносились въ перечневый жур-

налъ. Къ 1 января 1906 года въ библіотекѣ Подъотдѣла числилось, со включеніемъ дубликатовъ, 5136 томовъ.

Всѣхъ засѣданій Распорядительнаго Комитета было въ 1905 году 13, общихъ собраній членовъ Подъотдѣла 3. На общихъ собраніяхъ были прочитаны рефераты: Н. Я. Коншинымъ—подъ заглавіемъ «Замѣтка объ одномъ киргизскомъ джутѣ» и П. В. Вдзѣнконскимъ—о киргизскомъ народномъ судѣ. Одно изъ общихъ собраній, 15 октября 1905 года, устроенное совмѣстно съ Обществомъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ и Коммиссіей по устройству народныхъ чтеній, было посвящено чествованію извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля Григорія Николаевича Потанина по поводу исполнившейся 21 сентября того же года 70-лѣтней годовщины со дня его рожденія. На этомъ собраніи Н. Я. Коншинымъ была прочитана біографическая замѣтка о Потанинѣ, священникомъ Б. Герасимовымъ—замѣтка о взглядахъ и дѣятельности Потанина въ сферѣ народнаго просвѣщенія и В. А. Морозовымъ—одна изъ статей Потанина о сибирскомъ областничествѣ. Кромѣ того Распорядительный Комитетъ послалъ Потанину привѣтственный адресъ.

Помимо изложеннаго, дѣятельность Подъотдѣла выразилась въ 1905 году въ изданіи 2-го выпуска каталога(*), 2-го вып. «Записокъ» Подъотдѣла и въ собираніи матеріала для 3-го ихъ выпуска. Во 2-мъ выпускѣ «Записокъ» помѣщены слѣдующія статьи:

Ф. К. Зобнина «Семипалатинскіе авантюристы» (11 стр.).

Н. Я. Коншина «Матеріалы для исторіи Степного Края. VI. Къ исторіи открытія Кокпектинскаго округа», съ приложеніями (127 стр.).

Б. Герасимова «Поѣздка на Барлыкскіе минеральные источники» (50 стр.).

В. Плотникова «Пѣсни казаковъ Сибирскаго казачьяго войска 1. Пѣсни военныя или походныя» (19 стр).

(*) О каталогѣ подробно сказано въ отчетѣ за 1904 г.

А. Букейханова «Изъ бумагъ султана Большой киргизской орды Сюка Аблайханова» (18 стр.)

Н. Я. Коншина «Замѣтка объ одномъ киргизскомъ джутѣ»— (19 стр.).

Б. Герасимова «Бычки въ Иртышѣ» (2 стр.).

Н. Горбачеви «Таблицы наблюденій Семипалатинской метеорологической станціи за 1904 г.» (5 стр.).

Для 3-го выпуска принята и отпечатана статья А. Н. Букейханова подъ заглавіемъ «Абай (Ибрагимъ) Кунанбаевъ». Въ статьѣ этой заключается некрологъ названнаго киргизскаго народнаго поэта съ характеристикой его творчества.

Денежныя средства Подъотдѣла составляются изъ казеннаго порпособія въ размѣрѣ 500 р., пособія отъ Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ на содержаніе Музея въ 120 р. и членскихъ взносовъ.

Въ 1905 году *поступило*:

Остатокъ отъ 1904 г. — — — — —	619	р. 12	к.
°/о за 1904 г. — — — — — — —	14	р. 66	к.
казеннаго пособія — — — — — — —	500	—	
пособія отъ Общества поп. о нач. обр. въ г. Семипалатин.	120	–	
членскихъ взносовъ — — — — — —	62	—	
пожертвовано — — — — — — —	5	—	
Всего —	1320	р. 78	к.

Израсходовано:

Квартирная плата — — — — — — —	232	р. —	
отопленіе — — — — — — — —	46	р. 20	к.
писцу — — — — — — — —	62	р. 50	к.
сторожу — — — — — — — —	39	—	
на выписку книгъ и журналовъ — — — —	42	65	
за печатаніе и брошюровку 2 вып. каталога(*) — —	140	94	
за печатаніе и брошюровку 2-го вып. «Записокъ» —	277	40	

(*) За печатаніе и брошюровку 2-го выпуска каталога уплочено всего 248 р. 94 коп, изъ которыхъ 108 р. уплочены въ 1904 г. (см. отчетъ за 1904 г.).

за печатаніе объявленій и бланокъ — — —		15	70
на телеграммы — — — — — —		14	—
за ленту и вѣнокъ на гробъ Н, И. Лукьяновичу —		13	05
уплачено хору на собраніи въ честь Потанина — —		5	—
за шкапъ для библіотеки — — — — —		12	—
за вывѣску для Музея — — — — —		12	—
за голову косули и пеликана для Музея— — —		3	50
на бязь, миткаль, мотоузъ и сургучъ для пересылки изданій Подъотдѣла — — — — —		5	10
на покупку нафталина, проволоки и пр. для Музея —		3	25
на покупку бумаги и конторскихъ книгъ — —		4	40
на освѣщеніе и разные мелочные канцелярскіе и хозяйственные расходы — — — — —		4	76
	Всего —	933 р.	45 к.

Въ *остаткѣ* къ 1 января 1906 года состоитъ 387 р. 33 к.

На расходы 1906 года ожидается слѣдующія поступленія:

остатокъ отъ 1905 г. — — — — —		387 р.	33 к.
казеннаго пособія — — — — — —		500	—
пособія отъ общества поп. о нач. образ. въ г. Семипалат.		120	—
членскихъ взносовъ (приблизительно) — — —		50	—
	Всего —	1057 р.	33 к.
	или круглымъ счетомъ	1060 р.	

Сумма эта должна быть израсходована слѣдующимъ образомъ:

на наемъ квартиры — — — — —	240 р.
на отопленіе — — — — — —	70
писцу — — — — — — —	60
сторожу — — — — — — —	36
на расходы по Музею — — — — —	100
на расходы по библіотекѣ — — — — —	100
на печатаніе изданій Подъотдѣла — — — —	300
на канцелярскіе и мелочные расходы — — —	50
непредвидѣнные расходы — — — — —	104
Всего —	1060 р.

Ревизiонная записка.

Мы, нижеподписавшiяся члены ревизiонной комиссiи, разсмотрѣвъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Семипалатинскаго Подъотдѣла Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географичексаго Общества за 1905 годъ, нашли, что отчетъ этотъ составленъ согласно даннымъ приходо-расходной книги и всѣ статьи расхода оправданы надлежащими документами.

Въ теченiе отчетнаго года поступило на приходъ 1320 руб. 78 к., израсходовано 933 руб. 45 коп., состоитъ въ остаткѣ къ 1 января 1906 г. 387 руб. 33 коп. По книжкѣ же сберегательной кассы за № 5864 на приходѣ къ 1 января 1906 г. значится 416 р. 63 к., т. е. больше дѣйствительной суммы на 29 р. 30 к. Объясняется это тѣмъ, что къ 1 января 1906 г. изъ суммъ Общества не былъ выписанъ произведенный правителемъ дѣлъ Подъотдѣла г. Коншинымъ перерасходъ изъ собственности въ суммѣ 29 руб. 30 коп., каковой перерасходъ возвращенъ г. Коншину въ текущемъ году.

Члены ревизiонной комиссiи: В. Морозовъ. И. Мирошниченко. Шишковскiй.

Протоколы общихъ собраній членовъ Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла за августъ—декабрь 1905 года(*)

№ 2. Соединенное засѣданіе общихъ собраній членовъ Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла, Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ и Комиссіи по устройству народныхъ чтеній, 15 октября.

Названное засѣданіе было устроено для чествованія Григорія Николаевича Потанина по поводу исполнившейся 21 сентября с. г. 70-лѣтней годовщины со дня его рожденія.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Подъотдѣла Н. Ф. Ницкевича, при предсѣдателяхъ: Совѣта общества попеченія П. В. Арефьевѣ, Комиссіи по устройству чтеній св. Борисѣ Герасимовѣ и Правителѣ дѣлъ Подъотдѣла Н. Я. Коншинѣ.

Присутствовало болѣе 100 человѣкъ, въ томъ числѣ Военный Губернаторъ Семипалатинской области А. С. Галкинъ.

Засѣданіе открылось краткой рѣчью Н. Ф. Ницкевича, въ которой онъ изложилъ цѣль засѣданія.

Послѣ этого правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ прочиталъ біографическую замѣтку о Потанинѣ, свящ. Борисъ Герасимовъ—о взглядахъ и дѣятельности Потанина въ сферѣ народнаго просвѣщенія и В. А. Морозовъ—статью Потанина (изъ «Сибирскаго Вѣстника») о сибирскомъ областничествѣ.

Въ антрактахъ приглашенный хоръ спѣлъ: гимнъ «Господь тво-

(*) Протоколъ общаго собранія 8 марта 1905 г. (№ 1) напечатанъ во 2-мъ выпускѣ «Записокъ» Подъотдѣла.

ри добро народу» (былъ выслушанъ всѣми стоя), «Другъ мой, братъ мой» (изъ Надсона) и проч.

На эстрадѣ, на особомъ возвышеніи, находился портретъ Потанина, украшенный зеленью.

№ 3. Засѣданіе общаго собранія 5-го ноября.

Собраніе было созвано Распорядительнымъ Комитетомъ: 1) для выслушанія реферата П. В. Вдзѣнконскаго о киргизскомъ народномъ судѣ и 2) для выбора новыхъ членовъ.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Н. Ф. Ницкевича при наличности 10 дѣйствительныхъ членовъ и 25 постороннихъ лицъ.

1) Единогласно избраны въ дѣйствительные члены Подъотдѣла г. г. А. А. Даниловъ, Ф. Р. Дульскій, В. М. Роменскій-Николаевскій, К. М. Рычковъ и Н. А. Самойловъ.

2) Рефератъ г. Вдзѣнконскаго вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ изъ дѣйствительныхъ членовъ Подъотдѣла участвовали г. г. Самойловъ, Роменскій-Николаевскій и Коншинъ, изъ постороннихъ лицъ г. Джетбысбаевъ.

Сущность возраженій сводилась къ тому, что высказанныя г. Вдзѣнконскимъ пожеланія, какъ надо реформировать киргизскій народрый судъ, отличаются чисто бюрократическимъ характеромъ. Оппоненты указывали, что вопросъ о реформированіи упомянутаго суда можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ по всестороннемъ обсужденіи этого вопроса самими киргизами, напр., на спеціально созванныхъ для этой цѣли съѣздахъ и т. п.

Г. Вдзѣнконскій всѣ возраженія призналъ правильными.

Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла за августъ—декабрь 1905 года(*)

№ 8-й. Засѣданіе 27 августа.

Присутствовали: за Предсѣдателя о. Б. Герасимовъ, Н. И. Лукьяновичъ и Правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ.

1) Доложено о выходѣ 2-го вып. «Записокъ» Подъотдѣла.

2) Доложено, что для помѣщенія въ томъ же выпускѣ А. Н. Букейхановъ прислалъ двѣ статьи: Некрологъ Абая (Ибрагима) Кунанбаева и объ «обахъ» на р. Слеты въ Акмолинскомъ уѣздѣ.

По разсмотрѣніи статей постановлено выразить А. Н. Букейханову благодарность и просить его о разрѣшеніи помѣстить эти статьи въ 3-мъ вып. «Записокъ».

3) Постановлено библіотеку Подъотдѣла открывать по воскресеньямъ отъ 12 до 2 час. дня и по четвергамъ отъ 8 до 10 ч. вечера, о чемъ напечатать объявленіе въ «Семипалатинскомъ Листкѣ».

4) Доложено, что въ музей поступили слѣдующіе предметы:

отъ Н. А. Кайдалова изъ Каркаралинска — голова сайги.
,, о. Б. Герасимова — — — 13 мон. 1734—1842 г.г.
,, — — — картечь (2 экз.)
,, — — — каменный кружокъ, найденный въ Семитавскихъ горахъ.

(*) Протоколы за январь—іюль 1905 г. напечатаны во 2-мъ вып. Записокъ Подъотдѣла.

№ 9. Засѣданіе 1 октября.

Присутствовали: предсѣдатель Н Ф. Ницкевичъ, члены: П. В. Арефьевъ, о. Б. Берасимовъ, Г. А. Сопѣтовъ, за члена И. Е. Мирошниченко и правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ.

1) Постановлено почтить вставаніемъ память скончавшагося 29 сентября ректора Московскаго Университета князя С· Н. Трубецкого и послать на имя помощника ректора названнаго Университета телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Москва. Университетъ. Помощнику ректора.

«Семипалатинскій Подъотдѣлъ Географическаго Общества, пора-«женный неожиданной кончиной ректора, князя Трубецкого, выражаетъ «чувства глубокой скорби по поводу столь тяжелой для Университета «и родины утраты».

2) Доложены отношеніе Предсѣдателя Семипалатинскаго Обл. Статистическаго Комитета, отъ 26 августа с. г. за № 384, и присланная при этомъ отношеніи копія протокола общаго собранія членовъ Комитета 2 іюня того-же года. Кккъ видно изъ означеннаго протокола, Комитетъ призналъ, что устроенная при немъ библіотека была передана Подъотдѣлу не въ «вѣдѣніе», а «въ даръ». «Не входя въ обсужденіе» вопроса о правильности такой передачи, Комитетъ постановилъ: 1) просить Подъотдѣлъ «возвратить книги и изданія чисто статистическаго характера» и въ будущемъ передавать въ Комитетъ такія же изданія; 2) «поручить Секретарю Комитета П. И. Гусаренко составить списокъ книгъ, предположенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ къ возврату въ библіотеку Статистическаго Комитета и списокъ этотъ доложить общему собранію Комитета»; 3) «признать желательнымъ на будущее время изъ поступающихъ въ Статистическій Комитетъ книгъ и изданій тѣ изъ нихъ, которыя не будутъ необходимы для статистической библіотеки Комитета, по постановленіямъ Комитета передать Подъотдѣлу».

Постановлено: изложенное принять къ свѣдѣнію, а по полученіи

упомянутаго списка книгъ, которыя Комитетъ проситъ ему возвратить вопросъ о возвратѣ такихъ книгъ, равно какъ и другія изложенныя выше предложенія Комитета передать на рѣшеніе общаго собранія членовъ Подъотдѣла.

3) Разсматривался вопросъ о чествованіи Г. Н. Потанина по поводу исполнившейся 21 мин. сентября 70-лѣтней годовщины со для его рождеоія.

Постановлено: а) привѣтствовать Потанина адресомъ слѣдуюшаго содержанія:

«Глубокоуважаемый Григорій Николаевичъ. Распорядительный Ко-«митетъ Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла приноситъ Вамъ «искреннія поздравленія по поводу Вашей 70-лѣтней годовщины съ «пожеланіемъ долго еще работать на благо родной Сибири, ради ко-«торой Вы такъ много и со славой трудились».

б) Помѣстить въ Подъотдѣлѣ портретъ Г. Н. Потанина

и в) созвать въ настоящемъ октябрѣ общее собраніе членовъ Подъотдѣла, въ которомъ прочесть біографическую замѣтку о Г Н. Потанинѣ и одну изъ его статей о сибирскомъ областничествѣ, помѣщенныхъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ».

4) Доложенъ предварительный счетъ типографіи Плещеева по печатанію и брошюровкѣ 2-го вып. «Записокъ» Подъотдѣла.

Какъ видно изъ счета, типографія назначила цѣны: за бумагу № 6 по 2 р. 40 к. за стопу, за наборъ листа въ 8 стр.—4 р., за печатаніе по 50 к. за 100 экземпляровъ каждаго листа, за литографскую работу 5 р. и брошюровку 25 р., а всего 277 р. 40 к., изъ которыхп 150 р уже уплочены типографіи авансомъ.

Перечисленныя цѣны признаны умѣренными, почему постановлено: по детальной провѣркѣ счета уплатить названной типографіи слѣдуюпція ей деньги.

5) Доложено, что семипалатинскій купецъ И. М. Ложкинъ пожертвовалъ Подъотдѣлу вексель, выданный ему 7 іюля 1897 г. нынѣ

умершимъ мѣщаниномъ Латынцевымъ на 100 р., изъ которыхъ остались неполученными 66 р. 10 к.

Постановлено: войти въ сношенія съ наслѣдниками Латынцева, не пожелаютъ-ли они добровольно, на самыхъ льготныхъ условіяхъ, уплатить Подъотдѣлу упомянутые 66 р. 10 к., а въ случаѣ отказа просить г. Ложкина принять на себя взысканіе этихъ денегъ. Объ изложенномъ увѣдомить г. Ложкина и принести ему отъ имени Подъотдѣла благодарность.

6) Постановлено заказать для музея вывѣску такого содержанія: «Музей Семипалатинскаго Географическаго Подъотдѣла».

№ 10. *Засѣданіе 7 октября.*

Присутствовали: Предсѣдатель Н. Ф. Ницкевичъ, члены: П. В. Арефьевъ, о. Б. Герасимовъ, за члена П. Е. Мирошниченко и правителя дѣлъ Н. Я. Коншинъ.

П. В. Арефьевъ, какъ предсѣдатель общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ и о. Б. Герасимовъ, какъ предсѣдатель Комитета по устройству народныхъ чтеній, внесли предложеніе о совмѣстномъ съ Подъотдѣломъ чествованіи Г. Н. Потанина 15 октября.

Постановлено предложеніе принять.

№ 11. *Засѣданіе 22 октября.*

Присутствовали: Предсѣдатель Н. Ф. Ницкевичъ, члены: А. М. Суворцевъ, о. Б. Герасимовъ, Н. И. Лукьяновичъ, за члена П. Е. Мирошниченко, правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ и дѣйствительный членъ Подъотдѣла П. В. Вздѣнконскій

1) Правитель дѣлъ доложилъ, что онъ получилъ отъ г. Военнаго Губернатора Семипалатинской обл. А. С. Галкина 20 книгъ и брошюръ для библіотеки Подъотдѣла.

Постановлено г. Губернатора благодарить.

2) Доложено о желаніи быть дѣйствительными членами Подъотдѣла г.г. Н. А. Самойлова и К. М. Рычкова.

Постановлено: вопросъ объ избраніи г.г. Самойлова и Рычкова передать на рѣшеніе ближайшаго общаго собранія членовъ Подъотдѣла.

3) О. Б. Герасимовъ пожертвовалъ въ музей серебрянный рубль 1817 г. и камень подъ названіемъ: «чертовъ палецъ».

Постановлено благодарить.

4) Г. Вдзѣнконскій обратился съ предложеніемъ передать на обсужденіе общаго собранія членовъ Подъотдѣла составленный имъ проектъ реформы киргизскаго народнаго суда

Постановлено: просить г. Вдзѣнконскаго передать этотъ проектъ въ Распорядительный Комитетъ для обычнаго предварительнаго просмотра.

№ 12. *Засѣданіе 27 октября.*

Присутствовали: Предсѣдатель Н. Ф. Ницкевичъ, члены А. М. Суворцевъ, Г. А. Сопѣтовъ, за члена Н. Е. Мирошниченко, правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ и дѣйствительный членъ Подъотдѣла П. В. Вдзѣнконскій.

Г. Вдзѣнконскій вкрацѣ ознакомилъ присутствовавшихъ съ содержаніемъ своей записки о реформѣ киргизскаго народнаго суда, которую онъ предложилъ въ предшествовавшемъ засѣданіи Распорядительнаго Комитета передать на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ Подъотдѣла.

Распорядительный Комитетъ, не входя въ обсужденіе записки г. Вдзѣнконскаго по существу, постановилъ: въ виду важности затронутыхъ въ этой запискѣ вопросовъ, доложить ее общему собранію членовъ Подъотдѣла, которое назначить на 5-е ноября с. г. въ помѣщеніи общественнаго собранія въ 8 ч. вечера.

№ 13. *Засѣданіе 5 декабря.*

Присутствовали: Педсѣдатель Н. Ф. Ницкевичъ, члены: П В

Арефьевъ, Н. П. Лукьяновичъ, Г. А. Сопѣтовъ, за члена И. Е. Мирошниченко, правитель дѣлъ Н. Я. Коншинъ и, по особому приглашенію, членъ Подъотдѣла Ф. Р Дульскій и студентъ М. С. Сухотеринъ.

1) Правитель дѣлъ доложилъ, что завѣдуя до сихъ поръ Музеемъ онъ старался, кромѣ приведенія Музея во внѣшній порядокъ, составить каталогъ всѣхъ отдѣловъ Музея, но не будучи спеціалистомъ по естествознанію, могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень мало. Въ виду этого правитель дѣлъ просилъ освободить его отъ завѣдыванія Музеемъ, причемъ указалъ, что для надлежащаго устройства Музея было бы всего лучше, еслибъ завѣдованіе имъ было распредѣлено между нѣсколькими спеціалистами. Г. Дульскій заявилъ, что онъ согласенъ взять на себя завѣдываніе отдѣлами сельскаго хозяйства и ботаники и, временно, зоологіи, а г. Сухотеринъ горнаго дѣла и палеонталогіи.

По обсужденіи вопроса о положеніи Музея, постановлено учредить должность консерватора Музея, который долженъ вести всѣ дѣла по Музею, имѣть за нимъ общее наблюденіе и т. д , завѣдываніе же отдѣлами Музея поручить спеціалистамъ.

Консерваторомъ Музея единогласно выбранъ И. Е. Мирошниченко, завѣдующими названными выше отдѣлами г.г. Дульскій и Сухотеринъ. Завѣдываніе историко-археологическимъ и этнографическимъ отдѣлами согласился временно оставить за собой Коншинъ, для завѣдыванія же нумизматическимъ отдѣломъ постановлено подыскать подходящее лицо.

2) Вслѣдствіе смерти члена распорядительнаго Комитета, замѣстителя предсѣдателя, В. К. фонъ-Герна, постановлено: кандидатомъ въ члены Комитета выставить г Мирошниченко, а замѣстителемъ предсѣдателя избрать П. В. Арефьева.

3) Утверждены протоколы общихъ собраній 15 октября и 5 ноября.

4) Правитель дѣлъ доложилъ, что группа лицъ, живущихъ въ Семипалатинскѣ, возбудила вопросъ объ избраніи отъ существующихъ въ Семипалатинскѣ общественныхъ организацій (Географическаго Подъотдѣла, Общества попеченія о начальномъ образованіи и Комитета по оказанію помощи голодающимъ) делегата на предстоящіе съѣзды зем

скихъ и городскихъ дѣятелей и что тѣ же лица поручили ему сдѣлать соотвѣтствующее предложеніе Распорядительному Комитету.

Предсѣдатель Н. Ф. Ницкевичъ, не возражая противъ такого предложенія, высказался, что по его мнѣнію, Комитетъ по оказанію помощи голодающимъ, какъ временное учрежденіе, во всякомъ случаѣ въ такомъ избраніи участвовать не можетъ.

Постановлено: войти въ сношеніе съ Обществомъ попеченія о начальномъ образованіи въ г. Семипалатинскѣ для совмѣстной выработки инструкціи, какая должна быть дана семипалатинскому делегату для его дѣятельности на съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, послѣ чего эту инструкцію, какъ и самый вопросъ о выборѣ упомянутаго делегата, передать на обсужденіе общаго собранія членовъ Подъотдѣла и Общества попеченія о начальномъ образованіи. При этомъ Распорядительный Комитетъ высказался, что по его мнѣнію ни названное общество, ни Подъотдѣлъ никакихъ средствъ на поѣздки делегата давать не могутъ.

Записки Семипалатинскаго Подъотдѣла 3-Сиб. Отдѣла И. Р. Географич. Общества:

Вып. I: Киргизское степное скотоводство и мѣры къ его улучшенію, *Е. Бенкевича.* Матеріалы для исторіи Степного края. V. Къ исторіи Каркаралинскаго и Аягузскаго округовъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX ст., съ приложеніями, *Н. Коншина.* Казачьи пѣсни, *Ф. Зобнина.* О памятникахъ старины въ Семипалатинской обл., *Н. Коншина.*

Вып. II: Семипалатинскіе авантюристы, *Ф. Зобнина.* Матеріалы
для исторіи Степного Края. VI. Къ исторіи открытія Кокпектинскаго
округа, съ приложеніями, *Н. Коншина.* Поѣздка на Барлыкскіе ми-
неральные источники, *Б. Герасимова.* Пѣсни казаковъ Сибирскаго
казачьяго войска, *В. Плотникова.* Изъ бумагъ султана Большой
киргизской орды Сюка Аблайханова. *А. Букейханова.* Замѣтка объ
одномъ киргизскомъ джутѣ, *Н. Коншина.* Бычки въ Иртышѣ, *Б. Ге-
расимова.* Таблицы наблюденій Семипалатинской метеорологической
станціи за 1904 г., *Н. Горбачева.*

Цѣна каждаго выпуска 1 руб.

